Г. П. Мурашко

БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА

за национализацию промышленности

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
И БАЛКАНИСТИКИ

Г. П. Мурашко

БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА за национализацию промышленности

Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы

„Крестному отцу и
опекуну этой работы
— Александру Яковлевичу
Манусевичу
с признательностью и
низким поклоном.
от автора

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

3.9.79.

В монографии рассматривается комплекс вопросов, связанных с борьбой рабочего класса под руководством марксистско-ленинских партий за ликвидацию капиталистической собственности на средства производства в странах региона. Автор анализирует программы социально-экономических преобразований, выдвигавшиеся коммунистическими и рабочими партиями этих стран в годы второй мировой войны, их реализацию во время народно-демократических и социалистических революций 40-х годов, раскрывает основные формы и методы национализации промышленности.

Ответственный редактор
А. Я. МАНУСЕВИЧ

М $\frac{10603-153}{042\,(02)-79}$ 94—79 0302030102 © Издательство «Наука», 1979 г.

...ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДНО СРЕДСТВО ПОЛОЖИТЬ КОНЕЦ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРУДА КАПИТАЛОМ, ИМЕННО: УНИЧТОЖИТЬ ЧАСТНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ НА ОРУДИЯ ТРУДА, ПЕРЕДАТЬ ВСЕ ФАБРИКИ, ЗАВОДЫ, РУДНИКИ, А ТАКЖЕ ВСЕ КРУПНЫЕ ИМЕНИЯ В РУКИ ВСЕГО ОБЩЕСТВА...

В. И. ЛЕНИН

Введение

Главной целью социалистической революции является уничтожение эксплуатации и эксплуататорских классов. Решение этой задачи неразрывно связано с необходимостью проведения победившим пролетариатом коренного переворота в отношениях собственности на средства производства, ибо уничтожить классы и ликвидировать материальную основу эксплуатации нельзя иначе, как поставив «*всех* граждан в *одинаковое* отношение к *средствам производства* всего общества» [1]. Ликвидация капиталистической собственности на средства производства, их обобществление, национализация являются, таким образом, основной и наиболее существенной составной частью той кардинальной перестройки экономической жизни общества, которую неизбежно должен осуществить пролетариат после свержения политического господства буржуазии для утверждения новых социалистических производственных отношений.

К. Маркс и Ф. Энгельс, формулируя основные закономерности перехода от капитализма к социализму, рассматривали социально-политический переворот не как самоцель пролетарской революции, а как средство, как необходимое условие для такого экономического переворота, в результате которого «национальная централизация средств производства станет национальной основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану» [2]. В «Манифесте Коммунистической партии» прямо указывалось: «Пролетариат

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 363.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 18, с. 57.

использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс» [3]. Позже Ф. Энгельс по этому вопросу писал: «Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность...» [4]

В. И. Ленин, опираясь на сформулированные Марксом и Энгельсом закономерности перехода от капитализма к социализму, дал научный анализ исторического развития высшей и последней стадии капитализма — эпохи империализма, и на основе его доказал, что в условиях империализма, по существу, исчезает барьер между демократической и социалистической революциями, сокращаются сроки перерастания первой во вторую, происходит теснейшее переплетение демократических и социалистических задач в революционной борьбе. «Кто ждет „чистой" социальной революции,— отмечал Ленин,— тот *никогда* ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции» [5].

Монополистическая стадия в развитии капитализма ознаменовалась нарастанием реакционных тенденций в политической и экономической жизни буржуазного общества. Интересы финансово-монополистической верхушки оказывались во все большем противоречии с интересами тех социальных слоев и групп общества, которые прежде выступали «так или иначе в роли адептов капиталистического порядка», а теперь становились «объектом прямого империалистического ограбления» [6].

Этот процесс объективно вел к расширению социальной базы революции, к формированию ее новых движущих сил, к появлению новых потенциальных союзников рабочего класса.

На основе анализа развития политической и классовой борьбы в России в начале XX в. В. И. Ленин доказал, что в условиях империализма ведущей силой не только социалистической, но и буржуазно-демократической революции

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд. т. 4, с. 446.
[4] Там же, т. 20, с. 291.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 54.
[6] *Зародов К. И.* Три русские революции и наше время. М.: Мысль, 1975, с. 126.

может быть лишь рабочий класс, возглавляемый марксистской партией. Только он, встав «во главе всего народа» [7], способен последовательно до конца довести революцию. При этом обеспечение гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции коренным образом изменит ее результат: победа революции приведет не к утверждению буржуазной демократии, как неоднократно бывало раньше, а к установлению «революционной диктатуры демократии, возглавляемой пролетариатом» [8]. Эта власть по своей классовой сути явится политическим господством трудящихся в обществе, сохраняющем еще капиталистические отношения в качестве своей социально-экономической основы. Установление такого режима, создающего предпосылки для осознания широкими массами своих подлинно социальных интересов, будет означать не окончание революционного процесса, а начало нового этапа — этапа непосредственной борьбы за социализм [9].

В рамках теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую по-новому встала и проблема социально-экономических преобразований, их места и роли в развитии и углублении революционного процесса. В. И. Ленин исходил из того, что в ходе перерастания необходимо будет добиваться реализации таких требований, которые бы могли подорвать основы господства крупного, монополистического капитала и обеспечить объединение большинства нации (крестьянства, мелкой городской буржуазии, прогрессивной интеллигенции, средних городских слоев) под руководством пролетариата для осуществления социалистической революции. Он знал, что социалистические цели и требования не смогут сразу стать исходной платформой объединения такого широкого союза сил, хотя, безусловно, именно социалистические цели отвечают коренным интересам трудящегося большинства нации. Речь должна была на этом этапе идти о выдвижении реальных, назревших и доступных пониманию большинства народа конкретных задач, которые хотя и не имели пока непосредственно социалистического характера, но борьба за их осуществление должна была привести

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 102.
[8] Там же, т. 34, с. 189.
[9] Подробнее см.: *Зародов К. И.* Социализм, мир, революция. М.: Политиздат, 1977, с. 185—186.

трудящиеся массы к осознанию неизбежности и необходимости социалистических преобразований [10].

Конкретное содержание задач, предлагаемых Лениным, опиралось на анализ новых явлений и тенденций, свидетельствовавших о зрелости материальных предпосылок перехода к социализму.

В системе и механизме связей, складывающихся при подчинении монополии государству, в развитии контроля со стороны государства он видел подготовку, преддверие социализма: «...социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией... Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» [11]. Максимально сконцентрировав и централизовав производство, капитализм создал в виде банков, трестов, синдикатов и т. п. действенный аппарат контроля и управления производством. Рабочему классу «для осуществления социализма» необходимо овладеть этим аппаратом. Чтобы вырвать его из подчинения капиталистам, «от него надо *отрезать, отсечь, отрубить* капиталистов с их нитями влияния» [12] и подчинить уже имеющийся, сложившийся аппарат интересам трудящихся.

На решение этой центральной, основной задачи переходного периода и была направлена разработанная В. И. Лениным в апреле — сентябре 1917 г. программа социально-экономических преобразований [13]. Ядро ее со-

[10] См.: *Красин Ю.* Проблема большинства в социалистической революции.— Коммунист, 1977, № 10, с. 34—37.

[11] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 192—193.

[12] Там же, с. 307.

[13] См. работы В. И. Ленина: «Задачи пролетариата в нашей революции» (Полн. собр. соч., т. 31, с. 168—169); «Политические партии в России и задачи пролетариата» (Полн. собр. соч., т. 31, с. 191—206); «Грозит разруха!» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 74—76); «Неминуемая катастрофа и безмерные обещания» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 105—111); «Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 195—197); «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (Полн. собр. соч., т. 34, с. 151—199) и др.

ставляли требования национализации всех частных банков и объединения их в единый государственный банк, национализации картелей и синдикатов, проведения принудительного синдицирования, отмены коммерческой тайны, введения широкого демократического контроля за деятельностью капиталистов. Превращение буржуазии из класса контролирующего в класс контролируемый пролетариатом и его союзниками составляло основу и суть всех предлагаемых к осуществлению мер. «Не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела,— подчеркивал Ленин,— а именно во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками. Одной конфискацией ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения» [14].

Этот всеобъемлющий контроль за капиталистами должен был складываться из контроля «сверху», осуществляемого непосредственно революционным демократическим государством, получившим благодаря мерам по национализации банков, картелей и трестов и принудительному синдицированию возможность создать единую систему управления, сосредоточить в своих руках все важнейшие функции управления производством. Создание такой системы объективно вело к ослаблению экономической власти капиталистов, лишавшихся хозяйственной самостоятельности и подготавливало понимание массами ненужности капиталистов и их учреждений, как организаторов производства.

В то же время, и это весьма важно и существенно, контроль должен был осуществляться «снизу», непосредственно на местах, через фабзавкомы, профсоюзы и другие рабочие и массовые организации. Широта и массовость такой формы контроля могла сделать его поистине действительным и универсальным, контролем именно за богатыми [15]. Установление рабочего контроля за производством и распределением продуктов, распространение его на все финансовые операции не только способствовало бы усилению позиций рабочего класса в обществе в условиях развивающейся революции, но и вело к созданию фактического аппарата рабочего класса по управлению

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 309.
[15] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 189.

экономикой. Органы рабочего контроля должны были учить широчайшие массы рабочих искусству, умению управлять самим, без капиталистов.

Вместе с тем важно отметить, что все предлагаемые В. И. Лениным меры, всесторонне подготавливающие социалистическую национализацию, не носили непосредственно социалистического характера и не могли оттолкнуть от пролетариата его союзников, еще не готовых к ликвидации частной собственности на средства производства. Ленин, несомненно, учитывая эту сторону вопроса, подчеркивал, что партия пролетариата никоим образом не может задаваться целью «введения» социализма, пока подавляющее большинство населения не пришло к необходимости социалистической революции [16].

Поэтому, делая акцент на общенациональной значимости предлагаемых мер, как средства борьбы с разрухой и надвигающейся экономической катастрофой, Ленин убедительно показывал, что национализация банков и синдикатов, отмена коммерческой тайны, установление рабочего контроля выгодны и отвечают интересам большинства населения, и в первую очередь интересам угнетенных классов: рабочих, крестьян, ремесленников [17]. Не ущемляя интересов мелких собственников, не отнимая собственности «ни у средних крестьян, ни у казаков, ни у мелких ремесленников» [18], предлагаемые меры позволяли ликвидировать высокие монопольные цены на продукты первой необходимости и обеспечить дешевый кредит. «Выгоды для всего народа и особенно *не* для рабочих (ибо рабочим с банками мало приходится иметь дело), а для массы крестьян и мелких промышленников были бы от национализации банков огромные... Доступность и легкость кредита именно для *мелких* хозяйчиков, для крестьянства возросла бы чрезвычайно»,— отмечал Ленин [19].

В реализации предлагаемых экономических мер, таким образом, объективно оказывалось заинтересованным подавляющее большинство нации. Это большинство, состоящее из крестьянства, мелкой городской буржуазии и представителей так называемых средних слоев, должно

[16] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 167.
[17] См. там же, т. 34, с. 183—184.
[18] Там же, с. 235.
[19] Там же, с. 164—165.

было стать под руководством рабочего класса активной силой в борьбе за проведение в жизнь мероприятий, направленных против крупного, монополистического капитала. Именно поэтому Ленин и ставил вопрос о необходимости привлечения к участию в органах рабочего контроля представителей крестьянства и других трудящихся масс.

Разрабатывая вопрос об организации контроля на местах, Ленин настойчиво подчеркивал в этот период необходимость предоставления права участвовать в контроле наряду с фабрично-заводскими комитетами, профсоюзами, центральными и местными Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и представителям всех крупных демократических и социалистических партий [20]. Участие крестьянства и других трудящихся масс в контроле за буржуазией должно было сыграть большую роль в подготовке политических условий для перехода к социалистическим преобразованиям в сфере промышленного производства.

В практике каждодневной борьбы союзники пролетариата должны были убедиться, что капиталистическое хозяйствование не преследует цели улучшения жизни трудящихся, что вполне возможно и более результативно управлять хозяйством без них и помимо них, что необходимо установить общественную собственность на средства производства. Тем самым в ходе осуществления контроля были бы созданы не только материально-экономические, но и социально-политические предпосылки для социалистических преобразований.

Таким образом, на основе анализа революционной практики рабочего класса России Ленин сделал важнейший для теории революции вывод о том, что в условиях империализма, в обстановке полной зрелости материальных предпосылок перехода к социализму вторжение революционных сил в структуру отношений капиталистической собственности будет разворачиваться еще до овладения пролетариатом всей полнотой государственной власти, в ходе борьбы за власть, и процесс перерастания революции будет происходить не только в политической, но и социально-экономической области.

[20] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.. т. 32. с. 195—196.

Основу процесса перерастания здесь должны составить борьба рабочего класса за глубину и интенсивность общедемократических преобразований в сфере производства, вовлечение в эту борьбу широких масс трудящихся (крестьянства, мелкой городской буржуазии, интеллигенции, служащих и т. д.), идущих к осознанию необходимости полной ликвидации капиталистической собственности на средства производства через собственный практический опыт.

Этот вывод, сделанный В. И. Лениным на основе анализа развития революции в России, стал важнейшей составной частью идейно-теоретического наследия Великого Октября. Он был активно, творчески использован, обогащен и развит мировым коммунистическим движением в условиях углубления общего кризиса капитализма, когда реакционные экономические и политические тенденции в развитии монополистического капитализма привели капиталистическое общество к мировому экономическому кризису, к росту политической реакции, вылившейся в установление в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 20-е — 30-е годы фашистских режимов, к развязыванию второй мировой войны. Интересы монополий все больше вступали в открытое противоречие не только с интересами рабочего класса, но и с интересами весьма многочисленных в странах Центральной и Юго-Восточной Европы непролетарских групп общества — крестьянства, мелкой буржуазии города, интеллигенции, служащих и т. д.

Анализируя отношение пролетариата к этим слоям, В. И. Ленин в 1916 г. писал: «Социалистическая революция в Европе не *может быть* ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней... *объективно* они будут нападать на *капитал*, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя и по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии...» [21]

[21] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 54—55.

Опираясь на ленинское учение, коммунистические партии разрабатывают в новых условиях формы подхода «всех и всяческих угнетенных» к социалистической революции. Они берут курс на объединение самых широких слоев трудящихся масс в рамках Народного фронта, главной задачей которого должна была стать борьба против фашизма. Новая линия стратегии и тактики мирового коммунистического движения была сформулирована в известных решениях VII конгресса Коммунистического интернационала.

Коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, реализуя в своей практической деятельности марксистско-ленинскую теорию революции, сумели в годы второй мировой войны, в условиях развернувшегося мощного антифашистского движения, выдвинуть реальные, доступные пониманию большинства народа программы действий, соединив в них требования борьбы за демократию с борьбой за социализм, подчинив общедемократические требования главной цели — социалистической революции. Они сумели сблизиться с самой широкой массой трудящихся, объединить эту разнородную массу вокруг пролетариата и подвести ее в ходе антифашистской национально-освободительной борьбы к осознанию необходимости коренных социальных преобразований. Претворяя в жизнь опыт Великого Октября, коммунистические и рабочие партии стран рассматриваемого региона внесли в практику революционной борьбы много новых творческих элементов, существенно обогатили арсенал форм и методов вытеснения буржуазии из сферы производства, использовали новые возможности включения непролетарских слоев трудящихся в борьбу за свержение господства капитала.

Этот опыт рабочего класса стран Центральной и Юго-Восточной Европы, приобретенный в ходе революций 40-х годов, не может рассматриваться иначе, как важнейший вклад в теорию социалистической революции, в практику борьбы за социализм и утверждение новых производственных отношений. Он заслуженно стал предметом пристального внимания исследователей, и к настоящему времени благодаря усилиям историков, экономистов и юристов марксистская наука социалистических стран располагает рядом крупных исследований, посвященных проблемам национализации основных средств производства и

борьбы рабочего класса за ликвидацию частной капиталистической собственности [22].

Проведенные по отдельным странам исследования весьма убедительно свидетельствуют, что в 40-х годах, когда антифашистское национально-освободительное движение стало одним из важнейших факторов развития рассматриваемого региона, борьба за социальные преобразования оказалась связана с ним самым тесным образом. Требование национализации приобрело в начале 40-х годов антифашистское, антимонополистическое, демократическое, патриотическое содержание. Его стал ставить на повестку дня не только рабочий класс, но в той мере, в какой оно было направлено против фашизма, против монополистического капитала, его поддерживали и другие социальные слои и их политические представители, стоявшие на антифашистских позициях.

Из всего весьма широкого комплекса проблем, связанных с изучением национализации, с самого начала

[22] См.: *Галенко П. В.* Социалистическая национализация основных средств производства в Польской Народной Республике. М.: Изд-во АН СССР, 1961; *Gołębiowski J. W.* Nacjonalizacja przemysłu w Polsce. Warszawa, 1965; *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację przemysłu w Polsce. Warszawa, 1961; *Petranović B.* Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ. Beograd, 1964; *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova narodne vlasti u Jugoslaviji za vreme obnove. Beograd, 1969; *Олейник И. П.* Развитие промышленности Румынии в условиях народно-демократического строя. М., 1959; *Sonea G.* Naţionalizarea principalelor mijloace de producţie în România 11 iunie 1948. Bucureşti, 1968; *Berend I. T.* Der Schutz der Währungsstabilisierung und des staatskapitalistishe Weg der Kapitalenteignung in Ungarn (1946—1948).— Acta Historica, 1963, N 1; *Růžička K.* ROH v boji o rozšíření moci dělnické třídy. Praha, 1963; *Vrablic E.* Revolúcia a znárodnenie na Slovensku. Bratislava, 1975; *Racz B.* Upaństwowienie przemysłu węgierskiego 1945—1949.— In: Nacjonalizacja przemysłu w socjalistycznych krajach Europy. Warszawa, 1976; *Генчев Н.* Национализация на промишлеността в България.— Годишник на Софийския университет, 1961, кн. II; *Петков П.* Ликвидиране на капиталистическата собственост в промишлеността на България. София: 1965; *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие на промишлеността в НРБ. (1944—1948). София, 1968; *Мозеров В. Д.* Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности: Восстановительный период (1944—1948). Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1973; *Исусов М.* Работническата класа в България 1944—1947. София, 1971; Problems of the transition from capitalism to socialism in Bulgaria. Sofia, 1975.

наибольшее внимание исследователей привлекали вопросы о формах, методах и темпах овладения рабочим классом основными средствами производства.

Для большинства стран региона эти вопросы изучены в достаточной мере обстоятельно. Весьма подробно, в частности, они рассмотрены в ряде монографий по истории Польши. В книгах Я. Голембовского и П. Галенко, в исследованиях Х. Ендрущак[23], подготовившей не только двухтомный сборник документов о национализации и восстановлении промышленности в Польше, но и проделавшей большую работу по изучению ситуации в экономике страны в 1944—1947 гг., в монографиях Реховича и Кантыки[24], посвященных анализу деятельности рабочих партий в Силезско-Домбровском бассейне, и ряде других работ[25] весьма детально исследован процесс фактического перехода подавляющей части промышленных предприятий в период освобождения в руки польского рабочего класса.

Дискуссионными вопросами в современной историографии остаются вопросы о характере временного государственного управления промышленностью в Польше в 1944—1945 гг. и о значении мероприятий 1946—1947 гг. по проведению в жизнь принятого в январе 1946 г. закона о национализации. Был ли складывавшийся уже в 1944—1945 гг. государственный сектор в промышленности Польши социалистическим в своей основе или это была переходная форма, являвшаяся разновидностью государственного капитализма? Означали ли меры 1946—1947 гг. юридическое закрепление достигнутых уже ранее результатов или только в ходе их осуществления произошел коренной переворот в отношениях собственности? Однозначного ответа исследователи пока еще не дали[26].

[23] Polska Ludowa 1944—1950. Przemiany spo'eczne. Jędruszczak H., Kersten K., Ryszka F., S'abek H., Szarota T. Wrocław, 1974; Upaństwowienie i odbudowa przemys'u w Polsce (1944—1948): Materiały źródłowe. Do druku przygot. i wstspem poprz. H. Jędruszczak. Warszawa, 1967, t. I; 1969, t. II.

[24] *Rechowicz H.* Polska Partia Robotnicza w województwie Śląsko-Dąbrowskim. Katowice, 1974; *Kantyka J.* Polska Partia Socjalistyczna na Śląsku i w Zag'ębiu Dąbrowskim w latach 1939—1948. Katowice, 1975.

[25] *Kersten K.* Polski Komitet Wyzwolenia Narodowego (VI—31.XII 1944). Lublin, 1965; *Jezerski A.* Historia gospodarcza Polski Ludowej 1944—1968. Warszawa, 1971.

[26] Я. Голембёвский, рассматривая эти вопросы, пришел к выводу, что в результате преобразований, которые произошли на всей

Вопросы о формах и методах овладения рабочим классом Чехословакии основными средствами производства поднимаются также в ряде монографических исследований. Вкладом в изучение рассматриваемых проблем можно считать книгу Ружички «Профсоюзное движение в борьбе за расширение власти рабочего класса» и вышедшую в 1975 г. работу Э. Враблица «Революция и национализация в Словакии» [27]. В этих работах на основе конкретного фактического материала рассмотрены вопросы, связанные с установлением рабочего контроля в промышленности страны в 1945 г., раскрыта роль профсоюзов как классовых организаций пролетариата в принятии декретов о национализации в 1945 г., в борьбе за расширение национализированного сектора в промышленности страны в 1946—1947 гг. В работе Э. Враблица значительное место уделено анализу специфики обстановки в Словакии.

территории Польши в ходе освобождения, была ликвидирована частная капиталистическая собственность в крупной промышленности. «В этом отношении,— пишет он,— национализация промышленности в Польше была национализацией социалистического типа, однородной по своему общественному содержанию с аналогичным революционным актом, совершенным русским пролетариатом». Вместе с тем Голембёвский отмечает, что национализация не привела сразу к образованию в Польше социалистической общественно-политической системы. «Это было результатом иных условий, в которых проводилась национализация промышленности в нашей стране. Занятие рабочим классом в момент освобождения страны больших фабрик, металлургических заводом, шахт, промышленных предприятий является только зачатком нового социалистического строя, который по мере утверждения политических позиций пролетариата в системе государственной власти и стабилизации условий хозяйственной жизни возрастал и укреплялся, прокладывая дорогу дальнейшему развитию социалистических преобразований в Польше» (*Голембёвский Я.* Принципы осуществления и итоги национализации промышленности в Польше.— В кн.: Вопросы национализации в современном мире. Варшава, 1978, с. 136). Аналогичная точка зрения сформулирована и Г. Слабеком (см.: *Słabek H.* Ogólne aspekty polityki PPR i PPS w kształtowaniu nowych stosunków przemysłowych.— Z pola walki, 1978, N 1, s. 35—67).

Г. Ендрущак придерживается иной позиции. Она полагает, что государственный сектор, складывавшийся в 1944—1945 гг., был переходной формой от капиталистической к социалистической организации общественного производства, являющейся разновидностью государственного капитализма (см.: Upaństwowienie i odbudowa..., t. 1, s. 15, 17).

[27] *Růžička K.* ROH v boji...; *Vrablic E.* Revolúcia a znárodnenie...

Что касается конкретного хода национализации, то главное внимание авторов, занимающихся этим, сосредоточено на анализе первой волны национализации, осуществленной на основе декретов от октября 1945 г.[28] Значительно меньше изучены вопросы борьбы за вытеснение капитала из сферы производства в 1946—1948 гг., когда развернулась, если так можно сказать, «позиционная война» в экономике [29]. Но здесь нельзя не отметить, что вышедшая в 1973 г. работа М. Боучека и М. Климеша «Драматические дни. Февраль 1948 г.» [30] вносит существенный вклад в освещение заключительной схватки рабочего класса Чехословакии с буржуазией. На основе документального материала в этой работе показано, что февральский правительственный кризис 1948 г. был специально вызван буржуазными политиками, стремившимися не допустить дальнейшего развития революции, углубления социально-экономических преобразований и в том числе национализации [31].

Что касается оценки первого этапа национализации, который приходится на 1945 г., то здесь не существует единой точки зрения. Часть исследователей, исходя из того, что эта акция была осуществлена под прямым и непосредственным нажимом рабочего класса, использовавшего свои позиции в системе государственной власти и в обществе, а также учитывая, что национализация 1945 г. вышла по своим масштабам за рамки Кошицкой программы, делает вывод о ее социалистическом характере уже в 1945 г., и соответственно общественный сектор, возникший в результате реализации декретов президента Э. Бенеша, рассматривает как сектор социалистический [32].

[28] *Mrázek O.* Course and results of nationalisation of industry.— In: The Tschecoslovak economy 1945—1948. Praha, 1968.

[29] Частично эти вопросы освещены в работах: *Snítil Z.* O dvouletce a jejím místě v politice KSČ v roce 1946.— Příspěvky k dějinám KSČ, 1967, N 5; *Belda J., Bouček M., Deyl Zd., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1968; Růžička K. ROH v boji...

[30] *Bouček M., Klimeš M.* Dramatické dny. Únor 1948. Praha, 1973.

[31] *Bouček M., Klimeš M.* Dramatické dny. Únor 1948.

[32] Hospodařské dějíny Československa, v 19 a 20 století. Praha, 1974, s. 276. Э. Враблиц в упоминаемой работе даже введение национального управления на предприятиях, принадлежащих немцам, венграм и коллаборантам, оценивает как создание предпосылок

Существует и более сдержанная оценка акции 1945 г. Возникший после национализации общественный сектор рассматривается как переходный этап от капитализма к социализму. Эволюция этого сектора к социализму ставится при этом в прямую зависимость от укрепления позиций пролетариата в системе государственной власти [33].

Для югославской историографии при анализе форм и методов национализации характерно внимание прежде всего к рассмотрению законодательных актов, направленных на изъятие средств производства, и описанию результатов их реализации. Разбираются также вопросы урегулирования отношений с иностранными собственниками [34].

Б. Петранович и П. Морача, говоря о формах и методах экспроприации капиталистической собственности в Югославии, отмечают, что они обусловливались прежде всего спецификой социалистической революции. «Выражением этой специфики было то, что классово обусловленное национальное предательство буржуазии наказывалось строго по принципу „общего права". Меры по экспроприации по своему формальному признаку не означали национализацию в классическом смысле, но по своему объему и степени концентрации практически давали результат национализации» [35]. По существу к этой же точке зрения присоединяется и советский исследователь Л. Я. Гибианский [36].

для перемен, «которые имеют не только социально-экономический, но и уже частично социалистический характер» (*Vrablic E.* Revolúcia a znárodnenie..., s. 71).

[33] См.: *Мурашко Г. П.* Идейное наследие Октября и некоторые вопросы национализации основных средств производства в Чехословакии в 1945 г.— Сов. славяновед., 1974, № 6, с. 29; *Льгода В.* Место национализации в чехословацкой революции в 1944—1948 гг.— В кн.: Вопросы национализации в современном мире..., с. 282—321.

[34] См.: *Николич Н.* Национализация в Югославии. Београд, 1962; *Petranović B.* Političke i pravne prilike...; *Petranović B.* O promenama u društveno-ekonomskoj strukturi u Jugoslaviji u toku NOB (1941—1945).— Prilozi za istoriji socialisma, 1969, N 6; *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova narodne vlasti...

[35] *Petranović B.* Političke i pravne prilike..., s. 44.

[36] См.: *Гибианский Л. Я.* Разгром буржуазной оппозиции и закрепление победы народной революции в Югославии (июнь 1945 – январь 1946).— Сов. славяновед., 1968, № 2, с. 4.

В Болгарии, Венгрии и Румынии борьба рабочего класса за овладение основными средствами производства, как показывают исследования, проведенные историками и экономистами [37], существенно отличалась по своим формам, методам и темпам от аналогичных процессов в рассматриваемой выше группе стран. Ограничение сферы деятельности капитала шло поэтапно. Вытеснение буржуазии из сферы производства осуществлялось, с одной стороны, путем создания развитого механизма государственного планирования и регулирования экономики, а с другой — путем укрепления и активной деятельности рабочего и государственного контроля над производством. Реализация всех этих мер, как показали исследования И. Беренда, Д. Ранки, Б. Раца, И. П. Олейника, Н. Генчева, П. Петкова, В. Д. Мозерова, Г. Соня и др., на практике подводила вплотную к ликвидации капиталистической собственности на средства производства. Окончательное юридическое оформление обобществления средств производства было проведено лишь после того, как представители буржуазии были полностью удалены из органов государственной власти.

Особенно следует отметить большой вклад болгарской историографии в изучение вопросов становления и функционирования рабочего контроля в промышленности. Такие исследователи, как П. Петков, Н. Генчев, Ив. Бонев,

[37] См., например: *Мозеров В. Д.* Экономическая политика...; *Генчев Н.* Национализация на промишлеността...; *Петков П.* Ликвидиране...; *Исусов М.* Работническа класа...; *Олейник И. П.* Развитие промышленности Румынии...; *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1963; *Sonea G.* Naţionalizarea principalelor...; *Curţeanu M.* Sektorul de stat în România anilor 1944—1947. Bucureşti: 1974; *Усиевич М. А.* Развитие социалистической экономики в Венгрии. М.: Изд-во АН СССР, 1962; *Berend I. T.* Der Schutz der Währungsstabilisierung...; *Berend I. T.* Contribution to the history of hungarian economic the second word war.— Acta Historica, 1960, t. 13, N 1—2; *Хабуда М.* Профсоюзное движение в год перелома — сентябрь 1947 — июль 1948 г.— В кн.: Двадцать пять лет свободной Венгрии / Под ред. А. Шагвари, Ф. Мучи. Budapest, 1971; *Лендьель Ж.* Процесс установления диктатуры пролетариата в Венгрии (1944—1948). Автореф. канд. дис. М., 1965; *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности 1945—1949.— В кн.: Вопросы национализации в современном мире...

М. Исусов [38], в своих работах не только тщательно изучили формирование и деятельность органов рабочего контроля, но и дали детальный анализ взаимоотношений рабочего класса и буржуазии в экономической системе переходного периода.

На основе исследований, проделанных историками и экономистами Венгрии, Румынии, Болгарии и Советского Союза, можно установить не только общие закономерности процесса национализации в этой группе стран, но и его специфику, свойственную каждой из них. Сейчас, отнюдь не отрицая значения рабочего и государственного контроля в Болгарии, следует по-видимому, сказать, что здесь подрыв основных экономических позиций болгарской буржуазии произошел в результате реализации принятого в 1946 г. закона о конфискации имущества, нажитого путем спекуляции [39], и введения табачной и спиртовой государственной монополии. Эти акции фактически означали национализацию тех отраслей промышленности, где болгарская буржуазия имела наиболее сильные позиции [40].

Для Венгрии, где вплоть до выборов 1947 г. буржуазия, сделавшая своим орудием партию мелких сельских хозяев (ПМСХ), сохраняла значительные позиции в органах государственной власти, особое значение приобретал вопрос о рабочем контроле. Борьба вокруг прав фабрично-заводских комитетов со всеми периодами отступления и наступления реакции являлась отражением сложного про-

[38] См.: *Петков П.* Държавният и работническият контрол над производството в капиталистическата промишленост у нас. 1944—1947.— Известия на Института по история на БКП, 1961, № 8; *Генчев Н.* Национализацията на промишлеността в България...; *Бонев Ив.* Участието на българските професионални съюзи в осъществяването на работническия контрол над производството на капиталистическата промишленост (1944—1947).— Трудове на ВИИ «К. Маркс», 1963, № 3; *Исусов М.* Работническата класа...; *Георгиев В.* Общият работнически професионален съюз в България 1944—1947. София, 1967. Частично проблема рабочего контроля получила освещение в коллективной работе «Историята на профсъюзното движение в България» (София, 1968).

[39] Подробнее см.: *Игнатьева Т. В.* Борьба демократических сил против оппозиционной группировки Н. Петкова в БЗНС за осуществление экономических преобразований в Болгарии в первые годы народной власти.— Сов. славяновед., 1975, № 2.

[40] См.: *Исусов М.* Работническата класа...; *Мозеров В. Д.* Экономическая политика...; *Генчев Н.* Национализация на промишлеността...

цесса оттеснения буржуазии от управления производством. Эти вопросы исследованы венгерским историком Б. Рацем [41]. Изъятие средств производства проходило здесь поэтапно, и большую роль в этом сыграла так называемая политика сухого вытеснения капитала [42].

В Румынии, как подчеркнуто в монографиях И. П. Олейника, Г. Сони и коллективной работе румынских исследователей «Румыния в годы народно-демократической революции», центр тяжести борьбы с румынской буржуазией лежал в сфере финансов и поэтому здесь особенно большое значение имела национализация государственного банка Румынии. Вместе с тем спецификой Румынии можно, пожалуй, считать и то, что здесь еще до формального акта провозглашения национализации было осуществлено через систему производственных управлений наиболее полное подчинение частнокапиталистических предприятий контролю и управлению демократического государства. Детальный анализ складывания и функционирования этой системы дан в работе советского экономиста И. П. Олейника [43].

Глубокое изучение историками и экономистами форм и методов вытеснения буржуазии из сферы промышленного производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы уже к середине 60-х годов создало базу для перехода к сравнительному анализу этой проблемы. Первой работой такого рода стала монография В. А. Виноградова [44], в которой автор сделал интересную попытку сопоставления теоретического наследия Великой Октябрьской социалистической революции и практической деятельности рабочего класса Советской России под руководством партии большевиков с опытом и практикой рабочего класса по национализации промышленности в странах народной демократии Европы и Азии. Та же линия сравнения была продолжена В. А. Виноградовым в книге, специально посвященной проблеме рабочего контроля [45].

[41] См.: *Рац Б.* Рабочий контроль над производством в Венгрии 1944—1948: Автореф. канд. дис. М., 1968.

[42] См. подробнее: *Berend I. T.* Der Schutz der Währungsstbilisierung...

[43] См.: *Олейник И. П.* Развитие промышленности Румынии...

[44] *Виноградов В. А.* Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М.: Наука, 1965.

[45] *Виноградов В. А.* Ленинские идеи рабочего контроля в действии. М.: Наука, 1969.

В этих двух работах сделана интересная попытка выявить общие закономерности социалистической национализации и определить те специфические черты процесса ликвидации капиталистической собственности на средства производства, которые были обусловлены своеобразием расстановки политических сил в отдельных странах и особенностями их национального развития.

Среди зарубежных исследователей, занимающихся сравнительным анализом проблемы национализации, следует отметить болгарского экономиста П. Петкова. Его работа «Общее и специфическое в ликвидации капиталистической собственности в промышленности Болгарии» [46], написанная на основе изучения богатого фактического материала, является удачным опытом сравнительного анализа форм и методов вытеснения буржуазии из сферы производства, функций рабочего и государственного контроля на материале Болгарии и Советской России.

В последние годы стали предприниматься определенные шаги по сопоставительному анализу форм и методов ликвидации частнокапиталистической собственности на материале стран Центральной и Юго-Восточной Европы, сделаны попытки определить наиболее характерные черты социалистической национализации в условиях второго этапа общего кризиса капитализма. Здесь следует указать прежде всего работу венгерских исследователей И. Беренда и Д. Ранки, посвященную экономическому развитию стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX—XX вв.[47] Анализируя вопросы послевоенного развития региона, авторы сделали попытку определить общие и специфические черты в методах проведения национализации, присущие группам рассматриваемых стран.

Попытка сравнительного анализа форм и методов овладения рабочим классом и его союзниками основными средствами производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы была сделана и автором данной работы в статьях, опубликованных в 1974—1975 гг.[48], а также в

[46] *Петков П.* Общото и специфичното в ликвидирането на капиталистическата собственост в промишлеността в България.— Известия на Института по история на БКП, 1969, № 20.

[47] *Berend I. T., Ranki Gy.* Economic development in East-Central Europe in the 19 and 20 centure. London, 1974.

[48] См.: *Мурашко Г. П.* Национализация основных средств производства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы

разделе коллективного труда «Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» [49].

Опытом совместного изучения исследователями социалистических стран форм и методов национализации стало предпринятое по инициативе Института рабочего движения Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП издание сборника «Национализация промышленности в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» [50]. Статьи историков, экономистов и юристов Болгарии, ГДР, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и Советского Союза содержат богатый материал и позволяют выявить более наглядно общее и особенное в методах ликвидации капиталистической собственности на средства производства в странах рассматриваемого региона.

Другой комплекс проблем, стоящий в центре внимания современной историографии, связан с вопросами формирования коммунистическими и рабочими партиями стран Центральной и Юго-Восточной Европы программ социально-экономических преобразований в период борьбы за создание народных и национальных антифашистских фронтов. Разработка этих программ, базирующаяся на тщательном учете социальных интересов всех классов и групп населения, способных пойти на союз с пролетариатом и его авангардом, была одним из важнейших, решающих факторов объединения большинства нации вокруг рабочего класса.

Большой вклад в исследование этих вопросов внесли польские историки [51]. В работах Голембёвского, Павлови-

в 1944—1948 гг.— Вопросы истории, 1974, № 11; *Она же.* Socializace výrobních prostředků ve Střední a Juhovýchodní Evropě v letech 1944—1948.— Československý časopis historický, 1975, č. 1, s. 21—50.

[49] Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Опыт сравнительного изучения социально-экономических преобразований в революционном процессе. М.: Наука, 1977.

[50] Nacjonalizacja przemysłu w socjalistycznych krajach Europy. Warszawa, 1976.

[51] *Gołębiowski J. W.* Walka PPR...; *Pawłowicz J.* Dekaracja programowa Polskiej Partii Robotniczej «O co walczymy?».— Z pola walki, 1968, N 4; *Pawłowicz J.* Polityka Polskiej Partii Robotniczej w kwestii nacjonalizacji przemysłu w Polsce.— In Polska Ludowa: Materiały i studia. Warszawa, 1965, t. 4; *Malinowski M.* Geneza PPR. Warszawa, 1974.

ча, Малиновского, Рышки и др. детально рассмотрены все этапы эволюции программы ППР от мартовской декларации «За что мы боремся» до Манифеста ПКНО. Ими тщательно исследованы внутренние и международные факторы, обусловившие необходимость снятия прямого требования национализации, выдвигаемого в ноябрьской 1943 г. декларации ППР, и придания требованиям социальных перемен в сфере производства формы антифашистской, демократической, патриотической акции. Эти работы показывают, что снятие открытого требования вмешательства в сферу капиталистической собственности в Манифесте ПКНО позволило в условиях весьма сложного политического размежевания сил внутри страны слить в единый поток стремления различных по своей природе социальных сил и подвести народные массы под антифашистскими национальными, патриотическими лозунгами к решению коренной социально-экономической проблемы — ликвидации капиталистической собственности на основные средства производства.

В чехословацкой историографии вопросы, связанные с формированием программы социально-экономических преобразований Национального фронта чехов и словаков, изучены также весьма обстоятельно. Здесь следует отметить большую работу по созданию фундаментальной научной базы для освещения этих вопросов. Многочисленные публикации документов [52] дают возможность воссоздать сложную картину борьбы различных политических сил чехословацкого общества по вопросам программы послевоенного социального устройства. Они позволяют раскрыть эволюцию отдельных политических группировок под влиянием революционного движения и изменений в обстановке, связанных с ростом международной роли СССР. С точки зрения рассматриваемых вопросов особое внимание следует обратить на вышедшую в 1975 г. книгу М. Боучека, М. Климеша и М. Вартиковой, посвященную вопросам идейно-политической борьбы вокруг разработки Кошицкой программы [53]. В этой работе дан детальный

[52] *Cesta ke Květnu.* Vznik lidové demokracie v Československu. Praha, 1965, d. I, II; Dokumenty z historie československe politiky 1939—1943. Praha, 1966, d. I, II; Cestou Května: Dokumenty k počátkům naši národní a demokratické revoluce. Duben 1945 — květen 1946. Praha, 1975.

анализ процесса формирования программы социально-экономических преобразований в коммунистическом движении страны, раскрыты причины, побудившие Московское руководство КПЧ на переговорах 1943 г. ограничиться требованием конфискации имущества коллаборантов. Авторы правильно отмечают, что в ту пору коммунисты делали акцент на общенациональные требования, стремясь не допустить раскола в складывавшемся блоке антифашистских демократических сил. Выдвинутая КПЧ программа, отвечая антифашистскому национально-освободительному содержанию борьбы, открывала возможность последующих коренных перемен политической, общественной и экономической жизни в освобожденной стране.

В исторической литературе Югославии, посвященной периоду 1941—1945 гг., рассматриваются основные постановления и декларации АВНОЮ [54]. Б. Петранович, обстоятельно освещающий в своих работах вопросы, связанные с реализацией социально-экономических преобразований, и П. Морача, детально анализирующий важнейшие установки КПЮ в период формирования и деятельности Народно-освободительного фронта, отмечают, что вопросы, связанные с изменениями социально-экономической структуры общества и преобразованиями в сфере материального производства, не выдвигались югославскими коммунистами в условиях народно-освободительной борьбы на первый план, их постановка и решение были подчинены проблеме расширения социальной базы освободительного движения. Вместе с тем оба автора подчеркивают, что специфика поляризации сил в югославском обществе в условиях оккупации, коллаборационизм основных группировок буржуазии привели к тому, что вопросы национального освобождения оказались неразрывно связаны с необходимостью коренных социальных перемен [55].

[53] *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M.* Program revolúcie. Bratislava, 1975.

[54] См.: *Morača P.* Komunistička partija Jugoslavije u stvaranju narodnog fronta u oslobodilačkom ratu i revoluciji 1941—1945.— In: Narodni front i komunisti. Jugoslavija, Čehoslovačka, Poljska 1938—1945. Beograd, 1968; *Kosanović D.* Ekonomsko-politička djelatnost narodne vlasti u toku NOB-e. Zagreb, 1964; *Vasić V.* Ekonomska politika Jugoslavije. Beograd, 1970.

[55] *Morača P.* Komunistička partija Jugoslavije u stvaranju..., s. 679—681; *Petranović B.* Političke i pravne prilike..., s. 43.

Разработка социально-экономических требований, выдвигавшихся коммунистами в ходе борьбы за объединение демократических сил в Венгрии (насколько можно судить по переводам работ венгерских историков на другие языки), обстоятельно исследована в трудах Б. Сабо [56], А. Шагвари [57], в диссертациях Ж. Лендьель и Б. Раца, защищенных в СССР [58], во II и III томах «Истории венгерского революционного рабочего движения» [59], в работах советских исследователей А. И. Пушкаша [60], Л. Н. Нежинского [61], в III томе «Истории Венгрии» [62].

Среди работ венгерских историков особое внимание привлекает монография Б. Сабо «Народная демократия и теория революции», в которой автор, опираясь на изучение большого документального материала, показал, как шла разработка концепции народно-демократической революции в венгерском коммунистическом движении и, в частности, как вырабатывались основные тактические установки по вопросам экономической политики ВКП. Проведенный анализ дает ключ к пониманию экономической политики венгерских коммунистов, взявших весной 1945 г. курс на постепенное усиление руководящей роли демократического государства в экономике страны, на

[56] *Szabó B.* Népi demokrácia és forradalomelmélet. Budapest, 1970. Автор имел возможность познакомиться с переводом этой книги на чешский язык. См. также: *Сабо Б.* Программа действия Венгерской коммунистической партии осенью 1944 г.— В кн.: Двадцать пять лет свободной Венгрии. Будапешт, 1970.

[57] *Ságvári Á.* Les partis et leurs programmes en Hongrie au lendemain de la libération (1944—1945).— Acta Historica, 1967, t. 13, N 1—2; *Ságvári Á.* Issues Concerning the Alliance Policy in the Era of the People's Democratic Transformations.— In: Studies on the history of the hungrien working — class movement (1867—1966). Budapest, 1975, p. 289—322.

[58] *Лендьель Ж.* Процесс установления диктатуры пролетариата в Венгрии...; *Рац Б.* Рабочий контроль над производством в Венгрии 1944—1948. Автореф. канд. дис. М., 1969; кроме того, см.: *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности 1945—1949.— В кн.: Вопросы национализации в современном мире...

[59] История венгерского революционного рабочего движения. М.: Прогресс, 1973, т. II; 1975, т. III.

[60] *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М.: Наука, 1966.

[61] *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

[62] История Венгрии. М.: Наука, 1972, т. III

установлении двойного контроля (со стороны государства и со стороны органов рабочего класса — фабзавкомов) за деятельностью буржуазии. Этот курс существенно облегчал борьбу венгерских коммунистов за сплочение демократических сил и завоевание большинства нации на свою сторону.

Разработка социально-экономической программы, позволившей объединить вокруг Национально-демократического фронта, возглавляемого КПР, подавляющее большинство нации, детально исследована в трудах советских и румынских историков. М. Г. Сазина[63], Н. И. Лебедев[64], В. Ливяну[65], П. Никита[66], К. Нири[67] и др. своими работами внесли большой вклад в изучение вопросов, связанных с разработкой социально-экономических разделов программы Национально-демократического фронта. Они показали, что в условиях развивающейся революции, когда важнейшей задачей стало объединение всех демократических сил вокруг рабочего класса и его авангарда, переход коммунистов от требований прямого вторжения революционных сил в право капиталистической собственности на средства производства к требованиям усиления руководящей роли демократического государства в управлении экономикой и подчинения его контролю всех частнокапиталистических предприятий позволил расколоть лагерь реакции, преодолеть сомнения и колебания мелкобуржуазных слоев и вовлечь эти слои в революционную борьбу под руководством пролетариата и его партии. М. Г. Сазина в своей работе, отмечая внесенные румынскими коммунистами коррективы в программу социальных преобразований, выдвинутую в сентябре 1944 г., писала, что имеющееся в этой программе требование национализации картелей и 18 крупнейших банков выходило за рамки буржуазно-демократической революю-

[63] *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа...

[64] *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1976.

[65] *Liveanu V.* Particularités de la strategie politique du parti communiste Roumain entre 1944—1948. Revendications immediates et objectif final.— In: Études d'histoire contemporaine de la Roumanie. Bucureşti, 1974.

[66] *Никита П.* Политика на съюзи на Румънската комунистическа партия през 1944—1948.— Известия на Института по история на БКП, 1972, т. 27.

[67] *Нири К.* От единого рабочего фронта — к единой партии рабочего класса Румынии. Апр. 1944 — февр. 1948. Бухарест, 1972.

ции. Проведение такого требования в жизнь могло обострить классовую борьбу внутри страны, создать неясность в толковании ближайших задач революции, оттолкнуть ту часть румынской буржуазии, которая была заинтересована в сближении с демократическими силами, помешать выполнению первоочередных задач революции. Учитывая все это, РКП сняла требование национализации из правительственной программы [68]. Н. И. Лебедев, обращаясь к этому вопросу и трактуя требование национализации картелей и банков как не выходящее за рамки завершения задач буржуазно-демократической революции, вместе с тем подчеркивает преждевременность его выдвижения. Опираясь на архивные материалы, он подчеркивает, что, выдвигая требование национализации, «огосударствливания» картелей и банков, коммунисты прежде всего имели в виду не конфискацию акций и вкладов, а установление государственного контроля над распределением кредитов и капиталовложений [69].

Причины, побудившие коммунистов пересмотреть формы подвода широких народных масс к осуществлению коренных социальных перемен в сфере промышленного производства, детально исследованы румынскими историками П. Никитой и В. Ливяну.

В целом можно сказать, что вопросы разработки авангардом рабочего класса — коммунистами программы социально-экономических преобразований в условиях развивающейся революции исследованы румынскими историками в достаточной мере детально.

Формирование основных положений программы правительства Отечественного фронта в Болгарии от 17 сентября 1944 г., определявшей магистральные направления социально-экономической политики переходного периода, исследовано пока еще недостаточно, несмотря на большое количество работ как болгарских, так и советских историков, занимавшихся периодом 1944—1947 гг.[70]

[68] *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа..., с. 206.

[69] *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии, с. 548.

[70] См. перечень работ болгарских историков на с. 12, а также: *Мозеров В. Д.* Экономическая политика...; *Гришина Р. П.* Отечественный фронт в Болгарии после победы восстания 9 сентября 1944 г.— Сов. славяновед., 1973, № 3; *Черній А.* Болгарська комуністична партія у боротьбі за завершення експропріації капіталістичної власності.— Питання нової і новітньої історії. Київ, 1971, вип. 12.

В известной мере дискуссионным остается и вопрос об основной направленности его экономических разделов, являвшихся центральными. Р. П. Гришина, анализируя экономическую часть программы правительства Отечественного фронта, пишет: «Экономическая часть программы была разработана подробно, но недостаточно четко. Она провозглашала уничтожение «экономически и социально вредного посредничества», частных монополий и их привилегий, создание государственных монополий, уничтожение паразитической промышленности. Подробные формулировки недостаточно ясно характеризовали отношение народной власти к частной собственности и впоследствии потребовались специальные разъяснения...» [71] Далее автор, давая общую оценку программы первого правительства Отечественного фронта, пишет, что она имела общедемократический, антифашистский характер [72].

М. Исусов в своей монографии «Рабочий класс в Болгарии. 1944—1947», рассматривая экономические разделы указанного документа, отмечает антикапиталистическую направленность этой части программы правительства Отечественного фронта: «Экономическая программа правительства Отечественного фронта содержит ряд антикапиталистических элементов» [73]. Именно таковыми, по мнению автора, являются уничтожение частных монополий и их привилегий, уничтожение социально вредного посредничества, ликвидация паразитической промышленности, конфискация прибылей, полученных в условиях военного времени, установление контроля за прибылью на капитал и ограничение размера этой прибыли.

Столь разнородная оценка одних и тех же пунктов указанного документа объясняется, по-видимому, отсутствием пока в исторической литературе анализа создания этого документа. До сих пор остается неясным вопрос: как БРП (к) вырабатывала эту программу, какую роль при этом играли контакты с другими партиями Отечественного фронта? Были ли какие-либо дискуссии при обсуждении проекта программы в правительстве Отечественного фронта? Какие факторы обусловили широкое использование в этом документе терминологии, свойствен-

[71] *Гришина Р. П.* Отечественный фронт Болгарии..., с. 10.
[72] Там же.
[73] *Исусов М.* Работническата класа..., с. 24.

ной заявлениям Болгарского земледельческого народного союза? Ответы исследователей на эти вопросы существенно расширили бы возможности изучения экономической политики БРП(к) после 9 сентября 1944 г. в условиях развития революционного процесса в стране.

Если, подводя итоги, попытаться оценить степень изученности вопросов, связанных с формированием социально-экономических требований в программах национальных и народных антифашистских фронтов, сложившихся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, то можно сказать, что, несмотря на известные пробелы, указанная проблема изучена достаточно полно и всесторонне. В распоряжении исследователей имеется и основной комплекс источников. Это все дает возможность ставить вопрос о типологизации стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий в определении и выборе путей подхода к решению важнейшего вопроса социалистической революции — ликвидации частной капиталистической собственности на средства производства.

Изучение стратегии и тактики борьбы коммунистов за реализацию выдвинутых ими программ, за объединение широкого круга союзников вокруг рабочего класса и подвода их к осознанию необходимости осуществления революционных социально-экономических и политических преобразований является определяющим моментом для понимания места и роли национализации в развитии революционного процесса в условиях 40-х годов.

Большая часть вопросов этой темы фактически раскрывается в тех работах, где речь идет о формировании программы антифашистских фронтов, ибо там проблема стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий занимает основное место. Но для изучения интересующих нас вопросов нужно также весьма четко представлять программы социально-экономических преобразований, которые выдвигались другими политическими силами, боровшимися за гегемонию в послевоенном обществе стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Для Польши большая работа в этом направлении проделана Я. Голембовским [74], Б. Сыздеком [75], Я. Борков-

[74] *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację...
[75] *Syzdek B.* Polska Partia Socjalistyczna w latach 1944—1948. Warszawa, 1974.

ским и др.[76] Их исследования позволяют констатировать, что здесь, в условиях развивающейся революции, взглядам ППР была противопоставлена мелкобуржуазная концепция «третьего пути» общественного развития, выдвинутая партией Польске стронництво людове (ПСЛ).

Исследователи отмечают определенную связь политической доктрины ПСЛ с доктринами чешского аграризма[77], хотя это сравнение и не всегда ими доводится до логического конца, т. е. до анализа социальной практики чешского аграризма, что, безусловно, позволило бы в полной мере выявить перспективы реализации социально-экономической программы, центральной идеей которой было создание «кооперативного» государства.

Авторы, анализируя программу ПСЛ, четко отделяют правое руководство ПСЛ, сознательно стремившееся к реставрации капиталистического строя, от тех мелкобуржуазных слоев и отражавших их интересы политических группировок, которые надеялись через систему кооперации, действующую в капиталистическом обществе, укрепить положение мелкой индивидуальной собственности.

В современной польской историографии имеется ряд работ, раскрывающих борьбу различных представлений о модели общественного устройства послевоенной Польши, о месте в ее социально-экономической структуре кооперации и облике этой кооперации на этапе 1947—1948 гг.[78] Но вопрос о том, как коммунисты сумели убедить своих политических партнеров в нереальности кооперативной модели и в неспособности такого типа организации экономики решить вопросы послевоенного хозяйственного восстановления и последующего развития страны, пока еще исследован очень ограниченно.

Углубленному изучению этой тематики способствовало бы, несомненно, сопоставление польского и болгарско-

[76] *Borkowski J.* Działalność Polskiego Stronnictwa Ludowego w latach 1945—1947.— Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego, 1960, N 2; *Turlej S.* Koncepcje ustrojowe obozu londyńskiego. Warszawa, 1978.

[77] *Ziębinski J.* Z zagadnień genezy i podstawowych założen ideowo-politycznych agraryzmu w Polsce.— Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego, 1960, N 2.

[78] *Kalinski J.* Bitwa o handel (1947—1948). Warszawa, 1970; *Siemek A.* Z badań nad pepesowskimi koncepcjami rozwoju społeczno-gospo-

го материалов, поскольку в Болгарии наблюдался ряд сходных моментов. Здесь, как и в Польше, главной силой, оспаривавшей у коммунистов влияние на массы и отстаивавшей сохранение капиталистического строя, стали не традиционные партии болгарской буржуазии, а правое крыло крестьянской партии (БЗНС — Н. Петков). Как и ПСЛ в Польше, эта партия весьма в короткий срок превратилась в партию «сборного типа», объединившую в своих рядах противников Отечественного фронта. Программа общественного устройства, выдвинутая БЗНС — Н. Петков, была сходна с основными программными установками ПСЛ. В этих условиях крайне важно провести анализ экономической концепции БЗНС — Н. Петков, ясно представлять, что же выдвигала оппозиция в качестве альтернативы программе БРП(к). К сожалению, в болгарской литературе эти вопросы пока еще не привлекли должного внимания историков. В советской историографии попытка дать анализ программы оппозиции была предпринята Т. В. Игнатьевой [79]. Однако недостаточная изученность этого вопроса является одной из причин того, что попытки сравнить концепции социально-экономического развития миколайчиковского ПСЛ и БЗНС — Н. Петкова носят несколько формальный характер: сравнивается внешняя картина развития, а не идейно-политическая сущность [80].

Неясным остается также вопрос о том, насколько были близки или расходились представления о послевоенном экономическом устройстве у болгарских коммунистов и у их партнеров по Отечественному фронту. Несмотря на то что сейчас уже имеется ряд работ о партнерах БРП(к) по фронту [81], анализа их программных

darczego Polski (lipiec 1944 — styczeń 1947): Uwagi i postulaty badawcze.— Sobótka, 1973, N 3.

[79] См.: *Игнатьева Т. В.* Борьба демократических сил против оппозиционной группировки Н. Петкова в БЗНС...

[80] *Halaba R.* Problemy rozwoju ruchu ludowego w Polsce i Bułgarii w latach 1944—1947.— Wieś współczesna, 1968, N 3.

[81] См.: *Зарчев Й.* Българският земеделски народен съюз (9 септември 1944—1948 г.).— Известия на Института по история на БКП, 1975, № 32; *Димитров И.* Народен съюз «Звено» (1 октомври 1944—19 февруари 1949).— Исторически преглед, 1970, № 5; *Остоич П.* Идейното и организационното развитие на БРСДП от 9.IX 1944 до 5.VIII 1945.— Известия на Института по история на БКП, 1969, № 21; *Он же.* БРСДП (август 1945 — август 1948).— Известия на Института по история на БКП, 1971, № 26.

взглядов пока еще не сделано. Не разбираются споры между партиями Отечественного фронта вокруг вопросов о темпах и содержании социально-экономических преобразований в области промышленности. Поэтому и остается не совсем ясным вопрос, какие же внутренние факторы определяли темпы национализации в Болгарии.

Некоторые исследователи, например автор ряда работ по этой проблематике Петко Петков, полагают, что если бы не неурегулированность международного положения Болгарии, то национализация могла быть осуществлена уже в первые месяцы народной власти [82]. Н. Генчев, также изучавший эти проблемы, считает, что немедленная национализация основных средств производства после 9 сентября была невозможна не только по причине неурегулированности международного положения страны, но и потому, что БРП(к) должна была сообразовывать свои действия с действиями своих союзников по Отечественному фронту из рядов мелкой и средней буржуазии, среди которых, как пишет автор, «в переходный период колебания между старым и новым были очень сильны...» [83]

Анализ взаимоотношений БКП с ее партнерами по Отечественному фронту в 1944—1947 гг. может служить ключом к решению этого вопроса.

В Венгрии, так же как в Болгарии и в Польше, главной силой, противостоявшей коммунистам в реализации их программы социально-экономических преобразований, являлась партия мелких сельских хозяев, во многом сходная в этом плане с ПСЛ и БЗНС — Н. Петков. Однако, как позволяют судить работы венгерских историков И. Виды и А. Шагвари, словацкой исследовательницы Д. Загорской, а также труды советских историков [84], спецификой Венгрии было то, что здесь партия,

[82] См.: *Петков П.* Ликвидиране на капиталистическата собственост... *Он же.* Общото и специфичното в ликвидирането на капиталистическата собственост в промишлеността в България.— Известия на Института по история на БКП, 1969, № 20.

[83] *Генчев Н.* Национализация на промишлеността..., с. 360.

[84] См.: *Вида И.* Политика Независимой партии мелких сельских хозяев в 1944—1948 гг.— Acta Historica, 1973, t. 19; *Ságvári A.* Les partis et leurs programmes...; *Záhorská D.* Korene demokratickej obrody Mad'arska po druhej svetovej vojne.— Slovanské Štúdie, 1972, XIII; *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа...; *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны.

противостоявшая авангарду рабочего класса, не выдвинула своей собственной новой программы социальных преобразований. Ее цель сводилась к тому, чтобы реставрировать и сохранить прежнее положение. Поэтому борьба за осуществление экономических преобразований в сфере производства носила более открытый характер и выступала как борьба капиталистической и социалистической концепций развития.

Венгерские и советские исследователи весьма убедительно показали, что борьба за союзников рабочего класса в развивающейся революции решалась вокруг вопросов послевоенного восстановления страны [85], когда широкие народные массы на собственном опыте убеждались в неспособности и нежелании буржуазии заниматься возрождением экономики. Необходимость вмешательства демократического государства в капиталистическое производство, на котором настаивала ВКП, выступала в этих условиях как объективная необходимость, отвечающая интересам подавляющего большинства нации [86].

В Румынии, насколько можно судить по доступной для автора литературе, главной серьезной силой, противостоявшей коммунистам за пределами фронта, была национал-царанистская партия. Из обобщающей работы румынских исследователей «Румыния в годы народно-демократической революции» [87] неясными остаются вопросы: какие слои общества составляли опору этой партии и какова была ее программа послевоенного общественного устройства? В равной мере трудно судить и о взглядах, пропагандируемых другим противником РКП — партией

[85] См., например: *Жилак А.* Применение общих закономерностей Октября в специфических условиях Венгрии. (Научная сессия «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции». Материалы ученых Венгерской Народной Республики. На правах рукописи). М., 1967; *Ságvári Á.* Issies Concerning...; *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа...; История Венгрии, т. III.

[86] Что означали для крестьянства восстановление страны и курс на индустриализацию, предлагаемый коммунистами, детально исследовано в работах венгерского историка Ш. Орбана. См., например: *Орбан Ш.* О некоторых проблемах преобразования структуры крестьянства в Венгрии (1945—1961).— В кн.: Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М.: Наука, 1978, с. 162—200.

[87] Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1947. М.: Прогресс, 1974.

национал-либералов, возглавляемой Татареску. Ясно, что эта партия стояла на позициях сохранения капиталистического строя, но в каком виде, с проведением каких реформ — доступная автору данной работы историческая литература ответа не дает. Однако на этом этапе изучения можно констатировать, что здесь, как и в Венгрии, большое значение для объединения народных масс вокруг рабочего класса и коммунистической партии имела борьба против саботажа буржуазии, особенно той ее части, которая держала в своих руках Государственный банк Румынии. Эти вопросы и в румынской, и в советской историографии раскрыты весьма подробно [88].

Ситуация в Чехословакии отличалась значительным своеобразием, поскольку здесь политические партии, державшие большую часть мелкобуржуазных слоев под своим контролем (живностенская и аграрная партии в чешских землях, глинковская словацкая народная партия) после освобождения страны были исключены из общественной жизни. Эти слои оказались без определенной политической ориентации, и за привлечение их на свою сторону боролись все партии, вышедшие на арену общественной жизни после освобождения страны. В развернувшейся борьбе существенную роль играли концепции послевоенных социально-экономических преобразований, предлагавшиеся различными политическими силами. Кошицкая программа, как программа правительства Национального фронта, не несла в своих экономических разделах окончательного решения вопроса о масштабах и формах вмешательства в сферу капиталистической собственности. Положение о передаче под государственное руководство финансово-кредитной системы, ключевых промышленных предприятий, природных ресурсов и энергетических источников, содержавшееся в ней, каждая из сил, входящих во фронт, могла трактовать в соответствии с собственными интересами. Изучение полемики коммунистов и их политических противников по вопросам роли и места общегосударственного сектора в экономике страны, масштабов и темпов проведения национализации, статуса национа-

[88] См., например: Румыния в годы народно-демократической революции...; История Румынии. М., 1972; *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа...; *Олейник И. П.* Развитие промышленности Румынии...

лизированных предприятий дает возможность всесторонне исследовать проблемы формирования и объединения вокруг рабочего класса политической армии социалистической революции.

В 1968 г. в Чехословакии была издана книга К. Каплана «Национализация и социализм»[89], где в центре внимания автора и находились данные вопросы. Однако весь фактический материал, имеющийся в этой работе, был подчинен одной цели — доказать якобы неприемлемость общих законов развития революционного процесса для так называемого промышленного общества с развитыми демократическими традициями. Поэтому не случайно здесь затушевывался принципиальный характер споров коммунистов и их противников по вопросам преобразований в сфере промышленного производства, а модель смешанной экономики, сложившаяся в стране после реализации декретов о национализации 1945 г. и получившая название «системы экономической демократии», идеализировалась как форма, якобы обеспечивающая мирное сотрудничество всех социальных слоев чехословацкого общества.

Научная и политическая несостоятельность этой позиции была весьма убедительно раскрыта другими чехословацкими исследователями, собравшими большой материал об экономических трудностях, порожденных деятельностью частного капитала в 1946—1947 гг.[90] В работах Зд. Дейла[91] весьма убедительно показано, что именно в борьбе за преодоление этих трудностей сложился союз рабочего класса с мелкобуржуазными городскими слоями, страдавшими от спекулятивных махинаций буржуазии. И в этом плане, по-видимому, можно говорить об определенной общности в складывании антикапиталистического блока и привлечении мелкобуржуазных слоев к поддержке программы социальных преобразований, выдвигаемых авангардом пролетариата на

[89] *Kaplan K.* Znárodnění a socialism. Praha, 1968.

[90] См., например: Hospodářské dějíny Československa..., s. 267—270; *Vartíková M.* Zjazd závodných a zamestnaneckých rád v Bratislave 1947. Bratislava, 1977; *Belda J., Bouček M., Deyl Zd., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1968.

[91] *Deyl Z.* Politika KSČ vůči městské maloburžoasii v únoru 1948.— Přehled vědecké a pedagogické práce kateder marxismu-leninismu. Praha, 1966, s. 350—406.

заключительном этапе развития революции для Чехословакии, Венгрии и Румынии.

Если же определять в целом степень изученности проблемы, то приходится констатировать не только неравномерность исследования всех ее аспектов по отдельным странам, но нередко и отсутствие в научном обороте многих необходимых материалов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что проделанная исследователями работа совершенно очевидно показывает огромную значимость этого комплекса вопросов для понимания и научного раскрытия всей темы борьбы рабочего класса за овладение основными средствами производства. Интенсивность объединения вокруг рабочего класса широкого круга союзников, степень активности этих союзников и их способность поддержать выдвигавшиеся рабочим классом и его политическим авангардом в процессе развития революции требования экономических преобразований в сфере промышленного производства, осознание ими неизбежности политического и экономического разрыва с буржуазией во многом определяли не только внутреннюю динамику хода национализации, но также выбор методов и форм овладения рабочим классом освновными средствами производства. Поэтому, пытаясь дать сравнительный анализ борьбы рабочего класса за национализацию промышленности в ходе революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, автор данной работы в центре внимания поставил именно этот круг вопросов.

В работе сделана попытка на основе сопоставления материалов Югославии, Албании, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии раскрыть роль выдвигавшихся коммунистами в ходе борьбы за создание антифашистских фронтов программ социально-экономических преобразований в сфере промышленного производства для объединения вокруг рабочего класса широкого круга союзников и превращения рабочего класса в ведущую силу нации; рассмотреть борьбу за реализацию предлагавшихся коммунистами программ; определить наиболее типичные в условиях революций 40-х годов пути подведения широких масс трудящихся к осуществлению коренных социальных преобразований и ликвидации капиталистической собственности на средства производства.

В настоящее время, когда «нарастает классовая борьба трудящихся против гнета монополий, против эксплуата-

торских порядков»[92], все более актуальными в мировом коммунистическом движении становятся вопросы объединения вокруг рабочего класса непролетарских слоев трудящихся и подведения их к осознанию необходимости коренных социальных преобразований в сфере материального производства. Поэтому изучение этих вопросов имеет не только научное, но и большое политическое значение.

Поставленные задачи автор пытался решить, опираясь как на достижения современной марксистской историографии, так и привлекая архивные материалы, а также прессу рассматриваемых стран. В работе использованы материалы следующих архивов: Центрального государственного архива ЧССР, Центрального архива революционного профсоюзного движения ЧССР, Архива Федерального Национального Собрания ЧССР, Архива правительства ЧССР, а также материалы Центрального Государственного архива Народной республики Болгарии, Центрального архива Министерства обороны СССР и обзоры румынской и венгерской прессы, хранящиеся в фондах ЦГАОР СССР.

[92] Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976, с. 27.

Глава I

Установление гегемонии рабочего класса в национально-освободительной борьбе народов Югославии, Албании, Польши, Чехословакии и проблемы обобществления основных средств производства в программах антифашистских фронтов

Захват Чехословакии, Польши, Югославии и Албании гитлеровской Германией и ее союзниками, включение их в систему фашистского «нового порядка» в Европе выдвинули перед рабочим классом этих стран новые задачи. Сложившаяся ситуация требовала сосредоточения усилий не на реализации непосредственно социалистических целей борьбы пролетариата, а на решении общенациональных, общедемократических задач восстановления государственной самостоятельности и демократических свобод. «На настоящем этапе мировой войны,— писал в 1941 г. Г. Димитров,— не ставятся задачи ни диктатуры пролетариата, ни Советской власти, ни социализма... должен существовать только один антифашистский фронт и никакого другого...» [1] Собрав в своем русле различные политические группировки, антифашистское движение способствовало объединению демократических сил общества, создавало основу для складывания вокруг рабочего класса и его революционного авангарда широкого круга союзников и превращения рабочего класса в ведущую силу нации.

Чтобы эти объективные возможности могли быть реализованы, чтобы рабочий класс стал действительно гегемоном антифашистской национально-освободительной борьбы, а его концепция государственного и общественного устройства была принята подавляющим большинством населения страны, коммунистические и рабочие партии должны были сформулировать такие цели и задачи борьбы, которые не только бы стали доступны пониманию

[1] Централен партиен архив при ЦК на БКП, ф. 3, оп. 4, а. е. 686, л. 5—6.

большинства нации, не только бы отражали уровень реальных, приемлемых для потенциальных союзников рабочего класса требований, но вместе с тем позволяли подвести этих союзников к осознанию необходимости углубления революционного процесса.

В этом общем комплексе задач, способных обеспечить перерастание антифашистской борьбы за национальную независимость, государственную самостоятельность и демократию в борьбу за социализм, немаловажную роль должны были играть социально-экономические требования.

Разработка авангардом пролетариата программы социальных реформ в сфере производства, которая учитывала бы интересы и нужды идущих в освободительной борьбе вместе с рабочим классом многочисленных непролетарских групп трудящихся (крестьянства, мелкой городской буржуазии, служащих и т. п.), должна была вести к усилению левых настроений в политической ориентации этих слоев и включению их в революционную борьбу под руководством рабочего класса, т. е. стала бы важнейшим фактором превращения их в составную часть политической армии социалистической революции. В рамках такой программы, опираясь на конкретный анализ расстановки политических сил, коммунистическим и рабочим партиям оккупированных фашистами стран Центральной и Юго-Восточной Европы предстояло определить возможности, масштабы и формы вторжения революционных сил в право капиталистической собственности на средства производства.

1. Предательство национальных интересов буржуазией Югославии и Албании и вопрос о судьбе ее собственности в программах народно-освободительных фронтов

Оккупация Югославии гитлеровской Германией, фашистской Италией и их союзниками привела к резкой политической дифференциации югославского общества. Основным ее критерием стало отношение различных политических партий и представляемых ими классов и социальных групп к антифашистской национально-освободительной борьбе.

Отношение к оккупационному режиму и методам борьбы с ним проложило четкую грань между двумя лагеря-

ми югославского общества. На одной стороне оказались широкие массы рабочих, крестьян, ремесленников, интеллигенции, средних городских слоев, вступившие в вооруженную борьбу против оккупантов за восстановление национальной независимости и государственной самостоятельности, на другой — основные группировки буржуазии.

Часть этих группировок, ориентировавшихся на державы фашистской «оси», с самого начала оккупации и расчленения страны стала внутренней опорой оккупантов. К ней относилась прежде всего крупная хорватская буржуазия, видевшая воплощение своих сепаратистских устремлений в создании под эгидой Германии так называемого «независимого государства Хорватия». В этих же рядах оказались и реакционные круги великосербской буржуазии, объединившиеся вокруг созданного оккупантами в Сербии правительства М. Недича, выступавшего под лозунгом «спасения сербского народа от коммунистической опасности» [2], словенские коллаборационисты во главе с Рупником и т. п. Эти соперничавшие между собой группировки объединяло одно — все они сразу же встали на службу к оккупантам, открыто ведя борьбу против тех, кто с оружием в руках выступал в защиту независимости страны.

Более сложной была эволюция той части сербской, хорватской и словенской буржуазии, которая ориентировалась на западные державы. Наиболее активные ее круги, поддерживавшие эмигрантское правительство в Лондоне, рассчитывали с помощью западных держав в момент разгрома Германии и ее союзников добиться восстановления Югославии как королевства. Отрицательно относясь к оккупации и расчленению государства фашистскими державами, прозападные политики не были, однако, склонны к организации активной вооруженной борьбы с оккупантами внутри страны [3].

[2] *Morača P.* Komunistička partija Jugoslavije u stvaranju narodnog fronta u oslobodilačkom ratu i revoluciji 1941—1945.— In: Narodni front i komunisti. Jugoslavija, Čehoslovačka, Poljska 1938—1945. Beograd, 1968, s. 54.

[3] Об их позиции см. подробнее: *Morača P.* O podstawowych cechach charakterystycznych Jugoslowiańskiej wojny wyzwolenczej i rewolucji.— In: Rewolucji i wladza ludowa w krajach Europejskich. 1944—1948. Warszawa, 1972, s. 125—126.

То обстоятельство, что признанным организатором и руководителем развернувшейся в стране народно-освободительной войны была Коммунистическая партия Югославии, вызвало в прозападных кругах буржуазии большое беспокойство.

Антикоммунизм всех основных группировок югославской буржуазии, выступавших под эгидой эмигрантского правительства, стал платформой для их сближения с оккупантами и перехода на позиции коллаборационизма. Стремясь восстановить старую довоенную политическую систему, обеспечивавшую им господствующее положение[4], они встали на путь национального предательства, выступив в конце концов вместе с германским и итальянским фашизмом против сил, боровшихся за национальное освобождение. Этот фактор, проявившийся уже во второй половине 1941 г., оказал огромное влияние на эволюцию взглядов тех слоев населения страны, особенно в Сербии, которые видели в вооруженных формированиях, выступавших от имени эмигрантского правительства (четническое движение во главе с Дражей Михайловичем), защитников их национальных интересов.

Открытое сотрудничество «четников» с германскими и итальянскими оккупантами, совместные операции против партизан в конце концов и определили отход значительной части мелкобуржуазных и средних слоев югослав-

[4] Лишь в середине 1944 г., когда совершенно очевидной стала международная и внутренняя изоляция эмигрантского лондонского правительства, его представители заговорили о возможных социальных реформах в будущем государстве. «Мы боремся,— заявил военный министр этого правительства Д. Михайлович в июле 1944 г.,— чтобы каждый крестьянин имел достаточно земли, а рабочий пользовался прибылями того предприятия, где он работает, чтобы служащие имели возможность жить хорошо. Мы создадим такое государство, где капитал будет охраняться законом, но контролироваться...» Это заявление Д. Михайловича, так же как и решение так называемого святосавского конгресса, состоявшегося в феврале 1944 г., следует рассматривать лишь как демагогическую и весьма неуклюжую попытку привлечь на свою сторону народные массы (см.: Центральный Государственный архив Октябрьской революции (далее — ЦГАОР), ф. 4459, оп. 27/1, д. 3739, л. 8. Об эволюции этой части буржуазного лагеря подробнее см.: *Marjanović J.* Prilozi istoriji sukoba narodooslobodilačkog pokreta i četnika Draže Michajloviča u Srbiji.— In: Istorija XX veka. Beograd, 1959, t. 1; *Morača P.* Komunistička partija Jugoslavije..., s. 33—35, 56—57).

ского общества от эмигрантского правительства [5]. В условиях разворачивающейся борьбы им необходимо было сделать выбор: или вместе и под руководством коммунистов добиваться национального освобождения, или пополнить ряды предателей, встав практически в один лагерь с оккупантами.

Крестьянство и средние слои в национально-освободительной борьбе пошли вместе с коммунистами. Этот факт вынуждены были признать даже в лагере покровителей эмигрантского правительства. Английская печать, характеризуя положение в Югославии, писала летом 1943 г.: «В отношении Югославии пропасть между эмигрантским правительством и борющимся населением особенно велика. Эмигрантское правительство представляет режим нескольких сотен человек, очень сильно скомпрометированных своим прошлым. В течение 10 последних месяцев Йованович (глава эмигрантского правительства.— *Г. М.*), видимо, не нажимал на свой кабинет, чтобы он принял какую-нибудь положительную программу. В течение этого же приода военный министр Дража Михайлович проводил свою, в сущности великосербскую, программу, ведя борьбу с партизанами и хорватами, прибегая для этого к помощи итальянцев. Сопротивление внутри страны развивается независимо от правительства...» [6].

Таким образом, в Югославии оккупация и расчленение страны, развернувшаяся народно-освободительная война обусловили новое размежевание политических сил, в котором отход широких народных масс от буржуазии и ее партий был связан непосредственно не столько с социальным моментом, сколько вызывался несовместимостью коренных интересов народа с политикой национального предательства, проводившейся буржуазией и ее политическими лидерами. Он явился результатом патриотизма масс, их стремления к свободе и национальной независимости.

В этих условиях союз рабочего класса, возглавляемого КПЮ, с непролетарскими слоями трудящихся стал скла-

[5] Соглашение Д. Михайловича с М. Недичем о совместной борьбе против партизан было заключено уже в сентябре 1941 г. Декабрем 1941 г. помечен документ штаба четнической армии о сотрудничестве с немецкими воинскими частями в борьбе против партизан.

[6] New Statesman and Nation, 27.VI 1943.

дываться на демократической, национально-патриотической, антифашистской платформе. Завоевание их на сторону пролетариата и его политического авангарда происходило на основе антифашистских, патриотических народно-освободительных лозунгов. Но этот союз объективно оказывался направленным против сил старого строя, поскольку все основные группировки буржуазии в силу разных причин перешли на позиции коллаборационизма. Такая весьма специфическая ситуация, сложившаяся в Югославии, и обусловила весьма важный и существенный для исследуемых вопросов момент: требование коренных социальных перемен не могло выступать здесь в своем классическом виде как требование ликвидации капиталистической собственности на средства производства. Оно оказалось облеченным в антифашистскую, патриотическую, антиколлаборационистскую форму. В сознании масс необходимость уничтожения старого строя сливалась с требованиями антифашистского, национально-освободительного, демократического характера.

Руководство КПЮ учитывало характер происходящей в стране политической дифференциации и понимало, что в складывающейся ситуации попытки положить в основу объединения вокруг рабочего класса большинства нации чисто социалистические требования могут оказать негативное влияние на развитие народно-освободительной борьбы [7]. Поэтому, стремясь расширить массовую базу антифашистского, народно-освободительного движения и укрепить его единство, руководящие органы Народно-

[7] Сделанные в отдельных районах страны (в Черногории, Герцеговине, Далмации) в 1941—1942 гг. попытки выдвинуть на первый план социальную, классовую направленность освободительного движения, провести «большевизацию», «коллективизацию», создать советскую республику и «экспроприировать кулака и буржуазию» весьма наглядно показали все отрицательные последствия подобного форсирования событий. Они привели к сокращению массовой базы движения в названных районах (подробнее см.: *Živković D.* Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942. Beograd, 1969; *Petranović B.* O promenama u društveno-ekonomskoj strukturi Jugoslavije u toku narodooslobodilačke borbe (1941—1945).— Prilozi za istoriju socializma, 1969, N 6. См. также: *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии.— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977, с. 320.

освободительного фронта (НОФ) в своих программных документах не ставили открыто вопроса о необходимости ликвидации частной капиталистической собственности на средства производства.

КПЮ длительное время вообще оставляла открытым вопрос о характере будущих общественных и социальных преобразований. Но, по мере того как основные группировки югославской буржуазии все больше оказывались связанными с оккупантами, выступая с ними единым фронтом против народно-освободительного движения, борьба с буржуазией становилась необходимым условием восстановления национальной независимости страны.

Характеризуя основные задачи народно-освободительного движения, коммунисты стали все более настойчиво подчеркивать необходимость борьбы как против оккупантов, так и против эмигрантского правительства, добивавшегося восстановления старого, довоенного строя [8]. Они разъясняли суть, классовую основу предательства буржуазии, приведшей страну к национальной катастрофе [9].

И хотя в Заявлении Антифашистского веча народного освобождения Югославии и Верховного штаба Народно-освободительной армии, опубликованном в феврале 1943 г., которое определяло основные цели борьбы, был включен специальный пункт, гарантирующий «неприкосновенность частной собственности и полную возможность проявления инициативы в торговле, промышленности и хозяйственной деятельности» [10], это отнюдь не означало отказа коммунистов — руководящей силы освободительного движения — строить новое послевоенное югославское государство на иных, чем в довоенной Югославии, социально-экономических основах.

Появление же в ряде документов НОФ 1943—1944 гг. тезиса о гарантии частной собственности и частной ини-

[8] И. Броз Тито в сентябре 1942 г. выдвинул положение о том, что появление народно-освободительных комитетов означает разрыв со старыми формами власти. Необходимость перемен в характере власти была ясно сформулирована на заседании Учредительной скупщины Антифашистского веча Народного Освобождения Югославии (АВНОЮ) в Бихаче в ноябре 1942 г. (см.: *Морача П.* Компартия и социалистическая революция в Югославии в 1941—1945 гг.— В кн.: Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М.: Наука, 1978, с. 531.

[9] См.: *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции..., с. 324.

[10] *Nešović Sl.* Temelji nove Jugoslavije. Beograd, 1973, s. 84.

циативы[11] обусловливалось рядом внутренних и международных моментов. Во-первых, оно диктовалось стремлением КПЮ сделать основные цели и задачи движения как можно более доступными пониманию и отвечающими интересам широкого круга социальных сил, участвующих в освободительной борьбе. Необходимо было ликвидировать почву, порождающую сомнения, неустойчивость и колебания среди многочисленных в Югославии мелкобуржуазных слоев города и деревни[12]. Ведь они шли вместе с рабочим классом и коммунистами в освободительной борьбе в первую очередь потому, что это была единственная сила в оккупированной стране, активно и последовательно боровшаяся против оккупантов за восстановление национальной независимости и государственной самостоятельности.

Поставив вопрос о неприкосновенности частной собственности и частной инициативы, руководящие органы НОФ давали мелкобуржуазным слоям определенную гарантию, что развивающаяся в ходе народно-освободительной войны с фашизмом революция не нанесет им ущерба и удовлетворит их насущные интересы. Кроме того, такая постановка вопроса должна была облегчить борьбу за международное признание рождающегося нового югославского государства. Она снимала определенную напряженность в отношении с западными союзниками по антигитлеровской коалиции, которые располагали до войны весьма существенными позициями в экономике Югославии.

[11] Такие пункты имелись в документах руководящих органов освободительного движения отдельных земель Югославии: Хорватии, Черногории и др. Например, в «Декларации основных прав народа и граждан демократической Хорватии», принятой на заседании Антифашистского веча народного освобождения Хорватии 8 мая 1944 г. прямо указывалось, что «каждому гражданину гарантируется неприкосновенность личности и имущества, гарантируется право собственности и частной инициативы в экономической жизни» (Vjesnik, 12.VI 1944).

[12] Эти слои были представлены в первую очередь крестьянством, которое составляло подавляющую массу населения страны (в 30-х годах его удельный вес колебался в пределах 75—80%). Рабочий класс был относительно невелик: в 1937 г. число занятых в промышленном производстве достигло 374 тыс. человек (см.: Hospodářské dějiny evropských socialistických zemí. Praha, 1977, s. 41—42).

Делая акцент на гарантии частной собственности и частной инициативы, коммунисты понимали, что в условиях нарастающей изоляции основных группировок буржуазии, вставшей на путь коллаборационизма, в условиях перехода всех ведущих позиций в экономике страны в руки оккупантов и их приспешников, создаются реальные предпосылки осуществления коренного переворота в системе производственных отношений.

После оккупации и расчленения страны все основные отрасли промышленности как в оккупированных районах, так и на территории «независимого государства Хорватия» оказались или в руках непосредственно немецкого и итальянского капитала, или тех кругов национальной буржуазии, которые активно сотрудничали с оккупантами.

Немецкий капитал еще до войны вел усиленное наступление на экономику Югославии. Химическая промышленность страны уже до 1941 г. практически оказалась под контролем германского концерна «И. Г. Фарбениндустри». После захвата Германией Чехословакии, Бельгии, Франции, объявления войны Англии в руки германского капитала перешли все предприятия, принадлежавшие и контролировавшиеся прежде английскими, французскими, чехословацкими, бельгийскими и другими монополиями [13].

Предприятия и банки, принадлежащие национальной югославской буржуазии, даже там, где сохранилась видимость самостоятельности, как, например, в Хорватии, фактически превращались в филиалы монополистических немецких объединений, а их владельцы активно сотрудничали с оккупантами [14].

[13] О позициях последних в югославской экономике можно судить по следующим данным: до войны 45% иностранного капитала в горнорудной промышленности составлял английский капитал, 49% добычи угля в стране контролировалось бельгийским и французским капиталом. Последнему принадлежали знаменитые Борские рудники по добыче медной руды, а 75% акций рудников по добыче хрома находилось в руках английских капиталистов. (Подробнее о позициях иностранного капитала см.: *Dimitrijević S.* Vladavina stranog kapitala u bivšoj Jugoslaviji.— In: Iz istorije Jugoslavije 1918—1945. Beograd, 1952, s. 299—313).

[14] Так, например, Хорватский земельный банк и Хорватский республиканский банк полностью контролировались концерном Дрезденского банка. Банковское объединение «Хорватия» было подчинено германским «Дойчебанком». Акционерное общество

В этих условиях конфискация имущества оккупантов и лиц с ними сотрудничавших объективно становилась мерой антикапиталистической. Практика органов революционной власти на освобожденных территориях уже наглядно показывала, что в форме наказания врагов и предателей, по существу, осуществлялась «экспроприация экспроприаторов» [15].

Направленность этих мер отчетливо проявилась в Фочинских постановлениях Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии, принятых в феврале 1942 г. Здесь указывалось, что важнейшей составной частью фонда народно-освободительной войны должно стать имущество, конфискованное на основе постановления военных судов у лиц, сотрудничавших с фашистами. Кроме того, постановления предусматривали возможность реквизиций для нужд народно-освободительной борьбы у имущих лиц [16]. Последовательное осуществление мер по наказанию врагов и предателей должно было привести к ликвидации экономических позиций буржуазии. Компартия Югославии ясно понимала это, и не случайно в инструкции Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ), занимавшегося вопросами восстановления хозяйства, изданной в апреле 1944 г., местным органам власти предписывалось при сборе сведений о предприятиях «обращать особое внимание на происходящие перемены в собственности». Необходимость этого прямо мотивировалась тем, что «многие предприятия после падения старой Югославии перешли в руки германского, итальянского и болгарского капитала, и их теперешние владельцы, возможно, будут пытаться исчезнуть с арены хозяйственной жизни путем перевода акций на югославских граждан и граждан союзных держав» [17].

по разработке лесов «Белица», также действуя под контролем германских монополий, предоставило все свои материальные и финансовые ресурсы в распоряжение оккупантов и, сотрудничая с ними, получало немалые прибыли (см. подробнее: Napred, 1.XII 1945; ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/1, д. 851, л. 75).

[15] См.: *Morača P.* O podstawowych cechach charakterystycznych..., s. 143; *Зеленин В. В.* Важнейшая историческая веха (К 30-й годовщине Второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии).— Сов. славяновед., 1973, № 6, с. 9.

[16] *Nešović Sl.* Privredna politika i ekonomske mere u oslobodilačkoj borbi naroda Jugoslavije. Beograd, 1964, s. 31—32.

[17] *Nešović Sl.* Temeliji nove Jugoslavije..., s. 223.

Итак, специфика размежевания политических сил в югославском обществе в годы оккупации и народно-освободительной войны, привела к тому, что требования коренных социальных перемен в сфере промышленного производства в программных документах руководящих органов Народно-освободительного фронта, по существу, оказались влитыми в русло антифашистской освободительной борьбы, приняв форму требований конфискации имущества врагов и предателей, требований, выдвигавшихся всеми слоями и группами югославского общества, боровшимися под руководством КПЮ.

Весьма своеобразная ситуация с точки зрения размежевания политических сил на заключительном этапе войны складывалась и в Албании[18]. Здесь, по мере того как руководство национально-освободительным движением все больше сосредоточивалось в руках молодой коммунистической партии, в нем стали быстро нарастать антиимпериалистические тенденции. Началась та поляризация сил, которая в конце концов привела господствующие классы и националистические организации, противостоявшие, подобно «Бали Комбетар», созданному КПА Национально-освободительному фронту, в один лагерь с оккупантами.

В результате борьба против итальянского и германского фашизма неизбежно должна была слиться с борьбой против своих господствующих классов. Национальная окраска социальной борьбы в Албании усиливалась в значительной мере и тем моментом, что основным эксплуататором здесь выступал не албанский, а итальянский капитал, прибравший еще в 20-х и 30-х годах к своим рукам ведущие отрасли албанской промышленности, прежде всего горнодобывающую и обрабатывающую[19]. Из-за низкого уровня развития капитализма албанская буржуазия, представленная торгово-ростовщическими кругами, не имела сколько-нибудь значительных позиций

[18] См. подробнее: *Смирнова Н. Д.* Образование Народной Республики Албании. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

[19] К началу второй мировой войны в руках итальянских компаний целиком находилась разведка и добыча полезных ископаемых. Даже Национальный банк Албании был создан на основе займа, предоставленного итальянской компанией, а доля собственно албанского капитала едва достигала 25% (подробнее см.: *Смирнова Н. Д.* Образование Народной Республики Албании, с. 29—35).

в экономике страны. Ей отводилась лишь роль посредника между итальянским капиталом и внутренним рынком.

Поэтому подход коммунистов Албании к решению вопроса о ликвидации капиталистической собственности обусловливался как размежеванием политических сил в антифашистской освободительной борьбе, так и тем, что значительную часть владельцев промышленных и торговых предприятий, а также банковских учреждений составляли лица, являвшиеся гражданами оккупирующей державы. В документе, принятом Генеральным национально-освободительным советом Албании 4 июля 1943 г. в Лябиноте, открыто не ставился вопрос об изъятии средств производства у капиталистических собственников. Такой подход к этой проблеме давал возможность сплотить вокруг Национально-освободительного фронта, возглавляемого коммунистами, широкие, патриотически настроенные круги, выступавшие за восстановление национальной независимости страны, и постепенно под патриотическими, антифашистскими, демократическими, национальными лозунгами подвести массы к осознанию необходимости ликвидировать капиталистическую собственность.

Из этого следует, что в Албании вторжение революционных сил в сферу капиталистической собственности стало развертываться не в виде строго социальной акции, а в качестве антифашистской, патриотической меры, выражавшейся в конфискации собственности оккупантов и коллаборационистов [20].

Таким образом, в двух рассмотренных странах в результате специфики расстановки политических сил в антифашистской борьбе, когда господствующие классы в той или иной форме пошли на сотрудничество с фашизмом, антикапиталистические требования, наполнившись антифашистским содержанием, превратились в требования всех сил, объединившихся на борьбу за национальное и государственное возрождение на основе концепции, предложенной коммунистами, которые в этих странах являлись единственной силой, способной возглавить народно-освободительную борьбу против захватчиков.

[20] С октября 1943 г. на имущество итальянских акционерных компаний был наложен секвестр, а на принадлежавших им предприятиях был установлен контроль национально-освободительных советов.

2. Поляризация сил в польском движении Сопротивления и экономические аспекты программных документов ППР и ПКНО

В Польше, как и в двух рассмотренных странах, национальный момент также оказал решающее влияние на формирование и реализацию социально-экономических программ послевоенного устройства, выдвигаемых антифашистским лагерем. Но здесь политический состав антифашистского лагеря был более сложным, чем в Югославии и Албании, ибо он включал в себя не только пролетариат и поддерживавшие его трудящиеся массы города и деревни, но и различные круги национальной буржуазии, выступавшей против оккупантов. В Польше даже подавляющее большинство правых группировок заняло отрицательную позицию по отношению к оккупационному режиму.

В отличие от Югославии и Албании буржуазный лагерь Польши имел весьма прочные позиции в движении Сопротивления. Поэтому здесь размежевание демократических и революционных сил с силами буржуазии происходило на несколько иной основе, чем в Югославии и Албании. Социальные моменты в этом размежевании не могли не играть важной роли, поскольку стержень борьбы различных сил, выступавших за восстановление независимого государства под антифашистскими лозунгами, сводился к тому, каким будет новое возрожденное государство. В свете этого весьма актуальным становился вопрос о программе социальных преобразований после войны. И ни одно политическое направление, претендовавшее на роль гегемона в будущем польском государстве, не могло оставить этот вопрос без ответа. Если в Югославии и Албании господствующие классы не выдвигали сколько-нибудь существенных проектов социально-экономических реформ, ставя в качестве основной задачи восстановление довоенного положения, в Польше с проектами национализации выступил широкий круг политических группировок, представлявших не только интересы пролетариата и примыкавших к нему трудящихся масс, но и интересы различных групп национальной буржуазии, политические представители которой отчетливо осознавали невозможность простого возврата к старому довоенному положению.

Здесь даже самые правые буржуазные круги и в стране, и в эмиграции признавали на словах необходимость социальных реформ. Весьма выразительно охарактеризовал их настроения С. Грабский, буржуазный политик и экономист, который в 1942 г. писал: «С разных сторон в наших программах неизбежно встает вопрос о передаче государству так называемых тяжелых или ключевых отраслей промышленности. Это требование выдвигают не только социалисты. Его включил в свою идейную декларацию даже Национально-радикальный лагерь (Obóz narodowo-radykalny)» [21].

Причины, обусловившие такой сдвиг, лежали прежде всего в тех кардинальных переменах имущественных отношений в польской экономике, которые произошли в период фашистской оккупации.

На землях, включенных в состав германского рейха (а именно они и были экономически наиболее важной частью польского государства), практически все промышленные, торговые, сельскохозяйственные предприятия были изъяты у лиц польской и еврейской национальностей и граждан держав, находившихся в состоянии войны с Германией. К середине 1943 г. здесь было конфисковано 7265 промышленных предприятий, 22 610 торговых фирм и магазинов, 20 680 ремесленных мастерских, 4800 отелей, 502 кредитных учреждения [22]. Часть этих конфискованных предприятий была сразу же ликвидирована оккупационными властями из-за низкой рентабельности, на других производство было законсервировано, третьи были переданы в руки лиц немецкой национальности, а наиболее экономически важные перешли в собственность германского рейха или отдельных монополистических объединений.

В «генерал-губернаторстве» в руки нацистских властей сразу же после оккупации перешла вся собственность бывшего польского государства: железные дороги, почта, телеграф, государственные заводы и фабрики, государственные банки, школы, институты [23]. Далее через

[21] Цит. по: *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację przemysłu. Warszawa, 1961, s. 28.

[22] *Luczak Cz.* Kraj Warty. Poznań, 1972, s. 92—93.

[23] *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. 1939—1944. М.: Наука, 1971, с. 81, 89.

систему «ариизации», конфискаций, введения института «опекунства», который являлся, по существу, завуалированной формой отчуждения, германскими монополиями были захвачены все важнейшие отрасли промышленности: военная, химическая, электротехническая, нефтедобывающая и т. д.[24] Крупнейшие германские концерны, такие, как «Рейхсверке Г. Геринг», «Гуго Шнейдер АГ», «Остдойче хемише-Верке», «АЭГ», сразу же прибрали к своим рукам все важнейшие промышленные предприятия[25].

Польский капитал в генерал-губернаторстве удерживал свои позиции до 1943 г. только в среднем и мелком предпринимательстве. Однако после разгрома фашистских армий под Сталинградом и начала акций по тотальной мобилизации, оккупационные власти в Польше развернули широкую кампанию по ликвидации мелкого и среднего предпринимательства. А. Ф. Носкова, исследовавшая экономическую политику Германии на территории оккупированных польских земель, считает, что эта акция «решала политический вопрос о национальном характере собственности в генерал-губернаторстве»[26].

Таким образом, экономическая политика германского фашизма в Польше, приведшая к полному разрушению довоенной структуры экономики и существенным переменам имущественных отношений в промышленности, торговле и финансах, оставляла у польской буржуазии весьма мало надежд на возможность восстановления своих прежних экономических позиций. «Оккупация дезорганизовала аппарат производства и прежде всего в корне разрушила систему собственности. Уже само только приведение в порядок правовых отношений в значительной степени окажется новым перераспределением собственности... В одних случаях это станет огромным шагом по пути к обобществлению средств производства, в других — окажется необходимым передать имущество отдельным лицам или организациям. Так или иначе государство должно располагать значительной частью национального имущества, что будет означать достижение принципиальных изменений в его распределении»,— писал «Бюлетын

[24] *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши..., с. 85, 86.
[25] *Madajczyk Cz.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. Warszawa, 1970, t. I, s. 530—531.
[26] *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши..., с. 185.

господарчы»[27], являвшийся органом Делегатуры, которая представляла в стране лондонское эмигрантское правительство.

Ставя вопрос о необходимости передачи ключевых и тяжелых отраслей промышленности государству, представители буржуазии также осознавали, что в условиях послевоенной разрухи, нехватки национальных капиталов будет весьма трудно приступить к оживлению и реконструкции экономики без прямого участия государства. Последнее, взяв под свое управление наиболее пострадавшие отрасли, позволило бы буржуазии переложить основную тяжесть восстановления на плечи трудящихся масс. Это была вторая и весьма весомая причина, заставлявшая политических лидеров польской буржуазии ставить вопрос о необходимости вмешательства государства в управление экономикой, о повышении его роли в качестве основного регулятора хозяйственной жизни страны. Представители польской буржуазии охотно говорили о национализации ключевых отраслей промышленности и потому, что в довоенной Польше эти отрасли в значительной части находились в руках иностранного капитала (главным образом французского и американского)[28]. Такая национализация позволила бы польской буржуазии усилить свои позиции в национальной экономике, подорвав влияние иностранных конкурентов.

Был и третий существенный момент, который буржуазные политики всех оттенков неизбежно должны были учитывать при разработке своих программ. Речь идет о том весьма ощутимом сдвиге влево в политической ориентации значительных слоев польского общества, который нашел свое выражение в критике политических и экономических основ довоенной Польши, в росте убежденности, что новая, послевоенная Польша должна стать более справедливой и базироваться на иных принципах, чем довоенное государство[29].

[27] Цит. по: *Gołębiowski J. W.* Nacjonalizacja przemys'u w Polsce. Warszawa, 1965, s. 25.

[28] *Zientara B., Mączak A., Ihnatowicz J., Landau Zb.* Dzieje gospodarcze Polski do roku 1939. Warszawa, 1973, s. 560—561.

[29] «В понятии справедливости,— сообщалось в донесении Делегатуры в Лондон о настроениях населения,— для всех классов как конечная цель выступает улучшение общественно-экономического устройства» (*Gołębiowski J. W.* Nacjonalizacja przemys'u..., s. 23).

Причины этого сдвига обусловливались рядом моментов. С одной стороны, радикализация настроения широких слоев была, безусловно, реакцией на политику национального террора, проводимую оккупантами. Рабочему классу господство германского капитала принесло усиление эксплуатации, выразившееся в увеличении рабочего дня, ликвидации права на отпуск, в снижении заработной платы и т. п., которое сочеталось с жесточайшим национальным угнетением. Средним городским слоям, особенно интеллигенции, оккупация несла не только ухудшение положения, но и физическое истребление. Прежде всего на нее и обрушились репрессии оккупантов, поскольку именно в ней фашизм видел выразителя национального сознания народа.

Многочисленные в Польше слои мелких предпринимателей, ремесленников, торговцев лишались оккупационными властями принадлежавшей им собственности в результате проведения акции по «ариизации», мер по концентрации производства, осуществляемых немецкими оккупационными экономическими органами [30].

Все это создавало почву не только для антифашистских настроений масс, но и для переоценки и критики той политической системы, которая привела страну к национальной катастрофе в 1939 г.

С другой стороны, поворот существенной части польского общества влево совершался по мере нарастания успехов Советского Союза в борьбе с гитлеровской Германией, которые весьма убедительно демонстрировали преимущества общественного и политического строя, выдержавшего все испытания и сделавшего СССР главной силой в разгроме фашизма, единственной силой, несущей освобождение польскому народу.

В этих условиях проблема привлечения масс на свою сторону, т. е. в конечном счете проблема политического лидерства, оказывалась неразрывно связанной с радикальностью решения вопроса о будущих социально-экономических преобразованиях. Эту связь весьма отчетливо

[30] По данным Й. Малиновского, количество мелких промышленных и торговых предприятий уменьшилось в Польше в годы войны на 33% (*Malinowski J.* Przemiany w pozycji społecznej drobnomieszczaństwa w nieuprzymysłowionych miasteczkach polskich w latach 1938—1960.— Studia socjologiczne, 1963, N 1 (8).

понимали группировавшиеся вокруг эмигрантского правительства политики. Газета «Глос народа», выражавшая интересы этих кругов, отмечая усиление влияния идей коммунизма в массах, писала: «Бороться с этой идеей можно только с помощью идеи более сильной. А для нас, польского правительства, таковой является программа далеко идущих общественных и экономических реформ, соединенных с патриотизмом... Мы не имеем другого выхода» [31].

Именно поэтому в программах партий, входивших в состав эмигрантского правительства, зазвучали призывы к новой экономической модели будущей Польши, появились пункты о необходимости «обобществления» производства. Однако каждая из партий вкладывала в это требование свое понятие, в наибольшей степени отвечавшее интересам тех слоев общества, которые она представляла.

Так, Стронництво народове — одна из наиболее правых партий лондонского лагеря, представлявшая интересы крупной польской буржуазии и помещиков, вначале считала, что «все имущество немцев и евреев следует передать в руки государства и использовать его для наделения собственностью поляков» [32]. Но впоследствии, под влиянием усиливающейся радикализации польского общества, лидеры этой партии постепенно приходят к выводу о необходимости отказа от некоторых наиболее «болезненных» форм частной собственности. «Там, где в результате предшествующего развития произошла порочная концентрация собственности, экспроприация в конце концов становится необходимым коррективом существующей структуры»,— писал Адам Добошинский [33]. При этом под экспроприацией имелось в виду отнюдь не безвозмездное изъятие собственности, а выкуп государством не-

[31] Цит. по: *Gołębiowski J. W.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 28.

[32] Это положение было сформулировано в заявлении «За что борется Рух народовы?», опубликованном в конце 1942 г. Анализ программ буржуазных партий см.: *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację..., s. 28—52; *Парсаданова В. С.* Из истории борьбы за антифашистский национальный фронт в Польше.— Уч. зап. Ин-та славяноведения, 1962, т. XXIV; *Она же.* Формирование национального фронта в Польше. М.: Наука, 1972. *Turlej S.* Koncepcje ustrojowe obozu londyńskiego. Warszawa, 1978.

[33] Цит. по: *Gołębiowski J. W.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 33.

рентабельных, не приносящих доходов отдельных предприятий и отраслей промышленности. Эта акция, облеченная в форму «обобществления», должна была выполнить роль финансовой инъекции, столь необходимой польским буржуазным кругам, чтобы они могли в условиях послевоенной нехватки капиталов начать укрепление своих позиций, подорванных войной и оккупацией.

Другая буржуазная партия — Стронництво працы — под обобществлением вначале подразумевала передачу государству только тех отраслей, которые ему принадлежали до войны, т. е. железных дорог, почты, телеграфа и т. п. [34] Отражая интересы средней и части мелкой буржуазии, Стронництво працы стремилось добиться прежде всего расширения позиций этих слоев в народном хозяйстве страны и направляла усилия на ограничение сферы деятельности монополистического капитала. Поэтому не случайно в программе партии Стронництво працы, провозглашенной в июле 1944 г., весьма настойчиво стало звучать требование передать под управление государства те отрасли промышленности, которые находились в руках монополий (преимущественно иностранных). Речь шла о военной и металлургической промышленности, о добыче угля и нефти, о железных дорогах. Кроме того, предполагалось установить общественный контроль за деятельностью картелей и монополий. Вместе с тем Стронництво працы ставило вопрос о реприватизации тех предприятий, «которые без всякой надобности были переданы государству» [35], провозглашая принципы частной собственности основой общественного устройства будущей Польши.

С программой более решительных реформ выступало левое крыло лондонского лагеря, представленное в правительстве двумя основными партиями — Стронництво людове, которое вело за собой значительную часть польского крестьянства, и ППС — ВРН (Polska Partia Socjalistyczna — Wolność, Równość, Niepodległość), являвшейся партией правосоциалистического толка и имевшей влияние среди части рабочего класса.

[34] Это требование было сформулировано в декларации Стронництва працы, опубликованной в 1943 г. (см.: *Turlej S.* Koncepcje ustrojowe obozu londyńskiego..., s. 143).

[35] *Gołębiowski J. W.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 32.

Объединенное людовское движение, принявшее наименование Стронництво людове (далее — СЛ) —«Рох», опубликовало свою декларацию с 1943 г. Правое руководство этой организации, отражая интересы зажиточных слоев польской деревни, терпящих ущерб от засилия монополистического и иностранного капитала, стержнем своей программы будущих социальных реформ сделало борьбу за ликвидацию власти монополий. Еще в довоенных программных заявлениях, например в программе 1935 г., выдвигалось требование роспуска всех капиталистических монополий и передачи крупной промышленности в руки организованного общества (т. е. кооперации и самоуправления) [36]. В 1941—1942 гг. теоретический орган партии СЛ—«Рох» — «Пшебудова» выступал, развивая прежние положения, против этатизации и передачи государству промышленных предприятий и провозглашал, что «в будущей Польше частная собственность будет господствовать в мелкой и средней промышленности» [37]. Однако в 1943 г. при разработке «Идейно-программной декларации» СЛ—«Рох» были сделаны явные уступки растущему радикализму масс [38]. В этом документе выдвигалось требование передачи государству всей военной и сырьевой промышленности, добычи угля, металлургии, средств связи, лесов и банков [39]. Но основную форму обобществления авторы этого документа по-прежнему видели в передаче предприятий (правда, при этом не указывалось, о каких предприятиях идет речь) в руки кооперации и самоуправления. Предприятия же, оставшиеся в частных руках, должны были находиться под контролем союзов хозяйственного самоуправления в рамках общего экономического плана [40].

Идея передачи промышленных предприятий в руки кооперативов и самоуправлений, проходившая через все

[36] *Lato St., Stankiewicz W.* Programy Stronnictw Ludowych. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1969, s. 315.

[37] *Borkowski J.* Dzia'alność Polskiego Stronnictwa Ludowego.— Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego. 1960, N 2, s. 86.

[38] Еще до войны со стороны левых элементов партии Стронництво людове выдвигалось требование передачи фабрик и шахт в руки народного государства (см.: *Trocka H.* Spółdzielczość w programach i polityce Polskich Stronnictw Ludowych do roku 1939. Warszawa, 1969, s. 186.

[39] *Lato St., Stankiewicz W.* Programy Stronnictw Ludowych..., s. 336.

[40] *Lato St., Stankiewicz W.* Programy Stronnictw Ludowych..., s. 337.

программные заявления партии Стронництво людове в 20—30-х годах и особенно ярко выступившая в «Идейно-программной декларации» 1943 г., диктовалась стремлением зажиточных слоев польской деревни приобщиться к извлечению доходов из промышленности, чему собственно препятствовал крупный капитал. Передача промышленных предприятий в руки кооперативов делала эти предприятия достоянием сравнительно мелких вкладчиков.

В лондонском лагере особое место занимала партия ППС—ВРН, претендовавшая на роль представительницы интересов рабочего класса. В декларации «Программа Народной Польши», опубликованной руководством ППС—ВРН в 1941 г., было сформулировано требование обобществления всех ключевых отраслей промышленности и банков, которые созрели для подобной акции [41]. Под обобществлением, однако, авторы декларации подразумевали не только и не столько превращение этих предприятий в государственную собственность, сколько передачу их в управление кооперативам и самоуправлениям, т. е. «представителям потребителей» и фабрично-заводским комитетам. Государству же предполагалось передать только те звенья хозяйства, которые были связаны непосредственно с обеспечением обороноспособности страны или имели особое значение для экономики — железные дороги, средства связи, предприятия оборонной промышленности, металлургии, производства сырья, т. е. тех отраслей, где и до войны позиции государства были весьма значительными [42].

Практически здесь программа ППС—ВРН по всем основным пунктам совпадает с рассмотренной выше программой партии СЛ — «РОХ».

В конце 1942 г. ППС—ВРН уточнила программу социально-экономических преобразований в сфере промышленного производства и сделала ее внешне весьма радикальной. В «Материалах к программе Народной Польши» вопрос ставится уже об обобществлении основной части

[41] *Syzdek B.* Polska Partia Socjalistyczna w latach 1944—1948. Warszawa, 1974, s. 22.

[42] О позициях государства в экономике довоенной Польши см.: *Галенко В. П.* Социалистическая национализация основных средств производства в Польской Народной Республике. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 61—80.

промышленности. «Для реализации общественной демократии всюду, а в Польше в особенности, непременным условием является обобществление основной части промышленности, подчинение всей ее деятельности плановому общественному руководству и передача обществу как целому всех создаваемых здесь капиталов» [43]. При этом граница обобществленного сектора устанавливалась совершенно определенно: обобществлению должны были подлежать все промышленные предприятия, где занято более 50 рабочих в одну смену. Масштабы национализации, таким образом, существенно расширялись. При определении принципов управления обобществленными отраслями промышленности акцент делался на двух моментах: на необходимости введения единого общего хозяйственного плана и внесения «подлинной демократии в основные области экономической жизни» [44].

Вопрос о том, в каких формах будет осуществляться передача промышленных предприятий обществу, в новом документе не уточнялся, и здесь ППС—ВРН, по-видимому, оставалась на позициях, сформулированных в «Программе Народной Польши». Правда, в документе 1942 г. делался бóльший акцент на непосредственном участии рабочих в управлении предприятиями: «Руководство каждого промышленного предприятия будет состоять из 3-х человек — назначенного руководителя и двух членов, выбираемых фабрично-заводским комитетом» [45].

Привнесение всех этих положений диктовалось необходимостью учитывать антикапиталистические настроения рабочих масс. Лидеры ППС—ВРН, стремившиеся укрепить свое влияние именно в этой среде, неизбежно должны были свои программные заявления приспосабливать к их требованиям. Об этом откровенно свидетельствовал Зигмунд Заремба — один из активных деятелей ППС—ВРН. В 1943 г. он писал: «Вся экономическая жизнь в восточной части Речи Посполитой в ходе войны перестроена. Попытки найти бывших собственников или разделить предприятия, созданные путем объединения нескольких, вызовут только нарушение в производстве... При этом необходимо считаться, что рабочие этих предприя-

[43] Цит. по: *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację..., s. 33.
[44] *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację..., s. 33.
[45] *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację..., s. 33

тий выступят против всех попыток реприватизации»[46]. Но и в этих условиях руководство ППС—ВРН тем не менее оставалось верным своей мелкобуржуазной концепции, видя основную форму «обобществления» в передаче ряда отраслей производства самоуправлению и кооперации. На практике такая «национализация» означала фактическое сохранение капиталистических отношений, хотя и в замаскированной форме.

В этом смысле чрезвычайно характерно, что по своему конкретному содержанию программа ППС—ВРН оказывалась весьма близкой к программе партии Стронництво людове, которая даже формально не стояла на социалистических позициях.

Внешняя радикальность социально-экономической программы была для ППС—ВРН только ширмой. Ее лидеры, видя свою центральную задачу в противодействии возрастающему влиянию Советского Союза и польских коммунистов, опирались в решении этой задачи прежде всего на сотрудничество с буржуазными партиями лондонского лагеря. Поэтому они не предпринимали и не намерены были предпринимать какие-либо реальные шаги по ограничению власти буржуазии в будущем польском государстве. В частности, ни в 1942 г., ни позднее ППС—ВРН не сделала ничего для создания тех фабрично-заводских комитетов, которые согласно ее программе должны были играть столь большую роль в управлении экономикой послевоенной Польши. Программа ППС—ВРН была лишь одной из многочисленных модификаций буржуазной национализации, не затрагивающей основ капиталистического способа производства.

Таким образом, все входившие в лондонский лагерь политические партии Польши, несмотря на значительные различия программ социальных преобразований, выдвигали требование такого обобществления, которое позволило бы укрепить устои капиталистического строя путем развития государственно-монополистических форм капитализма и расширения круга буржуазных собственников. Одновременно оно давало возможность буржуазии поставить под свой политический контроль радикализирующиеся массы польского общества.

[46] Цит. по: *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację..., s. 34.

Пределы проведения изменений в структуре экономики были очерчены в коллективной декларации партий лондонского лагеря от 15 августа 1943 г. Эта декларация предусматривала передачу в переходный период под управление государства, с участием в этом управлении общественных сил, промышленных предприятий, находившихся во время оккупации под немецким управлением, а также кредитных учреждений, всякой собственности, принадлежавшей немцам или не имевшей владельцев [47]. По сути дела речь шла о передаче буржуазному государству отраслей промышленности, захваченных оккупантами. В дальнейшем государство получало возможность поступать с этими отраслями промышленности и с отдельными предприятиями в соответствии с общими интересами господствующего класса. В декларации, правда, указывалось на участие «общественных сил» в предполагаемых преобразованиях, но на практике буржуазные политики стремились это участие всячески ограничить, настаивая, в частности, на том, чтобы представители «общественных» органов назначались правительственными чиновниками [48]. Проведение этих реформ связывалось у политиков лондонского лагеря с расчетами на взаимное истощение Германии и Советского Союза и победу англо-саксонских держав, которые должны были стать одной из опор буржуазных группировок в их отношениях с трудящимися массами.

Конкретная обстановка, сложившаяся на советско-германском фронте после Сталинграда и Курской дуги, перечеркнула расчеты буржуазно-помещичьих и правосоциалистических политиков на то, что освобождение от фашизма обеспечат Польше западные державы. К осени 1943 г. очевидной реальностью стал факт, что свободу Польше принесет Красная Армия.

[47] *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację..., s. 42.

[48] *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację..., s. 51. Следует также иметь в виду, что эта декларация не сопровождалась каким-либо официальным заявлением эмигрантского правительства. В официальных документах последнего, как показал С. Турлей, о возможных изменениях в сфере промышленного производства не говорилось ничего, кроме «малозначащих общих фраз». В высказываниях отдельных представителей правительства упоминалось лишь о возможности известного контроля над крупными предприятиями со стороны государства (*Turlej S.* Koncepcje ustrojowe obozu londyńskiego..., s. 144—146).

В условиях, когда польская буржуазия не могла рассчитывать на эффективную помощь западных союзников, а левые силы польского общества, наоборот, получали сильную поддержку со стороны Советского Союза, буржуазный лагерь во главе с эмигрантским правительством стал резко эволюционировать вправо, начав отказ от выдвигаемых прежде требований социально-экономических реформ. Даже ППС — ВРН при подписании декларации консультативного органа политических партий, входящих в эмигрантское правительство, созданное в стране (Рада едности народовой) сняла требование национализации, чтобы сохранить единство действий с буржуазными партиями против революционных сил польского народа. Ее лидеры еще в июле 1943 г. на страницах газеты «Вольность» открыто заявили: «Рабочий класс, учитывая общие интересы государства, может согласовать свою политику с необходимостью отсрочки проведения реформ и определения объема обобществленной экономики до момента созыва сейма» [49]. Это означало уже откровенную капитуляцию левого крыла лондонского лагеря перед требованиями буржуазных партнеров. Естественным результатом таких маневров стало падение влияния ППС—ВРН в массах [50].

На позицию лондонского лагеря влияла также его растущая зависимость от западных союзников, с помощью которых можно было рассчитывать на сохранение капиталистического строя. Именно поэтому польские буржуазные политики отказывались от требования национализации иностранного капитала, утверждая, что права «заграничных совладельцев наших рудников, заводов, фабрик, кроме немцев и их сателлитов, должны быть восстановлены» [51].

К середине 1944 г. понятие «обобществление» из лексикона лондонского лагеря вообще начинает исчезать, и вопрос ставится уже только о «внесении общественного фактора в экономическую сферу».

Итак, польская буржуазия оказалась неспособной провозгласить даже ту ограниченную программу реформ, ко-

[49] Цит. по: *Syzdek B.* Polska Partia Socjalistyczna..., s. 25.
[50] *Drukier B.* W przeddzień powstania władzy ludowej w Polsce.— Z pola walki, 1964, N 2, s. 122—125.
[51] *Gołębiowski J. W.* Walka PPR o nacjonalizację..., s. 44.

торая бы могла укрепить ее собственные позиции в экономике страны.

Концепция социально-экономических преобразований, выдвинутая революционным направлением антифашистского движения в самой Польше, формировалась в весьма специфической обстановке, поскольку Польская рабочая партия, являвшаяся цементирующим ядром этого направления, выступила на арену политической жизни польского общества в условиях, когда гегемония в движении Сопротивления принадлежала буржуазии во главе с лондонским эмигрантским правительством. ППР, взяв курс на организацию вооруженной борьбы под лозунгами широкого антифашистского национального фронта, стремилась добиться соглашения о совместной борьбе с партиями лондонского лагеря. Поэтому в первых документах ППР, как, например, в воззвании ППР от января 1942 г., главный акцент делался на необходимости решения общенациональных демократических задач, на передний план выдвигались те моменты, которые объединяли всю или почти всю польскую нацию. Здесь речь шла о борьбе за новую Польшу, свободную от фашизма и политического рабства, за Польшу, где земля будет принадлежать крестьянам, а рабочий будет иметь хлеб, работу и социальное обеспечение [52].

В марте 1943 г. в условиях, когда все партии лондонского лагеря уже выступили с изложением своих взглядов на проблемы будущего устройства Польши, ППР формулирует так называемую малую декларацию «За что мы боремся?», где излагает свои позиции по вопросам будущих социальных реформ.

В этой декларации речь шла о конфискации банковских, торговых и промышленных предприятий, захваченных оккупантами. Касаясь проблемы обобществления, ППР предлагала основной удар направить против крупного монополистического капитала, который, как уже говорилось выше, был представлен в Польше в первую очередь иностранным капиталом, т. е. она ставила вопрос об обобществлении лишь крупных промышленных предприятий и банков [53]. Такая постановка вопроса от-

[52] Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945. Warszawa, 1958, s. 11—15.
[53] Kształtowanie się podstaw..., s. 94.

вечала интересам не только рабочего класса, но и, как показывает разбор основных требований партий Стронництво працы и Стронництво людове, интересам крестьянства, мелкой и части средней буржуазии. Она позволяла при определенных условиях сделать программу, предлагаемую ППР, основой широкого антифашистского, антимонополистического блока [54].

Это, однако, не означало, что ППР в своих планах преобразований готова была любой ценой добиваться сотрудничества с буржуазными партнерами. Включая в свою программу пункт об установлении на предприятиях, подлежащих обобществлению, контроля фабрично-заводских комитетов, она рассчитывала прежде всего на развитие массового движения рабочего класса снизу, которое, являясь подлинной основой антифашистского демократического фронта, и должно было придать ему определенную социальную направленность, отвечающую интересам трудящихся масс.

Такая сторона политического курса ППР становится еще более четко выраженной к осени 1943 г., когда стало ясно, что все попытки ППР реализовать концепцию общего антифашистского фронта на основе соглашения с партиями лондонского лагеря не дают достаточных результатов, а буржуазный лагерь в условиях нарастающей революционной ситуации и приближающегося освобождения Польши Красной Армией, встал на путь открытой борьбы с левыми силами, стремясь под антикоммунистическими и антисоветскими лозунгами добиться восстановления своих позиций в послевоенном независимом государстве.

ППР в этих условиях, исчерпав все возможности создания общенационального антифашистского фронта, внесла в свою тактику ряд принципиальных изменений, дик-

[54] Именно с этой точки зрения и следует рассматривать некоторые критические замечания Г. Димитрова в адрес мартовской декларации ППР, когда он предлагал внести в нее специальный пункт о гарантии возвращения собственности не только мелких, но и средних промышленных и торговых предприятий, конфискованных оккупантами, поскольку вопрос о среднем предпринимательстве, представляемом в Польше национальным капиталом, в рассматриваемом документе оказался обойденным (*Pawłowicz J.* Polityka Polskiej Partii Robotniczej w kwestii nacjonalizacji przemys'u w Polsce.— Polska Ludowa. Dokumenty i materiały. Warszawa, 1965, t. 4, s. 114).

товавшихся нарастающей поляризацией сил в польском обществе, с тем чтобы противопоставить эволюционирующему вправо лондонскому лагерю другую силу, способную объединить польскую нацию. ППР провозгласила курс на создание демократического национального фронта. Его целью должна была стать не только борьба с оккупантами, но и борьба с внутренней реакцией, стремящейся восстановить в Польше свою власть. Изменив отношение к лондонскому правительству, ППР уточнила свою программу социально-экономических преобразований во второй декларации «За что мы боремся?», которая была опубликована в ноябре 1943 г.[55]

Как и в мартовской декларации, первым ставился вопрос о конфискации всей собственности, захваченной оккупантами. Однако, поскольку в термин «обобществление» различные партии вкладывали разный смысл, в ноябрьской декларации он был заменен четким понятием «национализация». Был определен объем этой национализации. Она должна была охватить ключевые отрасли промышленности. Еще более важным было то, что осуществление выдвигаемой программы социально-экономических преобразований связывалось не только с изгнанием оккупантов, но и с непосредственным завоеванием трудящимися власти в борьбе с внутренней реакцией. В связи с этим особо возрастали значение и задачи фабрично-заводских комитетов как важнейшего и главного орудия проведения намеченной программы.

Еще до опубликования ноябрьской декларации орган ППР «Трибуна вольности» поместил программную статью о задачах фабрично-заводских комитетов, где прямо указывалось, что «фабзавкомы должны стать той силой, которая возьмет в свои руки все предприятия сразу же после изгнания оккупантов. Они (фабзавкомы.— *Г. М.*) будут стоять на страже рабочих интересов и не допустят того, чтобы крупная промышленность возвратилась опять в руки эксплуататоров» [56].

В соответствии с этими установками ППР развернула активную деятельность по созданию подпольных фабрично-заводских комитетов, которая особенно широкий размах приняла с начала 1944 г.

[55] Kształtowanie się podstaw..., s. 140—169.
[56] Kształtowanie się podstaw..., s. 134.

Сформулированная в ноябрьской декларации ППР программа социально-экономических преобразований в области промышленности в известной степени близка к требованиям левого течения в Польской социалистической партии, которое весной 1943 г. окончательно оформилось в самостоятельную Рабочую партию польских социалистов (РППС), заявив о своем идейном размежевании с ППС—ВРН.

Исходным пунктом концепции этой новой партии было положение, что послевоенная Польша не может быть капиталистическим государством, что к власти должно прийти революционное рабоче-крестьянское правительство, опирающееся на массовое движение рабочих и беднейших крестьян. В качестве основных социально-экономических преобразований в сфере производства РППС выдвигала требование немедленной конфискации всей крупной и средней промышленности, передачи конфискованных предприятий в руки фабрично-заводских комитетов и организации экономики на социалистических основах [57]. Появление на арене политической жизни Польши партии, открыто выступающей против лондонского лагеря, давало ППР возможность привлечения к совместной борьбе нового союзника, хотя, безусловно, социально-экономические требования РППС не соответствовали в полной мере реальной обстановке, сложившейся в Польше, и были явным забеганием вперед, ибо здесь полностью игнорировалась позиция многочисленных средних слоев.

Программа ППР, изложенная в ноябрьской декларации «За что мы боремся?», исходя из анализа складывающейся расстановки сил акцентировала внимание на необходимости привлечения на сторону демократического революционного лагеря средних слоев польского общества. Поэтому здесь более настойчиво, чем раньше, в соответствии с рекомендациями Г. Димитрова подчеркивалась мысль, что национализация отнюдь не будет затрагивать интересов мелких и средних предпринимателей, а их предприятия, конфискованные оккупантами, будут возвращены прежним собственникам [58].

[57] См. подробнее: *Syzdek B.* Polska Partia Socjalistyczna..., s. 40—43; *Malinowski M.* Geneza PPR. Warszawa, 1972, s. 277.

[58] Kszta'towanie się podstaw..., s. 147.

Требование национализации в том виде, в каком оно было сформулировано в ноябрьской декларации ППР, стало в условиях радикализирующегося польского общества важным средством в борьбе ППР за реализацию предлагаемой ею концепции национально-освободительной борьбы и общественных перемен в послевоенной Польше.

Сопоставление различными силами польского общества двух концепций антифашистской борьбы, предлагаемых, с одной стороны, ППР, а с другой — эмигрантским правительством, с объективно сложившейся к началу 1944 г. исторической реальностью и с перспективой освобождения страны Красной Армией, привело к принципиальной перегруппировке сил внутри движения Сопротивления. Создание Крайовой Рады Народовой, которая объединяла представителей ППР, РППС, левого течения в крестьянском движении, представителей профсоюзов и других общественных организаций, свидетельствовало, что демократические силы, выступавшие против лондонского эмигрантского правительства и связанных с ним реакционных сил внутри страны, в основном приняли концепцию национально-освободительной борьбы, предлагаемую ППР.

Теперь на повестку дня встали иные задачи. Необходимо было завоевать на сторону Крайовой Рады Народовой тех, кто в условиях широкой антикоммунистической, антисоветской пропаганды, проводимой эмигрантским правительством и его Делегатурой в стране, с недоверием, а зачастую даже враждебно относился к силам, объединившимся в КРН. Речь шла о привлечении к совместной борьбе тех рабочих, которые все еще шли за ППС—ВРН, крестьян из партии Стронництво людове, представителей средних слоев, интеллигенции, ремесленников, мелких торговцев и предпринимателей, связывавших свои надежды с программными заявлениями Стронництва працы.

В этих условиях программе социально-экономических преобразований необходимо было придать такую форму, которая делала бы ее приемлемой для всех групп населения, активно боровшихся с оккупантами. Нужно было патриотизм масс, на котором спекулировали лондонские политики, сделать оружием демократического лагеря. Понимая значение национального момента в развертывающейся борьбе и стремясь выбить это оружие из рук буржуазии, ППР и польские коммунисты в СССР при сов-

местной разработке экономических аспектов Манифеста Польского Комитета Национального Освобождения именно на нем сделали основной акцент. В специальном пункте Манифеста было записано: «Национальное имущество, сконцентрированное сегодня в руках германского государства и отдельных германских капиталистов, а именно: крупные промышленные и торговые предприятия, банки, транспорт, леса, перейдет под временное управление государства. По мере урегулирования экономических отношений наступит возвращение собственности» [59]. Кроме того, в Манифесте подчеркивалось, что «собственность, захваченная немцами у отдельных граждан — крестьян, торговцев, ремесленников, мелких и средних предпринимателей, отдельных учреждений и костела будет возвращена их законным владельцам» [60].

Таким образом, требованиям социальных перемен в имущественных отношениях придавалась сугубо антигерманская форма, поскольку именно германский капитал, германское фашистское государство концентрировали в своих руках все отрасли экономики. Поэтому изъятие средств производства из рук германского капитала и передача важнейших промышленных и торговых предприятий, банков и т. д. под временное управление демократического государства выступали как сугубо патриотические меры.

По своей форме экономические пункты Манифеста ПКНО стояли ближе не столько к соответствующим разделам ноябрьской декларации ППР, сколько, пожалуй, к декларации Рады единости народовой, хотя, безусловно, за этим внешним сходством скрывалось принципиальное различие, основанное на диаметрально противоположном понимании сути государства, под временное управление которого предполагалось передать изъятую у оккупантов национальную собственность. Если в документе лондонского лагеря речь шла о буржуазном государстве, где оптимальным вариантом могло быть лишь превращение переданной под управление собственности в государственно-капиталистический сектор экономики, то в Манифесте ПКНО имелось в виду новое государство, где ведущие позиции будут принадлежать рабочему классу и,

[59] Kształtowanie się podstaw..., s. 507.
[60] Kształtowanie się podstaw..., s. 507.

следовательно, государственная собственность неизбежно будет эволюционировать в направлении социализма.

Необходимость придания такой формы экономическим требованиям в Манифесте ПНКО и отказ от прямого выдвижения лозунга национализации, о котором говорилось в ноябрьской декларации ППР, были обусловлены рядом факторов, которые учитывали Польская рабочая партия и ее союзники по КРН.

Снимая открытое требование национализации и делая акцент на национальном моменте, революционные силы рассчитывали привлечь на свою сторону те слои польского общества, в которых агитация эмигрантского правительства и его Делегатуры, основанная на обвинениях КРН и ПКНО в стремлении «установить в Польше Советскую власть и ввести колхозы», находила отклик. Эта уступка облегчала расширение национально-демократического фронта и ослабляла лагерь противников КРН, помогала оторвать от него некоторые социальные круги, интересы которых совпадали с интересами польской демократии, но которые еще до конца не преодолели антикоммунистических настроений.

Необходимость перестановки акцентов по сравнению с ноябрьской декларацией ППР диктовалась и внешним фактором. Важно было облегчить решение «польского вопроса», облегчить путь к дипломатическому признанию нового польского правительства в лице ПКНО западными державами, входящими в антигитлеровскую коалицию. Это также требовало весьма осторожного подхода к вопросу о вмешательстве в сферу капиталистической собственности. Стремлением не обострять отношений с западными союзниками прямой постановкой вопроса о предприятиях, принадлежавших иностранному капиталу, по-видимому, и следует объяснить появление в Манифесте ПКНО положения о возвращении собственности по мере урегулирования экономических отношений, которое относилось к вопросу о будущих судьбах не только мелких и средних, но и крупных промышленных, торговых и банковских предприятий [61].

Таким образом, в Польше в обстановке весьма сложного размежевания политических сил, когда буржуазный лагерь, имевший значительное влияние на широкие слои

[61] Kształtowanie się podstaw..., s. 507.

польского общества, занял антинациональные позиции, революционные силы, объединившиеся во главе с ППР в Крайовой Раде Народовой, сняли открытое требование национализации. Наполнив требование вмешательства в сферу капиталистической собственности на средства производства антифашистским, национальным содержанием, они объединили в единый поток стремления различных по своей природе социальных сил и обеспечили возможность подведения широких народных масс под антифашистскими патриотическими лозунгами к решению коренных социальных проблем.

3. Объединение антифашистских сил в Чехословакии и вопросы социально-экономических преобразований в Кошицкой программе

В Чехословакии, как и в Югославии, Албании и Польше, национальный момент тоже играл определяющую роль в формировании требований национализации, придав им антифашистскую, патриотическую, демократическую окраску. Однако здесь характер борьбы за национализацию и силы, выступавшие с этими требованиями, были иные, чем в трех названных выше странах. Это объяснялось существенными отличиями в политическом составе антифашистского Национального фронта чехов и словаков, сложившегося в ходе освободительной борьбы.

Если в Югославии, Албании и Польше главные политические группировки господствующих классов в силу разных причин оказались вне антифашистских фронтов, сформировавшихся на основе концепций антифашистской борьбы, предлагаемых коммунистами, то в Национальном фронте чехов и словаков объединились весьма широкие по своему классовому составу силы, начиная от представителей рабочего класса и кончая представителями целого ряда группировок чешской и словацкой буржуазии, которые, ориентируясь на западные державы антигитлеровской коалиции, заняли антифашистские позиции.

Расчленение республики, оккупация Чешских земель гитлеровской Германией, создание под ее эгидой так называемого независимого Словацкого государства привели к значительному изменению положения отдельных классов и групп в Чехословакии.

Чешская буржуазия утратила свое прежнее господствующее положение в стране, а экономическая экспансия германских монополий, проходившая в «протекторате» весьма бурными темпами, привела к тому, что значительная часть позиций чешского капитала в экономике страны была утрачена. Только в результате политики «ариизации», проводимой оккупационными властями, более 30% капитала Чехословакии перешло в руки германского рейха и его монополий. В крупнейшие германские монополистические объединения, такие, как «Рейхсверке Герман Геринг», «Манесман-Ринггофер» были включены ведущие предприятия тяжелой чехословацкой промышленности: знаменитые заводы «Шкода», «Збройовка», «Полдина Гуть», «Витковицке железарны» и др.[62] Переход под контроль германских банков всех крупнейших финансово-кредитных учреждений бывшей Чехословацкой республики означал полное овладение германским капиталом ведущими отраслями ее хозяйства[63].

Установление экономической диктатуры германского капитала в протекторате в определенной мере облегчалось тем, что здесь имелись значительные финансово-монополистические группировки, подобные группировке Живностенского банка, возглавляемой Прейсом, которые активно выступали за сотрудничество с оккупантами.

Оккупация и интенсивное наступление германских монополий на экономические позиции чешской буржуазии повлекли за собой усиление политической дифференциации внутри чешского буржуазного лагеря.

[62] См. подробнее: *Průcha V.* Změny v sociální struktuře Československé společností v letech 1938—1945. Praha, 1969, s. 14—16; *Chmela L.* Hospodářská okupace Československa a její metody a důsledky. Praha, 1946, s. 94—96.

[63] Например, через Пражский кредитный банк, бывший одним из наиболее мощных финансовых концернов в домюнхенской Чехословакии, акции которого перешли в 1941 г. в «Дойче Банк», германский капитал получил право распоряжаться такими отраслями промышленности, как электротехническая, машиностроительная, сахароваренная, керамическая. Аналогичная ситуация складывалась и в других отраслях. Постепенно акции ведущих банков Чехословакии оказывались в руках германских монополий: «Чески экскомтни банк» оказался под контролем концерна «Рейхсверке Герман Геринг», «Англо Банк» — под контролем лейпцигского «Дойче Кредит Анштальт» и т. д. (Čechoslovak (Londyn), 29.X 1944).

Часть буржуазии, ранее связанная с западными державами, видела в политике германского фашизма в протекторате угрозу своему существованию. Планы на будущее она строила в расчете на победу держав антигитлеровской коалиции и надеялась с помощью западных союзников в коалиции добиться восстановления своих позиций в послевоенном государстве. Эта часть буржуазии примкнула к движению Сопротивления.

Другая часть чешской буржуазии, представленная крупными финансово-монополистическими объединениями, встала на путь коллаборационизма. Если сначала рубеж между двумя названными группировками был весьма относителен и в первое время после оккупации Бенеш и его окружение поддерживали связи с правительством протектората, возглавляемым Гахой, то по мере развития национально-освободительной борьбы и растущей политической дискредитации коллаборационистских группировок Бенеш счел нужным порвать отношения с Гахой. Разрыв между двумя наметившимися группировками буржуазного лагеря стал нарастать [64]. Дистанцируясь от правых группировок, открыто сотрудничавших с оккупантами, антифашистская часть буржуазии стремилась сохранить свое влияние в обществе и обеспечить себе политические позиции в будущем чехословацком государстве. Представлявшее ее интересы эмигрантское правительство в Лондоне и лидер буржуазной эмиграции Э. Бенеш в конце концов признали необходимость прямого сотрудничества с КПЧ и Советским Союзом в деле освобождения и восстановления национальной независимости страны [65].

Таким образом, ко времени освобождения страны только лишь часть чешской буржуазии выступала в качестве политически активной силы в Национальном фронте чехов и словаков.

Словацкая буржуазия, особенно те ее группировки, которые были связаны с клеро-фашистским режимом Тисо, в период существования марионеточного словацкого государства усилили свои экономические позиции, хотя и

[64] См.: *Bouček M., Kliměs M., Vartíková M.* Program revolúcie..., s. 52—53.

[65] Анализ причин такого поворота в политике лондонского лагеря чешской буржуазии см.: *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M.* Program revolúcie...

в меньшей мере, чем рассчитывали. Словацкий акционерный капитал в промышленности возрос в 1938—1942 гг. с 114 до 277 млн. крон, а число акционерных обществ, находившихся под его контролем, увеличилось с 40 до 74 [66]. Но основная масса бывшего чешского капитала в Словакии оказалась в руках германских монополий. Под их контроль перешла вся горнорудная промышленность. В химической промышленности германский капитал контролировал 76,5% производства, в металлургической 59,9% [67]. Как отмечают словацкие исследователи, все попытки словацкой буржуазии усилить свои позиции за счет иностранного и чешского капитала, а также укрепиться в отраслях тяжелой промышленности в условиях германской конкуренции были обречены на неудачу. Ей удалось усилить свои позиции только в мелкой и средней промышленности [68]. Это и стало одним из моментов в поляризации сил внутри словацкого буржуазного лагеря. Здесь имелись отдельные группировки, связанные с чехословацкой буржуазной эмиграцией в Лондоне, принадлежавшие в прошлом к аграрной и национально-социалистической партиям. Они были недовольны тем, что Словакия превратилась в сырьевой придаток рейха. Антитисовские настроения среди буржуазии стали усиливаться по мере нарастания успехов Красной Армии. Отдельные представители этих кругов уже с 1942 г. начали поиски контактов с коммунистами [69]. Таким образом, в Словакии, так же как и в Чешских землях (хотя здесь обстановка существенно отличалась) происходит раскол буржуазного лагеря. Часть его примыкает к антифашистскому движению, заботясь о сохранении своих позиций в будущем государстве.

Оккупационный гитлеровский режим в протекторате занял резко отрицательные позиции по отношению к интеллигенции, особенно к ее творческой части, рассматривая эту прослойку общества как главное препятствие на

[66] *Průcha V.* Změny v sociální struktuře..., s. 56.
[67] См.: *Faltus J., Průcha V.* Priehl'ad hospodarského vyvoja na Slovensku v rokoch 1918—1945. Bratislava, 1967, s. 338—349; *Kováčik L.* Slovensko v sieti nemeckého finančného kapitálu. Bratislava, 1955.
[68] См.: *Kropilak M.* Slovenské národní povstání. Praha, 1975, s. 58.
[69] *Kropilak M.* Slovenské národní povstání, s. 65.

пути немецко-чешского «сотрудничества». Р. Гейдрих позиции оккупантов по отношению к интеллигенции выражал вполне определенно: «Эти люди должны быть выселены и онемечены или в конце концов просто поставлены к стенке» [70]. Террор против интеллигенции, по существу, начался уже с сентября 1939 г. Та часть интеллигенции, которая не встала на службу к оккупантам, либо эмигрировала и участвовала в Сопротивлении за границей, либо была достаточно активной силой движения Сопротивления внутри страны.

В этой среде, в значительной своей мере связанной с мелкобуржуазными кругами, справедливо считали виновниками национальной катастрофы прежде всего представителей крупной финансово-монополистической буржуазии. Здесь широкое распространение получили взгляды о невозможности простого возвращения после войны к довоенному прошлому, о необходимости создать государство, «достойное имени Масарика», и сделать «общественными» ключевые отрасли промышленности.

Для мелкобуржуазных слоев города — ремесленников, мелких предпринимателей и торговцев — оккупация означала не только политическое, но и экономическое потрясение. Меры по ограничению мелкого производства, проводимые оккупационными властями, осуществлялись прежде всего за счет производственных объектов, принадлежавших чехам.

По данным, оглашенным на заседании президиума Центрального союза чехословацкой промышленности в июне 1945 г., из 3000 мелких и средних промышленных предприятий, закрытых оккупационными властями на территории Чехии и Моравии в период существования протектората, 99% принадлежали чехам [71].

К 1942 г., когда переориентация всей экономики протектората на обслуживание потребностей гитлеровского вермахта развернулась в полную меру, когда людские и материальные резервы активно поглощались военной машиной, мелкое производство начало свертываться: кредиты и сырье стали отпускаться лишь предприятиям, выполнявшим военные заказы, рабочая сила в принудительном

[70] Цит. по: *Průcha V.* Změny v sociální struktuře..., s. 28—29.
[71] Státní Ústřední Archiv, f. ÚSČP. krabice 15, Zapis o schůze prezidia, konané 20.VI 1945.

порядке направлялась на военные заводы. С 1942 г. совершенно отчетливо обозначилась тенденция к сокращению числа мелких предприятий [72]. Разорение ремесленников и мелких предпринимателей усиливалось также и политикой той части чешской буржуазии, которая сотрудничала с оккупантами и пыталась компенсировать утраченное первенство в хозяйственной жизни страны за счет наступления на мелких предпринимателей. Таким образом, экономическая политика оккупантов и их приспешников неизбежно толкала мелкобуржуазные городские слои в протекторате к объединению с силами, борющимися против фашизма и национального угнетения.

В Словакии процесс перехода мелкобуржуазных городских слоев на сторону антифашистского движения проходил более сложно, чем в Чешских землях. Здесь клеро-фашистскому режиму удалось, играя на религиозных и национальных чувствах и подкрепляя эту игру акциями по «ариизации» имущества еврейского населения, привлечь к себе значительную часть этих слоев.

Существенные изменения произошли в положении рабочего класса Чехословакии, который в годы войны значительно вырос [73]. Оккупация принесла чешскому рабочему не только национальное угнетение, но и усиление социального и политического гнета. Были ликвидированы существовавшие в годы буржуазной республики все демократические права, позволявшие рабочему классу от-

[72] См. подробнее: *Deyl Zd.* Řešení vztáhů dělnické třídy a městské maloburžoazii 1945—1948. Kandidační práce. Bratislava, 1963, s. 86.

[73] Нижеслеующая таблица показывает основные тенденции роста занятости рабочей силы в промышленности протектората в 1939—1945 гг. (март 1939 г. = 100)

Год	Металлообрабатывающая промышленность	Остальные отрасли промышленности	Промышленность в целом
1939	107,9	103,1	104,9
1944	223,8	93,6	141,9
1945 март	223,9	89,3	138,9

Archiv Státní Planovací komise, č. 138. Sitiační zpráva o čs. průmyslu. s. 1.

стаивать свои интересы, распущены политические партии рабочего класса, запрещены революционные профсоюзы. Созданный после марта 1939 г. Национальный профсоюзный центр стал послушным орудием оккупантов. Было ликвидировано право рабочих вести переговоры с предпринимателями, заключать коллективные договоры, отменены отпуска, восьмичасовой рабочий день, запрещены забастовки [74]. Рабочие насильно закреплялись за предприятиями и фактически лишались права перехода на другую работу. Капиталистическая эксплуатация, которая в годы войны чрезвычайно усилилась [75], выступала теперь незавуалированная никакими буржуазно-демократическими законодательствами. Весь комплекс этих факторов неизбежно вел к радикализации чешского рабочего класса, к изживанию имеющихся в его среде реформистских иллюзий.

В Словакии, как в Чешских землях, в период войны также наблюдалось увеличение удельного веса рабочего класса. С 1939 по 1943 г. число промышленных рабочих (не считая шахтеров) возросло на 46,8% [76], усилилась его концентрация.

Фашизация политической жизни в «независимом Словацком государстве», отмена всех демократических прав и особенно усилившееся после 1941 г. хозяйничанье германских монополий в промышленности [77] имели те же результаты, что и в Чешских землях: рабочий класс Словакии вступил в антифашистское движение как самая радикальная сила общества. Его первые выступления в виде стачек, принимавших местами открыто антифашистский характер, относятся уже к 1939—1940 гг.[78]

Изменение в положении различных классов и социальных групп чехословацкого общества в годы войны и оккупации обусловили существенный сдвиг влево в его политической ориентации. Уже осенью 1940 г. в сообще-

[74] Подробнее см.: *Král V.* Otázky hospodářského a sociálního vývoje v Českých zemích 1938—1945. Praha, 1959, d. III, s. 52—93.

[75] Об уровне зарплаты, росте цен, увеличении рабочего дня и т. д. см.: *Král V.* Otázky hospodářského a sociálního vývoje..., s. 119—137, 138—175.

[76] *Průcha V.* Změny v sociální struktuře..., s. 58.

[77] Подробнее о положении словацкого рабочего класса см.: *Kropilak M.* Slovenské národní povstání, s. 54—55.

[78] *Kropilak M.* Slovenské národní povstání, s. 44—46.

ниях, приходивших из протектората, руководителям лондонской эмиграции явно давалось понять, что после войны нельзя рассчитывать на простую реставрацию домюнхенских порядков. «У нас люди в подавляющей массе желают более лучшей социальной организации, чем была раньше,— сообщалось Э. Бенешу его сторонниками в стране в ноябре 1940 г.— Сейчас очень много и часто в народе говорят о национализации шахт, о новой земельной реформе, об ограничении крупной и тяжелой промышленности, о передаче банков государству. Это проникает в нацию несмотря на то, нравится это кому-нибудь или нет» [79].

Такие настроения, естественно, оказывали влияние на формирование социально-экономических программ движения Сопротивления.

Все политические течения, провозгласившие своим основным принципом борьбу за восстановление независимого чехословацкого государства, должны были дать ответ на вопрос: каково будет социальное устройство будущей республики?

Буржуазное движение Сопротивления внутри страны, в частности такая его организация, как «Политический центр», объединявшая сторонников Э. Бенеша (правда, в нее наряду с социал-демократами, национальными социалистами [80] и лидовцами [81] входили и представители скомпрометировавших себя партий — аграрной [82] и национально-демократической [83]), в разработке послевоенных экономических преобразований целиком полагалась на

[79] Dokumenty z historie československé politiky 1939—1943. Praha, 1966, d. II, s. 574.

[80] Чехословацкая национально-социалистическая партия — буржуазно-демократическая партия, ее идеологией был масарикизм.

[81] Чехословацкая народная (лидова) партия — буржуазная партия, строившая свою программу на принципах консервативного клерикализма. Некоторые ее ведущие деятели после Мюнхена эмигрировали в Лондон и вошли в состав эмигрантского правительства.

[82] Аграрная партия — реакционная партия чешской буржуазии в домюнхенской республике, с начала 30-х годов отстаивала политику тесного союза с гитлеровской Германией.

[83] Национально-демократическая партия объединяла реакционные политические группировки чешской финансовой и промышленной буржуазии. В период Мюнхена сыграла роль «пятой колонны» германского фашизма.

главу лондонского эмигрантского правительства и его окружение. Эта организация не сформулировала никаких четких позиций по рассматриваемому вопросу, ограничившись лишь положением о необходимости после войны пересмотреть вопрос о собственности на землю [84].

Значительно четче свои позиции формулировал другой центр сопротивления — «Петиционный комитет «Верными останемся», также связанный с лондонской эмиграцией, но объединявший вокруг себя более демократические, чем «Политический центр», элементы. Здесь руководящую роль в разработке программы играли социал-демократы. Разрабатывая свою концепцию создания новой Чехословацкой республики как государства «достойного имени Масарика», «Петиционный комитет» предлагал провести в системе управления экономикой ряд мер, чтобы ликвидировать засилие капиталистических монополий и создать благоприятные условия для развития ремесел, мелкого и среднего предпринимательства, «которое является здоровой и прочной составной частью производства» [85]. В программе выдвигалось требование обобществления ряда отраслей промышленности, прежде всего ее тяжелых отраслей, шахт, отраслей, связанных с добычей сырья, а также всех природных богатств. Однако предполагаемому обобществлению не придавалась пока какая-либо определенная форма (например, передача государству и т. п.), а только указывалось, что все предприятия перечисленных отраслей должны быть превращены в общественные. Ключ к решению проблемы обобществления авторы программы видели в установлении государственного и общественного контроля за банками.

По мнению авторов программы, в результате должен был возникнуть «тип смешанной экономики», где наряду «с общественным сектором и в рамках общественного контроля и единого плана будет иметь место индивидуальная экономическая деятельность за исключением всех частных монополий» [86]. Налицо открыто антимонополистическая программа. По-видимому, именно эта ее

[84] См.: *Jelínek J.* Politické ústředí domacího odboje. Praha, 1947, s. 75.
[85] Za svobodu do nové Československé republiky. Ideový program domacího odbojového hnutí vyprácovaný v letech 1939—1941. Praha, 1945, s. 92.
[86] Za svobodu do nové Československé republiky..., s. 82.

направленность и сыграла немалую роль в том, что для ряда правых группировок буржуазного Сопротивления, таких, как «Защита нации», «Политический центр», программа «Петиционного комитета» показалась «чересчур социалистической».

По своей антимонополистической направленности, по стремлению добиться ликвидации в стране засилия финансово-монополистического капитала и создать благоприятные условия для развития среднего и мелкого предпринимательства, программа «Петиционного комитета» имела определенное сходство с программными заявлениями польской партии Стронництво працы летом 1944 г.[87], хотя, безусловно, по своей политической ориентации «Петиционный комитет» был более левой организацией и его программа отражала прежде всего настроения мелкобуржуазных слоев чешского общества.

В рабочей среде антимонополистические и антикапиталистические настроения проявлялись более резко, а проведение мер, направленных на подрыв власти крупного капитала в экономике страны, рассматривалось как непременное условие послевоенного обновления промышленности. Особенно эти настроения усилились к 1944 г., когда Красная Армия стала приближаться к границам Чехословакии. «Среди рабочих господствовало всеобщее убеждение, что после войны должен возникнуть строй, который улучшит социальные отношения, не допустит, чтобы одни жили за счет других, сделает невозможным возникновение новых кризисов и войн. Передача государству крупных предприятий, шахт, путей сообщения и рабочий контроль на заводах признавались всеми... Наиболее частые вопросы, которые ставят рабочие: когда и

[87] Это сходство выступит еще более рельефно, если принять во внимание, что «Петиционный комитет» с весьма большим опасением относился к возможности усиления влияния СССР в послевоенной Европе. Отдавая ясный отчет в том, что реставрация прежних социальных отношений невозможна, руководители этой организации уже в 1940 г. ставили вопрос о «защите» от революционизирующего влияния Советского Союза. «После поражения Франции без революции будет трудно победить,— писали представители «Петиционного комитета» в Лондон,— но речь идет о том, кто станет ведущей силой в революции, чтобы реорганизовать Европу. И не в интересах Европы, чтобы это была *только* Россия» (Dokumenty z historie československé politiky 1939—1943, d. II, s. 559).

как создавать рабочие советы, когда брать в свои руки руководство предприятиями»,— сообщалось во второй половине 1944 г. из протектората Московскому руководству КПЧ [88].

В то же время в подпольной коммунистической печати публиковались требования рабочих отдельных предприятий, в которых прямо ставился вопрос о ликвидации акционерных обществ, о лишении всех прав бывших и нынешних акционеров без всякой компенсации, о передаче предприятий в руки трудящихся [89].

Подпольный центр революционного профсоюзного движения, опираясь на эти настроения рабочего класса, в своей телеграмме в Москву в марте 1945 г. поставил вопрос о необходимости национализации: «Национализация крупных предприятий металлообрабатывающей, пищевой, химической промышленности, банковских и страховых компаний должна стать экономической программой-минимум первого правительства» [90].

Подпольная коммунистическая организация в Чешских землях при разработке своей программы будущих социальных преобразований в сфере промышленного производства исходила из учета прежде всего настроений рабочего класса, добивавшегося ликвидации засилия капитала в экономической жизни страны. IV подпольный ЦК КПЧ в январе 1945 г. принял резолюцию о главных принципах, на которых должно будет базироваться послевоенное чехословацкое независимое государство. В ней прямо указывалось: «Передача государству всей крупной промышленности и банков, передача мелким крестьянам земель, принадлежащих крупным землевладельцам, должны быть первыми законами республики по вопросам внутренней политики» [91].

Возросшая к 1944 г. радикализация чешского рабочего класса оказывала существенное влияние и на эволюцию взглядов буржуазных группировок в движении Сопротивления. Если в 1940 г. представителей таких подпольных организаций правого толка, как «Защита нации»,

[88] Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Praha, 1965, d. 1, s. 135.
[89] Cesta ke Květnu..., s. 135.
[90] Cesta ke Květnu..., s. 376.
[91] Cesta ke Květnu..., s. 335.

пугали требования, сформулированные «Петиционным комитетом», как чересчур социалистические, то в 1944 г. подпольная моравская организация «Совет — три» [92], возникшая на основе объединения местных групп Сопротивления, входивших ранее в «Защиту нации», «Центральное руководство внутренним сопротивлением» [93] и «Петиционный комитет», необходимость социальных преобразований ставит на одно из первых мест и ссылается при этом даже на принципы социализма. «Перестройка пойдет,— говорится в одном из заявлений «Совета — три»,— на принципах новейшего прогрессивного социализма, что потребует далеко идущих реформ в отношении собственности финансового, промышленного и сельскохозяйственного капитала» [94].

В Словакии сдвиги в настроениях и политической ориентации общества проявлялись не сразу и не в столь радикальной форме, как в Чешских землях. Особенно это касалось буржуазных группировок в движении Сопротивления. Однако и они, провозглашая основным принцип частной собственности и связанный с ним принцип свободной конкуренции, вынуждены были признать необходимость «ограничения деятельности этих принципов».

Невозможность простой реставрации довоенных отношений отчетливо осознавалась не только теми буржуазными политиками, которые находились в стране, но и теми, кто возглавлял так называемое заграничное движение Сопротивления. Поэтому не случайно, что сгруппировавшиеся вокруг Э. Бенеша буржуазные политики большое внимание уделяли проблемам будущих социальных реформ. Специальное Министерство экономического восстановления при эмигрантском правительстве разрабатывало проекты «передачи крупной промышленности в руки общества» и «введения плановой экономики» [95].

Говоря о необходимости «социальных перемен», чехословацкие буржуазные политики имели в виду те же два

[92] Чехословацкие исследователи расценивают «Совет — три» как организацию реформистского толка, выступавшую в поддержку принципа президентской диктатуры (см.: *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M.* Program revolúcie, s. 171.

[93] Подпольная организация, возникшая в 1940 г. и объединившая буржуазные группировки, которые выступали против оккупации.

[94] *Veselý-Stajner K.* Cestou národního odboje. Praha, 1947, s. 82.

[95] Čechoslovak (Londyn), 5.III 1943.

основных момента, что и их польские коллеги. Они понимали, что в условиях послевоенной разрухи и ослабления экономических позиций чешской буржуазии восстановление экономики будет невозможно без активного вмешательства государства в вопросы хозяйственной жизни. В 1944 г. Г. Рипка в письме к министру финансов лондонского правительства Л. Фейерабенду писал о будущей экономической политике: «Наблюдая развитие внутри страны, мы убеждены, что новый строй будет основан на демократических принципах... Однако вмешательство государства в сферу экономики будет значительным, поскольку тяжелое социальное положение народа после освобождения и разрушения, совершенные нацистами, сами будут вынуждать, чтобы государство, т. е. правительство демократической коалиции, предпринимало шаги. Бесспорно, что некоторые отрасли экономики будем национализировать (шахты, военную промышленность и т. п.) также по принципам национальным... Но форма национализации не может быть очень жесткой, такой, как централистически понимаемая передача государству» [96].

В то же время чехословацкие буржуазные политики рассматривали будущие социальные реформы как такие уступки, которые необходимы, чтобы направить революционную борьбу трудящихся масс против германского капитала и тех кругов монополистической национальной буржуазии, которая откровенно сотрудничала с оккупантами. Различие между чехословацкими и польскими политиками лондонского лагеря состояло в том, что последние рассчитывали добиться своих целей, открыто противопоставляя свою программу программе ППР, в то время как Э. Бенеш и его окружение стремились достичь аналогичных целей путем компромисса, который позволил бы им контролировать политическую деятельность коммунистов [97].

[96] Cesta ke Květnu..., s. 234.

[97] В одной из бесед с министром лондонского эмигрантского правительства Фейерабендом Э. Бенеш заявил: «Если в Европе после войны наступят радикальные изменения экономических и социальных отношений, мы включимся в это революционное движение. Не в наших интересах опережать его, но было бы ошибкой и отставать... Мы должны стремиться к тому, чтобы удержать революцию в разумных рамках и воспрепятствовать коммунизации правительства и страны» (Цит. по: *Fejerabend L.* Ve vládě v exilu. Washington, 1956, s. 113—114).

В отличие от польских политиков представители чехословацкой буржуазной эмиграции в Лондоне прекрасно понимали, что при разработке всех планов обновления послевоенной хозяйственной жизни «необходимо считаться с сильным ростом дипломатического и политического влияния СССР в Европе» [98].

Ведущая роль Советского Союза в антигитлеровской коалиции, его победы на советско-германском фронте, растущие левые настроения в чехословацком обществе в значительной мере определили стремление лондонских политиков заключить договор с СССР и договориться с представителями заграничного руководства ЦК КПЧ о совместной борьбе против фашизма [99].

В ходе советско-чехословацких переговоров Э. Бенеш представил советскому правительству четыре меморандума. В одном из них рассматривались вопросы будущего экономического сотрудничества обеих стран, причем специальное внимание акцентировалось на том, что после войны в Чехословакии будут осуществлены глубокие структурные перемены в производстве и внешней торговле [100].

Э. Бенеш на переговорах с представителями заграничного руководства ЦК КПЧ свою в сущности весьма ограниченную программу социальных преобразований, направленную на усиление государственно-монополистических тенденций развития, облекал в весьма радикальную форму, подчеркивая связь национального и социального момента в развертывающейся борьбе и указывая, что национальная революция в Чехословакии «будет революцией социальной. Через мероприятия национального характера, через мероприятия против немецких богачей откроется путь для радикального экономического вмешательства и социальных перемен» [101].

[98] Этот факт открыто признавался на заседании Государственного совета в Лондоне (см.: Čechoslovak (Londyn), 5.III 1943).

[99] В. Краль, исследующий эти вопросы, специально подчеркивает, что Э. Бенеш свою поездку в СССР в декабре 1943 г. рассматривал прежде всего как предохранительную меру против революции, а ни в коем случае не как исходную позицию своей новой политики (см.: Král V. Osvobození Československa. Studie o mezinárodních politických aspektech. Praha, 1975, s. 201).

[100] См. подробнее: *Bouček M., Klimeš M., Vartíková M.* Program revolúcie..., s. 40—41.

[101] Cesta ke Květnu..., s. 56.

Коммунисты на эти переговоры также пришли со своей программой. «Что касается вмешательства в экономическую жизнь в переходный период, то здесь выдвигаем два основных предложения,— говорилось в документе, составленном коммунистами и предложенном Э. Бенешу в качестве основы для переговоров.— Прежде всего считаем, что все хозяйственные объекты, захваченные немцами по национальным или расовым принципам, должны быть изъяты из их рук. Все перемещения собственности (после подписания Мюнхенского соглашения.— *Г. М.*) должны быть объявлены недействительными. При этом собственность до полумиллиона довоенных крон должна быть немедленно возвращена прежним владельцам, остальное имущество будет передано под национальное управление вплоть до решения Национального собрания. Во-вторых, должна быть немедленно конфискована собственность предателей» [102].

В отличие от положения в Польше, где сфера собственности национальной буржуазии была резко сужена экономической политикой оккупационных фашистских властей, в Чехословакии особую остроту приобретал вопрос о наказании коллаборационистов. Поэтому не случайно на переговорах коммунисты, и в частности К. Готвальд, специально подчеркивали, что будущий закон о наказании преступников должен касаться также капиталистов, промышленных и банковских магнатов [103]. И хотя Э. Бенеш в ходе переговоров заявлял о своем полном согласии с предложениями коммунистов, практическая же деятельность лондонского правительства по разработке мер «радикального вмешательства» была далеко не столь решительна, как позиция его главы на переговорах в Москве. Ни в 1943 г., ни в 1944 г. лондонское правительство так и не приняло закона о наказании военных преступников, предателей и коллаборационистов.

В ходе дискуссии над проектом этого документа буржуазные политики стремились найти такие формулировки, которые позволили бы оправдать часть чешских и словацких коллаборационистов. В частности, очень много говорилось о так называемом непреодолимом принужде-

[102] Cesta ke Květnu..., s. 39.
[103] Cesta ke Květnu..., s. 53.

нии. Это в известной мере раскрывало истинные намерения чехословацкого буржуазного лагеря в движении Сопротивления, стремившегося ограничить социальные перемены только ликвидацией позиций германского капитала и в максимальной степени сохранить нетронутыми позиции чехословацких буржуазных кругов.

Руководство КПЧ, акцентируя главное внимание в области социально-экономических преобразований на мероприятиях антифашистского характера, исходило из того, что на данном этапе чрезвычайно важно сплотить широкий антифашистский блок, укрепить его единство и обеспечить в этом весьма разнородном по социальному составу объединении гегемонию пролетариата. Необходимо было достигнуть договоренности с буржуазной антифашистской эмиграцией и добиться поддержки ею концепции антифашистской борьбы, предлагаемой коммунистами. В программе коммунистов, выдвинутой на переговорах в 1943 г., за внешней ее умеренностью [104] стояли вопросы, касавшиеся важных изменений в структуре собственности. По существу речь шла об изъятии собственности из рук наиболее мощных группировок иностранного и отечественного капитала. Но при этом требованиям придавалась такая форма, которая делала их приемлемыми для самых широких слоев и ставила буржуазных партнеров в случае, если бы они попытались их отклонить, в весьма сложное положение.

Аналогичными соображениями определялась и политика коммунистов Словакии, когда в том же 1943 г. они встали перед практическим решением вопроса о создании в стране единого антифашистского фронта и выхода Словакии из войны [105]. В так называемом Рождественском соглашении, заключенном между коммунистами и буржуазными антифашистскими группировками, на первом плане стоял вопрос о выходе из войны, свержении фашист-

[104] Cesta ke Květnu..., s. 162. Здесь не было стремления предрешить заранее судьбу предприятий, которые будут конфискованы у немцев и коллаборационистов или определить структуру национальных управлений, в руки которых должна перейти значительная часть промышленных объектов. Четко звучало лишь требование возвращения конфискованной оккупантами мелкой и средней собственности прежним владельцам.

[105] Подробнее см.: *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. М.: Политиздат, 1969, с. 91—100.

ского режима и восстановлении демократических свобод, а из социальных мероприятий предусматривалась лишь необходимость более равномерного распределения доходов [106]. Расплывчатость этого положения была вызвана весьма консервативной социальной позицией словацких аграриев — главных представителей буржуазной стороны при разработке соглашения с КПС.

Но внешне умеренный характер согласованных программ не дает права делать вывод о том, что заграничное руководство КПЧ или словацкие коммунисты действительно были готовы ограничиться лишь реализацией национальных антифашистских акций. Коммунисты исходили из того, что претворение в жизнь предлагаемых ими мер позволит сломить не только экономическую мощь немецкого капитала и наиболее реакционной части чехословацкой крупной финансово-монополистической буржуазии, но и приведет к существенному ослаблению экономического и политического влияния буржуазии в обществе в целом, позволит сплотить вокруг пролетариата и его партий те силы, которые выступают против диктата капиталистических монополий в экономике страны.

Опираясь на теоретическое наследие Октября [107] и детально анализируя изменения, происходившие в экономике страны, коммунисты разработали основные мероприятия, которые предстояло осуществить в Чехословакии после ее освобождения. Они исходили из того, что нельзя ограничиться только сломом экономической мощи нацистов и их пособников, изъяв у них фабрики, заводы, банки и т. п. Необходимо добиться, чтобы эти изъятые предприятия не попали в руки частного чешского или иностранного капитала. Отсюда и основное требование — передача их в собственность демократического государства [108].

[106] Cesta ke Květnu..., s. 74.

[107] Подробнее см.: Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977, с. 200—201.

[108] Это требование выдвигалось в статьях коммунистов, выступавших на страницах чехословацких газет, которые выходили в Москве и Лондоне. «Они (предприятия.— *Г. М.*) станут собственностью демократического народного государства, а не собственностью тех или иных групп чешских капиталистов (как это было в 1918 г.) или групп иностранных капиталистов» (*Froind L.* Vývlastnění nacistických kapitalistů.— Čechoslovak (Londyn),

Реализация этого плана связывалась с одним непременным условием — широким привлечением народных масс, которые должны через народные, демократические организации и новые местные органы власти взять в свои руки контроль над переданными государству предприятиями. При этом особый акцент делался на активизацию профессиональных союзов как наиболее массовой классовой организации пролетариата [109].

Таким образом, суть стратегии чехословацких коммунистов заключалась в том, что свержение фашизма повлечет за собой такой мощный подъем революционного движения, который выйдет далеко за намеченные рамки.

Правильность этих расчетов полностью подтвердили события Словацкого национального восстания. Если в начало первые решения Словацкого национального совета носили довольно умеренный характер [110] и вмешательство в отношения собственности осуществлялось в гораздо более ограниченных размерах, чем это предполагалось во время московских переговоров 1943 г., то в течение полутора месяцев под воздействием массовых революционных выступлений рабочего класса был поставлен вопрос не только о полном осуществлении мероприятий антифашистского характера, касающихся собственности немцев и венгров и о введении рабочего контроля на промышленных предприятиях, но и о социализации этих предприятий и банков. На конференции заводских комитетов, собравшейся в Подбрезовой 15 октября 1944 г., была принята резолюция, требовавшая нового закона о заводских коми-

11.II 1944). «Наш рабочий класс заинтересован в том, чтобы все крупные предприятия, особенно в военной, угледобывающей, металлургической, химической промышленности, были национализированы и чтобы наша промышленность снова не оказалась под диктатурой национальных финансовых групп» (Československý listy (Moskva), 28.X 1944).

[109] «Единые профсоюзы в значительной мере должны определять, что будет с предприятиями, которые принадлежали немцам, или которые были захвачены немцами, или принадлежали коллаборационистам, или окажутся без хозяев» (Československý listy (Moskva), 28.X 1944).

[110] Например, решение о конфискации промышленных предприятий, принятое 8 сентября 1944 г., распространялось лишь на собственность немцев и не затрагивало собственности словацкой буржуазии, которая должна была лишиться лишь имущества, захваченного ею во время «аризации». Временные управляю-

тетах, который бы сделал их «равноправными партнерами в руководстве предприятиями и предоставил бы им право участвовать в решении всех дел, касающихся управления предприятиями». В заключение резолюции говорилось: «Мы не ставим вопрос о собственности, но считаем необходимым все предприятия, принадлежащие немецкому и венгерскому капиталу, а также всем внешним и внутренним врагам государства, передать в руки государства...» [111].

На съезде, объединившем словацких коммунистов и социал-демократов в единую Коммунистическую партию Словакии (сентябрь 1944 г.), среди задач, которые предстояло решить новому государству, на одно из первых мест ставилась «социализация фабрик, заводов и банков» [112].

В такой ситуации даже словацкие аграрии поспешили заявить, что они не возражают против передачи государству некоторых категорий крупных предприятий и некоторых банков [113].

Для заграничного руководства КПЧ, в начале 1945 г., несомненно располагавшего подробной информацией о восстании, происшедшие в Словакии события были веским подтверждением правильности избранной ими линии. Вместе с тем эти же события были сильным ударом по расчетам буржуазных политиков. После Словацкого восстания, в котором ярко проявились не только революционные настроения народных масс, но и сильные позиции коммунистов в Словакии, стало ясно, что буржуазные группировки, объединившиеся вокруг Э. Бенеша, будут вынуждены принять условия, выдвинутые руководством КПЧ на переговорах 1943 г. Если после высадки союзников в Нормандии летом 1944 г. Бенеш отказывался подписать декрет о наказании коллаборационистов, то после Словацкого восстания и вступления Красной Армии на территорию Чехословакии он должен был подписать

щие на конфискованные объекты должны были назначаться без участия профсоюзов (Cesta ke Květnu..., s. 218).

[111] *Vartíková M.* Revolučnou cestou. Podbrezovská konferencia závodných vyborov v procese národnej a demokratickej revolúcie (1944—1948). Bratislava, 1974, s. 105.

[112] См.: Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencii a plen 1944—1948. Bratislava, 1971, s. 40.

[113] Cesta ke Květnu..., s. 264.

его в формулировке, предложенной коммунистами [114]. Этому в немалой степени способствовал и активно идущий процесс сближения левых групп социал-демократической эмиграции [115] в Лондоне с коммунистами.

Лондонские буржуазные политики, готовясь к переговорам с представителями рабочих партий о составе будущего правительства и его программе, пытались заранее определить твердые рамки национализации, ограничить эту акцию только передачей государству шахт, предприятий металлургической и тяжелой промышленности, торговли углем и установлением контроля государства над финансами [116].

Переговоры начались в марте 1945 г. в Москве. В проекте, предложенном руководством КПЧ, главное внимание акцентировалось на «ликвидации ущерба, нанесенного оккупантами и их приспешниками и на искоренении иностранного и фашистского влияния в чешской и словацкой экономике [117]. При этом коммунисты предлагали поставить под национальное управление собственность всех видов, принадлежавшую гражданам враждебных Чехословакии государств, лицам немецкой и венгерской национальности и тем гражданам Чехословацкой республики, которые предали свой народ и оказывали поддержку оккупантам, собственность акционерных и других обществ, в правлении которых находились лица, принадлежавшие к трем названным выше категориям.

[114] Cesta ke Květnu..., s. 162.

[115] В феврале 1945 г. ими была разработана программа будущих преобразований в освобожденной республике. В ней было записано, что все предприятия тяжелой промышленности, все крупные промышленные предприятия, природные богатства, банки, кредитные учреждения, транспорт и все крупные предприятия по производству регулируемых продуктов должны стать общественной собственностью. Однако предполагалось, что собственником будет выступать не только государство, но и район, город и даже отдельное самоуправляемое объединение. Но эта программа не была предложена на переговорах партий, объединявшихся в Национальный фронт. Представители социал-демократической партии на переговорах в Москве, познакомившись предварительно с программой КПЧ, решили выступать вместе с коммунистами, поддерживая их предложения будущих социальных преобразований (см.: Cesta ke Květnu..., s. 358—360).

[116] См.: Меморандум национально-социалистической партии, разработанный в январе 1945 г. по требованию Э. Бенеша (Cesta ke Květnu..., s. 341).

[117] Cesta ke Květnu..., s. 386.

Собственность рабочих, чиновников, ремесленников, крестьян и лиц свободных профессий, изъятую оккупантами на основе политических и расовых преследований, предлагалось немедленно возвратить прежним владельцам. Вся остальная собственность, конфискованная у оккупантов и их приспешников, должна была оставаться под национальным управлением вплоть до последующего решения этого вопроса законодательными органами [118]. Характерно, что коммунисты и в марте 1945 г. еще не ставили вопроса о том, на каких принципах будет строиться национальное управление.

Таким образом, программа, предложенная коммунистами, полностью воспроизводила те условия, которые были выдвинуты заграничным руководством КПЧ на переговорах 1943 г. Буржуазные партнеры не отклонили этой программы, но пытались добиться предварительного решения о судьбе изъятого у оккупантов и предателей имущества, чтобы заранее ограничить рамки вмешательства государства в отношении собственности. Неудивительно, что, несмотря на внешнюю радикальность, предложение буржуазных политиков пойти «дальше» программы, выдвигаемой коммунистами, было отклонено последними [119]. Кл. Готвальд при обсуждении проекта программы очень настойчиво подчеркивал, что в данный момент вопрос о дальнейшей судьбе изъятых у оккупантов предприятий не решается совершенно сознательно. «Может быть следует их кому-то вернуть или может быть национализировать или передать кооперации — этот вопрос остается открытым. Мы будем исходить из того, что найдем» [120]. Таким образом, Кошицкая программа, выработанная на основе дискуссий между представителями

[118] Cesta ke Květnu..., s. 387.

[119] Представитель национально-социалистической партии Я. Странский на заседании правительства осенью 1945 г., посвященном вопросам национализации, говорил: «Коллеги-коммунисты хорошо помнят, что при переговорах в Москве национальные социалисты выступали за национализацию и указывали, что московская программа в этих вопросах недостаточно конкретна... Они (национальные социалисты.— *Г. М.*) требовали более конкретных формулировок, но им было сказано, что об этом договорятся позже...» (Archiv Předsednictva vlády. Zap. 53 (mimořadní) schůze vlády, konáné 13 září 1945, s. 9.

[120] Cesta ke Květnu..., s. 420.

партий, входящих в Национальный фронт, не несла в своих разделах решения вопроса о масштабах и формах вмешательства в сферу капиталистической собственности. Вопрос о будущем национальных управлений оставался открытым. Положение о передаче под государственное руководство финансово-кредитной системы, ключевых промышленных предприятий, природных ресурсов и энергетических источников, содержащееся в Кошицкой программе [121], каждая из сил, входящих во фронт, могла трактовать в соответствии с собственными интересами. Но оно, несмотря на свою некоторую неопределенность, представляло собой достаточную исходную позицию для борьбы за экспроприацию крупного капитала.

Оценивая экономические разделы Кошицкой программы, можно сказать, что они являлись компромиссом основных политических сил, борющихся за гегемонию в послевоенном чехословацком обществе — пролетариата и антифашистской части чешской и словацкой буржуазии [122], но компромиссом, более выгодным для пролетариата, чем для буржуазии, что ясно видно из поведения обеих сторон на переговорах.

Каждая из этих сил вкладывала свои понятия в сформулированные в программе требования и предполагала в будущем добиться реализации своей концепции социально-экономических преобразований в послевоенном государстве.

Анализ формирования программ национальных и народных антифашистских фронтов, сложившихся под руководством коммунистических и рабочих партий в оккупи-

[121] Program první československé vlády Národní fronty Čechů a Slováků. Praha, 1945, s. 25.

[122] В этом плане Кошицкую программу можно сравнивать с программой Национального совета Сопротивления Франции, опубликованной в марте 1944 г., в разработке которой принимали участие различные политические силы, объединившиеся в борьбе против фашизма. В ее экономической части выдвигались требования не только конфискации имущества предателей и спекулянтов, но возвращения нации крупных средств производства, источников энергии, подземных богатств, страховых обществ и крупных банков, а также обеспечения рабочим права доступа к функциям управления в рамках предприятия, освобождения от диктатуры трестов и др. (см.: *Колосков И. А., Цырульников Н. Г.* Народ Франции в борьбе против фашизма. М.: Изд-во соц.-полит. лит., 1960, с. 211—212).

рованных фашистами странах Центральной и Юго-Восточной Европы, позволяет выявить определенную общность в характере и форме требований социально-экономических преобразований в сфере промышленного производства. Эта общность объяснялась в первую очередь тем, что указанные программы разрабатывались в условиях захвата всей экономики оккупированных стран монополиями держав фашистской оси.

Именно поэтому в программах антифашистских фронтов, предлагаемых коммунистическими и рабочими партиями в обстановке широкого освободительного движения, вопрос о ликвидации частной капиталистической собственности на средства производства не выдвигался как чисто классовое требование пролетариата, а выступал в форме патриотического, демократического, антифашистского требования изъятия собственности из рук оккупантов и их пособников. Выдвижение его облегчало коммунистическим и рабочим партиям Югославии, Албании, Польши и Чехословакии достижение главной стратегической цели — завоевания гегемонии пролетариата в национально-освободительной борьбе и превращения рабочего класса в ведущую силу нации. Коммунисты этих стран, опираясь на ленинскую теорию социалистической революции и опыт Великого Октября, направили свои усилия на сплочение вокруг рабочего класса широкого демократического блока, который объединял силы, борющиеся с фашизмом, и был способен обеспечить поддержку концепции общественного развития, предлагаемой рабочим классом и его марксистско-ленинским авангардом. Программа социально-экономических преобразований, выступавшая в форме требований близких и понятных самым широким слоям общества, участвующим в национально-освободительной борьбе, не позволила буржуазным политикам изолировать рабочий класс и его партии от трудящихся масс города и деревни.

Гибкий подход коммунистов к решению вопроса о капиталистической собственности на средства производства открывал новые возможности для сплочения непролетарских слоев трудящихся, вовлечения их в совместную с рабочим классом борьбу против буржуазии и превращения в резерв грядущей социалистической революции.

Определенную роль в рассмотренной трансформации требований национализации промышленности в указанной

группе стран играл и такой международный фактор, как наличие антигитлеровской коалиции, объединявшей государства с различным социальным строем. Перенесение акцентов на антифашистские, патриотические моменты диктовалось также, как показывает приведенный материал, и необходимостью максимально длительного сохранения этой коалиции для борьбы с фашизмом.

Вместе с тем выбор такой политической линии обеспечивал рабочему классу и его союзникам реальную возможность вмешательства в капиталистические отношения собственности и фактического осуществления национализации ключевых отраслей промышленности еще в ходе освобождения их стран. Но конкретные пути осуществления намеченных преобразований в каждой из стран зависели от того, насколько сильной окажется политическая изоляция основных группировок буржуазии от демократических слоев общества. В этом отношении условия были различны, что и определило существенную специфику в темпах и формах реализации весьма сходных социально-экономических требований антифашистских фронтов Югославии, Албании, Польши и Чехословакии.

Глава II

Борьба коммунистов Венгрии, Румынии и Болгарии за союз рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся в ходе революции и вопрос о капиталистической собственности в программах национальных фронтов

В Венгрии, Румынии и Болгарии, втянутых правящими кругами во вторую мировую войну на стороне гитлеровской Германии, объединение демократических сил общества и складывание антифашистских фронтов проходило в условиях, существенно отличавшихся от условий в оккупированных странах. Естественно, что здесь иные, чем в Югославии, Албании, Польше и Чехословакии, факторы оказывали решающее воздействие на формирование программ этих фронтов и обусловливали иную степень радикальности экономических требований.

В странах — союзниках фашистской Германии в годы войны не произошло столь резкого сужения сферы собственности национальной буржуазии, какое наблюдалось, например, в Польше и частично в Чехословакии и Югославии. Проникновение германского капитала в экономику союзников и подчинение всей их хозяйственной жизни интересам фашистского рейха происходило в иных формах, нежели на оккупированных территориях Центральной и Юго-Восточной Европы. Экспансия осуществлялась не в виде насильственной конфискации предприятий и передачи их в собственность германским монополиям и рейху, а скрытым образом, путем принуждения союзников к заключению неравноправных межгосударственных соглашений, обеспечивавших германскому капиталу господство над ведущими отраслями хозяйства Венгрии, Румынии и Болгарии.

Национальная буржуазия при этом не лишалась собственности на средства производства. Но она оказывалась в полном подчинении, под неослабным контролем своего «великого союзника». В годы войны германские монополии сумели поставить под свое начало все ведущие от-

расли экономики стран-сателлитов. 23 марта 1939 г. было подписано экономическое соглашение между Германией и Румынией, которое формально узаконило идущее наступление германских картелей на румынскую экономику. Последнее еще больше усилилось после подписания в 1940 г. межгосударственного договора под знаком «нового экономического порядка в Европе». В 1941 г. уже 55% румынского экспорта шло в Германию. Ведущие позиции в нефтяной промышленности Румынии были захвачены германским капиталом через машиностроительный завод «Брюн-Кралево-Полеер», который провел операцию по скупке акций компании «Петроль блок». Берлинский банк «Шпонхольц-Эйштет-Шредер-Банкель Гезельшафт» установил свой контроль над другой крупной нефтяной компанией страны — «Фораки-Ромыняска». Постепенно германские монополии прибрали к рукам все важнейшие румынские нефтяные компании, такие как «Молданафта», «ИРДР», «САР—Соняливич» и др. После оккупации Чехословакии германский капитал получил возможность контролировать румынскую сталелитейную промышленность. В руках немецких банков оказались такие крупнейшие румынские банки, как «Сочиете Банкары Ромына» и «Кредитул Ипотекар Агриколь ал Ромыни» [1].

Особенно позиции германского рейха в Румынии усилились после того, как гитлеровцы захватили активы Франции, Бельгии и Голландии. В руки германских монополий перешли и капиталы еврейских промышленников и финансистов в Румынии — фирмы, принадлежавшие Аушниту, Шапиро, Маргулису, Бланку, Кауфману и др.[2]

[1] Подробнее см.: *Савин Т.* Иностранный капитал в Румынии. М.: Иностр. лит., 1965, с. 144—197. Говоря о влиянии германского капитала в экономике Румынии, нельзя забывать, что достаточно прочными позициями здесь располагали английские, французские и американские монополии. Например, нефтяная компания «Истра-Ромына» являлась фактически филиалом треста «Роял-Датч», «Ромына-американа» была связана со «Стандарт Ойл», «Конкордия» контролировалась французским и бельгийским капиталом, «Унера» принадлежала английскому капиталу. Но в ходе войны фашистская Германия взяла всю нефтяную промышленность Румынии под свой полный контроль (см.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 712, л. 378—379).

[2] *Лебедев Н. И.* Крах фашизма в Румынии. М.: Наука, 1976, с. 320—321. После свержения фашизма еврейские собственники получили свои предприятия обратно, а Аушнит стал главой Союза румынских промышленников.

В венгерской экономике германский капитал накануне войны также имел значительные позиции. Под его контролем находилось 51,95% банковского капитала, 30% всей горнорудной промышленности, 20% промышленных предприятий других отраслей производства. Немецкие монополии накануне войны сумели приобрести значительную часть акций венгерских компаний, занимающихся разработкой бокситов.

С началом войны влияние Германии на венгерскую экономику еще больше возросло, особенно после заключения секретного германо-венгерского договора от 9 сентября 1942 г. В 1943 г. уже 60% венгерской промышленности, по признанию немецкого посланника в Будапеште, работало на Германию [3].

В Болгарии в сфере интересов германского капитала находилась прежде всего горнодобывающая промышленность. Под его контролем были такие крупнейшие акционерные общества, как «Гранитоид», где доля германского капитала составляла 64%, «Вулкан», в котором 56,8% акций были в руках германских монополий, «Пирин», «Каменица» и др. В целом доля германского капитала в этой отрасли составляла 28%. Другой областью германских интересов было кораблестроение. В крупнейшем акционерном обществе «Кораловаг» почти весь капитал (99,9%) был германским. По данным болгарских исследователей, германские монополии участвовали в 159 предприятиях, банках, фирмах, где доля их участия составляла 61,4% [4].

Но если говорить о доле непосредственно германской собственности и прямом участии германского капитала в экономике своих союзников в рассматриваемый период, то в целом оно было невелико.

[3] Подробнее см.: *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М.: Наука, 1966, с. 28—29, 124—125, 131, 256—257; *Berend I., Ránki Gy.* Economic development in East-Central Europe in the 19 and 20 centuries. London, 1975, p. 324—333.

[4] См.: *Петков П.* Ликвидиране на капиталистическата собственост в промишлеността на България. София, 1965, с. 30—34; *Исусов М.* Някои проблеми на социално-класовата структура и социалистическата революция в България (1944—1947).— В кн.: Българско-германски отношения и връзки. София, 1972, т. 1, с. 621; Централен държавен архив на НРБ, ф. 47, оп. 11, а. е. 26, л. 20—21.

В Румынии собственно германский капитал в 1941 г., согласно подсчетам одного из румынских экономистов того времени, оценивался в 3 млрд. лей, что составляло около 5% всех капиталов крупной промышленности и банков Румынии. «Но и с этой суммой,— вынужден был признать автор подсчетов,— Германия контролирует сегодня почти всю экономическую жизнь Румынии» [5].

В Венгрии, как и в Румынии, удельный вес прямого участия германского капитала был также весьма ограничен. По данным Национального банка Венгрии, из всего акционерного капитала иностранным владельцам принадлежало 30%, из них 36,7% были германской собственностью, 15% — английской, 14,3% — швейцарской; 11,3% — американской, остальные 22% принадлежали монополиям других стран [6].

В Болгарии из общей суммы частного промышленного капитала, составлявшего 32 млрд. левов, германский составлял около 390 млн. лева, т. е. около 1,2% [7].

Эксплуатация экономики союзников проводилась Германией не столько за счет прямых вложений собственных капиталов, сколько с помощью использования таких каналов, как внешняя торговля, неэквивалентный клиринговый обмен и т. п.[8] Поэтому в Венгрии, Румынии и Болгарии требование конфискации германской собственности, выдвигавшееся силами, борющимися с фашизмом, как антифашистский, демократический, общенациональный лозунг, не было равнозначным по своим потенциальным возможностям аналогичному требованию, например, в Польше или Чехословакии. Его реализация объективно не могла привести к такому серьезному ослаблению по-

[5] Bund, 15.XII 1943.

[6] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6374, л. 289. Только после оккупации Венгрии в 1944 г. гитлеровскими войсками германские монополии приступили к прямому захвату крупнейших промышленных предприятий страны. Именно в этот период они подчинили гигантский комплекс «Манфред Вейс», в руках владельцев которого было сосредоточено до 50% всей фабрично-заводской промышленности Венгрии (см.: *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны, с. 390—392).

[7] *Петков П.* Ликвидиране на капиталистическата собственост..., с. 30.

[8] См. подробнее: *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма. М.: Изд-во АН СССР, 1964, с. 193—201; *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны, с. 29.

зиций частнокапиталистического сектора, как в этих странах. Экономические позиции национальной буржуазии, находившейся, безусловно, под диктатом германских монополий, не были ослаблены в той мере, как в оккупированных странах.

Второй момент, существенно отличавший ситуацию в рассматриваемой группе стран, заключался в том, что здесь, особенно в Венгрии и Румынии, не произошло столь сильной политической изоляции буржуазии от широких трудящихся масс, как в оккупированных странах. Поражение в войне скомпрометировало в глазах крестьянства и средних городских слоев не столько буржуазию в целом, сколько монархо-фашистскую верхушку и те наиболее реакционные буржуазные группировки, которые открыто сотрудничали с последней.

Отсюда неизбежно вытекал и следующий фактор, обусловивший своеобразие выбора коммунистами путей и методов подвода широких масс к решению коренных социальных проблем революции, к необходимости ликвидации капиталистической собственности. Если в Югославии, Албании, Польше и Чехословакии в ходе национально-освободительной борьбы вокруг рабочего класса и его политических представителей сложился более или менее широкий блок социальных сил, включавший (в разных странах в различной мере) и мелкобуржуазные слои, который поддерживал требование активного вмешательства в сферу капиталистической собственности, выдвинутое как патриотическое, антифашистское, национальное требование, то в Венгрии, Румынии и Болгарии для того, чтобы создать и объединить вокруг рабочего класса и его авангарда такой блок, необходима была постановка иных задач и лозунгов, проведение иной политической линии.

Наряду с общим сходством положения в этих трех странах следует отметить и ряд отличий в расстановке политических сил между Венгрией и Румынией, с одной стороны, и Болгарией — с другой. В Болгарии политические позиции буржуазии к моменту освобождения страны были более слабыми, чем в Венгрии и Румынии. Большое влияние на расстановку политических сил в последних двух странах оказывала также борьба крестьянства за ликвидацию помещичьего землевладения.

Однако основные принципы политической линии коммунистических партий в борьбе за осуществление соци-

ально-экономических преобразований в области промышленности определялись факторами, общими для всех трех указанных стран. Именно эти факторы придали социально-экономическим аспектам программ антифашистских фронтов общую форму, отличную от той, которая была свойственна программам в оккупированных странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

1. Ориентация ВКП на создание демократического, антимонополистического блока и экономические аспекты программы Венгерского национального фронта независимости

С наибольшей отчетливостью влияние указанных выше факторов проявилось в Венгрии, где военное поражение правящей верхушки в ходе второй мировой войны еще отнюдь не означало полного политического разгрома реакции. И хотя буржуазно-помещичьи партии, связанные с хортистским режимом, на освобожденных территориях страны были запрещены, а в Венгерский национальный фронт независимости на основе соглашения в декабре 1944 г. вошли лишь силы, противостоявшие режиму Хорти [9], реакции, представлявшей интересы крупной буржуазии, удалось проникнуть в ряды фронта, сделав своим орудием партию мелких сельских хозяев. Эта партия, объединявшая в своих рядах значительные слои крестьянства, уже до войны начала постепенно превращаться в партию «сборную». Выступая как оппозиционная по отношению к хортистскому режиму сила, она концентрировала вокруг себя и некоторые группы помещиков и крупной буржуазии, ориентировавшиеся на западные державы. В ходе войны связи этой партии с капиталистическими кругами еще более возросли, были установлены прямые контакты с Союзом венгерских промышленников [10]. После освобождения страны ПМСХ пре-

[9] Венгерский национальный фронт независимости объединял коммунистическую, социал-демократическую, национально-крестьянскую партии, профсоюзы, партию мелких сельских хозяев и созданную из представителей городской буржуазии буржуазно-демократическую партию (см.: *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 176).

[10] *Вида И.* Политика независимой партии мелких сельских хозяев в 1944—1948.— Acta Historica, 1973, t. 19, p. 161—162.

вратилась в притягательный центр всех реакционных сил.

Осенью 1944 г., ко времени создания Венгерского национального фронта независимости только ВКП имела четко сформулированную программу действий. Ее союзники по фронту оказались в этот момент не в состоянии выдвинуть сколько-нибудь реальной программы, ибо до оккупации Венгрии германскими войсками они (и ПМСХ и социал-демократическая партия) связывали будущее с приходом англо-американских вооруженных сил[11]. После нилашистского путча и оккупации Венгрии германскими войсками они оказались на нелегальном положении и не сумели быстро перестроиться. К моменту создания Фронта независимости ПМСХ и социал-демократическая партия не смогли противопоставить каких-либо альтернатив предложениям коммунистов. ВКП (оба ее центра: и заграничное бюро и находившийся в стране ЦК) к осени 1944 г. пришли с конкретными программами социально-экономических преобразований.

Если в 1942—1943 гг. ни тот, ни другой центр ВКП еще не ставили в своих заявлениях вопроса о прямом вмешательстве в сферу капиталистической собственности[12], то программы, разработанные в условиях назревающей революции, дают ясное представление о том, что в ходе послевоенного переустройства капиталистическая собственность отнюдь не останется неприкосновенной.

[11] Эти надежды подогревались и проводимой правительством политикой «качелей»: начиная с 1942 г. представители правительственных кругов стали активно вести переговоры с западными державами о том, чтобы не допустить «русского господства над этим исключительно важным географическим и военно-стратегическим районом» (см.: *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны, с. 263, 338—373).

[12] В программном заявлении заграничного бюро ВКП, переданном по радиостанции им. Кошута в декабре 1942 г., говорилось о том, что коммунисты выступают за эффективное развитие венгерской промышленности и устранение германского капитала из экономической жизни Венгрии. В апреле 1943 г. подпольный ЦК ВКП опубликовал листовку «Путь Венгрии к свободе и миру», где выдвигались требования повысить подоходные налоги и налоги на имущество промышленного и помещичьего капитала, а также требование узаконения деятельности профсоюзов, признания заводских советов, повышения заработной платы рабочих и служащих (История венгерского революционного рабочего движения. М.: Прогресс, 1973, т. II, с. 289—292).

Заграничное бюро Венгерской коммунистической партии в сентябре-октябре 1944 г. на ряде совещаний определило главные требования программы будущего блока антифашистских сил, окончательный текст которой был доработан уже на освобожденной территории Венгрии в г. Сегеде. Эта программа отражала общий курс коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы на создание широкого антифашистского фронта [13]. Она ориентировала рабочий класс на проведение не только общедемократических, антифеодальных преобразований, но и антимонополистических мер, которые должны были привести к устранению помещиков и монополистической буржуазии из экономической жизни страны. Первостепенной экономической задачей, подчеркивалось в программе, должно стать проведение аграрной реформы, ликвидация помещичьего землевладения и передача земли крестьянству. Без этого не могло быть и речи о завоевании большинства венгерской нации на сторону новой власти. Наряду с ликвидацией помещичьего землевладения программа, выдвинутая коммунистами, предусматривала существенное ограничение позиций монополистического капитала. «В интересах укрепления и развития экономической самостоятельности нашей родины,— говорилось в ней,— должна проводиться энергичная экономическая и торговая политика. Паразитические предприятия — монополии, которые наносят ущерб миллионам потребителей и национальной экономике, должны быть закрыты. Картели и крупные банки нужно поставить под государственный контроль. Должны быть национализированы богатства земных недр и те предприятия, где интересы общества требуют уничтожения стяжательства: электростанции, нефтяные месторождения, бокситовые, угольные и рудные шахты. Страхование должно быть национализировано» [14].

Программа предусматривала конфискацию прибылей,

[13] Анализ ее см.: *Сабо Б.* Программа действий Венгерской коммунистической партии осенью 1944 г.— В кн.: Двадцать пять лет свободной Венгрии. Будапешт, 1971, с. 163—166; *Szabó B.* Népi demokrácia és forradalomelmélet. Budapest, 1970, 85—89. old; История венгерского революционного рабочего движения. М.: Прогресс, 1975, т. III, с. 37—38.

[14] Освобождение Венгрии 1944—1945. Сборник документов / Сост. Эшти Б. Будапешт, 1975, с. 58—59.

нажитых на войне, а также конфискацию имущества военных преступников и предателей родины. Вместе с тем специальный пункт гарантировал содействие частной инициативе и частному предпринимательству «на благо общих интересов всего народа» [15].

Таким образом, хотя в рассматриваемом документе принцип частной собственности не ставился под сомнение, речь, однако, шла об изменениях весьма существенного порядка. Реализация этой части программы (национализация важнейших отраслей промышленности [16], ликвидация монополий, установление государственного контроля над картелями и банками) должна была обеспечить ведущие позиции в экономике страны новому демократическому государству, в управлении которым видное место должны были занимать представители рабочего класса.

Заграничное бюро полагало, что в борьбе за осуществление этих антимонополистических требований рабочий класс сможет опереться на широкий блок политических сил, включавший в себя не только эксплуатируемые классы, но и те круги венгерской буржуазии, которые были недовольны экономическим и политическим засилием Германии.

«Проект программы от 30 ноября 1944 г., являясь программой-минимум партии, был программой народно-демократической революции»,— так оценивает этот документ венгерский исследователь Б. Сабо [17].

В то же время разрабатывалась программа в подпольном ЦК ВКП. В листовке, изданной им 12 сентября 1944 г., подчеркивалось, что освободительная борьба — это не только борьба за изгнание оккупантов, но и борьба за свержение венгерской реакции, за создание демократической Венгрии. Решительно отмежевываясь от некоторых ультралевых элементов, которые рассчитывали сразу же после освобождения провозгласить диктатуру пролетариата, подпольный ЦК ВКП специально указывал, что частная собственность не будет ликвидирована.

[15] Освобождение Венгрии..., с. 59.

[16] Венгрия располагала богатейшими месторождениями бокситов; добыча и переработка их так же, как и добыча каменного угля и нефти, бурно растущая после 1937 г., были важнейшими ключевыми звеньями народного хозяйства страны (см. подробнее: *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны, с. 28—29).

[17] *Szabó B.* Népi demokrácia... 88. old.

Но вместе с тем здесь было четко сказано, что партия будет выступать против такого «роста частной собственности, которая в прошлом доводила бóльшую часть трудящихся до нужды и бедствий» [18].

С этой листовкой перекликается документ, составленный Л. Райком и Д. Каллаи в качестве проекта программы для послевоенного сотрудничества демократических сил венгерского общества [19].

Здесь тоже не содержалось прямого требования о вмешательстве нового государства в право частной капиталистической собственности. Более того, в этом документе подчеркивалось, что «экономическая политика народной республики не направлена на экспроприацию капитала... Цель ее — радикальное преобразование капитала и частной собственности с тем, чтобы они не могли путем эксплуатации и спекуляции, восстановления безработицы и подавления кустарной и мелкой промышленности, мелких торговцев и интеллигенции тормозить достижение экономического благосостояния, преуспеяния и благополучия рабочего класса, крестьянства и других трудящихся слоев Венгрии» [20].

Таким образом, оба центра ВКП в своих общих установках исходили из выдвижения антимонополистической программы, рассчитанной на поддержку широкого блока сил, включавшего мелкобуржуазные слои. По сравнению с сегедской программой заграничного бюро ВКП, где акцент делался на национализации ряда ведущих отраслей и установлении государственного контроля над монополиями, документ, подготовленный в подполье, предусматривал более скромные цели, но его важной положительной

[18] Цит. по: *Szabó B.* Népi demokrácia..., 87. old.

[19] Как пишет венгерский историк Б. Сабо, идея составления проекта политической программы послевоенного развития возникла в подпольном ЦК в сентябре 1944 г. Работа над ним была закончена 2 октября. Предполагалось, что после обсуждения в ЦК авторы доработают его и предложат на рассмотрение партий, объединившихся после аккупации страны гитлеровцами в Венгерский фронт. Однако нилашистский путч 15 октября 1944 г. и арест секретаря ЦК Ласло Райка прервали работу. После опубликования 30 ноября в Сегеде программного заявления, разработанного заграничным бюро, работа над этим документом была уже нецелесообразна (см.: *Сабо Б.* Программа действий..., с. 167).

[20] A Magyar Kommunista Párt és a Szociáldemokrata Párt határozatai 1944—1948. Budapest, 1967, 24. old.

чертой было указание конкретных путей, с помощью которых коммунисты рассчитывали добиться этих целей. Главным средством авторы документа считали рабочий контроль, который должен быть установлен над производством и распределением снизу через самые массовые организации рабочего класса — профсоюзы. Правительство народной республики должно было гарантировать профсоюзам это право контроля.

Оба венгерских коммунистических центра почти одновременно приступили к осуществлению своих программных установок и к началу 1945 г. добились значительных успехов в их осуществлении. Так, в Дебрецене в декабре 1944 г. основные политические силы освобожденной части Венгрии — коммунисты, социал-демократы, партия мелких сельских хозяев, национально-крестьянская и буржуазно-демократическая партии, объединившись в Венгерский национальный фронт независимости, приняли программу, разработанную заграничным бюро ВКП, как программу фронта. Тем самым они санкционировали предложенную в документе программу социально-экономических преобразований.

Одновременно на остававшейся еще оккупированной территории, прежде всего в Будапеште, на фабриках и заводах под руководством коммунистов развернулось движение за создание фабрично-заводских комитетов [21]. Перед ними ставились задачи сохранить предприятия от разграбления, препятствовать вывозу оборудования и т. д. В момент освобождения комитеты должны были взять на себя функции по управлению предприятиями. Практика первых дней освобождения показала, что заводские комитеты становились фактическими хозяевами брошенных владельцами предприятий. Число таких предприятий было весьма значительным, ибо в страхе перед наступающей Красной Армией бежали не только немцы, ставшие после оккупации страны хозяевами ряда фабрик и заводов, но и многие собственники-венгры.

По мере освобождения страны создание комитетов на фабриках и заводах стало приобретать массовый характер. В этой акции активное участие наряду с коммунистами и профсоюзными функционерами принимали соци-

[21] Первые фабзавкомы начали свою деятельность в июле 1944 г. в IX, X, XV районах Будапешта и на о. Чепель.

ал-демократы, в руководстве которых в течение 1944 г. усилились позиции левых элементов, активно сотрудничавших с коммунистами. Подписанное ими 10 октября 1944 г. от имени социал-демократической партии соглашение с подпольным ЦК ВКП о единстве действий [22] сыграло определенную роль в том, что движение за создание фабрично-заводских комитетов охватило все слои рабочего класса и привело к установлению весной 1945 г. рабочего контроля на подавляющей части промышленных предприятий Венгрии.

Фабрично-заводские комитеты рассматривались рабочими партиями в качестве органов, призванных руководить предприятиями. Генеральный секретарь совета профсоюзов И. Кошша, выступая в начале февраля 1945 г. перед рабочими Кэбаня — одного из крупнейших промышленных районов Будапешта с призывом создавать фабрично-заводские комитеты, прямо указывал, что они будут заниматься не только вопросами расценок, рабочего времени и социальными проблемами, но и всеми основными делами, связанными с производством.

Распоряжение министра промышленности о деятельности фабрично-заводских комитетов от 15 февраля 1945 г. закрепляло сложившееся в ходе освобождения положение на крупных и средних промышленных предприятиях. Оно в законодательном порядке обязывало предпринимателей «ежеквартально давать заводским комитетам точный отчет о положении дел» [23]. На тех заводах и фабриках, где занято более 200 рабочих, заводские комитеты получали право с помощью экспертов проверять коммерческую документацию предприятий; в акционерных обществах представитель комитета обязан был участвовать в работе дирекции с полным правом голоса [24].

[22] В соглашении, подписанном от имени социал-демократической партии Арпадом Сакашичем, от коммунистической партии и всевенгерской федерации профсоюзов Дюла Каллаи было сказано, что обе партии имеют конечную цель — построение в Венгрии социализма. При этом подчеркивалось, что в нынешнем историческом положении Венгрии «венгерский рабочий класс и венгерское трудовое общество могут осуществить эту цель путем немедленного прекращения войны и создания независимой, свободной и демократической Венгрии» (Освобождение Венгрии..., с. 28).

[23] Освобождение Венгрии..., с. 149.

[24] Освобождение Венгрии..., с. 149.

Но завкомы, ведущие позиции в которых занимали коммунисты, стремились сосредоточить в своих руках не только законодательно закрепленные декретом функции контроля, но и взять на себя все управление предприятиями. Нередки в то время были случаи, когда завкомы не допускали капиталистов на заводы, назначали своих рабочих директоров, подчиняли себе практически все руководство производством, вынуждая капиталистов делить с рабочими функции управления. Именно в этот период в выступлениях руководителей профсоюзов стали звучать утверждения, что заводской комитет имеет решающее право вмешиваться в управление производством, а председатель заводского комитета имеет такие же права, как и директор.

Движение за создание фабрично-заводских комитетов, развернувшееся в Венгрии на рубеже 1944—1945 гг. было ярким свидетельством антикапиталистических настроений венгерского рабочего класса. Однако специфика ситуации в Венгрии заключалась в том, что революционные сдвиги в рабочем классе отнюдь не сопровождались аналогичными сдвигами в настроении других социальных категорий общества. Не случайно Й. Реваи, один из видных руководителей ВКП, писал, характеризуя политическую зрелость масс к моменту освобождения: «Вероятно, самым большим преступлением 25-летнего правления Хорти является то, что политическая зрелость масс, их способность ориентироваться в государственных делах в результате страха перед «начальством» запаздывает на целое десятилетие, что они стали человеческой массой едва ли способной взбунтовать». Комментируя высказывание Й. Реваи, венгерский исследователь Б. Сабо отмечал, что в Венгрии действительно существовала большая разница между политической зрелостью рабочего класса и мелкобуржуазных слоев [25].

Настроения последних, в течение четверти века находившихся под влиянием националистической, шовинистической хортистской пропаганды, были весьма сложными и противоречивыми.

Среди значительной части интеллигенции хотя и преобладали антифашистские настроения, но она в подавляющем большинстве в своих демократических убеждениях

[25] Цит. по: *Szabó B.* Népi demokrácia..., 99. old.

не шла дальше осуждения жестокостей хортистского режима, стремясь остаться в стороне от всех потрясений и перемен, происходивших в стране после разгрома фашизма. На мировоззрение этих кругов венгерского общества большое влияние оказывала теория «третьего пути». Оптимальным вариантом послевоенного развития они считали англо-американскую оккупацию.

Многочисленные слои городской мелкой буржуазии [26] в годы хортистского режима были объектом пристального внимания фашистской пропаганды, и именно среди них фашизм стремился создать себе массовую базу. И хотя интересы этой группы не были тождественны интересам правящих классов, но как раз среди мелкой буржуазии города вербовалась значительная часть членов правыми партиями Венгрии.

Именно эти слои в основной своей массе в течение всей войны являлись опорой реакции и фашизма. Часть из них, не поддерживающая фашизм, ориентировалась на западных союзников в антигитлеровской коалиции. Но даже и здесь были очень сильны национализм, антисоветизм и опасения «диктатуры коммунистов». ВКП предстояла огромная работа в этой среде, чтобы вырвать массу обманутых фашизмом людей и превратить их в союзников рабочего класса, борющегося против господства капитала. Но для этого нужно было время. На рубеже 1944—1945 гг. в настроениях подавляющей части средних городских слоев преобладало пока еще политическое недоверие к коммунистам, и они обращали взоры к ПМСХ и социал-демократии, как силам, способным, по их мнению, противостоять влиянию коммунистов.

Весьма сложными были настроения в венгерской деревне. Они определялись комплексом противоречивых факторов: национализм и страх, что вновь вернутся фашисты, оказывали немалое влияние на позиции крестьян, на их активность в борьбе за аграрную реформу. Но в то же время были сильны и традиции бурных выступлений

[26] По данным 1941 г. в стране было более 267 тыс. самостоятельных ремесленников, в мастерских которых работало почти 259 тыс. рабочих и 75 тыс. учеников. А если к ним присоединить несколько десятков тысяч мелких городских служащих — выходцев из разорившегося дворянства, так называемых джентри, то станет ясно, что эти слои составляли весьма весомую в количественном отношении часть венгерского общества (см.: *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны..., с. 31).

крестьянской бедноты и сельскохозяйственных рабочих. Поэтому, если в районах по левому берегу Тиссы, получивших из-за массовых выступлений крестьян название Вихаршарок (уголок бурь), крестьяне сразу же после освобождения активно включились в поддержку мероприятий нового правительства и сами начали осуществлять раздел помещичьих земель, то в других районах среди крестьян нередки были откровенно выжидательные настроения [27].

В целом можно сказать, что в начале 1945 г. в Венгрии рабочий класс пока еще не имел широкого круга союзников, которые бы могли поддержать его антикапиталистическую борьбу. Их еще предстояло завоевать.

Сложность общественного положения отражалась и в отношениях партий внутри фронта. В рамках Венгерского национального фронта независимости можно выделить две политические группировки, на которые коммунистическая партия могла опираться в своей борьбе. Во-первых, левое крыло социал-демократии, возглавлявшееся Сакашичем, которое активно сотрудничало с коммунистами по всем важнейшим вопросам. В результате усилий левых элементов в социал-демократической партии 25 января 1945 г. было заключено новое соглашение с ВКП, в котором прямо указывалось, что обе рабочие партии считают свое теснейшее сотрудничество необходимым условием для обеспечения интересов рабочего класса, Венгерского национального фронта независимости и демократической Венгрии.

Вторым союзником ВКП по фронту была национально-крестьянская партия. Но она имела сравнительно небольшую массовую базу и объединяла в своих рядах преимущественно беднейших крестьян, небольшое число середняков, а также часть прогрессивной интеллигенции, связанной с деревней. Крупные организации этой партии имелись лишь в некоторых комитетах [28].

[27] См.: *Орбан Ш.* О некоторых проблемах преобразования структуры крестьянства в Венгрии (1945—1961).— В кн.: Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М.: Наука, 1978, с. 181; Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО) СССР, ф. 243, оп. 2943, д. 14, л. 8.

[28] *Izsak L.* Die Konstituierung der Bürgerlichen Demokratischen Partei und ihr Programm vom 1945.— Annales Universitatis Scitiarum Budapestinensis. Section Historica. Budapest, 1972, t. XIII, s. 208.

Большая часть крестьянства — богатые, средние, а во многих местах и бедные крестьяне — шли за партией мелких сельских хозяев, которая интенсивно эволюционировала вправо. Хотя руководители этой партии подписали предложенную им коммунистами 3 декабря 1944 г. программу фронта, но это еще не означало, что они будут действительно бороться за ее реализацию. Деятели ПМСХ, подписавшие соглашение о создании фронта, приняли, по-видимому, его программу с большими оговорками. В этом отношении весьма показательно, что уже в Заявлении Временного национального правительства, опубликованном 22 декабря 1944 г., ничего не говорилось ни об установлении государственного контроля над картелями и банками, ни о национализации шахт, нефтяных месторождений, бокситовых рудников и земных недр.

Основной акцент в экономическом разделе Заявления был поставлен на необходимости безотлагательного проведения земельной реформы и на том, что «Временное национальное правительство считает основой экономического и общественного устройства страны частную собственность и гарантирует ее неприкосновенность» [29].

Руководители ПМСХ одобряли разрыв с фашистской Германией и заключение перемирия, признавали, что восстановление разрушенной страны может быть осуществлено только на основе широкого объединения сил, но в самой партии отсутствовало единство даже по такому коренному вопросу, как проведение аграрной реформы [30]. Практика на местах показала, что, несмотря на принятие руководством партии проекта радикальной земельной реформы, предложенного коммунистами и национально-крестьянской партией, в возрождаемых низовых организациях ПМСХ руководство нередко брали люди, которые довольно откровенно проводили политику ее саботажа. Они призывали крестьян не брать землю, отказываться от уборки урожая [31]. Все эти явления не были случайными.

[29] Освобождение Венгрии..., с. 81.

[30] *Ságvári Á.* Les partis et leurs programmes en Hongrie au lendemain de la libération (1944—1945).— Acta Historica, 1967, t. 13, N 1—2, p. 64—65; *Вида И.* Политика независимой партии..., с. 155.

[31] ЦАМО СССР, ф. 243, оп. 2943, д. 18, л. 130, 138, 140.

В партии мелких сельских хозяев — одной из крупных партий Фронта независимости на переломе 1944—1945 гг. происходили серьезные изменения. С одной стороны, в нее усилился приток крестьянства. В ПМСХ шли и бедняки, получавшие по аграрной реформе землю и традиционно считавшие эту партию главной защитницей своих интересов, и зажиточные крестьяне, ранее поддерживавшие, как правило, правящую партию, а теперь видевшие в ПМСХ единственную силу, способную предотвратить дальнейшее углубление революционного процесса, угрожавшего их собственности. С другой стороны, после разгрома фашизма, в условиях когда буржуазия лишилась возможности открыто выступать на арене общественной жизни, в ПМСХ устремились прозападно ориентирующиеся буржуазные группировки, выражавшие интересы крупного финансово-монополистического капитала. Ее членская база стала бурно расти и за счет городских слоев: служащих старого государственного аппарата, членов хортистского офицерского корпуса, буржуазной интеллигенции [32].

Правое крыло ПМСХ стало усиливаться, принимая все более отчетливые политические контуры, превращаясь в рупор буржуазии и финансово-монополистических кругов, которые добивались сохранения своих экономических позиций и защиты от посягательства революционного пролетариата.

ПМСХ превращалась в партию, объединявшую совершенно разнородные силы венгерского общества, политические и социально-экономические интересы которых далеко не всегда совпадали.

Если левое крыло, возглавлявшееся И. Доби, Д. Ортутаи и И. Олтвани, выступало за народную демократию, ограничивавшую власть крупного капитала, то правое крыло отражало интересы крупной буржуазии, буржуазного бюрократического аппарата и части богатого крестьянства. Эти слои стремились к установлению более либерального режима, чем режим Хорти, но способного защитить их собственность от наступающего пролетариа-

[32] *Ságvári A.* Issues Concerning the Aliance Policy in the Era of People's Democratic Transformation (1944—1948).— In: Studies on the History of the Hungarian Working — Class Movement (1867—1966). Budapest, 1975, p. 298.

та и обеспечить свободу предпринимательской деятельности. Они добивались полного устранения государства от управления экономикой. И в этом отношении позиция правых деятелей партии мелких сельских хозяев соответствовала стремлениям Союза венгерских промышленников.

Правое крыло ПМСХ поддерживал центр — крестьянская группировка, возглавлявшаяся Ф. Надем; ее идеалом был режим, обеспечивавший свободное капиталистическое развитие [33]. Эти две группировки сосредоточили в своих руках руководство партией и стали постепенно вести курс на отказ от ряда пунктов программы Национального фронта, поддерживая внутри Фронта атаки реакционных элементов, направленные против демократических реформ.

Существенные изменения происходили и в социал-демократической партии. По мере освобождения страны, когда партия стала выходить из подполья, правые лидеры, утерявшие в условиях фашистской оккупации ведущее положение в руководстве партии, вновь усилили свои позиции. Это объяснялось в значительной мере тем, что стал изменяться социальный состав социал-демократической партии. Часть ее членов, главным образом рабочие, начали переходить в коммунистические организации, пополняя ряды ВКП. Одновременно в социал-демократическую партию устремились выходцы из мелкобуржуазных слоев, которые, как позже были вынуждены признать сами правые лидеры, присоединялись к партии в надежде на материальные и общественные преимущества. Изменение социального состава партии ослабляло нажим левых сил на правых лидеров и давало им возможность идти на компромиссы с буржуазными группировками внутри Национального фронта в ущерб интересам рабочего класса.

Хотя формально и соблюдалось соглашение о единстве действий между двумя рабочими партиями, в практической деятельности правые лидеры социал-демократии смыкались с представителями буржуазии, полностью подчиняясь их нажиму. Усиление правых тенденций в социал-демократии и стремление ее лидеров к коалиции с

[33] См. подробнее: *Вида И.* Политика независимой партии..., с. 154—162.

ПМСХ[34] создавали угрозу реализации принятой в декабре 1944 г. программы и сковывали возможности дальнейшего развития революционного процесса в стране.

Единство Венгерского национального фронта независимости было крайне непродолжительным. Фронт был един только по вопросу создания новых государственных органов власти, выхода из войны и заключения перемирия. Когда же на повестку дня встал вопрос об осуществлении дальнейших пунктов дебреценской программы: проведение аграрной реформы, демократизации государственного аппарата и т. д., то на поверхность всплыли серьезные противоречия. Они еще в большей степени стали проявляться, когда после завершения разгрома фашизма встал вопрос о путях и методах восстановления разрушенного войной хозяйства.

«Немцы перед своим отступлением систематически разграбляли Венгрию, и перед уходом ее совершенно опустошили,— писал посетивший страну осенью 1945 г. советский академик Е. С. Варга,— они все вывезли в Германию: золотой запас эмиссионного банка, паровозы, вагоны, речные суда, машины многих фабрик, оборудование госпиталей. Промышленная продукция упала до минимума. Еще в конце 1945 г. из 4631 фабрики стояли 970» [35]. Не хватало сырья и продовольствия. Деньги стремительно обесценивались. Венгерская реакция явно делала политическую и экономическую ставку на инфляцию. Буржуазия открыто саботировала все мероприятия, направленные на восстановление производства, изымая свои капиталы из этой сферы, она настойчиво добивалась принятия иностранных займов.

Одновременно ее представители, поддерживавшиеся правыми силами внутри фронта, обрушились на заводские комитеты и коммунистов, возлагая на них основную вину за тяжелое состояние промышленности. Положение заводских комитетов действительно было очень сложным. Те силы в правительстве, которые были способны оказать

[34] Предпосылки для такой коалиции создавал заключенный в 1943 г. союз между этими двумя партиями. ПМСХ, вступая в Венгерский национальный фронт независимости, рассчитывала создать политический блок ПМСХ — СДП, на который станет опираться сформированное фронтом правительство (см.: *Вида И.* Политика независимой партии..., с. 153, 155).

[35] Архив АН СССР, ф. 1513, оп. 1, д. 28, л. 2—3.

им помощь (коммунисты и поддерживавшие их левые социал-демократы), не располагали ведущими рычагами управления экономикой в органах государственной власти [36] и поэтому не могли оказывать сверху прямой поддержки фабрично-заводским комитетам на местах [37].

В частности, министром промышленности, на которого возлагалось право разрешения конфликтов между заводскими комитетами и предпринимателями, был правый социал-демократ А. Валентини, который настолько откровенно проводил политику, угодную Союзу венгерских промышленников, что руководство партии вынуждено было отозвать его с занимаемого поста и заменить другим лицом [38].

Стремление рабочего класса не допускать капиталистов к управлению производством использовалось реакцией, чтобы изолировать рабочий класс от других слоев общества. Установление рабочего контроля выдвигалось буржуазными группировками в качестве главного препятствия, мешавшего капиталу включаться в процесс восстановления. «Банки Будапешта с готовностью возьмутся за выполнение задач, связанных с восстановлением промышленного производства, торгового оборота и кредита,— говорилось на учредительном собрании Союза венгерских промышленников,— но для этого необходимо обеспечить право свободно распоряжаться доверенными банку сбережениями и текущими счетами, предназначенными для хозяйственной деятельности...» [39]

Сложившаяся к весне 1945 г. ситуация, когда линия на немедленное углубление революции грозила опасностью изоляции пролетариата и его авангарда от широких народных масс, потребовала от коммунистов перестановки акцентов в экономической политике. Становилось все более очевидным, что решительное столкновение сил демократии и реакции произойдет именно по вопросам экономи-

[36] Министерство финансов и министерство восстановления находились в руках партии мелких сельских хозяев, министерство промышленности — в руках социал-демократической партии.

[37] В этом было существенное различие в положении фабрично-заводских комитетов Польши, в руках которых оказалась подавляющая часть промышленности страны в момент освобождения, и фабрично-заводских комитетов Венгрии.

[38] *Ságvári Á.* Les partis..., p. 89—90.

[39] Magyar Nemzet, 31.VI 1945.

ки. 20 апреля 1945 г. на заседании объединенной комиссии коммунистической и социал-демократической партий прямо указывалось, что главная цель реакции — «вызвать экономический хаос. Реакция надеется, что демократические партии не сумеют решить экономические проблемы» [40].

В этих условиях необходимо было показать народным массам, что ВКП считает первоочередной задачей восстановление экономики и для решения ее готова приложить максимум усилий.

Поэтому в решениях состоявшейся в мае 1945 г. I легальной конференции ВКП [41], на которой проблемы восстановления и реконструкции народного хозяйства заняли одно из центральных мест, было выдвинуто предложение о необходимости предоставления промышленникам кредитов и государственного займа на сумму 2 млрд. пенге, чтобы пустить в ход предприятия, необходимые для восстановления транспорта, развития строительной промышленности, производства сельскохозяйственного оборудования. На конференции прямо указывалось, что восстановление будет боевым крещением молодой венгерской демократии и на нем нужно сосредоточить все силы нации. Здесь было сформулировано положение о том, что «необходимой предпосылкой восстановления хозяйственной жизни является включение капитала в производство» [42]. Это был определенный поворот в экономической политике партии, поворот, продиктованный учетом конкретной политической обстановки, реального соотношения сил в экономике страны, поворот, опирающийся на анализ накопленного международным революционным движением опыта.

Й. Реваи в мае 1945 г., выступая на съезде шахтеров, обращаясь к опыту СССР, говорил: «В 1921 г. Ленин провозгласил новую экономическую политику, целью которой было в известной мере использовать буржуазию для восстановления разрушенного войной хозяйства. Я знаю, что, как всякое сравнение, это сравнение хромает, потому что в России в 1921 г. была диктатура пролета-

[40] *Szabó B.* Népi demokrácia..., 126. old.

[41] Подробнее о конференции см.: История венгерского революционного рабочего движения. М.: Прогресс, 1975, т. 3, с. 92—94.

[42] Szabad Nép, 25.V 1945.

риата, а крупная промышленность и банки находились в руках рабочего класса. В Венгрии нет диктатуры пролетариата, а банки и крупная промышленность находятся в руках капиталистов. При учете всех этих различий тем не менее существует определенное сходство между тогдашней политикой русских коммунистов и современной политикой венгерских коммунистов. Мы говорим то же, что тогда говорили русские коммунисты: «Не беда, если капиталисты зарабатывают, если они получают прибыль и одновременно приносят пользу трудящемуся народу и стране... Прибыль капиталистов, принимающих участие в восстановлении,— это та цена, которую стоит заплатить, чтобы они приняли участие в восстановлении» [43].

Несколько позже, в октябре 1945 г., вопрос ставится еще более четко: «Партия должна проводить политику, подобную нэпу» [44].

Беря курс на восстановление экономики в рамках капиталистического производства, коммунисты отнюдь не питали иллюзий по отношению к буржуазии и связывали с проблемой восстановления страны проблему борьбы за власть. В решениях конференции и на предшествующем ей партактиве Будапешта настойчиво проводилась мысль, что страна будет принадлежать тем, кто ее построит: «...венгерский рабочий класс и венгерское крестьянство будут играть тем бóльшую роль в руководстве государством, чем больше сделают для восстановления национальной экономики. Необходимо обеспечить бóльшую роль рабочему классу и коммунистической партии в национальной жизни через активное участие в восстановлении экономики» [45].

Принимая программу восстановления и гарантируя буржуазии возможности экономической деятельности, I легальная конференция ВКП в то же время подчеркивала, что необходимо будет вести беспощадную борьбу со спекуляцией и саботажем политики восстановления. «Мы требуем,— говорилось в докладе ЦК ВКП,— неумолимого преследования всех тех, кто сознательно мешает великому делу восстановления, кто саботирует или содействует

[43] *Szabó B.* Népi demokrácia..., 126. old.
[44] *Szabó B.* Népi demokrácia..., 125. old.
[45] *Szabó B.* Népi demokrácia..., 127. old.

срыву созидательной работы молодой демократии, рассчитывая подорвать ее экономические основы» [46].

Партия исходила из того, что в борьбе за восстановление экономики, в борьбе с саботажем буржуазии, не желающей вкладывать средства в развитие производства, неизбежно станет вопрос о проведении таких реформ, в результате которых усилилась бы роль государства в управлении экономикой, был бы установлен контроль (главным образом через финансово-кредитную систему) над деятельностью частного капитала со стороны государственных органов, и, наконец, была бы осуществлена национализация нерентабельных отраслей промышленности. Проект таких реформ, выдвинутых коммунистами, получил название «План восстановления народного хозяйства Венгрии».

Фактически здесь речь шла о необходимости реализации тех же требований, которые выдвигались в Дебреценской программе. Но теперь им была придана иная мотивировка. Они рассматривались как первоочередные, неотложные меры, направленные на решение важнейшей общенациональной задачи — спасения страны от военной разрухи и экономического хаоса, вызывавшегося саботажем реакционных кругов.

Партия при этом полагала, что ее партнеры по Национальному фронту, опасаясь скомпрометировать себя в глазах широких народных масс, либо должны будут согласиться на проведение таких преобразований, либо своим выступлением против этих предложений разоблачат себя как силы, не способные преодолеть экономический хаос и анархию, и это позволит коммунистам объединить вокруг себя большинство нации.

В рамках этого нового плана отводилась очень большая и ответственная роль заводским комитетам как органам рабочего класса, действовавшим непосредственно на производстве. Учитывая сложность политической ситуации, когда капитал сохранял за собой основные позиции в экономике, а большинство нации еще не шло за коммунистами, I легальная конференция нашла нужным предостеречь против преждевременных попыток отдельных заводских комитетов взять предприятия в свои

[46] Szabad Nép, 25.V 1945.

руки. Конференция указывала: «Заводские комитеты были созданы для защиты интересов трудящихся и для контроля за производством... Их задачей является охрана интересов рабочих... Заводские комитеты должны знать, что их задачей не является социализация, потому что это бы помешало восстановлению и... довело бы страну до состояния анархии» [47]. Еще более четко эта мысль была сформулирована на съезде заводских комитетов в июле 1945 г.: «Поскольку в настоящее время мы не можем ставить себе непосредственной целью социализацию, то необходимой предпосылкой восстановления хозяйственной жизни является включение капитала в производство, а капиталистов в управление предприятиями» [48]. В новой ситуации главной функцией заводских комитетов становился контроль над деятельностью капиталистов в процессе восстановления разрушенного хозяйства.

Гарантировав капиталистам сохранение их собственности на предприятия и возможность управления, коммунисты и поддерживавшие их левые социал-демократы постарались, чтобы эта деятельность была поставлена под полный и всесторонний контроль рабочего класса. Именно эта линия и нашла свое отражение в так называемом втором правительственном постановлении о фабрично-заводских комитетах, принятом в июне 1945 г. В отличие от первого постановления, признававшего за завкомами право контроля, новое делало «контроль над ходом и планом производства их обязанностью». В связи с этим отменялась так называемая коммерческая тайна на всех промышленных предприятиях. Вместе с тем в новом постановлении официально признавалась необходимость создания органов рабочего контроля на всех предприятиях, где будет занято более 20 человек [49]. Тем самым рабочий контроль устанавливался практически на всех частных предприятиях.

Это была весьма важная позиция, завоеванная революционным рабочим классом Венгрии. ВКП, понимая сложность внутриполитической обстановки в стране, сно-

[47] Szabad Nép, 25.V 1945.
[48] Szabad Nép, 14.VII 1945.
[49] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности 1945—1949.— В кн.: Вопросы национализации в современном мире. Варшава, 1978, с. 51.

ва настойчиво подчеркивала, что на повестке дня пока еще не стоит задача «социализации производства». Коммунисты ориентировали фабрично-заводские комитеты на то, чтобы они главное внимание сосредоточивали на разоблачении попыток саботажа, чтобы отстаивали в руководстве предприятий общие интересы народного хозяйства [50].

Таким образом, к лету 1945 г., когда в Венгрии борьба между буржуазией и пролетариатом стала открыто приобретать характер борьбы за овладение основными позициями в системе государственной власти и на повестку дня встала задача изоляции буржуазии от демократических слоев общества и завоевания их на сторону пролетариата и его политических представителей, ВКП, учитывая особенности соотношения сил, степень влияния буржуазии в обществе, настроения его основных кругов, выработала такую линию в области экономических преобразований, которая позволяла обеспечить постепенное вытеснение буржуазии из экономики, не ставя непосредственно требований ликвидации частной собственности на средства производства.

2. Курс румынских коммунистов на раскол буржуазного лагеря и социально-экономические требования в программе Национально-демократического фронта Румынии

При формировании социально-экономических разделов программы Национально-демократического фронта Румынии, выступившего на арену политической жизни страны в октябре 1944 г., решающее влияние оказывали те же факторы, что и в Венгрии: относительная стабильность и сохранение экономических позиций национальной буржуазии; нерешенность аграрного вопроса и необходимость проведения земельной реформы; сохранение политического влияния буржуазии в обществе. Причем этот последний фактор в Румынии проявлялся в значительно большей степени, чем в Венгрии. Основные буржуазные группировки в условиях, когда Красная Армия развернула бои на границах Румынии, поспешили сманеврировать

[50] Цит. по: *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 51.

и, примкнув к антифашистскому восстанию 23 августа 1944 г., временно избежали столкновения с собственным народом. Осуществив этот маневр, они использовали его не только для того, чтобы сохранить свое политическое представительство в послевоенной общественной жизни страны в лице двух партий — национал-либеральной и национал-царанистской[51], но и обеспечить подавляющее большинство в антифашистском правительстве наиболее правым группировкам[52], которые стремились воспрепятствовать активно идущему нарастанию революционных тенденций в румынском обществе.

Это обстоятельство сыграло немаловажную роль, поставив перед коммунистами Румынии ряд новых проблем, решение которых потребовало внесения существенных коррективов в социально-экономические разделы программы Национально-демократического фронта.

Еще в условиях подполья на основе анализа положения различных классов румынского общества руководством

[51] Одна из этих партий — национал-либеральная, объединяла те круги крупной финансово-монополистической буржуазии, которые в межвоенный период были связаны с французским и английским капиталом. Национал-царанистская партия была в довоенный период наиболее массовой партией Румынии. Объединяя в своих рядах весьма разнородные социальные силы: среднюю городскую и сельскую буржуазию, часть помещиков и кулачество, недовольных засильем монополий в хозяйственной жизни страны, она выступала под маской «крестьянской» партии, что и обеспечивало ей массовую базу в румынской деревне. В 1938 г. обе партии вместе с другими политическими партиями были формально запрещены. Однако лидеры «исторических» партий, и особенно национал-царанистов, прилагали немалые усилия, чтобы убедить Антонеску не рассматривать их партию «как врага его режима, а ее членов как его личных противников» (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/1, д. 814, л. 329).

[52] В правительстве, пришедшем к власти в результате восстания 23 августа 1944 г., все ключевые министерства сосредоточились в руках военных. Часть министров из свергнутого правительства Антонеску также оказалась в составе нового правительства. Например, в руки генерала Потопяну перешли два важнейших экономических министерства: Министерство национальной экономики и Министерство финансов. Представители политических партий: национал-либеральной, национал-царанистской, социал-демократической и коммунистической вошли в правительство в качестве министров без портфелей (см.: Румыния в годы народно-демократической революции 1944—1948: Пер. с рум. М.: Прогресс, 1974, с. 329).

РКП была разработана основа программных положений политического союза демократических сил. Коммунисты исходили из того, что в борьбе за доведение до конца задач буржуазно-демократической революции в стране возникнет широкий блок, объединяющий не только пролетариат и крестьянство, выступающее за ликвидацию помещичьего землевладения, но подавляющую часть мелкобуржуазных слоев и примыкающих к ним групп городского населения, которые страдали от засилия финансово-монополистического капитала.

«Именно потому, что у нас мелкая буржуазия борется еще против крупного капитала, именно потому, что она стремится к сохранению своей независимости, создается возможность привлечь, по крайней мере, ее некоторые слои к общей борьбе рабочего класса и крестьянства»,— писал в 1943 г. в своей работе «Основные проблемы Румынии» один из руководителей РКП Л. Пэтрэшкану [53].

Исходя из необходимости создания такого блока, коммунисты главное внимание в области социально-экономических преобразований сосредоточивали на решении аграрного вопроса и проведении широких антимонополистических мер.

В частности, в работе Л. Пэтрэшкану выдвигались требования национализации румынского национального банка и всего банковского аппарата (18 крупнейших банков), установления государственного контроля над деятельностью картелей и синдикатов, национализации части картелей [54].

Эти положения и легли в основу социально-экономических пунктов будущей программы Национально-демократического фронта, инициатором создания которого в сентябре 1944 г. выступила Компартия Румынии [55]. Такой шаг был предпринят коммунистами после того, как стала

[53] *Pătrăşcanu L.* Problemele de bază ale României. Bucureşti, 1944, p. 294.

[54] *Pătrăşcanu L.* Problemele de bază ale României, p. 281—282.

[55] Инициатива коммунистов получила поддержку со стороны единых профсоюзов, социал-демократической партии, Союза коммунистической молодежи, Фронта земледельцев, Союза венгерских рабочих и крестьян Румынии, Союза патриотов и других организаций (см.: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 91).

совершенно очевидной невозможность дальнейшего политического сотрудничества в рамках созданного в июне 1944 г. Национально-демократического блока из-за саботажа со стороны буржуазных партий всех демократических мероприятий, направленных на очищение страны от остатков фашизма.

26 сентября 1944 г. ЦК РКП опубликовал и предложил в качестве основы для объединения демократических сил «Проект платформы Национально-демократического фронта». Понимая, что основным стержнем борьбы между рабочим классом и буржуазией в условиях Румынии станет борьба за крестьянство как политического союзника [56], коммунисты в представленном документе на первое место выдвигали вопрос о немедленной конфискации крупной земельной собственности (превышающей 50 га) и наделении крестьян землей. В области промышленности и финансов предусматривалось осуществление широких мер антимонополистического характера. В частности, речь шла о необходимости национализации государственного банка страны и 18 других крупнейших частных банков, национализации основных промышленных предприятий и осуществлении государственного контроля над картелями. При этом подчеркивалось, что предлагаемые меры не являются социалистическими, и Национально-демократический фронт выступает в поддержку свободы торговли, ремесла и предпринимательства.

Акцент на этих моментах не случаен. Они должны были сыграть важную роль в определении позиций мелкобуржуазных слоев румынского общества и даже части демократических кругов буржуазного лагеря. Если сравнивать Дебреценскую программу венгерских коммунистов и «Проект платформы», сформулированный РКП, то можно сказать, что исходные установки и конкретное содержание обоих документов весьма близки по своей антимонополистической направленности.

Коммунисты Румынии предполагали, что реализация выдвигаемых требований будет осуществляться в рамках

[56] «Основной целью борьбы между пролетариатом и буржуазией с самого начала будет борьба за завоевание крестьянства и отчасти за привлечение городской мелкой буржуазии. Борьба за крестьянство будет занимать главное место».— писал Л. Пэтрэшкану. (*Pătrăşcanu L.* Problemele de bază ale României, p. 306).

такого блока социальных сил, складывающегося вокруг рабочего класса, в котором весьма существенную роль станут играть слои мелкой городской буржуазии и крестьянства. Для основных группировок буржуазии эта программа будет неприемлема, и они, выступая против нее, окажутся в изоляции («...за контроль демократического государства, за действительный контроль над производством... не выскажется ни одна крупная буржуазная фракция, пусть даже самая прогрессивная и демократическая» [57]). Та же часть буржуазии, что примкнет к Национально-демократическому фронту не будет играть ведущей роли в созданном блоке.

Обсуждение «Проекта платформы» силами, присоединившимися к фронту, показало, что, несмотря на имеющиеся по определенным пунктам расхождения, предлагавшиеся коммунистами антимонополистические мероприятия не вызвали возражений со стороны союзников [58]. Принятие «Проекта платформы» социал-демократической партией и провозглашение его документом Единого рабочего фронта свидетельствовали, что за его реализацию выступает основная часть рабочего класса. Одобрение основных пунктов платформы Фронтом земледельцев, Союзом венгерских рабочих и крестьян Румынии, Союзом патриотов показывало, что усилия рабочего класса по реализации намечаемых мер получат поддержку со стороны присоединившихся к фронту демократических партий и организаций. Но эти организации осенью (сентябрь-октябрь) 1944 г. еще не вели за собой большинства крестьянства и мелкобуржуазных слоев. Их работа на местах только начиналась [59]. Значительная часть румынской деревни с довоенного времени находилась под влиянием национал-царанистов, умело использовавших в своей пропаганде не только антимонополистические, но и антикапиталистические лозунги.

[57] *Pătrăşcanu L.* Problemele de bază ale României, p. 309.

[58] См.: *Никита П.* Политиката на съюзи на Руминската комунистическа партия през 1944—1948.— Известия на Института по история на БКП. София, 1972, кн. 27, с. 416—419.

[59] Например, Фронт земледельцев после событий 23 августа 1944 г. имел свои ячейки лишь в нескольких уездах страны. Осенью 1944 г. работа по созданию местных организаций этой партии на всей территории страны только начиналась (см.: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 70).

Городская мелкая буржуазия, находившаяся в оппозиции к монополистическому капиталу, в довоенный период в значительной своей части оказалась в лагере фашизма, и сейчас, после его разгрома, стояла как бы на перепутье. За нее еще предстояло бороться, чтобы привлечь ее на сторону демократических сил.

В такой весьма сложной обстановке «исторические» партии, объявив «о невозможности какого-либо контакта с Национально-демократическим фронтом» [60], открыто взяли курс на его изоляцию. 16 октября 1944 г. орган национал-царанистов «Дрептатя» опубликовал программный манифест партии. Он должен был сыграть роль основного противовеса программе Национально-демократического фронта. Публикация этого документа свидетельствовала, что лидеры национал-царанизма в условиях революционизировавшегося румынского общества вновь взяли на вооружение лозунг крестьянского кооперативного антимонополистического государства, в котором, по их словам, «зажиточный просвещенный крестьянин станет достойным сотрудником рабочих масс и интеллигенции, борясь вместе с ними (если появится необходимость в этом) против эксплуататорских классов за благосостояние всей страны» [61]. Заявив, что основным принципом национал-царанистской партии в аграрном вопросе является индивидуальная крестьянская собственность, основанная на труде одной семьи, авторы манифеста развернули на его страницах весьма обширную программу мероприятий, направленных якобы на защиту интересов крестьянства и мелких производителей, страдающих от засилия монополистического капитала. Они декларировали необходимость новой экспроприации земли, национализации крупных промышленных предприятий, ликвидации картелей, занимающихся спекуляцией, введения специального налога на сверхприбыли, полученные в период диктатуры Антонеску. Ставился также вопрос об организации дешевого кредита и прямого покровительства со стороны государства ремесленникам, мелким торговцам и предпринимателям.

Предлагавшаяся национал-царанистами программа внешне выглядела более радикальной и более отвечающей

[60] ЦГАОР, ф. 4459, оп, 27/1. д. 3224, л. 33.
[61] Dreptatea, 16.X 1944.

интересам крестьянства, ремесленников, торговцев и мелких предпринимателей, чем программа Национально-демократического фронта. Но ее радикализм был фальшивым [62]. Это жонглирование фразами было необходимо для удержания мелкобуржуазных слоев общества под политическим влиянием национал-царанизма [63] и изоляции складывающегося объединения демократических сил. Поэтому не случайно в манифесте подчеркивалось, что война не может вестись без внутреннего порядка и спокойствия в стране, что все политические противоречия, «ослабляющие авторитет правительства и могущие повлиять на моральное состояние армии, должны быть прекращены» [64]. Реализацию же всех конкретных мер, выдвигаемых в манифесте, предлагалось отложить на послевоенный период.

Коммунисты предвидели возможность такого выступления национал-царанистов. Еще в 1943 г. Л. Пэтрэшкану, анализируя состояние румынского общества и возможности развития классовой борьбы в стране, писал: «Имеет ли румынская буржуазия возможности влиять на основные слои крестьянства? Несомненно. Особенно демократические фракции буржуазии... Прежний опыт национал-царанистской партии будет вновь использован этой партией или ей подобной, а формула «крестьянского» государства, кооперативного и антимонополистиче-

[62] Решение конкретных вопросов в данном документе заменено общими формулировками. Например, под национализацией крупной промышленности и ликвидацией картелей лидеры национал-царанистской партии подразумевали лишь возможность «постепенной передачи государству крупной промышленности, начиная от тех отраслей, которые или монополизированы, или в которых главным заказчиком является государство, или тех, что впоследствии станут удовлетворять общие нужды». (Dreptatea, 16.X 1944).

[63] Изменение настроений в их среде беспокоило руководителей царанистов еще в годы войны. «История готовит неожиданные сюрпризы,— говорил Ю. Маниу в ноябре 1943 г.— ... достаточно было, чтобы крестьяне лично ознакомились с реформами, совершенными в СССР в пользу низших слоев, чтобы они возвратились домой с фронта с совершенно изменившейся идеологией. Эта идеология является опасной и свидетельствует о неизбежной ошибке, совершенной правительством, когда оно бросило огромные массы румын в среду новой русской жизни» (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/1, д. 814, л. 310).

[64] Dreptatea, 16.X 1944.

ского, будет, вероятно, снова пущена в ход. Фракция «демократической» и «прогрессивной» буржуазии будет провозглашать антимонополистические лозунги против всемогущего монополистического капитала. Она, возможно, выскажется за национализацию ряда отраслей и за государственный контроль над картелями, как это делала в прошлом царанистская партия» [65].

Но в 1943 г. нельзя было предвидеть, что обращение буржуазии к этим лозунгам произойдет в условиях, когда все или почти все буржуазно-помещичьи группировки страны окажутся внутри антифашистского лагеря, и именно здесь, в его рамках, начнет складываться общий фронт реакции против сил, стремящихся к последовательному доведению антифашистских демократических преобразований.

Осенью 1944 г. в антифашистском лагере Румынии отчетливо обрисовались два полюса. На одном — демократические силы, объединившиеся в Национально-демократическом фронте и стремившиеся к углублению революции, которая вырастала из антифашистской борьбы. Эти силы опирались на нараставшую борьбу крестьянства, добивавшегося ликвидации помещичьего землевладения и проведения радикальной аграрной реформы, и на демократическое движение за последовательную реализацию антифашистских требований, связанных с чисткой центрального и местного государственного аппарата и всей общественной жизни страны от реакционных фашистских элементов [66]. Ведущую роль в этом движении играл рабочий класс. После свержения режима Антонеску рабочие на местах развернули активную деятельность, изгоняя с предприятий, особенно из их управлений, фашистские элементы. О проведении таких акций много писали осенью 1944 г. газета румынских коммунистов «Скынтея» и орган социал-демократической партии «Ромыниа либера». Например, сообщалось, что рабочие крупнейшего вагоностроительного завода «Астра», объявив забастовку и прекратив работу, добились увольнения с завода старого руководства, состоявшего из фашистских элементов. Рабо-

[65] *Pătrăşcanu L.* Problemele de bază ale României, p. 307—309.

[66] Подробнее см.: *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 195—197, 234, 235.

чие металлургического завода «Леонида» изгнали с завода директора-фашиста и ряд мастеров, назначив на их место людей, пользовавшихся доверием рабочего коллектива [67].

Аналогичные сведения поступали в эти дни с заводов «Малакса» в Бухаресте, из Управления бухарестского трамвая, из Главного управления железных дорог. Постепенно в движение по чистке общественной жизни страны от фашистов начали втягиваться и представители средних городских слоев: интеллигенции, служащих, ремесленников [68].

Движение же рабочего класса, особенно в последние месяцы 1944 г., начало выходить за антифашистские демократические рамки. На заводах и фабриках стали создаваться единые профсоюзные организации; фабрично-заводские комитеты как органы профсоюзов на местах к концу октября действовали уже почти на всех предприятиях страны.

На некоторых заводах и фабриках им удалось установить контроль. Но в основном в центре внимания фабзавкомов находились вопросы снабжения рабочих, повышения их заработной платы, соблюдения дирекцией норм социального законодательства.

Фабрично-заводские комитеты активно вели борьбу с саботажем, добивались от руководства предприятий увольнения фашистских элементов и т. п. Особенно активно действовали эти органы рабочего класса на тех предприятиях, которые выпускали военную продукцию [69]. В этот же период на рабочих собраниях зазвучали требования национализации шахт, банков и всех крупных предприятий. Например, на металлургическом заводе «Решица» собрание 1500 рабочих направило в ноябре 1944 г. правительству заявление с требованием немедленной национализации этого предприятия: «Огромный капитал, инвестированный в данное предприятие, должен быть поставлен на службу народа». С аналогичными требованиями выступили собрания 7 тыс. рабочих завода «Малакса», шахтеров угольного объединения «Мика»

[67] Scînteia, 26.XI 1944.
[68] См.: *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа..., с. 197.
[69] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 67, 88 и др.

и др.[70] Подобные факты свидетельствовали о готовности рабочих перейти к решительным действиям по ликвидации капиталистической собственности.

Развертывающиеся выступления рабочих, движение крестьян за раздел помещичьей земли делали Коммунистическую партию Румынии большой политической силой, способной вести борьбу за власть в стране.

Одновременно формировался и другой полюс антифашистского лагеря: обе «исторические» партии, в какой-то мере сотрудничавшие с рабочим классом и его союзниками в деле свержения режима Антонеску, стали по мере нарастания демократического движения все более явно выступать против требований народных масс. Их представители откровенно саботировали все мероприятия, направленные на наказание военных преступников. В обиход была пущена версия, что фашистский режим — явление случайное для Румынии, не имевшее здесь своей почвы, и, следовательно, нет необходимости вести борьбу с фашистским наследием. В своем стремлении сохранить политическое и экономическое господство и приостановить развитие революционной борьбы эти партии в лице их центрального руководства начали открыто блокироваться с фашистскими элементами, которые сохраняли в своих руках еще весьма значительную часть государственного аппарата[71]. Национал-царанисты брали под свое покровительство членов запрещенных фашистских организаций. Имеются сведения, что Ю. Маниу уже 31 августа 1944 г. в письме, адресованном главе легионеров, предложил последнему использовать национал-царанистскую партию в качестве убежища для членов фашистских организаций. В рамках этой партии им предоставлялась полная возможность сохранять свою организационную структуру[72].

Отчетливо стала вырисовываться перспектива объединения всех сил господствующих классов против начавшейся складываться коалиции рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и мелкобуржуазных городских слоев. Симптомом этого был отказ руководства «исторических»

[70] Scînteia, 26.XI 1944.
[71] Подробнее см.: *Лебедев Н. И.* Румыния в годы второй мировой войны. М.: Изд-во ИМО, 1961, с. 248—253.
[72] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 4412, л. 14.

партий присоединиться к платформе Национально-демократического фронта и требование Ю. Маниу, чтобы Национально-демократический фронт принял программу, сформулированную национал-царанистами [73]. В коммюнике бюро национал-царанистской партии было прямо сказано, что правительство Сэнэтеску «еще не выполнило своей миссии и что царанистская партия готова взять на себя ответственность за управление страной, если некоторые партии не согласны сотрудничать в рамках Национально-демократического блока». Национал-либералы заняли идентичную позицию [74]. Возникавший реакционный блок был тем более опасен, что в нем объединялись все основные группировки румынской буржуазии и помещиков. Под его эгидой создавались вооруженные отряды так называемой национальной гвардии. Кроме того, к его услугам и в его распоряжении была старая система государственно-административного аппарата, которая не претерпела еще сколько-нибудь существенных изменений. Ему была обеспечена поддержка Всеобщего союза румынских промышленников (АЖИР), организовавшего открытый саботаж на промышленных предприятиях, который выразился в закрытии фабрик и заводов, в отказе от военных заказов, в массовых увольнениях рабочих и т. д. [75] Объединившийся реакционный блок держал курс на развязывание гражданской войны с тем, чтобы дать повод для вмешательства западных держав [76].

В такой ситуации важнейшей задачей для Компартии Румынии становился раскол складывавшегося внутри антифашистского лагеря реакционного блока. Анализируя создавшуюся в стране обстановку, ЦК РКП ставит вопрос о том, чтобы использовать противоречия между отдельными группировками противостоящего демократии лагеря («...нужно, чтобы мы разорвали ряды буржуазии» [77]). Для этого был неизбежным компромисс с частью

[73] *Liveanu V.* Particularités de la strategie politique du parti communiste Roumain entre 1944—1948.— In: Études d'histoire contemporaine de la Roumanie. Bucarest, 1971, p. 188.

[74] *Нири К.* От Единого рабочего фронта к единой партии рабочего класса Румынии. Бухарест, 1972, с. 40.

[75] См.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 4412, л. 11.

[76] См.: *Лебедев Н. И.* Румыния в годы второй мировой войны, с. 300.

[77] Цит. по: *Liveanu V.* Particularités de la strategie politique..., p. 196.

буржуазных группировок, чтобы отколоть от общего лагеря те из них, которые при определенных условиях могли бы пойти на проведение таких мероприятий, как, например, ликвидация помещичьего землевладения и проведение аграрной реформы. Этот компромисс позволял оттеснить наиболее реакционные элементы из правительства, укрепить здесь позиции сил объединенных в НДФ, провести последовательную аграрную реформу, передать землю крестьянству с тем, чтобы, сплотив вокруг НДФ широкие массы, создать предпосылки для дальнейшего развития революции.

Такой подход коммунистов и возглавляемых ими демократических сил имел под собой весьма реальную почву.

В национал-царанистской партии существовали левые группировки, добивавшиеся реализации программы национал-царанистов, выдвинутой еще в 30-х годах. Одна из таких группировок, сложившаяся вокруг профессора Ясского университета А. Потопа, активно выступала за проведение земельной реформы и в этом вопросе поддерживала Национально-демократический фронт, сотрудничая с ним в местных организациях национал-царанистской партии. Сторонники группировки А. Потопа пользовались влиянием в 10 уездных организациях, часть которых уже в ноябре 1944 г. открыто высказывалась в поддержку платформы Национально-демократического фронта по вопросам аграрных преобразований [78].

В национал-либеральной партии еще с довоенного времени существовали два центра. Во главе одного из них находилось семейство Брэтиану. Эта группировка, концентрировавшаяся вокруг Национального банка Румынии, была связана со старыми отраслями промышленности (легкой, пищевой, обрабатывающей) и ее интересы в значительной мере переплетались с интересами помещичьих кругов. Другой центр сложился вокруг Румынского кредитного банка. В нем объединились группировки, капиталы которых концентрировались в новых, тяжелых отраслях промышленности, постепенно набиравших силу в связи с идущим процессом индустриализации. Эта группа, возглавляющаяся Г. Татареску, не была в такой

[78] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 4412, л. 10.

мере, как группа К. Брэтиану, связана с помещичьими кругами и готова была пойти на проведение определенных аграрных преобразований. Поскольку Татареску и его окружение и раньше выступали за развитие государственно-монополистических форм капитализма [79], для них могли стать приемлемыми те пункты программы фронта, где речь шла об усилении регулирующей роли государства. Эта группировка могла пойти на сотрудничество с силами фронта, но опасалась выдвинутых в его программе требований национализации [80].

Все эти моменты, связанные с необходимостью раскола буржуазного лагеря, и стали определяющими при уточнении отдельных положений программы Национально-демократического фронта, которое было проведено в начале 1945 г.

Смещение акцентов ясно намечается уже в обращении Национально-демократического фронта, опубликованном 2 января 1945 г. Упор в реорганизации промышленного производства и финансов делается уже не на национализации, а на установлении «гражданского контроля за производством и распределением и на введении государственного контроля над банками и картелями» [81]. 28 января 1945 г. была предложена от имени Совета НДФ «Программа правления Народно-демократического фронта страной» [82], разработанная по инициативе коммунистов. Выдержанная в четких рамках антифашистских, антиимпериалистических, антифеодальных и демократических преобразований, эта программа основное внимание концентрировала на необходимости завершения задач буржуазно-демократической революции. Авторы этого документа главный центр тяжести в области экономических преобразований перенесли на аграрную реформу [83]. Предполага-

[79] См.: *Ерещенко М. Д.* Королевская диктатура и борьба трудящихся Румынии против наступления фашизма (февраль 1938—сентябрь 1940): Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 10.

[80] Формулируя свою программу, Г. Татареску говорил, что идеалом его партии является частная, а не коллективная собственность. «Однако мы враги спекуляции и монополий, поэтому мы провозглашаем в нашей программе контроль государства над всеми капиталистическими предприятиями. Мы против конфискации и национализации» (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 4414, л. 82).

[81] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 4412, л. 3.

[82] Текст «Программы» см.: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 311—314.

лось, что нажим крестьянского движения снизу заставит буржуазию и ее политических представителей, стремившихся спасти свои позиции в экономике, одобрить предлагаемый проект аграрной реформы.

Одновременно в этом документе было снято выдвигаемое ранее требование национализации. Включение его в проект платформы Национально-демократического фронта в сентябре 1944 г. было расценено коммунистами как «отсутствие политической зрелости и необходимой гибкости в политический момент» [84]. Теперь на первый план выдвигалась задача восстановления народного хозяйства страны и провозглашался курс на сотрудничество со всеми, кто желает участвовать в деле реорганизации и подъема промышленного производства.

«Правительство Национально-демократического фронта,— говорилось в январской программе НДФ,— удалит фашистские элементы, сторонников Антонеску и саботажников от управления частными и государственными предприятиями. Оно будет применять суровые меры против саботажников и спекулянтов и будет поддерживать все экономические категории (промышленников, торговцев, ремесленников и т. д.), которые будут честно сотрудничать в деле восстановления предприятий, в реорганизации и увеличении производства для мирного экономического развития» [85].

Публикация нового документа Национально-демократического фронта, широкая кампания, проведенная коммунистами по разъяснению основных его положений [86],

[83] Анализ аграрных пунктов «Программы» см.: *Liveanu V.* Particularités de la strategie politique..., p. 193—194.

[84] *Никита П.* Политиката на съюзи на Румънската комунистическа партия..., с. 428.

[85] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 313.

[86] На собраниях, где присутствовали главным образом представители промышленников, коммерсантов, духовенства, интеллигенции, выступали виднейшие руководители РКП: Георгиу Деж, Л. Пэтрэшкану, Г. Апостол и др. На одном из таких собраний Г. Георгиу Деж говорил: «Программа Национально-демократического фронта основана на демократических принципах, обеспечивающих всем социальным категориям возможность осуществить свои интересы. Попытки изобразить НДФ как врага духовенства, промышленников, мелких предпринимателей являются тенденциозными». Он призвал промышленников, организованных рабочих и крестьян к активному участию в подъеме производства (см.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 4419, с. 50, 55, 57).

усилили центробежные тенденции внутри буржуазного лагеря. Вскоре к НДФ начали присоединяться местные организации национал-царанистов и национал-либералов в городах Яссы, Брэила, Клуж, Дымбовица и др. 25 февраля от центрального руководства национал-царанистской партии откололась и присоединилась к НДФ группа А. Александреску. О поддержке НДФ заявил и Татареску, возглавивший сильную группировку внутри национал-либеральной партии, выступавшую против Брэтиану. Представители РКП на заседаниях Совета Фронта высказались за соглашение с Татареску [87]. Это свидетельствовало, что РКП удалось «разорвать ряды буржуазии» и предотвратить создание единого фронта реакции против демократических сил.

Коммунисты, высказываясь на заседаниях Совета НДФ за соглашение с частью буржуазии, и в частности за соглашение с Татареску, прямо указывали, что оно позволит, используя имеющиеся в рядах буржуазии противоречия, нанести удар по ее наиболее правым группировкам, и прежде всего по национал-царанистам, укрывшим в своей партии легионеров и другие реакционные элементы. Вступление же Татареску в правительство Национально-демократического фронта сделает возможным установить необходимые контакты с теми группами буржуазии из национал-либеральной партии, участие которых в восстановлении и оживлении экономики крайне важно. Соглашение с Татареску должно было также показать, что НДФ не имеет намерения приступить к немедленной конфискации имущества, и это позволит усилить влияние на мелкобуржуазные городские слои и избежать перехода всех группировок буржуазии на сторону реакции. И, наконец, в-третьих, соглашение с Татареску облегчало признание правительства НДФ как со стороны короля, так и западных держав [88].

Из этой мотивировки видно, что уступка, сделанная революционными силами, была прежде всего уступкой тем широким мелкобуржуазным слоям, которые считали требование национализации покушением на частную собственность вообще.

[87] См.: Румыния в годы народно-демократической революции, с. 117.
[88] *Liveanu V.* Particularités de la strategie politique..., p. 196—198.

С экономической точки зрения снятие требования национализации давало возможность широкого маневра. Оно позволяло мобилизовать для восстановления разрушенной промышленности более широкие финансовые и экономические ресурсы в условиях, когда государственный бюджет был исчерпан. «Страх перед предстоящей национализацией заставлял многих собственников,— пишет румынская исследовательница П. Никита,— не заниматься восстановлением предприятий и не расширять их производственной деятельности, он лишь усиливал стремление перевести капиталы за границу» [89].

Отказавшись от прямого вмешательства в право капиталистической частной собственности и сосредоточивая основные усилия на борьбе со спекуляцией и саботажем, демократические силы сохраняли за собой возможность приступить к ограничению экономических позиций капитала и осуществлять его под общенациональным лозунгом необходимости восстановления разрушенной экономики страны.

Снятие требования национализации в рассматриваемый момент облегчало подход коммунистов и к мелкобуржуазным слоям города, а включение в «Обращение Национально-демократического фронта» 2 января 1945 г. специального пункта о поддержке и развитии кооперации давало возможность установления с этими слоями более тесных контактов.

Однако отказ от немедленного вторжения революционных сил в право капиталистической собственности на средства производства нельзя рассматривать только как простую уступку настроениям мелкобуржуазных слоев. Это был четко рассчитанный тактический шаг, который заставил часть буржуазных группировок, присоединившихся к НДФ, дать согласие на формирование такого демократического правительства, в котором ведущая роль отводилась коммунистам и поддерживавшим их силам.

[89] См.: *Никита П.* Политиката на съюзи на Румънската комунистическа партия..., с. 427.

3. Борьба БРП(к) за сплочение большинства нации вокруг рабочего класса и вопросы послевоенных экономических реформ в программе правительства Отечественного фронта

В Болгарии, как в Венгрии и Румынии, не произошло в годы войны таких крупных изменений в сфере собственности национальной буржуазии, как это было в Польше, Югославии или Чехословакии. К моменту выхода страны из фашистского блока болгарская буржуазия удерживала все основные экономические рубежи. Наличие этого фактора сыграло немалую роль в избрании революционными силами болгарского общества курса на постепенное вытеснение и ограничение деятельности частного капитала в народном хозяйстве страны.

В группе рассматриваемых стран Болгария занимает несколько особое место, как из-за специфики формирования социально-экономических аспектов программы антифашистского фронта, так и их реализации.

Прежде всего следует отметить, что здесь в годы войны интенсивнее, чем в Венгрии и Румынии, шел процесс радикализации общества, и политическая изоляция буржуазии была значительно глубже. К августу-сентябрю 1944 г. в Болгарии были политически скомпрометированы не только откровенно фашистские группировки буржуазии, но и правое крыло буржуазно-либеральной оппозиции.

К тому же — и это главное — левые силы, возглавлявшиеся коммунистами, располагали в болгарском обществе накануне антифашистского восстания более прочными позициями [90], чем в Венгрии и Румынии.

Другой момент, определивший специфику формирования социально-экономических требований в программе антифашистского Отечественного фронта Болгарии, заключался в том, что в отличие от Венгрии и Румынии, где основной союзник пролетариата — крестьянство выступало прежде всего под лозунгами ликвидации помещичьего землевладения и добивалось аграрной реформы, здесь деревня была источником антимонополистических и антикапиталистических настроений. Основными эксплуататорами болгарского крестьянства являлись не по-

[90] Подробнее см.: История на антифашистката борба в България. 1939–1944. София, 1976, т. I, II.

мещики и крупные землевладельцы, а торговцы, скупщики сельскохозяйственной продукции, владельцы фабрик и заводов по переработке сельскохозяйственного сырья, хозяева мельниц, маслобоен и т. п. [91]

Это было связано с историческими особенностями развития капитализма в Болгарии, где национальная буржуазия складывалась как класс в условиях интенсивного проникновения иностранного капитала. Слабая, неспособная конкурировать с ним не только на внешнем, но и на внутреннем рынке, она стремилась к установлению союза со своим более сильным соперником, беря на себя все больше и больше «роль посредников и компаньонов иностранных торговых фирм, картелей и трестов в деле эксплуатации народного труда и народных богатств» [92]. Большая часть капиталов при этом направлялась не в сферу производства, а в сферу кредита, торговли, страхового дела, в транспортные общества и т. д. Накануне войны капиталовложения в промышленность составляли 1/4 всего вновь созданного капитала, а общая сумма капиталовложений в промышленность от доходов капиталистов составляла в 1939 г. 4,7% [93]. В 1940 г. из 1426 акционерных обществ, существовавших в стране, 625 действовали в промышленности, сферой деятельности остальных были кредит, торговля, страхование, транспорт [94]. Болгарский национальный капитал все более приобретал черты торгово-спекулятивного, который, сконцентрировав в своих руках скупку, переработку и продажу сельскохозяйственной продукции, сделал деревню, где проживала подавляющая часть населения страны, одним из важнейших источников извлечения прибыли [95].

[91] См. подробнее: Икономиката на България през преходния период от капитализма към социализма. София, 1972. т. II, с. 24—29; *Натан Ж.* История экономического развития Болгарии. М., 1961, с. 428—429.

[92] *Димитров Г.* Избранные произведения. София, 1967, т. II, с. 71.

[93] Икономиката на България..., т. II, с. 17.

[94] *Натан Ж.* История экономического развития Болгарии, с. 442.

[95] Болгария была аграрной страной. 71,5% национального дохода создавалось в сельском хозяйстве и лишь 28,5% — в промышленности. Посреднический торговый капитал представляли в рассматриваемый период 880 торговых фирм и 2228 торговцев, занимавшихся импортом (см.: *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие на промишлеността в НРБ 1944—1948. София, 1968, с. 91).

В этой ситуации даже простое улучшение материальных условий жизни крестьян было невозможно без существенного ослабления этой крупнейшей группировки болгарской буржуазии. Крестьянство, хотя и не всегда ясно и последовательно, понимало эту связь, о чем свидетельствовала огромная популярность в крестьянской среде лозунгов «борьбы со спекулятивным капиталом» и «социально вредным посредничеством». Тем самым объективно широкие слои болгарского крестьянства становились активной антимонополистической и антикапиталистической силой.

Такие настроения были свойственны не только крестьянству Болгарии, но и других стран рассматриваемого региона. Антикапиталистические требования выдвигались в 1945—1946 гг. крестьянами Венгрии и Словакии, например требование муниципализации мельниц, передачи сахароваренных заводов государству и т. п. Но главной, определявшей весь характер крестьянского движения в этих странах была и оставалась борьба за ликвидацию крупного землевладения. И только, пожалуй, в Болгарии антикапиталистические требования выступают как главные, определяющие всю позицию крестьянства в разворачивающейся борьбе. Это обстоятельство имело принципиально важное значение для разработки программы Отечественного фронта.

Чтобы понять специфику стратегии и тактики БРП(к), следует принять во внимание и некоторые другие особенности экономической структуры Болгарии. Имевшаяся в стране промышленность была представлена в первую очередь отраслями, связанными с переработкой сельскохозяйственной продукции. Табачная, пищевая, текстильная — именно в этих отраслях создавалось почти 80% стоимости всей промышленной продукции страны [96]. Тяжелая и добывающая промышленность находились, по существу, в зачаточном состоянии [97]. При этом характерно, что здесь главные позиции концентрировались в руках государства. На государственных шахтах добывалось 89% каменного угля, на электростанциях, принадлежав-

[96] *Бочев И.* Революционният процес в България. София, 1963, с. 30.

[97] Например, в 1939 г. продукция машиностроения составляла 1% от общей промышленной продукции (*Бочев И.* Революционният процес..., с. 30).

ших государству, производилось 65,7% всей электроэнергии [98]. Ему принадлежали металлообрабатывающая промышленность и кораблестроение. Слабость развития промышленности обусловливала и относительную немногочисленность и низкую концентрацию промышленного пролетариата. В 1941 г. на 3,5 тыс. промышленных предприятий страны было занято немногим более 89 тыс. рабочих [99], причем лишь 456 предприятий насчитывали 50 и более работающих [100]. Подавляющая часть болгарского пролетариата работала на мелких предприятиях и в полукустарных мастерских.

Значительную часть городского населения Болгарии, численно превышавшую промышленный пролетариат, в конце 30-х — начале 40-х годов составляли мелкие ремесленники. В ремесле было занято в 1940 г. вместе с наемными рабочими около 200 тыс. человек [101].

В этих условиях проблема союза рабочего класса и его политического авангарда с мелкобуржуазными слоями города и деревни, и в первую очередь с крестьянством, приобретала особое значение.

Участие Болгарии по вине правящей монархо-фашистской верхушки в войне на стороне гитлеровской Германии ставило перед антифашистским лагерем страны, и прежде всего перед болгарскими коммунистами как авангардом этого лагеря, в значительной мере те же задачи, что и перед антифашистами Румынии и Венгрии. На первый план выдвигалась необходимость борьбы за разрыв союзнических отношений с державами «оси», за свержение реакционно-монархической клики, за демократизацию политической жизни страны. Ориентируясь на развертывание широкой борьбы против фашизма и вовлечение в нее различных социальных групп общества, в том числе и антифашистски настроенных кругов болгарской буржуазии, коммунисты при разработке программы Отечественного фронта крайне осторожно подходили к фор-

[98] *Petkow P.* Likwidacja w'asności kapitalistycznej w przemys'u bu'garskim.— In: Nacjonalizacja przemys'u w socjalistycznych krajach Europy. Warszawa, 1976, s. 3.

[99] Исусов И. Работническата класа в България 1944—1947. София, 1976, с. 87.

[100] *Бочев И.* Революционният процес..., с. 30.

[101] *Бочев И.* Революционният процес..., с. 30.

мулированию требований социально-экономических преобразований. В программе, разработанной и предложенной БРП(к) в 1942 г., имелся лишь пункт о необходимости оградить народное богатство, народный труд от посягательств со стороны других государств, создать условия для правильного экономического развития Болгарии как свободной и независимой страны, а также подчеркивалось, что трудящимся городов и сел «нужно обеспечить средства к существованию, работу, доходы и человеческие условия жизни» [102].

Как правильно отмечают болгарские историки, первая программа Отечественного фронта носила ярко выраженный демократический характер. Ее демократизм имел антифашистскую направленность и главный удар наносился по политическому режиму, основанному на военно-полицейском терроре, привязавшему Болгарию к гитлеровской Германии [103].

Однако широкого сотрудничества революционных сил во главе с БРП(к) с кругами буржуазии, недовольными засилием германских монополий, на антифашистской основе не наступило. Интенсивно идущий, особенно после разгрома фашистских войск под Сталинградом и на Курской дуге, процесс радикализации широких народных масс обусловил несколько иную, чем можно было предположить, расстановку сил в болгарском обществе и несколько иную концентрацию политических сил внутри антифашистского Отечественного фронта.

Отечественный фронт в Болгарии возник как объединение левых сил болгарского общества. В него наряду с БРП(к) входили политический кружок «Звено», являвшийся тогда крайне узкой организацией, объединявшей небольшое число военных и интеллигенции [104], левое крыло БЗНС — «Александр Стамболийский» и левая часть социал-демократической партии [105].

[102] *Димитров Г.* Избранные произведения. София, 1967, т. II, с. 31.

[103] История на антифашистката борба в България. 1939—1944, т. 1, с. 245.

[104] После победы восстания 9 сентября 1944 г., когда все политические партии, не участвовавшие в Отечественном фронте, были запрещены, «Звено» стало чрезвычайно быстро пополняться буржуазными элементами.

[105] *Бочев В.* О едином, народном и Отечественном фронте в Болгарии. М.: Прогресс, 1973, с. 260—262, 270.

Правые группировки буржуазно-либерального лагеря, такие, как демократическая партия, на заключительном этапе антифашистской борьбы в критические дни августа-сентября 1944 г. пошли на сговор с монархо-фашистскими кругами. Сформировав правительство во главе с Муравиевым, в состав которого вошли и представители правого крыла БЗНС — Врабча I, они попытались стать своеобразным буфером между монархо-фашистским режимом и растущим движением народных масс. Свержение в ходе восстания 9 сентября 1944 г. правительства Муравиева и приход к власти правительства Отечественного фронта, по существу, завершили политическую изоляцию правой части либерально-буржуазных кругов от народных масс. Значительная часть буржуазных группировок была отстранена от власти.

Г. Димитров, анализируя впоследствии итоги восстания 9 сентября и раскрывая его суть, говорил: «Наиболее характерным в этом изменении является тот факт, что в ходе восстания сама государственная власть была изъята из рук объединившихся вокруг дворца и дворцовой камарильи спекулятивных, хищнических и крупнокапиталистических групп буржуазии, связанных с германским империализмом, и перешла в руки самого народа и его Отечественного фронта» [106].

Восстание 9 сентября, как отмечает болгарский историк М. Исусов, разрешило главное противоречие болгарского общества — противоречие между фашизмом и широкими антифашистскими массами и положило начало разрешению основного противоречия между буржуазией и рабочим классом [107].

Приход к власти союза левых сил болгарского общества, объединенных в Отечественном фронте и возглавляемых БРП(к), коренным образом изменил политическую обстановку в стране. Это позволило выдвинуть новую, более радикальную программу Отечественного фронта. Она соответствовала сложившейся объективной реальности и отвечала классовому содержанию Отечественно-

[106] Народно събрание: Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно събрание, първа редовна сесия. София, 1946. Дял I, кн. 1, с. 39.

[107] См.: *Исусов М.* Политические партии в България 1944—1948. Автореф. докт. дис. София, 1975, с. 3.

го фронта, который, по определению Г. Димитрова, являлся боевым союзом «рабочего класса, крестьянства, ремесленников, народной интеллигенции и демократической прогрессивной части буржуазии» [108].

Таким документом стала программа первого правительства Отечественного фронта, провозглашенная 17 сентября 1944 г. К. Георгиевым [109]. Здесь в отличие от программы 1942 г. экономические аспекты заняли одно из центральных мест, превратившись в фактор, определявший основную социальную направленность этого документа. В новой программе по-прежнему чисто классовые, пролетарские требования не выдвигались на первый план. Речь шла о том, чтобы законодательно закрепить введение 48-часовой рабочей недели, обеспечить всеобщую занятость, установить минимум заработной платы и ввести рабочий контроль над системой страхования. Имелся также пункт о необходимости действительной защиты рабочих от эксплуатации предпринимателей [110].

Значительно большее место в новой программе занимали вопросы, связанные с непосредственными интересами мелких производителей, и в первую очередь крестьянства. В этом отношении не только предполагалось принять меры по обеспечению землей малоземельных и безземельных крестьян, по развитию кооперации, предоставлению дешевых и доступных кредитов, но и был поставлен вопрос о ликвидации главного средства эксплуатации деревни городом: предполагалось отменить принудительно введенные буржуазным государством низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, что позволяло капиталистам выкачивать средства из деревни. Предусматривалось также снижение цен на промышленные товары [111].

Важность и значимость этих требований в программе правительства Отечественного фронта бесспорны, но тем не менее не они определяли социальную направленность рассматриваемого документа. Потенциальные возможно-

[108] Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно събрание. Дял. I, кн. 1, с. 39.

[109] Текст программы см.: Окръжни на Националния комитет на О. Ф., програма на правителството, декларацията на 4-те О. Ф. партии и др. София, 1945, с. 43—49.

[110] См.: Окръжни на Националния комитет..., с. 48.

[111] Окръжни на Националния комитет..., с. 46—47.

сти коренных перемен в сфере производственных отношений базировались на требованиях антикапиталистического характера. Правда, следует сказать, что в рассматриваемом документе эти требования выглядели менее радикальными, чем в первых программах антифашистских фронтов Венгрии и Румынии. Здесь не было выдвинуто, как, например, в Дебреценской программе Венгерского национального фронта независимости или, например, в проекте платформы Национально-демократического фронта Румынии, требований национализации или установления государственного контроля над основными звеньями народного хозяйства.

Но в программе Отечественного фронта Болгарии был сформулирован ряд таких требований, реализация которых могла означать только одно — подрыв основных, главных позиций капитала в экономике страны. Программа провозглашала необходимость конфискации имущества и капиталов, нажитых путем подкупа и спекуляции в период войны, ликвидацию экономически и социально вредного посредничества, уничтожение частных хозяйственных монополий, объявление государственными тех из них, которые не могут быть уничтожены, введение государственной монополии на экспорт табака, зерна и других продуктов сельского хозяйства, уничтожение паразитической индустрии [112]. Здесь же выдвигались требования такой реорганизации акционерных обществ, которая позволила бы ликвидировать внутри их засилие крупных акционеров, а также требование установления контроля над доходами от капитала, введения прогрессивно-подходного налога и налога на доходы, полученные в условиях военного времени. Предлагавшиеся меры не были направлены против буржуазии как класса в целом. Их реализация наносила удар лишь по части класса капиталистов, прежде всего тех его групп, которые были связаны с торгово-спекулятивным капиталом и являлись главными эксплуататорами болгарской деревни. Именно ин-

[112] Термином «паразитическая индустрия» в программе обозначена промышленность, занимавшаяся переработкой продукции сельского хозяйства. Уничтожение паразитической индустрии означало изъятие этих отраслей промышленности из рук собственников, наживавшихся на ограблении деревни. Вопрос о том, перейдут ли эти предприятия в руки государства или будут переданы сельскохозяйственной кооперации, оставался открытым.

тересам этих группировок, нажившихся и разбогатевших во время войны за счет поставок сельскохозяйственной продукции в Германию [113], наносило решающий удар проведение в жизнь названных пунктов программы правительства Отечественного фронта.

Если учесть особенности структуры болгарской экономики, обусловившие концентрацию основных групп болгарской буржуазии именно в сфере легкой и пищевой промышленности, торговли, скупки и переработки сельскохозяйственной продукции, то станет ясно, что последовательная реализация предлагаемых программой правительства Отечественного фронта всех названных мер могла иметь только один результат — ликвидацию экономических позиций этой части болгарской буржуазии.

Т. Костов прямо говорил в этот период о том, что Отечественный фронт должен сломить власть спекулятивно-торгового капитала, составлявшего в стране экономическую базу фашизма [114].

Такую политику болгарских коммунистов, направленную на раскол буржуазного лагеря, можно сравнить с преследующими те же цели политическими мероприятиями Коммунистической партии Румынии.

Последовательное проведение в жизнь мер, направленных на ликвидацию спекулятивно-торгового капитала, отвечало интересам не только рабочего класса, но и крестьянства, а также мелкобуржуазных городских слоев.

Чтобы социально-экономические требования, сформулированные в программе правительства Отечественного фронта, стали близки и понятны непролетарским слоям трудящихся, в первую очередь крестьянству, находившемуся под идейным влиянием Болгарского земледельческого народного союза, БРП(к), опираясь на богатый опыт

[113] Германия была основным потребителем продукции болгарского сельского хозяйства, причем если до войны вывозилось главным образом зерно и корма, то в период войны они уступили место высококачественным продовольственным товарам. Быстрый рост промышленного производства после 1939 г. (с 1939 по 1941 г. он составил 18,2%) объясняется в значительной мере небывалым подъемом в работе консервной и табачной промышленности. Предприниматели, связанные с вывозом и переработкой сельскохозяйственной продукции, получили огромную прибыль (см.: ЦДА на НРБ, ф. 47, оп. 11, а. е. 26, л. 4).

[114] *Костов Т.* Избрани статии, доклади, речи. София, 1964, с. 570.

сотрудничества с левыми силами в БЗНС [115], внесла в программу правительства Отечественного фронта ряд пунктов из программных документов БЗНС довоенного периода (требование ликвидации социально вредного посредничества, паразитической индустрии и т. д.).

Придав программе экономических преобразований такой характер, болгарские коммунисты рассчитывали превратить деревню в активный фактор развития революционного процесса, использовать в борьбе против капитала энергию и антикапиталистический потенциал крестьянства.

При этом коммунисты также исходили из того, что осуществление программы Отечественного фронта приведет к переходу в руки государства таких отраслей промышленности, как табачная и пищевая, являвшихся для Болгарии ведущими. А это означало коренной подрыв позиций национального капитала в экономике страны.

Направленность программы против спекулятивно-паразитического капитала позволяла в условиях, когда буржуазия сохраняла, несмотря на политическое поражение, прочные экономические позиции, добиться раскола буржуазного лагеря и не дать буржуазии перетянуть на свою сторону многочисленные мелкобуржуазные слои.

Г. Димитров в этот период обращал особое внимание руководства ЦК БРП(к) на то, чтобы в практической деятельности не ущемлялись интересы ремесленников, мелких и средних предпринимателей. В телеграмме, посланной из Москвы в конце октября 1944 г. в ЦК БРП(к), он писал: «Не думаете ли вы, что игнорирование ремесленников, мелких и средних промышленников со стороны ОФ и нашей печати может толкнуть эти слои в лагерь реакции? Правда, основные массы ОФ — это рабочие, крестьяне и народная интеллигенция. Но в рядах ОФ должны быть отражены и вышеуказанные слои. Особенно ремесленники, которых у нас довольно много и которые играют немаловажную роль в небольших городах» [116].

ЦК БРП(к) на конференции комитетов Отечественного фронта, состоявшейся в ноябре 1944 г., разъясняя суть экономической политики, весьма настойчиво подчерк-

[115] См.: *Тишев Д.* Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. София, 1967, с. 172—173.
[116] *Димитров Георги.* Писма. 1905—1949. София, 1962, с. 409.

нул, что «новая власть не объявляет войны промышленникам и торговцам, а стремится к координации их усилий с усилиями государства» [117]. Впоследствии это положение было подробно раскрыто в специальной декларации об экономической политике партии, принятой на пленуме БРП(к), который состоялся 27 февраля — 1 марта 1945 г.

«В своей экономической политике на нынешнем этапе,— говорилось в этом документе,— БРП(к) исходит из необходимости максимального увеличения продукции, необходимой как для регулярного снабжения армии, так и для удовлетворения нужд населения. Для этой цели БРП(к) готова оказать полную поддержку и содействие всем патриотически настроенным промышленникам и торговцам, желающим честно и добросовестно работать в интересах усиления государства и производства и справедливого снабжения населения страны всем необходимым» [118].

Осторожный подход со стороны БРП(к) к проблеме ликвидации частной капиталистической собственности, перенесение главного удара на монополистический и торгово-спекулятивный капитал давали не только возможность успешно противодействовать попыткам врагов Отечественного фронта изолировать коммунистов, развалить Отечественный фронт изнутри [119], но и закладывали основы для политического сотрудничества с кругами средней буржуазии. Для них весьма небезынтересной оказывалась провозглашенная программой Отечественного фронта ликвидация частной монополистической собственности и реорганизация банковской системы и акционерных обществ. Необходимость установления такого сотрудничества диктовалась задачами скорейшего восстановления и развития экономики в первые послевоенные годы.

[117] См.: ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 284, л. 118.

[118] Работническо дело, 6.III 1945.

[119] Атаки на Отечественный фронт начались буквально с первых дней установления народной власти. Среди многих аргументов противников Отечественного фронта выдвигалось и положение о том, что будет проведена немедленная национализация промышленных предприятий. Поэтому не случайно уже на митинге 17 сентября, в день провозглашения новой программы Отечественного фронта, министр внутренних дел А. Югов заявил, что сейчас «не может быть и речи о введении коммунизма и национализации предприятий».

Вместе с тем в декларации «Об экономической политике партии» было указано, что БРП(к) будет стремиться к усилению позиций государственного и кооперативного сектора в народном хозяйстве страны, а также установлению общественно-государственного контроля и руководства во всех областях экономики [120]. Причем это рассматривалось отнюдь не как временная мера, вызванная нуждами военного времени, а как целенаправленный постоянный курс экономической политики, который обеспечит решение сложных проблем послевоенной реконструкции народного хозяйства и позволит демократическому государству сосредоточить в своих руках все основные рычаги управления.

Подводя итоги, можно сказать, что, несмотря на имевшиеся весьма существенные различия в решении ряда конкретных вопросов, главной и определяющей в экономической политике болгарских коммунистов, как и коммунистов Венгрии и Румынии, стала линия на постепенное ограничение и вытеснение буржуазии из сферы производства.

* * *

Рассмотренный материал наглядно показывает, сколь сложной оказалась обстановка, в которой компартии указанной группы стран решали задачи подведения масс к необходимости осуществления коренных социальных преобразований в области промышленного производства.

С одной стороны, как уже указывалось, эти преобразования было невозможно провести под антифашистскими, патриотическими, национальными лозунгами. С другой,— как показывает политический опыт венгерской и румынской компартий, мелкобуржуазные слои оказались не готовыми сразу принять разработанную коммунистами программу антимонополистических преобразований.

В этих условиях перед компартиями встала исключительно сложная задача завоевания мелкобуржуазных масс на свою сторону. Коммунистам необходимо было для этого придать своим требованиям форму, близкую и понятную этим массам, выбрать такие пути воздействия на них, чтобы эти широкие массы в каждодневной практике

[120] Работническо дело, 6.III 1945.

убеждались в том, что коммунисты дают единственно позитивный выход в создавшейся ситуации.

В. И. Ленин, подчеркивая необходимость понимания большинством нации общности своих интересов с интересами рабочего класса, борющимся за свержение власти буржуазии, писал: «...чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды мало. Для этого нужен собственный политический опыт масс. Таков основной закон всех великих революций» [121].

Раньше всего такое решение удалось найти болгарским коммунистам, которые сумели использовать столь важный и характерный для этой страны фактор, как традиции борьбы болгарского крестьянства с эксплуатирующим его торгово-спекулятивным капиталом. Такой традиции, заложившей основу для сотрудничества между болгарским пролетариатом и мелкобуржуазными слоями еще в межвоенный период, в Венгрии и Румынии не существовало. Это обусловило более длительный и напряженный характер поисков путей подхода коммунистов к мелкобуржуазным слоям общества в обеих названных странах.

Однако при всех, подчас даже весьма существенных локальных различиях в политическом курсе коммунистических партий трех указанных стран, четко можно выделить общие моменты в их экономической политике. Ими был избран курс длительной «позиционной» борьбы с капиталом, рассчитанный на постепенное усиление роли демократического государства в управлении экономикой и постепенное подчинение государственному контролю всей частнокапиталистической системы хозяйства. Здесь вмешательство революционных сил в частнокапиталистическую систему производства выступает не в виде чисто классового требования пролетариата, а диктуется необходимостью содействовать восстановлению разрушенной войной экономики и добиваться реализации мер, отвечающих интересам большинства нации, которые ведут к изъятию ключевых экономических позиций из рук частных лиц и передаче этих позиций новому, демократическому государству.

[121] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 78.

Такой курс не только позволял успешно решать стоявшие перед страной конкретные экономические задачи, но и создавал перспективу для углубления контактов пролетариата и его политического авангарда, с одной стороны, и мелкобуржуазных масс — с другой. Он закладывал основу для объединения этих мелкобуржуазных масс под политическим руководством рабочего класса в борьбе за улучшение повседневных условий их жизни против крупного капитала и той политики саботажа экономического восстановления страны, которая по мере развития и углубления революционного процесса все более становилась главным орудием борьбы капиталистов против левых демократических сил.

Глава III

Формирование государственного сектора экономики в процессе развития революции и реализации национальных и демократических требований антифашистских фронтов Югославии, Албании, Польши и Чехословакии

Разгром гитлеровской военной машины на советско-германском фронте, мощный подъем национально-освободительной борьбы народов, порабощенных германским и итальянским фашизмом, освобождение стран Центральной и Юго-Восточной Европы Красной Армией создали благоприятные условия для реализации программ антифашистских фронтов, действовавших под руководством коммунистических и рабочих партий. Сложились объективные возможности осуществления радикального вмешательства революционных сил под антифашистскими, патриотическими, демократическими лозунгами в право капиталистической собственности на средства производства.

Формы этого вмешательства, темпы и методы обусловливались прежде всего своеобразием расстановки классовых сил в каждой из стран, степенью политической изоляции господствующих классов, готовностью демократических сил общества (крестьянства и трудовых слоев города) к союзу с рабочим классом и его политическим авангардом, прочностью позиций пролетариата в системе рождавшейся новой государственной власти, а также рядом внешнеполитических моментов, связанных с борьбой за дипломатическое признание новых государств.

1. Ликвидация экономических позиций буржуазии и обобществление основных средств производства в Югославии и Албании

В Югославии в ноябре 1944 г., еще до окончательного освобождения страны от фашистских захватчиков, Президиум Антифашистского веча народного освобождения Югославии принял постановление о переходе в государст-

венную собственность имущества врагов народа и о наложении секвестра на имущество, насильственно отобранное оккупационными властями [1]. Это было первое юридическое оформление радикального вмешательства новой, революционной власти в сферу капиталистической собственности на средства производства. На основе этого постановления в собственность нового югославского государства переходило: все имущество германского рейха и его граждан на территории Югославии; все имущество лиц немецкой национальности, кроме тех, которые боролись в рядах Народно-освободительной армии; все имущество военных преступников и их пособников независимо от их подданства; имущество каждого лица, осужденного по приговору гражданского или военного судов с конфискацией имущества в пользу государства. Собственность лиц, насильственно угнанных или выехавших за границу в период оккупации, передавалась в ведение государства, которому предстояло управлять ею как вверенным имуществом до окончательного решения вопроса о праве собственности. На имущество, перешедшее на основе распоряжения оккупационных властей третьим лицам, налагался секвестр. Секвестр вводился и на предприятия с капиталом союзных и нейтральных держав.

Это постановление Президиума АВНОЮ внешне не выходило за рамки тех акций по наказанию коллаборационистов, которые проводились народно-освободительными комитетами в ходе войны в освобожденных районах. Оно лишь юридически закрепляло сложившуюся практику наказания военных преступников и пособников оккупантов.

Главный акцент как в самом постановлении, так и в комментариях руководителей Национального комитета освобождения Югославии делался не на классовой сути предпринимаемых мер, а прежде всего на их антифашистской, патриотической стороне. Например, на многолюдном собрании владельцев торговых предприятий 28 ноября 1944 г., разъясняя суть принятого постановления, уполномоченный по делам торговли и промышленности НКЮЮ А. Хебранг говорил: «Главная задача состоит в том, чтобы восстановить хозяйство при помощи тех средств, ко-

[1] *Lovrenović S.* Ekonomska politika Jugoslavije. Sarajevo, 1956. s. 98—99.

торыми сейчас располагает страна. Это значит пустить в ход предприятия, для которых есть сырье... Постановление Президиума АВНОЮ, вызвавшее, быть может, у некоторых из вас сомнение, не должно пугать вас. Оно принято для того, чтобы наказать, во-первых, внешних врагов и, во-вторых, тех отщепенцев, которые им помогали... Это постановление оправдано во всех отношениях. Конфискуя имущество, которое внутренние предатели приобрели в нашей стране, мы лишаем их возможности отдать его на службу врагу. Честным людям, которые не изолируются от своего народа и готовы предоставить в распоряжение народа свои средства, нечего бояться такого постановления. Вам будет обеспечена необходимая прибыль, но народная власть будет бороться против спекуляции» [2].

Таким образом, и постановление, и комментарии к нему подтверждали прежний курс югославских коммунистов. Во имя сохранения широкого антифашистского патриотического блока, сложившегося вокруг КПЮ в ходе народно-освободительной борьбы, удар направлялся не против буржуазии как класса в целом, а только против оккупантов и предателей. Социальная сторона акции не выступала здесь на первый план. Но если учесть позиции основных группировок югославской буржуазии и их отношение к освободительной борьбе народов Югославии, то становится совершенно очевидным, что принятое накануне освобождения наиболее промышленно развитых районов страны (Хорватии и Словении) постановление Президиума АВНОЮ открывало возможность широкой экспроприации основных средств производства и сосредоточения их под управлением родившегося в огне народно-освободительной войны нового югославского государства. К лету 1945 г. все имущество, подлежавшее секвестру, практически уже находилось в руках государства. Об этом прямо говорилось на заседании Президиума АВНОЮ 23 мая 1945 г. при обсуждении законопроекта о конфискации и секвестре имущества военных преступников и врагов народа [3].

[2] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 3740, л. 39.

[3] Этот законопроект был разработан А. Хебрангом. В ходе обсуждения на заседании Президиума АВНОЮ председательствующий отметил: «Мы несколько раз ставили на повестку дня законодательного комитета этот законопроект, но мы откладывали его

Ту же цель экспроприации определенных группировок буржуазии преследовало и принятие 24 мая 1945 г. специального закона о конфискации военных прибылей и прибылей, полученных на основе спекуляции в период войны [4]. Согласно этому закону военной прибылью считалось всякое имущественное увеличение состояния физических и юридических лиц во время оккупации. Конфискации подлежало все имущество свыше 25 тыс. динаров, приобретенное с 6 апреля 1941 г. до 9 мая 1945 г. Реализация этого закона наносила удар по торговому капиталу и означала фактическую экспроприацию торговой буржуазии.

Таким образом, постановление Президиума АВНОЮ от 21 ноября 1944 г., дополненное законом о конфискации военных прибылей и законом о конфискации имущества военных преступников и коллаборационистов [5], не выходя формально за рамки демократических, антифашистских преобразований, позволяло приступить к перестройке социально-экономической структуры югославского общества.

С переходом важнейших позиций в экономике страны под управление государства закономерно вставал вопрос о судьбе, роли и месте будущего государственного сектора в общей системе хозяйственной жизни страны. Ответ на него был по существу дан в Декларации правительства Демократической Федеративной Югославии, создан-

рассмотрение, в сущности, из-за того, что предложенный Хебрангом проект хотя и хорош, но он не сможет решить тех задач, которые перед ним ставятся. В предложенной редакции он во многом запаздывает. Например, секвестрация сейчас неактуальна, устарела, потому что имущество, которое по закону нужно секвестрировать, уже находится под государственным управлением...» (Rad zakonodavnih odbora pretsedništva Antifašističkog veća narodnog oslobođenja Jugoslavije i Privremene narodne skupštine DFJ (3 aprila — 25 oktobra 1945). Po stenografskim beleškama i drugim izvorima. Beograd, 1952, s. 90—91).

[4] *Николич М.* Национализация в Югославии. Белград, 1962, с. 16.

[5] Принятие этого закона было вызвано тем, что в ходе реализации постановления Президиума АВНОЮ от 21 ноября 1944 г. выяснилась недостаточная разработанность процедурной стороны, что на местах вызывало определенные трудности. В июне 1945 г. был принят специальный закон о конфискации, где главное внимание сосредоточивалось именно на процедурной стороне самого акта конфискации (см.: Rad zakonodavnih odbora..., s. 33, 85, 90, 91).

ного на основе соглашения Тито-Шубашич 7 марта 1945 г.[6] В этом документе говорилось: «Разорение экономики вследствие войны столь велико, что плановое вмешательство государства в организацию и осуществление хозяйственного восстановления, а также в регулирование всей хозяйственной жизни является такой необходимостью, которая предстает как безусловный закон»[7]. Такая постановка вопроса ясно указывала, что конфискованное имущество не будет передано в другие руки и государственный сектор будет играть ведущую роль в экономике страны. «Плановое вмешательство государства» выступает в указанной Декларации как необходимая мера для решения важнейших общенациональных задач послевоенного восстановления экономики: «Только так могут быть успешно объединены все находящиеся в нашем распоряжении средства, которые должны быть организованы и использованы как для местного восстановления в отдельных федеральных единицах, так и для восстановления тех важных отраслей производства, которые будут служить всей стране»[8].

Вместе с тем в Декларации правительства, как и в ранее принятых заявлениях АВНОЮ, вновь подчеркивалась мысль о том, что будет обеспечена полная свобода и помощь частной инициативе в экономике, «без чего нельзя и думать о быстром восстановлении нашей страны»[9].

[6] Соглашение Тито-Шубашич являлось компромиссом с частью югославской буржуазии. Оно давало возможность укрепить внешнеполитическое положение Демократической Федеративной Югославии. Вместе с тем КПЮ, идя на заключение этого соглашения, рассчитывала, как отмечает югославский историк П. Морача, что оно «усилит процесс разложения буржуазного лагеря и облегчит борьбу с остатками контрреволюции» (*Морача П.* Коммунистическая партия и социалистическая революция в Югославии в 1941—1945 гг.— В кн.: Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М.: Наука, 1978, с. 537).

Из 28 членов правительства, созданного на основе соглашения, 22 были представителями НКОЮ, а 6 представляли бывшее правительство Шубашича. В руках представителей НКОЮ находились министерства внутренних дел, обороны, промышленности, финансов и некоторые другие, а также пост главы правительства.

[7] Борба, 10.III 1945.

[8] Борба, 10.III 1945.

[9] Борба, 10.III 1945.

Такая постановка вопроса открывала путь к дальнейшему сотрудничеству с многочисленными мелкобуржуазными слоями общества в новых условиях, когда объективно вставала задача заменить военный союз рабочего класса с этими слоями, сложившийся в ходе народно-освободительной войны, новым союзом — экономическим. Ее решение приобрело особую важность и актуальность после того, как на основе соглашения Тито-Шубашич часть югославской буржуазии получила определенный доступ к власти. И хотя в сформированном 7 марта 1945 г. югославском правительстве все основные позиции остались в руках Национального комитета освобождения Югославии, а в Декларации были четко определены основные направления экономической политики правительства, нельзя было исключать возможности, что представители буржуазии не попытаются использовать проводимые революционными силами мероприятия по изъятию капиталистической собственности для отрыва мелкобуржуазных слоев от Народно-освободительного фронта и изоляции коммунистов в этой среде. Определенная почва для реализации подобных возможностей, как показали последующие события, существовала, ибо часть интеллигенции, предпринимателей, торговцев в создании объединенного правительства усматривала прежде всего гарантию того, что политический строй в стране не претерпит дальнейших революционных преобразований [10]. На подобные настроения и рассчитывали те политические круги, которые группировались вокруг М. Грола как лидера сербской демократической партии, возглавлявшего легальную оппозицию вне Народного фронта. Он в качестве основного экономического требования выдвинул требование ограничения крупного капитала «при строгом соблюдении принципа уважения частной собственности» и пытался организовать выступления против происходивших в экономике страны радикальных перемен. Доказывая, что национализация ведет к развалу хозяйства и «гибели огромных капиталов» [11], М. Грол возражал против закона о наказании коллаборационистов [12]. Учитывая

[10] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 851, л. 19.
[11] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 851, л. 188.
[12] См.: *Гибианский Л. Я.* Разгром буржуазной оппозиции и закрепление победы народной революции в Югославии.— Сов. славяновед. 1968, № 3, с. 9.

возможность подобных попыток и стремясь не допустить отрыва средних слоев от сложившегося блока, представители КПЮ с самого начала весьма настойчиво подчеркивали то обстоятельство, что «хозяйственная жизнь страны будет развиваться по двум направлениям. С одной стороны, будет существовать частный сектор, частная инициатива, регулируемая единым планом. С другой стороны, будет существовать государственный сектор, к которому отойдет все народное имущество, все те предприятия, которые согласно известному постановлению Президиума АВНОЮ переходят в собственность и под контроль государства» [13]. Эта линия, направленная на укрепление экономического союза со средними слоями, была официально закреплена в программе Народного фронта Югославии, принятой в августе 1945 г. В ней наряду с положениями об укреплении государственного сектора и усилении его роли в народном хозяйстве немалое место заняли вопросы об отношении к частной собственности и частной инициативе.

Признав частную собственность как фактор экономического развития, Народный фронт провозглашал курс на защиту крестьянства, мелкого предпринимательства и ремесленников от эксплуатации их картелями и другими монополистическими объединениями. Он объявлял «непримиримую борьбу против спекулянтов и эксплуататоров народа». «Народный фронт,— говорилось в программе,— будет бороться против того, чтобы монополистический капитал использовал средние общественные слои. Он поможет их инициативе... во всех областях, где частная инициатива дает полезные результаты» [14]. При этом подчеркивалось, что в условиях планового хозяйства городские средние слои лучше всего будут себя чувствовать, если станут активно сотрудничать с рабочими, крестьянами и народной интеллигенцией. Одной из важнейших форм такого сотрудничества могла стать кооперация. Поэтому не случайно ее развитие наряду с индустриализацией, электрификацией и усилением государственного сектора должно было стать одним из ведущих направлений экономической политики Народного фронта.

[13] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 3740, л. 39.
[14] Борба, 8.VIII 1945.

Такая гибкая, дающая возможности широкого маневра в области социально-экономических преобразований линия революционных сил, возглавлявшихся КПЮ, позволила провести экспроприацию средств производства у «своей» буржуазии, не сталкиваясь с противодействием антифашистских кругов мелкой и средней буржуазии.

В стране после принятия закона о наказании коллаборационистов состоялись процессы над руководителями банковских и промышленных объединений, сотрудничавших с оккупантами. Как правило, суды выносили решения о конфискации имущества таких предприятий. Например, Загребский окружной суд, рассмотрев дела ряда крупных банков и акционерных обществ (упоминавшихся уже Хорватского республиканского банка, Первой хорватской сберегательной кассы, акционерных обществ «Хорватия» и «Белица»), приговорил руководителей этих объединений к каторжным работам, а все их имущество было конфисковано в пользу государства [15].

К конце 1945 г. в руках югославского государства в результате реализации принятых АВНОЮ постановлений и законов было сосредоточено 53% всех промышленных предприятий, 19% находились под государственным управлением на основе установления секвестра и 28% оставались в частном секторе. В ряде отраслей государственный сектор охватывал подавляющую часть производства. Например, в горнодобывающей промышленности в его руках находилось 70% производства, в угольной — 67%, в черной металлургии — 60%, металлообрабатывающей — 90% [16].

Государственный сектор уже на этом этапе стал ведущим сектором в народном хозяйстве Югославии. В нем были сосредоточены подавляющая часть промышленности, почти все средства транспорта, вся оптовая торговля и главные финансово-кредитные учреждения.

Отмечая особенности складывания государственного сектора, Б. Кидрич, являвшийся министром промышленности и председателем Экономического совета, в 1948 г. писал: «...специфической чертой, несомненно, является то обстоятельство, что наша революция развивалась на

[15] См.: Vjesnik, 21.XI 1945; Napred, 1.XII 1945.

[16] *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova narodne vlasti u Jugoslaviji za vreme obnove. Beograd, 1969, s. 246—247.

основе и в рамках народно-освободительной борьбы против фашистских оккупантов и в рамках вооруженной борьбы против национального предательства реакционной буржуазии... В начале формирования социалистической экономики эта специфика и обусловила то, что первое появление социалистического сектора в нашем хозяйстве не было результатом официальной национализации, а было результатом конфискации имущества национальных предателей» [17].

Однако юридическое оформление правового положения сложившегося в Югославии государственного сектора произошло гораздо позже, чем фактическая перемена отношений собственности. Это было обусловлено прежде всего внешнеполитическим фактором. Для Югославии экспроприация «своей», национальной, буржуазии не полностью обеспечивала экономическую самостоятельность страны. Здесь, как уже отмечалось, чрезвычайно сильными были позиции иностранного капитала [18]. Переход собственности германского рейха, Италии, германских и итальянских монополий и банков в руки югославского государства на основании уже рассмотренного постановления Президиума АВНОЮ не встречал сопротивления со стороны западных держав. Но весьма непростым для решения оставался вопрос о собственности нейтральных государств и государств — членов антигитлеровской коалиции [19].

Установление секвестра и взятие под государственное управление собственности союзных и нейтральных дер-

[17] *Kidrič B.* Zbrano delo. Članki in razprave 1946—1948. Ljubljana, 1962, knj. III, s. 349.

[18] В довоенной Югославии в горнорудной и добывающей промышленности иностранный капитал владел 77,9% всех предприятий, в металлургической — 90,9%, в химической — 73,6%, в текстильной — 61,4%. В период оккупации большая часть предприятий, находившаяся в руках английских, французских, чехословацких и других капиталистов, была захвачена германскими монополиями (*Petranović B.* Politička i ekonomska osnova..., s. 239—240).

[19] Их позиции в экономике Югославии были значительны. Например, до войны 43% всего производства угля контролировалось французским и бельгийским капиталом, электростанции (60%) находились под контролем шведского, французского, швейцарского капитала и т. д. (см. подробнее: *Димитријевић С.* Страни капитал у привреди бивше Југославије. Београд, 1952).

жав [20] означали фактическую экспроприацию собственности всех групп иностранной буржуазии. Но в условиях, когда шла сложная борьба за международное признание нового югославского государства, когда необходимо было учитывать позиции США, Англии и Франции как союзников по антигитлеровской коалиции, когда в условиях послевоенной разрухи важно было сохранить экономические связи, чтобы не оказаться в изоляции, нельзя было сразу приступить к правовому оформлению сложившегося положения. Нужна была известная осторожность и гибкость в отношении провозглашения ликвидации позиций этой части иностранного капитала. Этот момент заставлял откладывать акт правового оформления государственного сектора в целом и требовал от руководства КПЮ частичных уступок и постепенности в реализации своих целей. Например, в августе 1945 г. Временная Народная скупщина Югославии приняла закон об отмене всех концессий на добычу ископаемых и о переходе всех рудных богатств в собственность государства. Он ликвидировал все права иностранных концессионеров. Но при этом делались две существенные оговорки: 1) правительство Югославии обязывалось выплатить иностранным концессионерам компенсацию, размеры которой должны быть определены в ходе совместных обсуждений; 2) закон о концессиях не распространялся на концессии, принадлежавшие союзникам. Такая постановка вопроса способствовала определенному снижению напряженности отношений с союзными державами [21].

Эту же цель преследовала и разработка в конце 1945 г. условий возвращения иностранного имущества, находившегося на территории Югославии. Иностранным собственникам имущество возвращалось только в том случае, если оно не являлось закамуфлированной собственностью

[20] Предприятия, находившиеся под секвестром, составляли в ряде отраслей весьма значительную часть. Так, в середине 1946 г. в металлообрабатывающей промышленности под секвестром находилось 22% всего производства, в электротехнической — 34%, в химической — 52%, в пищевой — 27%, в текстильной — 28%.

[21] В мае 1945 г. Великобритания направила ноту правительству Югославии по поводу своих экономических и финансовых интересов. Со второй половины 1945 г. на правительство ДФЮ буквально обрушился поток нот и меморандумов относительно иностранного имущества.

оккупантов или прибылью, нажитой в период войны, и если инвестиции капитала были сделаны владельцами в период, когда предприятие находилось под секвестром [22]. Таким образом, признавая на этом этапе возможность возвращения иностранным капиталистам их имущества, югославское правительство одновременно существенно затрудняло реализацию такой возможности.

К более решительным действиям в этой сфере правительство Югославии смогло перейти лишь после разгрома буржуазной оппозиции внутри страны [23] и упрочения положения Федеративной Народной Республики Югославии на международной арене. Еще в декабре 1945 г. на заседании ЦК КПЮ, где обсуждались вопросы о переменах в общественной структуре страны и об отношениях с международным капиталом, было принято решение национализировать крупнейшие в стране рудники «Бор», до войны находившиеся в руках французских капиталистов, и ликвидировать монополию шведской спичечной компании [24]. Это было как бы прелюдией к широким акциям по национализации находившейся под секвестром иностранной капиталистической собственности.

В январе 1946 г. Учредительная скупщина приняла Конституцию Федеративной Народной Республики Югославии, закреплявшую все социально-экономические, политические и общественные перемены в югославском обществе, происшедшие в годы народно-освободительной войны и революции. Конституция признавала существование трех видов собственности: государственной, кооперативной и частной. Особо подчеркивая руководящую роль государства по отношению к кооперативной и частной собственности [25], конституция давала определенные

[22] См. подробнее: *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova..., s. 241.

[23] Выборы в Учредительную скупщину, проведенные в ноябре 1945 г., показали беспочвенность попыток буржуазных кругов оспаривать власть у сил Народного фронта: $^4/_5$ всех избирателей проголосовали за развитие Югославии на основе принципов, сформулированных в программе Народного фронта.

[24] *Petranović B.* Politička i ekonomska osnova..., s. 242—243.

[25] В конституции специальными пунктами определялось, что частнокапиталистическое хозяйство, а также вся внешняя торговля подлежат государственному контролю. «С помощью государственного контроля,— говорил Э. Кардель, выступая по радио 6 декабря 1945 г. о проекте югославской конституции,— частный сек-

гарантии частнопредпринимательской деятельности. Но эти гарантии относились к так называемой трудовой части частного сектора, которую, как настойчиво подчеркивалось в статьях Б. Кидрича, комментировавшего экономическую политику правительства, «необходимо отличать от спекулятивной и эксплуататорской части и которая в народном хозяйстве может сыграть важную роль» [26].

Специальный пункт конституции гласил, что если общенародные интересы потребуют, то частная собственность может быть ограничена законом или экспроприирована при условии определенной законом компенсации. Это положение имело принципиальное значение, ибо создавало юридическую основу для дальнейшего наступления на позиции частного капитала. Опираясь на него, в сентябре 1946 г. правительство ФНРЮ вынесло постановление, согласно которому все акции Национального банка, Промышленного банка, Ремесленного, Кооперативного и Сельскохозяйственного банков подлежали выкупу государством [27]. А 5 декабря 1946 г. был утвержден закон о национализации всех частных предприятий общегосударственного и республиканского значения [28], а также о ликвидации секвестра и передаче всего имущества, находившегося под управлением государства, в его полную

тор может быть в определенных рамках включен в общегосударственный план». Относительно роли кооперации в народном хозяйстве страны Э. Кардель в этом же выступлении говорил: «Конституция отводит важное место кооперации. Но это нисколько не означает, что мы можем питать иллюзии в отношении ее самостоятельной роли в развитии нашей экономики... Кооперативы могут сыграть и будут играть свою очень положительную роль только при наличии связи с государственным сектором». Акцент на этом моменте в конституции и комментариях к ней, сделанных руководителями КПЮ, был, по-видимому, в значительной мере обусловлен позицией лидера национально-крестьянской партии Д. Йовановича, который добивался превращения кооперации в самостоятельный экономический фактор, независимый от государственного сектора (см.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 942, л. 5—6).

[26] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 942, л. 15.

[27] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6039, л. 31.

[28] Предприятиями общегосударственного значения считались те, которые в техническом и финансовом отношении могли стать базой для индустриализации. Те предприятия или отрасли промышленности, от которых лишь частично зависела или вообще не зависела индустриализация, относились к предприятиям республиканского значения.

собственность [29]. Чтобы понять основную направленность этого закона, следует вспомнить, что к рассматриваемому моменту позиции «своей» буржуазии, «своего» капитала были очень слабыми. Вне государственного сектора оставались лишь мелкие промышленные предприятия, ремесленные мастерские, действовавшие в сфере обслуживания, легкой промышленности и индивидуальном строительстве. Частный сектор имел наибольший удельный вес в пищевой (32%) и текстильной (22%) промышленности. Следовательно, можно сказать, что новый закон об урегулировании имущественных отношений в сфере промышленного производства был принят тогда, когда правительство ФНРЮ получило возможность не считаться с интересами иностранного капитала. Этот закон, давая юридическое оформление уже ранее сложившимся отношениям собственности, явился завершающим актом в создании государственного сектора в экономике страны.

Подводя итог рассмотренному на примере Югославии процессу овладения пролетариатом основными средствами производства, следует сказать, что здесь, несмотря на сравнительно длительный процесс юридического оформления государственного сектора, главный удар по позициям буржуазии был нанесен в конце войны и в первые месяцы после нее, когда под антифашистскими, патриотическими лозунгами была проведена конфискация подавляющей части капиталистической собственности. Гибкая экономическая политика КПЮ по отношению к мелкобуржуазным слоям города и деревни позволила провести экспроприацию основных средств производства у господствующих классов, опираясь на союз с широкими народными массами, и не позволила представителям части буржуазии, допущенным в правительство, организовать сколько-нибудь серьезное сопротивление этой акции. Возникший государственный сектор, характер которого определялся классовым содержанием новой власти [30], сразу же занял в экономике страны ведущие позиции и стал определяющим фактором развития всего народного хозяйства.

[29] *Николич М.* Национализация в Югославии, с. 19—20.

[30] Как отмечают исследователи, новое югославское государство, родившееся в ходе народно-освободительной борьбы, было государством диктатуры пролетариата. Соглашения Тито-Шубашич не могли изменить характера сложившейся власти. (Подробнее

* * *

Эти же черты выступают определяющими и в развитии процесса национализации в Албании, хотя, безусловно, здесь имелись свои специфические моменты. Но самым существенным и важным было то, что основной удар по капиталистической собственности оказался нанесенным в ходе национально-освободительной борьбы под антифашистскими, патриотическими лозунгами. В последний год войны на всех предприятиях, принадлежавших иностранным и наиболее крупным албанским предпринимателям, был введен государственный контроль, который после войны был закреплен законодательно. 15 декабря 1944 г. был установлен контроль над промышленными предприятиями и акционерными обществами, принадлежавшими албанской буржуазии [31]. В это же время принимается постановление временного демократического правительства о конфискации собственности всех политических беженцев, т. е. лиц, которые, опасаясь возмездия за сотрудничество с фашистским оккупационным режимом, бежали за пределы страны. Как кара за сотрудничество с оккупантами рассматривался закон о чрезвычайном прогрессивном налоге на доходы, полученные в годы войны. Он был направлен на изъятие средств у торговой буржуазии, которая, используя поддержку оккупационных властей, за счет спекулятивных махинаций увеличила свои доходы. А поскольку основные позиции албанской буржуазии сосредоточивались в торговле, то реализация этого закона позволила изъять значительную часть средств, принадлежавших национальной буржуазии [32]. В январе

см.: *Морача П.* Компартия и социалистическая революция в Югославии в 1941—1945 гг.— В кн.: Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М.: Наука, 1978; *Гибианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной войны и борьба за окончательное утверждение новой Югославии.— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977; Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977).

[31] *Смирнова Н. Д.* Образование Народной Республики Албании. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 152.

[32] На основании этого закона в пользу государства было изъято около 80% прибылей торгово-спекулятивных кругов. В случае

1945 г. правительство приняло постановление о конфискации находившейся на территории Албании государственной собственности Италии и Германии, а также конфискации собственности отдельных итальянских фирм и монополий [33]. В комментарии к этому постановлению, данном председателем правительственной комиссии по управлению конфискованным имуществом, указывалось, что все итальянские фирмы и предприятия служили орудием экспансии итальянского империализма. Во время германской оккупации они сотрудничали с военными германскими организациями, а после освобождения стали проводить политику саботажа всех мероприятий нового народного правительства.

На решение той же задачи — подрыва экономических позиций иностранного капитала (а именно в его руках и находились все ключевые отрасли экономики) — было направлено постановление от 13 января 1945 г. о национализации итальянских банков и Национального банка Албании, где итальянские финансовые круги играли руководящую роль. На базе этих национализированных банков был создан Банк Албанского государства.

Реализация всех названных выше постановлений, направленных на решение задач национально-освободительной борьбы, передавала в руки нового государства основные рычаги управления экономикой.

Политика коммунистов Албании по отношению к иностранному капиталу носила весьма радикальный характер. Это объяснялось в значительной степени тем, что в стране иностранная собственность в сфере промышленного производства была представлена исключительно итальянским и немецким капиталом. Его конфискация не затрагивала экономических интересов союзников. Поэтому формальная национализация средств производства в Албании была провозглашена уже в начале 1945 г. Правительство Албании 14 января 1945 г. приняло закон «Об общих положениях о конфискации частной собствен-

отказа от уплаты налога проводилась конфискация всего имущества. Именно таким путем в собственность нового албанского государства перешла большая часть внутренней оптовой торговли (подробнее см.: *Смирнова Н. Д.* Образование Народной Республики Албании, с. 152—153).

[33] *Смирнова Н. Д.* Образование Народной Республики Албании, с. 153.

ности», на основе которого в течение 1945—1946 гг. наиболее крупные предприятия, принадлежавшие албанским собственникам, были переданы в государственный сектор. К концу 1946 г. в этом секторе сосредоточивалось уже 84,1% производства всей промышленной продукции.

Таким образом, в Югославии и Албании, где социальный конфликт между основными силами общества оказался облеченным в антифашистскую, демократическую, национально-патриотическую форму, поскольку господствующие классы в подавляющей массе связали свою судьбу с оккупантами, вторжение революционных сил в сферу капиталистической собственности, ее ликвидация фактически были осуществлены в виде антифашистской, демократической, патриотической акции. За ее реализацию выступал не только рабочий класс, но и весь объединившийся вокруг него демократический блок, видевший в пролетариате и его партии наиболее последовательного борца за национальное возрождение страны.

Характер возникшего и сразу занявшего ведущее положение в народном хозяйстве страны государственного сектора определился тем, что новые народные государства, родившиеся в огне освободительной антифашистской борьбы, в собственность которых были переданы основные средства производства, строились против буржуазии, предавшей интересы нации, строились блоком демократических сил общества на основе концепций, разработанных коммунистами и реализуемых под их руководством.

2. Становление государственного сектора в промышленности Польши. Борьба рабочего класса за принятие закона о национализации

В Польше переход основных экономических позиций в руки демократических сил, объединившихся вокруг ППР в Национально-демократическом фронте, также развернулся в форме антифашистской, национальной, патриотической акции. Как уже говорилось, польская буржуазия в значительной массе была лишена собственности фашистскими оккупантами. В момент освобождения страны в качестве главного противника в экономической области выступал германский рейх и германские монополии, захватившие ведущие отрасли народного хозяйства Польши. Поэтому борьба за возвращение конфискованного окку-

пантами имущества, за овладение предприятиями, за их сохранение и восстановление приобрела глубоко патриотическую окраску. Она охватила широкие слои польского общества. В этом движении, направленном на решение «национального» конфликта в польской экономике, слились и тесно переплелись различные социальные течения. Активное участие принимал в нем рабочий класс, стремившийся во главе со своим коммунистическим авангардом положить конец господству капиталистических производственных отношений. Он получал известную поддержку от тех демократических слоев, которые, выступая против немецкого фашизма, добивались ликвидации засилья крупного капитала в экономике страны. В общем потоке шли и некоторые либерально-буржуазные элементы, видевшие в движении за овладение предприятиями способ сохранить их от разграбления и уничтожения с тем, чтобы впоследствии начать борьбу за возвращение фабрик и заводов в частную собственность [34].

Но определяющим и главным в этом движении было участие пролетариата, опорой которого в борьбе за овладение предприятиями стали фабрично-заводские комитеты (рады закладове). Особенно их число стало увеличиваться после образования Крайовой Рады Народовой и ее обращения к польскому пролетариату с призывом создавать фабрично-заводские комитеты. ППР и левые элементы социалистического движения, ведя борьбу за создание этих массовых организаций рабочего класса, рассматривали их не просто в качестве низовых организаций единого рабочего фронта на местах, но и как политическую опору новой государственной власти. Фабрично-заводские комитеты должны были не только сохранить предприятия от разграбления фашистами, но и не допустить занятия оставленных фабрик и заводов бывшими собственниками или их уполномоченными. Большинство фабрично-заводских комитетов, как показывают исследования польских и советских историков, например П. В. Галенко, Я. Кантыки, Я. Голембевского, Г. Реховича, Х. Ендрущак

[34] Подробнее см.: *Gołębiowski J.* Udział klasy robotniczej w zabezpieczeniu i uruchomieniu przemysłu w okresie wyzwolenia ziem Polskich spod okupacji hitlerowskiej.— Z pola walki, 1959, N 2, s. 22.

и др.[35], формировались непосредственно в момент освобождения, когда необходимо было защитить от разорения и уничтожения фабрики и заводы, спасти запасы сырья и оборудования. Конкретный анализ деятельности фабрично-заводских комитетов весьма наглядно свидетельствует, что большинство фабрик и заводов уцелело только благодаря деятельности и стойкости фабричных комитетов, которые организовали саботаж эвакуации оборудования и с оружием в руках охраняли свои предприятия[36]. В первые недели после освобождения именно фабрично-заводские комитеты, возглавлявшиеся членами ППР, левыми деятелями социалистического движения и просто беспартийными рабочими, были главными организаторами пуска заводов. Они мобилизовывали рабочих на работу, приводили в порядок промышленные предприятия, доставали сырье, налаживали производство, вели переговоры о помощи с гражданскими и военными властями. В их руках фактически оказалось все руководство предприятиями.

На инициативу и движение рабочего класса, стремившегося сохранить заводы и фабрики, опиралась и деятельность оперативных групп[37], которые стали создаваться ПКНО с ноября 1944 г. по мере того, как приближалось освобождение промышленных районов страны. В Кракове, Лодзи, Кельцах, Гдыне, Катовицах, Познани, Торуни эти группы начали функционировать сразу после вступления Красной Армии. Задачи их отнюдь не ограничивались только обеспечением сохранности и восстанов-

[35] *Kantyka J.* Polska Partia Socjalistyczna na Śląsku i w Zagłębiu Dąbrowskiem w latach 1939—1948. Katowice, 1975; *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu w Polsce. Warszawa, 1965; *Jędruszczak H.* Miasta i przemysł w okresie odbudowy.— In: Polska Ludowa 1944—1950: Przemiany społeczne. Wroc'aw, 1974; *Rechowicz H.* Polska Partia Robotnicza w województwie Śląsko-Dąbrowskiem. Katowice, 1974; *Галенко П. В.* Социалистическая национализация основных средств производства в Польской Народной Республике. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

[36] «В последние дни (перед освобождением.— *Г. М.*),— вспоминает один из организаторов защиты предприятий в Силезско-Домбровском бассейне В. Чирский,— силезские рабочие оставались на территории заводов по 40 и более часов» (Цит. по: *Kantyka* J. Polska Partia Socjalistyczna na Śląsku..., s. 174).

[37] Подробнее о деятельности оперативных групп см.: *Галенко П. В.* Социалистическая национализация..., с. 154—172.

ления предприятий (хотя эти вопросы были, безусловно, центральными). Оперативные группы должны были поддерживать и санкционировать от имени новой власти борьбу рабочих за овладение предприятиями, создавать на предприятиях новую систему управления с тем, чтобы не дать возможности овладеть ключевыми отраслями производства реакционным элементам, связанным с лондонским правительством [38]. Деятельность оперативных групп в этом направлении была весьма разнообразной. В ряде районов, там, где подпольные рабочие организации действовали наиболее активно, как, например, в Силезско-Домбровском бассейне или Келецком воеводстве, где рабочие занимали не только предприятия, бывшие ранее в руках немцев, а и те, что принадлежали польской буржуазии, беря по сути дела под свой контроль не только крупную, но также среднюю и мелкую промышленность, деятельность оперативных групп заключалась прежде всего в санкционировании идущих снизу революционных перемен. Роль оперативных групп необычайно возрастала на воссоединенных землях, поскольку в условиях малочисленности организованного польского пролетариата в этих районах на их плечи ложилась основная тяжесть в пуске предприятий и управлении производством. Но и здесь доминирующим фактором и непременным условием сохранения промышленных предприятий было движение фабрично-заводских комитетов.

Активность польского рабочего класса, руководимого и направляемого ППР, была решающим условием того, что значительная часть промышленных предприятий страны в самом ходе освобождения практически оказалась в руках трудящихся. Этот момент во многом предрешал исход борьбы пролетариата за овладение основными средствами производства. Он создал то своеобразное по-

[38] Такие попытки предпринимались, в частности, со стороны правых элементов ППС. Так, в Лодзи группа правых деятелей ППС во главе с В. Ставиньским добилась согласия местных властей о передаче в руки кооперативов и изъятия из-под государственного управления наиболее крупных промышленных предприятий, на которых работало по нескольку тысяч человек. Только благодаря решительной позиции руководства оперативной группы эта акция была сорвана, и предприятия были переданы под управление государства (см.: *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 139—140).

ложение, когда польская буржуазия еще до принятия каких-либо законодательных мер оказалась фактически лишенной ведущих экономических позиций в производстве и должна была бороться не за сохранение, а за возвращение уже занятых трудящимися предприятий в условиях, когда ее политические представители оказались вне органов новой государственной власти.

Кредитно-финансовая система в этот период тоже оказалась изъятой из рук польской буржуазии. Частные польские банки были разорены войной. Их собственность в тех областях, которые включались в состав фашистского рейха, была конфискована германскими властями, а в «генерал-губернаторстве» они понесли огромные убытки в результате грабежа оккупационных властей, военных разрушений и разорения большинства должников банков. Государство фактически не могло рассчитывать на реальные услуги частных банков. Если к тому же учесть, что в буржуазной Польше существовала разветвленная сеть государственных банков, где в 1938 г. была сосредоточена половина всех вкладов [39], то станет ясно, что ПКНО, принимая в октябре 1944 г. постановление «О банковских операциях на территории, освобожденной от оккупации», передало руководство всеми банковскими операциями Ведомству народного хозяйства и финансов и тем самым фактически лишило некоторые частные банки, которым удалось сохранить хоть какие-то капиталы, права самостоятельно их использовать [40].

В январе 1945 г. был создан Польский национальный банк, получивший функции контроля над всей кредитной системой. Он сразу же провел обмен оккупационных денег на новые банкноты, при этом частным банкам не было предоставлено право обменять имевшиеся у них наличные средства. Их резервы оказались замороженными, и тем самым банки были лишены возможности осуществлять свои функции. «Это был,— пишет польский экономист З. Ландау,— весьма радикальный шаг, решивший судьбу многих частных банков. Они оказались не в со-

[39] *Ландау З.* Разрешение проблемы частных банков в Народной Польше.— В кн.: V Международный конгресс экономической истории. Л., 1970, с. 1.

[40] Очерки истории Народной Польши. М.: Наука, 1965, с. 75.

стоянии функционировать, поскольку у них не стало денег» [41].

Эти происходившие в ходе освобождения Польши кардинальные перемены были проанализированы руководством ППР уже к февралю 1945 г., и на собравшемся в этот период пленуме ряду выдвигавшихся прежде положений был придан новый акцент, более соответствующий той реальной обстановке, которая сложилась в народном хозяйстве страны. Пленум констатировал, что «важная часть капитала, представленная во всей польской промышленности, станет собственностью, которую от имени общества возьмет в свои руки государство» [42]. Вопрос об объеме государственной собственности рассматривался теперь в несколько ином ракурсе, чем прежде. Если раньше в документах июля—сентября 1944 г. речь шла о передаче государству лишь предприятий, составлявших собственность бывшего польского государства, германского рейха и германских монополий, то на пленуме вопрос об объеме государственного сектора был поставлен гораздо шире: новое государство должно взять в свои руки не только упомянутые выше категории собственности, но и собственность еврейского капитала, конфискованного оккупантами, а также ту собственность иностранных государств и их граждан, в которую были сделаны германские капиталовложения [43]. Теперь прямо говорилось о том, что вся крупная собственность должна стать государственной. «Мы не хотим отдавать в той или иной форме в руки частного капитала крупную национальную собственность, которую в настоящее время без ущерба и потрясений государство может взять в свои руки» [44]. Это положение имело принципиальное значение. Оно ясно свидетельствовало о том, что ППР, опираясь на завоеванные

[41] *Ландау З.* Разрешение проблемы частных банков..., с. 3.

[42] Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942—1945. Warszawa, 1958, s. 328.

[43] Это был по существу ответ на попытки иностранных держав поставить вопрос о возвращении их прежней собственности. Еще в ноябре 1944 г. американское посольство в Москве направило Советскому правительству ноту по поводу американской собственности в Силезии. С аналогичной нотой в адрес ПКНО выступило шведское правительство (см.: *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 163).

[44] Kształtowanie się podstaw programowych..., s. 329.

рабочим классом позиции, будет стремиться закрепить происшедшие в промышленности структурные перемены, сосредоточить в руках государства основные позиции в этой отрасли народного хозяйства, передав ему в собственность также всю промышленность на воссоединенных землях. «Государство в этих условиях,— говорилось в докладе,— станет очень сильным собственником промышленности, находящейся в Польше. Структурные изменения в этом случае будут весьма принципиальные и существенные» [45].

Стремления революционных сил закрепить происшедшие изменения в системе собственности нашли свое конкретное воплощение в изданном 30 марта 1945 г. декрете «Об оставленном и брошенном имуществе» [46]. Он свидетельствовал о тактической гибкости и весьма осторожном подходе сил, объединенных в Крайовой Раде Народовой, к решению вопросов, связанных с собственностью. Принятый декрет исходя из положений Манифеста ПКНО устанавливал два принципа в решении вопроса о собственности, не имеющей в данный момент владельца. Так называемое оставленное имущество [47] подлежало немедленному возврату прежним собственникам независимо от того, в чьих руках оно находилось в момент опубликования декрета. Это положение, однако, не означало передачи в частную собственность абсолютно всех оставленных мелких и средних предприятий, поскольку специальная оговорка об имуществе, имевшем важное значение для государства, ограничивала размеры реприватизации. Тем не менее оно открывало возможности укрепления союза революционных сил с мелкобуржуазными слоями города, ибо учитывало их настроения и стремления. Брошенное же имущество, т. е. имущество германского рейха, его граждан и лиц, сотрудничавших с оккупантами, подлежало безвозмездной конфискации и переходило в собственность государства.

Это положение не только закрепляло перемены в системе собственности и практически передавало в руки

[45] Kształtowanie się podstaw programowych..., s. 331.
[46] Dziennik Ustaw RP, 1945, N 9.
[47] Оставленным считалось имущество, утраченное собственником по независящим от него причинам в результате действий оккупационных властей.

государства весь промышленный потенциал воссоединенных земель, но и одновременно было ответом на получившую распространение в отдельных слоях рабочего класса анархо-синдикалистскую концепцию групповой собственности в промышленности, которая нашла свое конкретное выражение в попытках передачи целого ряда предприятий отдельным рабочим коллективам. Идейным проповедником таких взглядов, отрицавших необходимость концентрации в руках государства основных рычагов управления народным хозяйством, была ППС—ВРН. Определенную роль в том, что ее идеи получили поддержку среди некоторых отсталых групп рабочих, сыграла весьма сложная обстановка в стране в первое время после освобождения. В условиях разрухи, нарушения экономических связей между предприятиями, пока шло становление государственной системы управления промышленностью [48], на рабочие коллективы и их органы — фабрично-заводские комитеты — падала основная тяжесть не только восстановления, но и организации всего производственного процесса на заводах, шахтах, фабриках, в подавляющем большинстве оставшихся без администрации и управленческого аппарата. Объективно создавалась благоприятная почва для оживления анархо-синдикалистских теорий борьбы с «экономической диктатурой государства», «с развивающейся бюрократией».

Этим попыткам добиться ослабления руководящей роли демократического государства в управлении народным хозяйством страны ППР противопоставила концепцию создания единой централизованной промышленной администрации, которая исходила из объективной необходимости планового руководства страной со стороны государства.

Становление государственных органов управления развивалось по мере освобождения страны. К началу 1945 г. организационные функции осуществлялись через аппарат министерств и управлений, а также через созданный Экономический комитет Совета Министров, который координировал деятельность всех министерств и ведомств, утверждал их производственные планы, занимался вопро-

[48] См. подробнее: *Slabek H.* Ogólne aspekty polityki PPR i PPS w ksztaltowaniu nowych stosunków przemys'owych.— Z pola walki, 1978, N 1, s. 38—40.

сами ценообразования, денежными эмиссиями, вопросами оплаты труда. Он же распределял материально-технические, трудовые и финансовые ресурсы страны. С января 1945 г. начало функционировать Министерство промышленности, построенное по производственно-территориальному принципу с целой серией центральных промышленных управлений по отраслям. В их подчинении находились все промышленные предприятия с числом более пятидесяти рабочих и предприятия, имевшие особенно важное значение для народного хозяйства. Все ключевые отрасли промышленного производства постепенно включались в рамки центрального управления и подчинялись Министерству промышленности. Стали вводиться и элементы планирования. Осенью 1945 г. было создано Центральное плановое управление при Экономическом комитете Совета Министров.

Переход к элементам планового руководства промышленностью потребовал совершенствования структуры управления внутри предприятий и ликвидации возникшего в период освобождения «двоевластия». К середине 1945 г. после ряда серьезных дискуссий были разработаны принципы отношения администрации предприятий с профсоюзами и их органами — фабрично-заводскими комитетами — на местах. В июне 1945 г. на пленуме ЦК ППР был утвержден принцип единоначалия на предприятиях [49].

Фабрики и заводы, не имевшие ключевого значения, передавались под управление воеводских дирекций местной промышленности. Для контроля за их деятельностью и для руководства промышленностью на местах при воеводствах и староствах создавались промышленные отделы, обладавшие весьма широкими функциями [50].

Благодаря огромной работе, проделанной ППР, к середине 1945 г. не только были предотвращены попытки

[49] *Яжборовская И. С.* Социально-политические аспекты процесса национализации в Народной Польше.— Сов. славяновед., 1976, № 3, с. 28.

[50] Как показывают документы, эти отделы заключали договоры с частными предприятиями, распределяли кредиты; без их разрешения предприятия, находящиеся под временным управлением государства, не могли осуществлять никаких финансовых операций (см.: Upaństwowienie się i odbudowa przemysłu w Polsce 1944—1948. Warszawa, 1967, s. 89, 99).

практического воплощения анархо-синдикалистских концепций, но и создана система государственного управления промышленностью. В этом плане ход борьбы за национализацию в Польше обнаруживает близкую аналогию с тем, что имело место в Югославии в период освобождения. Различие заключалось в том, что если в Югославии с проведением соответствующих мер вопрос о национализации промышленных предприятий по существу был окончательно решен и юридическое оформление существовавшего положения откладывалось лишь в связи с международными обстоятельствами, то в Польше рабочему классу и его авангарду — Польской рабочей партии — еще предстояло вести напряженную борьбу за юридическое закрепление достигнутых результатов.

Часть польского общества и в 1945 г. продолжала еще занимать откровенно враждебные позиции по отношению к народной власти. Среди легально действующих политических сил не было единства взглядов по вопросу о возможном характере национализации, хотя все они вынуждены были признавать необходимость передачи государству ключевых отраслей промышленности. Однако в это положение разные политические силы вкладывали различное содержание и с разных позиций подходили к решению весьма сложной для польских условий проблемы частного предпринимательства и границ частного сектора.

Сложность решения этой проблемы для Польши по сравнению с Югославией и Албанией заключалась и в том, что борьба за упрочение зародившегося в годы национально-освободительной борьбы союза с мелкобуржуазными слоями общества должна была разворачиваться в условиях сохранения еще значительного в польском обществе влияния лондонского буржуазного лагеря. Это влияние необходимо было нейтрализовать. И поэтому, если в Югославии соглашения Тито—Шубашича обусловливались прежде всего внешнеполитическими причинами (хотя и внутренние факторы играли определенную роль), то в Польше соглашение с Миколайчиком об образовании Правительства национального единства диктовалось в первую очередь и главным образом внутриполитическим состоянием страны.

Польский исследователь З. Козик, рассматривая причины, обусловившие соглашение Временного правительства с демократическими кругами лондонского лагеря, под-

черкивает крайнюю напряженность внутриполитического положения в стране. Он пишет: «Организованные антигосударственные террористические акции вместе с имеющимися налицо другими проявлениями разнородного напряжения в обществе свидетельствовали о настоятельной необходимости провести разрядку в сложившейся ситуации по разным направлениям. Среди прочих задач, которые предстояло решить, необходимо было найти новых союзников для нейтрализации противника и впоследствии объединить вокруг целей государства (восстановления экономики, культуры и т. д.) широкие слои народа...» [51] Естественно, что эти моменты не могли не влиять на политику ППР по отношению к частному сектору.

Экономические проблемы, связанные с восстановлением разрушенного войной хозяйства в Польше должны были решаться в условиях более сложных, чем в двух рассмотренных выше странах: здесь не просто нужно было поднять из руин промышленность в довоенных границах, но и предстояло освоить, возродить промышленный потенциал воссоединенных земель, полученных Польшей на основе решений Потсдамской конференции. Это обстоятельство также заставляло оценивать частный сектор и его потенциальные возможности в деле подъема экономики с несколько иных позиций, чем, например, в Югославии. Так, в воззвании, подписанном всеми партиями Национально-демократического фронта (ППР, ППС, Стронництво людове, Стронництво демократичне), прямо говорилось: «Ремесленники и торговцы! Открывайте новые предприятия, создавайте польскую торговлю, занимайте города и местечки, развивайте частную инициативу для общего блага» [52].

Наконец необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что партнеры ППР по Национально-демократическому фронту, поддерживая шаги правительства по концентрации в руках государства ключевых отраслей производства и созданию новой системы управления, имели свои программы, свои взгляды относительно будущей судьбы мелких и средних предприятий, находящихся под временным управлением государства и в частных руках. ППР

[51] *Kozik Z.* Partie i stronnictwa polityczne w Krakowskiem 1945—1947. Kraków, 1975, s. 103.
[52] Rzeczpospolita, 15.IV 1945.

в своей политике неизбежно должна была считаться с влиянием этих сил в обществе. Именно поэтому в партийных документах, в выступлениях деятелей ППР постоянно уделялось внимание необходимости устранять ограничение хозяйственной деятельности мелких предпринимателей и ремесленников и оказывать им государственную поддержку и защиту [53].

Министр промышленности Г. Минц, определяя отношение правительства к развитию частной инициативы на сессии Крайовой Рады Народовой, прямо указывал: «Если речь идет о торговле, ремесле, мелкой и средней промышленности, то правительство стоит на той точке зрения, что наряду с развитием кооперации восстановление частной инициативы, уничтоженной немецким грабежом, является делом важным и необходимым» [54].

Это был курс на то, чтобы в условиях, когда в руках государства оказались сконцентрированными основные экономические рычаги (ключевые отрасли промышленности, кредит, источники сырья, транспорт), активно использовать в целях скорейшего оживления и налаживания хозяйственной жизни в стране частный сектор, вовлекая в развитие производства сотни тысяч мелких производителей. Но, кроме чисто экономических проблем, он решал и ряд важнейших политических моментов: он должен был содействовать укреплению влияния революционных сил среди мелкобуржуазных слоев. Именно на этот момент обращал внимание орган ЦК ППР «Глос люду», когда писал, полемизируя с левацкими настроениями внутри партии: «В лагерь польской демократии входят такие демократические группировки, как людовцы, объединяющие значительную часть польских крестьян, как демократы (Стронництво демократичне.— *Г. М.*), которые распространяют свое влияние среди интеллигенции и городских слоев... И они понимают, что государство обязано взять предприятия, принадлежащие немцам, предприятия, оставшиеся без хозяев, предприятия предателей и преступников... Они согласятся также, чтобы под управление государства перешли крупные ключевые объекты, сохране-

[53] PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniky Komitetu Centralnego. VIII 1944 — XII 1945. Warszawa, 1959, s. 33—34.

[54] *Kaliński J.* Handel wewnętrzny w Polsce w latach 1944—1946.— Przegląd historyczny, 1968, N 1, s. 73.

пие которых в руках частных предпринимателей может повлечь за собой опасность для национальных интересов государства. Но они не хотят, чтобы государство взяло все заводы, все промышленные предприятия. Выдвинуть в настоящее время такое требование — значит разбить блок польской демократии» [55].

Укрепление союза сил, объединенных в Национально-демократическом фронте, было тем более необходимо в обстановке, складывавшейся в связи с возвращением Ст. Миколайчика и его лондонского окружения в страну и его согласием на вхождение в состав правительства.

Соглашение между Временным правительством и частью политических группировок лондонского лагеря не означало изменения характера власти, возникшей в Польше в 1944 г., поскольку основу Правительства национального единства составляли прежде всего революционные силы. Они сохраняли в своих руках и главные рычаги власти. Основой деятельности правительства по-прежнему оставалась программа ПКНО. Но при этом было бы неправильно не видеть и тех осложняющих моментов, которые неизбежно влекло за собой вступление представителей части лондонского лагеря в центральные органы государственной власти. Было совершенно очевидно, что занятые этими группировками позиции польская буржуазия попытается использовать для восстановления своего прежнего положения [56].

Миколайчик и силы, стоявшие за ним, рассчитывали сплотить внутри страны широкий круг противников ППР и противопоставить их как реальную силу демократическому лагерю и его программе социально-экономических преобразований.

В этих условиях объектом острой борьбы стала проводившаяся летом 1945 г. акция реприватизации. Принятое в мае 1945 г. Крайовой Радой Народовой решение о передаче частным владельцам части предприятий, находившихся под временным управлением государства, было рассчитано на то, чтобы добиться оживления ремесла, мелкой промышленности и торговли. Однако буржуа-

[55] *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 279.

[56] См. об этом подробнее: *Kołomejczyk N., Syzdek B.* Polska w latach 1944—1949. Zarys historii politycznej. Warszawa, 1965, s. 100—102.

зия, используя экономические трудности, рост спекулятивных тенденций, сложности с организацией снабжения и т. п. и опираясь на появление в правительстве части деятелей лондонского лагеря во главе с Миколайчиком, сделала попытку вырвать из рук государства мелкую и среднюю промышленность и восстановить часть своих прежних позиций в экономике страны. Нажим буржуазных кругов на государственные органы, занимавшиеся возвращением собственности, особенно усилился в летние месяцы 1945 г. Реприватизация частично начала утрачивать характер процесса, контролируемого революционными силами, и в руки частного капитала стали переходить предприятия не только средние, но и крупные [57]. Одновременно совершенно отчетливо проявились стремления частнокапиталистических элементов освободиться от ограничений, поставленных государством, заставить последнее в максимальной степени удовлетворить нужды частного сектора. Так, на съезде представителей торгово-промышленных палат [58], собравшихся в начале июня 1945 г. в Лодзи, государству были предъявлены требования неограниченных кредитов, свободного установления цен на рынке, свободного притока иностранного капитала, ликвидации монополии внешней торговли и т. п.

Буржуазные круги, используя сложности, вызываемые разрушенной экономикой и неурегулированностью международно-правового положения, не скрывали своих реставраторских устремлений.

Все эти тенденции не могли не вызвать беспокойства среди рабочего класса и его партий. Уже в начале сентября на совместном заседании Варшавского городского комитета ППР и Варшавского городского комитета ППС

[57] Из 318 реприватизированных предприятий 249 были предприятиями пищевой промышленности, 32 предприятия, перешедшие в частные руки, имели существенное значение для экономических интересов государства и являлись действительно крупными, как, например, познаньский стекольный завод, где было занято около 450 рабочих, или фабрика «Святовит» в Мышкове (свыше 500 рабочих) (см. подробнее: Polska Ludowa 1944—1950..., s. 317).

[58] Торгово-промышленные палаты были созданы при воеводствах как организационные и руководящие центры частной инициативы, объединяя по территориальному принципу мелких и средних предпринимателей. Такие организации существовали и в довоенной Польше.

говорилось: «Попытки прежних владельцев фабрик злоупотреблять рамками реприватизации и попытки помещичьих элементов отобрать землю, переданную в порядке земельной реформы крестьянам, должны встретить решительный отпор. Все более учащающиеся проявления коррупции, взяточничества и злоупотреблений в государственном, административном и хозяйственном аппарате являются результатом стремления реакционных элементов дезорганизовать политическую и экономическую жизнь и должны беспощадно пресекаться с помощью общественности» [59].

На местах попытки реприватизации встретили открытое сопротивление рабочих. На многих предприятиях, как сообщал Совет профсоюзов, в знак протеста против передачи частным владельцам фабрик и заводов прошли забастовки [60]. Рабочие не хотели отдавать предприятия, которые они в период оккупации, рискуя жизнью, спасали от разрушений и которые ими, рабочими, были восстановлены и пущены в ход [61]. Нередки были случаи, когда на реприватизированные предприятия рабочие просто не допускали прежних собственников [62].

Орган ППР газета «Глос люду», разъясняя позиции партии по отношению к частному сектору и проблемам реприватизации, писала в одной из передовых статей: «Мы не боремся с частной инициативой и признаем необходимость и полезность ее существования в определенных рамках. Но из этого не вытекает, чтобы частным капиталистическим предпринимателям отдавались промышленные предприятия ключевого значения, чтобы капиталистам отдавалась бывшая немецкая собственность, которая раньше им никогда не принадлежала, чтобы им сдавались в аренду предприятия, уже восстановленные рабочими и действующие под государственным управлением, дающие

[59] Głos Ludu, 6.IX 1945.

[60] См.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 812, л. 120, 121, 140.

[61] Например, в г. Сосновец состоялась демонстрация, в которой приняло участие около 20 тыс. человек, в г. Бельцы — 25 тыс. человек. Эти демонстрации были направлены против попыток реприватизации промышленных предприятий (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 812, л. 140).

[62] Так, например, в Познани, несмотря на решение о реприватизации стекольного завода, рабочие не пустили собственника на территорию завода (Upaństwowienie i odbudowa przemysłu..., s. 239).

доход Министерству финансов для сети государственного распределения» [63].

В таких условиях оппозиция, возглавлявшаяся Ст. Миколайчиком, которая провозгласила защиту частной собственности в промышленности одним из своих основных принципов, не могла открыто отстаивать точку зрения буржуазии. Как пишет Я. Голембёвский, ПСЛ «лишь ставила под вопрос формы сопротивления профсоюзов актам реприватизации, доказывая, что всякое сомнение в правильности решения судебных и административных органов подрывает доверие к новому, демократическому законодательству» [64].

Первая попытка польской буржуазии восстановить свои позиции в экономике страны, используя курс ППР и демократических сил на укрепление союза с мелкобуржуазными слоями города, не прошла, встретив массовое организованное сопротивление рабочего класса.

В борьбе с попытками буржуазии восстановить старые отношения формировалась программа ППР, направленная на дальнейшее укрепление и расширение государственного сектора в экономике страны и правовое закрепление происшедших изменений. Специальными постановлениями ЦК ППР и Министерства промышленности после обсуждения этого вопроса в Крайовой Раде Народовой в конце августа 1945 г. было уточнено положение о том, какие предприятия не принадлежат к категории «особо важных для интересов государства». К ним были отнесены в основном предприятия местной промышленности с числом рабочих не более 50 человек, находившиеся в распоряжении воеводских дирекций. Но Министерство промышленности могло признать и некоторые из этих предприятий в качестве особо важных для государства, если они были оснащены новейшим оборудованием или являлись в этом месте единственными предприятиями данной отрасли [65].

Среди рабочих реприватизация усилила стремление добиться законодательного закрепления завоеванных в экономике страны позиций. На пленарном заседании Центрального Совета профессиональных союзов, состоявшемся

[63] Głos Ludu, 10.VIII 1945.
[64] *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 270.
[65] Подробнее см.: Upaństwowienie i odbudowa przemysłu..., s. 19.

в сентябре 1945 г., где разбирались вопросы, связанные с нажимом буржуазных кругов, прямо указывалось, что отсутствие конкретных правовых норм создает почву для произвольного толкования законов соответствующими властями и облегчает враждебно настроенным элементам, проникшим в административный и судебный аппарат, саботаж хозяйственной политики правительства. В связи с этим Центральный Совет профсоюзов считал необходимым немедленное издание закона, точно определяющего категорию и характер предприятий, подлежащих реприватизации. «Центральный Совет профсоюзов считает,— говорилось в резолюции, принятой на заседании,— что национализации должны подлежать все предприятия, имеющие более 50 рабочих. Предприятия с количеством рабочих менее 50 не должны подлежать национализации за исключением тех, которые имеют важное значение для хозяйственной и политической жизни государства, как, например, типографии, литографии и т. д.» [66]

В течение сентября — ноября 1945 г., когда напряженность классовой борьбы в стране стала быстро возрастать, требование национализации приняло характер массового требования рабочего класса и достигло своей кульминационной точки в период подготовки и работы I съезда профсоюзов. В это время по воеводствам прошел ряд совместных собраний членов ППР и ППС, в резолюциях которых основным было положение о том, что национализация крупной и средней промышленности является выражением общих стремлений обеих партий [67]. Одновременно на профсоюзных конференциях рабочие выступили в поддержку требования национализации. «Мы добиваемся передачи государству всех предприятий,— говорилось в решении профсоюзной конференции металлургов Домбровско-Силезского бассейна.— Рабочий класс хочет быть уверенным, что он работает только для общества и государства» [68]. Присутствовавшие на съезде профсоюзов руководители ППР поставили вопрос о том, что настало время придать завоеваниям рабочего класса законную юридическую форму и от временного государственного управления перейти к полному овладению государством крупной и сред-

[66] Robotnik, 4.IX 1945.
[67] Głos Ludu, 6.XI 1945.
[68] *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 303.

ней промышленностью [69]. Съезд профсоюзов обратился к Крайовой Раде Народовой с просьбой издать в ближайшее время соответствующие законы [70].

Взяв решительный курс на немедленное осуществление национализации, руководство ППР отчетливо представляло стоящие на этом пути трудности. На состоявшемся в октябре 1945 г. пленуме ЦК ППР отмечалось, что национализацию промышленности необходимо провести в законодательном порядке в ближайшее время, поскольку именно по этим вопросам может в недалеком будущем возникнуть единый фронт между сторонниками Миколайчика, игравшими роль легальной оппозиции, и ППС, которая по проблемам, связанным с формами и методами обобществления производства, имеет ряд расхождений с ППР. «ППС,— говорилось на пленуме,— выступает за передачу промышленности по производству продовольственных товаров кооперации... На последнем заседании ЦИК ППС высказывались также мнения против национализации типографий и за передачу их частным владельцам или кооперации. На этом участке у них может возникнуть единый фронт с Миколайчиком» [71].

Возрожденная ППС, вошедшая в состав Национального фронта, исходила из того, что государство должно взять в свои руки военную и ключевые отрасли промышленности, добычу полезных ископаемых, железные дороги, почту, телеграф, электростанции, банки, кредит, страхование и внешнюю торговлю. Территориальным органам самоуправления должны были перейти местные предприятия общественного пользования (водопроводы, газ, местные электростанции и т. д.). Большую роль в обобществлении производства, по мнению ППС, должна была сыграть кооперация. Кооперативное движение рассматривалось в качестве важнейшего фактора создания нового строя. «Обобществление торговли, средней промышленности... кредита в общегосударственном масштабе должно осуществляться через кооперацию»,— писала газета «Роботник» — орган ППС. Частный сектор должен был охватывать мелкие и средние промышленные и торговые предприятия. Деятель-

[69] Głos Ludu, 24.XI 1945.
[70] Głos Ludu, 22.XI 1945.
[71] Цит. по: *Галенко П. В.* Социалистическая национализация..., с. 287.

ность его предполагалось регулировать с помощью общего экономического плана и установления контроля со стороны государства. Как подчеркивает в своем капитальном исследовании, посвященном истории ППС, польский историк Б. Сыздек, эта партия стремилась к созданию общественно-экономического механизма, опирающегося на три сектора: государственный, кооперативно-общественный и частный. При этом ряд деятелей ППС, особенно из центристских группировок, отстаивали автономность двух последних секторов и их самостоятельность по отношению к государственному сектору [72].

Вместе с тем в экономической программе ППС был ряд важнейших моментов, позволявших ППР установить с ней тесное сотрудничество по вопросам национализации и будущего промышленного развития страны.

ППР необходимо было учитывать и позицию другого важного союзника по демократическому блоку — партии Стронництво людове, которая добивалась, чтобы промышленность, связанная с переработкой сельскохозяйственного сырья, была передана не государству, а крестьянским кооперативам и их союзам или территориальным кооперативам. При этом речь шла прежде всего о сахароваренных и пивоваренных заводах, маслобойнях, фабриках по производству дрожжей и т. д. Эти требования отражали настроения зажиточных слоев деревни, укрепивших свое положение после аграрной реформы. В целом же радикальное крестьянское движение поддерживало требование национализации крупной и средней промышленности [73].

Рассматривая имеющиеся расхождения во взглядах ППР и ее союзников по вопросам социально-экономических преобразований в сфере промышленного производства, следует иметь в виду то обстоятельство, что они хотя и касались ряда важных проблем, но тем не менее база для совместного выступления сохранялась.

Принципиально иными были расхождения с программными установками ПСЛ. Эта партия в короткий срок, вобрав в свои ряды всех противников народно-демократического строя, быстро эволюционировала, превращаясь из

[72] Подробный анализ экономической программы возрожденной ППС см.: *Syzdek B.* Polska Partia Socjalistyczna w latach 1944—1948. Warszawa, 1974, s. 186—191.

[73] *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 319.

крестьянской в партию «сборного» типа. Руководители ПСЛ, стремясь расширить ее влияние среди населения, придали ей форму надклассовой общепольской организации, провозгласив этот принцип на своем съезде в 1945 г.[74]

Исследования польских историков, в частности работы Я. Борковского, Я. Зембиньского и др., позволяют сделать вывод, что лидеры ПСЛ выдвинули в качестве альтернативы программе ППР концепцию «третьего пути» общественного развития, основу которой составлял аграризм, опиравшийся на политическую силу деревни как единого целого[75]. Идея создания «кооперативного государства» выступала здесь в качестве основного противовеса программе социальных преобразований, выдвигавшихся ППР. Она позволяла правым лидерам ПСЛ провести, хотя и в трансформированном виде, реставрацию некоторых экономических позиций буржуазии, используя для этой цели широкие мелкобуржуазные слои и их веру во «всемогущественную силу кооперации» как средства укрепления положения мелкого собственника в системе производства.

Руководство ПСЛ отнюдь не выступало против обобществления ключевых отраслей производства. Оно даже ратовало за передачу ряда экономических функций государству. Но, по мнению лидеров ПСЛ, передача предприятий в собственность государства не должна быть основной и главной формой обобществления. Орган ПСЛ «Хлопски штандар» накануне принятия закона писал: «Стремление национализировать крупную и среднюю промышленность приведет к такому небывалому преимуществу государства над гражданами, что мы не колеблясь назовем это абсурдом и будем сопротивляться самым решительным образом»[76]. Пресса ПСЛ собирала все отрицательные факты о государственных предприятиях для подтверждения своего тезиса о том, что «государство никогда не было и не будет хорошим хозяином производства»[77]. Главной

[74] См. подробнее: *Kołomejczyk N., Syzdek B.* Polska w latach 1944—1949..., s. 105.

[75] См. подробнее: *Borkowski J.* Działalność Polskiego Stronnictwa Ludowego w latach 1945—1947.— Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego, 1960, N 2; *Zięblński J.* Z zagadnień genezy i podstawowych założeń ideowo-politycznych agraryzmu w Polsce.— Roczniki Dziejów Ruchu Ludowego, 1960, N 2.

[76] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 5542, л. 48.

[77] *Borkowski J.* Działalność Polskiego Stronnictwa Ludowego..., s. 87.

формой обобществления, по мнению руководителей ПСЛ, должна стать передача предприятий кооперативам и органам самоуправления. Это требование, унаследованное ПСЛ от людовского движения довоенных лет, и его активная пропаганда были рассчитаны на перетягивание на свою сторону тех политических группировок, которые расходились с ППР по вопросам о формах обобществления, о месте и роли кооперации в системе производства.

Реставраторские устремления руководителей ПСЛ наиболее наглядно выступали, когда речь заходила о масштабах национализации. Здесь их основные усилия направлялись на то, чтобы пересмотреть границу подлежащих обобществлению предприятий, установив ее не в 50, а в 100 занятых в одну смену рабочих. Это позволило бы изъять из-под действия закона немалую часть предприятий [78] и использовать борьбу трудящихся за национализацию для вытеснения иностранного капитала и восстановления позиций польской буржуазии в экономике страны [79]. Именно здесь, как показывают проекты национализации, разрабатывавшиеся торгово-промышленными палатами [80], высту-

[78] Как показывают подсчеты, сделанные польскими исследователями, в случае принятия предложений ПСЛ из 32 707 предприятий, имевшихся на территории бывшего польского буржуазного государства, национализировано было бы только 2796 (см.: *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 312).

[79] Планы социально-экономических реформ, предлагавшихся ПСЛ, позволяют проводить некоторые параллели с проектом «экономической программы» русских эсеров, сформулированным В. Черновым в 1921 г., который партия эсеров выдвигала как альтернативу проведенной Советской властью национализации. В соответствии с этим проектом «социализации» должны были подлежать лишь железные дороги, крупный транспорт, рудники, металлургическая промышленность, а также те отрасли, которые подготовлены к этой акции «концентрационным процессом в пределах капиталистической системы». Органы местного самоуправления должны были провести «коммунализацию» отдельных предприятий местного значения (городской транспорт, электросеть, аптеки и т. п.). Часть предприятий должна была перейти кооперации. А все остальное подлежало денационализации и предоставлялось частной инициативе. Банковское дело также должно было подлежать денационализации (см.: *Подболотов П. А.* Крах эсеро-меньшевистской контрреволюции. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975, с. 45—48).

[80] Например, торгово-промышленная палата Варшавы следующим образом сформулировала свое понимание национализации: «а) национализируется только крупная и ключевая промышлен-

пает наиболее явно связь правых лидеров ПСЛ с буржуазными кругами.

Выдвигая лозунг борьбы против «этатизации» производства, добиваясь передачи большей части национализируемых предприятий кооперации и органам самоуправления, руководители ПСЛ связывали в единый узел интересы польской буржуазии и богатых слоев деревни, придавали своим требованиям вид общекрестьянских, стремясь превратить деревню в ударную силу, направленную против ППР. Классовая же сущность социально-экономической программы ПСЛ не оставляет никаких сомнений: она была рассчитана на реставрацию позиций польской буржуазии в экономике послевоенной Польши.

При наличии двух столь противоположных программ борьба вокруг закона о национализации приобрела напряженный характер. ППР поставила своей целью юридически закрепить результаты по вытеснению буржуазии из сферы промышленного производства, достигнутые рабочим классом страны в процессе реализации антифашистских, патриотических, демократических требований. Она стремилась не допустить восстановления позиций частного капитала в экономике страны. Но, формулируя отдельные положения проекта закона о национализации, ППР вынуждена была идти на ряд компромиссов, чтобы не дать возможности легальной оппозиции, представляемой ПСЛ, перетянуть на свою сторону ряд неустойчивых и колеблющихся элементов из демократического блока.

Проект декрета «О переходе в собственность государства основных отраслей народного хозяйства» явился результатом больших дискуссий и обсуждений ППР и ППС и был представлен на IX сессию Крайовой Рады Народовой от имени обеих рабочих партий Польши [81]. В первой своей части, где речь шла о торговых и промышленных предприятиях бывшего германского рейха, его граждан, а также предателей народа, т. е. о собственности, которая

ность, но ни в коем случае не средняя и мелкая; б) нижняя граница крупных предприятий, подлежащих национализации, по размеру должна быть такая же, как в Чехословакии,— 250 рабочих, занятых в одну смену; в) национализация не может проводиться без компенсации» (см.: Upaństwowienie i odbudowa przemysłu..., s. 314).

[81] *Syzdek B.* Polska Partia Socjalistyczna..., s. 191.

безвозмездно передавалась государству, представленный проект, по существу, только предлагал придать форму юридической законности основным положениям, сформулированным в июльском Манифесте ПКНО. Но во второй части он шел значительно дальше этого документа. Здесь решался вопрос не о собственности немецкого капитала, а о собственности в основном польской буржуазии. Декрет предлагал передать в руки государства на основе вознаграждения все предприятия в 17-ти ключевых отраслях промышленного производства, таких, как горная, нефтяная, средства связи, энергетическая и металлообрабатывающая, военная, коксохимическая, сахароваренная, спирто-водочная, мукомольная промышленность, крупные и средние текстильные фабрики, типографии, а также те предприятия остальных отраслей промышленного производства, в которых занято более 50 рабочих. Эти предложения были весьма радикальны. Принятие и реализация их означали не только юридическое закрепление той победы, которую одержал рабочий класс Польши в 1944—1945 гг., взяв на местах в свои руки основные средства производства, но и дальнейший шаг вперед по расширению позиций государственного сектора.

Но чтобы не вызвать разногласий с крестьянской партией, входившей в демократический блок, с партией Стронництво людове, видевшей в кооперации важнейшую форму обобществления, проект декрета предусматривал возможность передачи ряда предприятий кооперативам. Предприятия, связанные с переработкой продукции сельского хозяйства, подлежали обязательной передаче территориальным кооперативам или их союзам [82].

Определенной уступкой мелкобуржуазным слоям города и их политическим представителям, таким, как Стронництво працы и Стронництво демократичне, было предложение рабочих партий одновременно с декретом «О переходе в собственность государства основных отраслей народного хозяйства» обсудить и утвердить проект закона «Об организации новых предприятий и частной инициативы в промышленности» [83], который предусматривал бы право любого польского гражданина создать промышленное или торговое предприятие. Государство при

[82] Upaństwowienie i odbudowa przemysłu..., s. 342.
[83] См.: *Галенко П. В.* Социалистическая национализация..., с. 298.

этом должно было гарантировать частным предпринимателям предоставление сырья, кредитов и т. д.

Гибкая политика ППР и ППС по отношению к союзникам позволила на IX сессии Крайовой Рады Народовой добиться того, что требование партии Польске стронництво людове повысить верхнюю границу частного сектора было отклонено подавляющим большинством голосов. Декрет о национализации был принят в том виде, как он был представлен двумя рабочими партиями на обсуждение парламента [84].

Таким образом, надеждам буржуазных кругов на восстановление своих позиций в народном хозяйстве страны был положен конец.

Принятие этого декрета 3 января 1946 г. означало, что польский рабочий класс при поддержке своих союзников, которых он приобрел в ходе антифашистской освободительной борьбы, выиграл битву против «своей» национальной буржуазии, закрепив юридически происшедшие перемены в сфере промышленного производства. Он добился признания ведущей роли государственного сектора в экономике страны и дальнейшего ослабления позиций частного капитала.

Если сравнить причины, тормозившие процесс юридического оформления происшедших революционных перемен в сфере производства в Югославии и Польше, то, по-видимому, следует отметить, что в Польше международные факторы хотя и играли определенную роль [85], тем не менее не являлись превалирующими, как это было в Югославии. В Польше правовое закрепление фактически уже происшедшей экспроприации основных средств производства из рук частного капитала наталкивалось на серьезное сопротивление влиятельных политических сил внутри страны, выдвигавших свои собственные концепции экономического развития.

[84] Ход дискуссий на сессии Крайовой Рады Народовой проанализирован в кн.: *Галенко П. В.* Социалистическая национализация..., с. 296—306; *Słabek H.* Ogólne aspekty polityki PPR i PPS..., s. 52—53.

[85] См.: *Dudek W.* Nacjonalizacja jak przedmiót stosunków Polski z niektórymi państwami kapitalistycznymi.— In: Nacjonalizacja przemys'u w socjalistycznych krajach Europy. Warszawa, 1976, s. 122—149.

Принятие декрета «О переходе в собственность государства основных отраслей народного хозяйства» и проведение общенародного референдума весьма наглядно показали, что подавляющее большинство населения поддерживает программу социально-экономических преобразований, предлагаемую рабочими партиями [86].

Реализация декрета началась сразу после его принятия и достигла своей наиболее активной фазы в конце 1946 — начале 1947 г. С сентября 1946 по март 1947 г. 2804 предприятия перешли в собственность государства [87].

Дальнейшее осуществление принятого в январе 1946 г. закона о национализации развернулось уже после политического краха правых сил и окончательной победы народной власти на выборах в январе 1947 г., когда интенсивно развернулось дальнейшее политическое сближение партий демократического блока с ППР.

1947—1948 гг. стали временем дальнейшего укрепления позиций государственного сектора в экономике страны. В течение этого периода еще 5870 предприятий получили формально-юридическое оформление и стали государственными. Одновременно с государственным сектором укреплялся и расширялся сектор кооперативный. К концу 1948 г. оба эти сектора совместно давали уже 92,2% промышленного производства страны, на долю частного капитала приходилось лишь 7,2% [88].

Подводя итог анализу борьбы рабочего класса Польши под руководством ППР за вытеснение буржуазии из сферы производства и овладение основными позициями в экономике, можно сказать, что здесь, так же как и в Югославии и Албании, определяющим и главным моментом было то, что основной удар по капиталистической собственности на средства производства был нанесен в ходе освобождения страны от гитлеровских оккупантов. Рабочий класс, возглавляемый коммунистами, сплотив вокруг

[86] На вопрос референдума: «Хочешь ли ты закрепления в будущей конституции экономического строя, основанного на проведенной аграрной реформе и национализации основных отраслей народного хозяйства при сохранении определенных законом границ частной инициативы?» — 77,3% принимавших участие в референдуме ответили «да» (подробнее см.: Очерки истории Народной Польши. М., 1965, с. 123—129).

[87] Polska Ludowa 1944—1950. Przemiany spo'eczne..., s. 322.

[88] Polska Ludowa 1944—1950. Przemiany spo!eczne..., s. 323.

себя блок демократических сил, под антифашистскими национальными лозунгами осуществил фактическую экспроприацию основных группировок буржуазии и овладел важнейшими экономическими позициями в государстве еще в 1944—1945 гг., заложив тем самым основу для развития новых производственных отношений.

Таким образом, в Югославии, Албании и Польше под антифашистскими патриотическими лозунгами, поддержанными большинством нации, были проведены в 1944—1945 гг. антикапиталистические преобразования в сфере материального производства. По своей классовой сути они были идентичны с социалистической национализацией, осуществленной пролетариатом России после победы Великой Октябрьской социалистической революции, ибо имели один общий результат: была ликвидирована капиталистическая собственность на средства производства. В. И. Ленин, анализируя суть изменений в отношениях собственности, писал: «Господство пролетариата выражается в том, что отнята помещичья, капиталистическая собственность... Когда практически решили вопрос о собственности, этим было обеспечено господство класса» [89].

3. Национализация 1945 г. в Чехословакии, ее масштабы и социальное содержание

Национально-освободительная борьба, развернувшаяся в Чехословакии, привела к созданию на заключительном этапе второй мировой войны широкого демократического антифашистского фронта, который объединил не только рабочий класс и непролетарские слои трудящихся (как это было в других оккупированных странах Центральной и Юго-Восточной Европы), но и антифашистские круги чешской и словацкой буржуазии. На заключительном этапе войны последние вынуждены были признать гегемонию рабочего класса в национально-освободительном движении и выступать в совместном блоке антифашистских сил, осознав неизбежность временного, как они полагали, разделения политической власти в будущем послевоенном государстве.

[89] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 251.

В ходе национально-демократической революции весной 1945 г. власть в стране перешла широкому союзу классовых сил, объединенных в Национальном фронте чехов и словаков. К. Готвальд, определяя сущность власти, установившейся в стране после освобождения, отмечал на I пражском активе КПЧ в мае 1945 г.: «Что представляет из себя наше правительство? С социальной точки зрения это блок рабочего класса, деревенских слоев, представленных средними и мелкими крестьянами, трудящейся интеллигенции, а также той демократической части буржуазии, которая не предала интересы нации»[90]. Вопрос «кто—кого» остался, таким образом, еще открытым, и последующее развитие должно было определить: пойдет ли страна по пути социализма или буржуазии, часть которой получила доступ к власти, удастся восстановить старые капиталистические порядки[91].

В этих условиях борьба за содержание национализации, развернувшаяся между двумя основными силами чехословацкого общества — рабочим классом и буржуазией — составила одну из важнейших линий развития революционного процесса в Чехословакии в 1945—1948 гг.

Размежевание сил внутри антифашистского демократического лагеря по вопросам преобразований в области промышленного производства началось сразу же, как только завершилось изъятие собственности из рук немцев, венгров и коллаборационистов. Этот «национальный этап» был весьма непродолжительным: фактически в течение мая — июня 1945 г. предприятия, являвшиеся собственностью оккупантов и лиц, с ними сотрудничавших, были взяты на основании декрета президента от 19 мая 1945 г. под национальное управление.

«Основное требование, — говорилось в сообщении Министерства промышленности от 5 октября 1945 г.,— чтобы брошенные или находившиеся в руках враждебных элементов промышленные предприятия были взяты под управление лиц национально надежных, было реализовано к середине июня. В Чехии и Моравии к этому времени

[90] Příspěvky k dějinám KSČ. 1961, č. 1, s. 402.

[91] См.: *Шмераль Я. Б.* Расстановка политических сил в Чехословакии после освобождения страны и стратегическая линия КПЧ.— В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1977, с. 269.

уже не было заводов, находящихся в управлении немцев» [92].

В Словакии национальные управления вводились на основе постановления, принятого Словацким национальным советом 6 июня 1945 г. На значительной части заводов и фабрик они заменяли существовавшие еще со времени Словацкого восстания и вводившиеся по мере освобождения на предприятиях немцев, венгров и лиц, бежавших с фашистами, так называемые принудительные управления [93].

Согласно этому постановлению под национальное управление бралась не только собственность государственно неблагонадежных лиц, но и все имущество, приобретенное в результате репрессивных фашистских акций [94].

Введение национальных управлений было большим шагом вперед в деле овладения демократическими силами, объединенными в Национальном фронте, экономическими позициями в новом государстве. Оно устраняло от управления экономикой не только германский капитал, прибравший в 1938—1944 гг. к своим рукам ведущие отрасли чехословацкой промышленности, но и наиболее реакционные круги чешской и словацкой буржуазии [95].

Национальные управления в банковской системе означали по сути дела изъятие из-под контроля буржуазии значительной части акционерного капитала, 1/3 которого к концу войны составляла собственность предателей и оккупантов [96].

Установление национальных управлений отнюдь не являлось формально-канцелярским актом. Вокруг этой меры разгорелась острая классовая борьба, исход которой в значительной степени зависел от силы и влияния заводских комитетов как органов рабочего класса непосред-

[92] Archiv Státní Plánovacé Komise (далее — ASPK). Situační zpráva o čs. průmyslu ke 30.IX 1945, s. 1—17—2.

[93] См. подробнее: *Vrablic E.* Revolúcia a znárodnenie na Slovensku. Bratislava, 1975, s. 20—21.

[94] *Vrablic E.* Revolúcia a znárodnenie..., s. 65—66.

[95] В целом под национальное управление было взято 10 125 промышленных предприятий, где работало около 1 млн. рабочих. (Archiv Federalního Národního Shromáždění (далее — AFNS), f. PNS, zap. o schůzích výboru průmyslu, 21.XI 1945, s. 13).

[96] The Czechoslovak economy 1945—1948. Acta oeconomica pragensia. Prague, 1968, p. 204.

ственно на местах, на фабриках и заводах [97]. Опираясь на революционную инициативу широких рабочих масс, используя свои позиции в системе новой государственной власти, коммунисты добились, что и в декреты президента республики, и в постановление СНС было включено специальное положение о том, что национальные управления могут быть установлены только на основе соглашения с заводскими комитетами. Как и предвидели коммунисты, изъятие собственности из рук оккупантов и предателей, развернувшееся под национальными лозунгами, стало началом открыто классовой акции пролетариата, направленной на решительное ограничение деятельности буржуазии в экономике страны. Требование вмешательства в частнокапиталистическую собственность в летние месяцы 1945 г. уже постепенно начинало утрачивать свою национальную окраску, на первый план все больше стала выдвигаться его антикапиталистическая направленность [98].

Рабочий класс через профсоюзы, заводские советы и комитеты стал устанавливать действенный контроль непосредственно на фабриках и заводах.

В Чешских землях насчитывалось более 12 тыс. заводских советов и комитетов, функции которых согласно ин-

[97] Во многих местах управление предприятий брали в руки сами рабочие, выбирая национальными управляющими лиц наиболее пригодных, с их точки зрения, для этой роли (AFNS, f. PNS, záp. o schůzích výboru průmyslu, 21.XI 1945, s. 12).

[98] Немалое значение имело то обстоятельство, что попытки коммунистов развернуть на основе декрета президента о национальных и народных судах, принятого в июне 1945 г., кампанию по наказанию предателей и лиц, сотрудничавших с нацистами, сразу же натолкнулись на ожесточенное сопротивление буржуазных политиков из национально-социалистической, демократической и народной партий. Это сопротивление сделало, по существу, невозможной реализацию одного из важнейших пунктов Кошицкой программы. Даже в 1946 г. К. Готвальд вынужден был в своих выступлениях обращать внимание чехословацкой общественности на то, что «на этом очень важном участке нашей новой созидательной работы мы очень мало продвинулись вперед» (*Gottwald K.* Spisy. Praha, 1956, sv. XII, s. 333). Уже летом 1945 г. стало ясно, что политические представители буржуазии используют свои позиции в органах государственной власти для того, чтобы сузить возможности изъятия капиталистической собственности под антифашистскими национально-патриотическими лозунгами (см.: *Foustka R.* Národní očista v letech 1945 až 1946.— In: Otázky národní a demokratické revoluce v ČSR. Praha, 1955, s. 223—236).

струкции Центрального Совета профсоюзов, изданной 12 мая 1945 г., заключались в том, «чтобы осуществлять контроль над производством и управлением предприятиями» [99]. В Словакии заводские комитеты, опиравшиеся на решения своей конференции в Подбрезовой, осуществляли контрольные функции, участвуя в решении всех вопросов, связанных с ходом производства, оплатой и условиями труда как на фабриках и заводах, взятых под национальное управление, так и являвшихся частной собственностью [100].

В правления банков, финансовых учреждений, акционерных обществ, еще оставшихся в частных руках, были введены представители Центрального Совета профсоюзов. При восстановлении распущенных оккупационными властями организаций чешской буржуазии — Союза чешской промышленности и Союза чешских банков — в их центральные управления вошли представители профсоюзов [101]. Процесс вторжения рабочего класса в управление производством в первые недели после освобождения шел настолько бурно, что буржуазия заговорила о «диктатуре Центрального Совета профсоюзов» [102], а руководители Министерства промышленности вынуждены были констатировать, что «профсоюзы глубоко проникли в руководство предприятий и учреждений» [103]. Введение национальных управлений рассматривалось трудящимися как пролог к

[99] Rudé právo, 27.V 1945.

[100] *Vrablic E.* Revolúcia a znárodnenie..., s. 29, 37, 72. В Словакии под национальное управление было взято 236 фабрик и заводов (см.: Zpráva o činnosti revolučního odborového hnuti k I všeodborovému sjezdu v Praze, 18—22 dubna 1946. Praha, 1946, s. 241.

[101] Например, в Центральном правлении Союза чешской промышленности из восьми членов правления трое были представителями Центрального Совета профсоюзов (см.: Státní Ústřední Archiv (далее — SÚA), f. ÚSČP, záp. schůze prezidia, 20 června 1945).

[102] Archiv Ústřední Rády Odborů (далее — AÚRO), f. S J — I, k. I, inv. 5, s. 3/2. Буржуазная пресса обрушилась на заводские комитеты с упреками, что они отстраняют от руководства предприятиями специалистов, обвиняя их в коллаборационизме. Газета «Лидова демократие» — орган народной партии,— стремясь снять ответственность за сотрудничество с фашистами с руководства предприятий, писала в этот период, что вопрос о коллаборационизме весьма неясен: «...если с немцами сотрудничали руководители, то это значит, что с ними сотрудничали и подчиненные» (Lidová demokracie, 28.VII 1945).

[103] Práce, 30.V 1945.

широким социально-экономическим переменам. Поэтому уже летом 1945 г. рабочий класс стал добиваться того, чтобы статусу собственности предприятий, о которых говорилось в Кошицкой программе, были приданы более определенные черты и раскрыто содержание понятий «национальное управление» и «общее государственное руководство».

Центральный Совет профсоюзов в это время открыто высказывался за проведение широкой акции по национализации и предлагал экспроприировать весь национальный капитал коммерческих банков [104], а передача государству большей части промышленных предприятий рассматривалась им как дело уже решенное. В Министерство промышленности с мест поступали проекты национализации, предлагавшиеся шахтерами Остравы, участниками Пражского восстания и т. д.

В этих условиях основные политические силы Национального фронта чехов и словаков должны были сформулировать свое конкретное понимание соответствующих разделов Кошицкой программы. Для КПЧ, опиравшейся на анализ развертывающегося в стране массового движения рабочего класса, было ясно, что ситуация для проведения национализации более чем созрела. В конце мая — начале июня 1945 г. при разработке проекта экономической политики Национального блока трудового народа города и деревни [105] коммунисты совершенно отчетливо заявили, что они не собираются возвращаться к довоенным отношениям в промышленном производстве. «От системы национального управления мы не должны возвращаться к старым капиталистическим формам, а должны идти вперед к национализации ключевой и крупной индустрии как целого» [106].

К началу июля 1945 г. КПЧ четко определила свои позиции: добиваться принятия декретов о национализации

[104] The Czechoslovak economy 1945—1948..., p. 204.

[105] Национальный блок трудового народа города и деревни объединял 3 партии, вошедшие во Фронт: КПЧ, социал-демократическую и национально-социалистическую. Он возник еще в годы войны в Лондоне как соглашение представителей трех партий о совместной борьбе с фашизмом. 8 июня 1945 г. партии, входившие в блок, выступили с заявлением, что они будут продолжать совместные действия, направленные на реализацию Кошицкой программы.

[106] The Czechoslovak ekonomy 1945—1948..., p. 95.

до созыва Временного Национального собрания и требовать при этом передачи государству не только ключевых отраслей промышленности, но и всех крупных предприятий вообще. Эта позиция коммунистов нашла поддержку у социал-демократической партии, выступающей за то, чтобы в общественную собственность перешли «не только природные богатства, банки, финансовые учреждения, транспорт, тяжелые отрасли промышленности, но и крупные предприятия в остальных отраслях промышленности» [107].

Между рабочими партиями было достигнуто соглашение, что они будут добиваться национализации всех крупных промышленных предприятий, где занято свыше 500 рабочих, независимо от того, имеют они ключевое значение для экономики страны или нет [108]. Совместное выступление коммунистов, социал-демократов и профсоюзного центра на основе общей платформы социально-экономических преобразований явилось важнейшим событием в консолидации левых сил чехословацкого общества. Их совместная точка зрения по вопросам национализации была изложена К. Готвальдом 15 июля 1945 г.

В этот день на манифестации в Крчи он заявил, что настало время для передачи государству банков, системы страхования, источников энергии, горнодобывающей и металлургической промышленности, а также всех ключевых отраслей и отраслей тяжелой промышленности. В этом выступлении ясно прозвучала мысль, что национализация не будет касаться средних и мелких промышленных предприятий [109].

Теперь позиции рабочего класса были сформулированы четко: он выступает за изъятие из рук частного капитала не только предприятий оккупантов и коллаборационистов, но и всех крупных предприятий и банков «своей» буржуазии. Таким образом, социальное содержание акта национализации выступило на первый план.

Одновременно определились и позиции буржуазных группировок, входивших в Национальный фронт. Здесь наиболее радикальными взглядами по рассматриваемым

[107] Studijní materiály k dějinám ČSR a KSČ (1945—1948). Praha, 1967, č. II, s. 49.

[108] *Frejka L.* Historia bojů o znárodnění československého průmyslu. Praha, 1950, s. 9.

[109] *Gottwald K.* Spisy. Praha, 1956, sv. XII, s. 92.

вопросам отличались национальные соцпалисты. Эта партия была составной частью Национального блока трудового народа города и деревни. Ее программа, опубликованная в мае 1945 г., содержала такое выходившее за рамки Кошицкой программы требование, как установление контроля государства над всеми крупными промышленными предприятиями, природными ресурсами и всеми средствами производства [110]. Такая позиция объяснялась в значительной мере тем, что национально-социалистическая партия, представляя интересы определенных группировок чешской буржуазии, стремилась сплотить вокруг себя мелкобуржуазные слои общества, чтобы впоследствии превратить эти слои в ударный кулак против рабочего класса и его организаций. Мелкобуржуазным слоям, на которые внешне ориентировали свою политику национальные социалисты, вмешательство было необходимо для ослабления главного и основного конкурента — отечественного монополистического капитала. Кроме того, установление государственного контроля позволило бы в гораздо большей степени использовать государственные рычаги для послевоенного восстановления и реконструкции тех отраслей промышленности, в которых крайне нуждалась мелкая и средняя буржуазия. Программа национальных социалистов не предусматривала расширение вмешательства в сферу частной капиталистической собственности, а провозглашала гармоничное сотрудничество всех слоев общества под контролем государства.

Чешская народная (лидова) партия, ясно отдавая себе отчет в том, что восстановление домюнхенского положения, по существу, невозможно, главную задачу национализации видела прежде всего в подрыве позиций немецкого капитала, а поэтому она настаивала на ограничении социальных преобразований лишь национальными рамками. Для нее суть всех перемен сводилась к тому, чтобы конфискованная собственность оккупантов была «передана в руки чехов».

Понимая, что весьма сложно будет добиваться возвращения ключевых отраслей и ряда финансовых институтов в руки частных предпринимателей, лидовцы предложили передать их «под управление общественных органов для

[110] Studijní materiály k dějinám ČSR a KSČ..., s. 83.

удовлетворения потребностей национальной экономики» [111]. Если сравнить эту формулировку с предложениями польского католического клира, который весьма активно выступал против всех проектов передачи собственности государству и проповедовал идеи «общей собственности предпринимателей и рабочих» на основе «кооперативных договоров» [112], и с предложениями партии Польске стронництво людове (партия Миколайчика), то станет совершенно очевидным одно общее стремление этих кругов — добиться изменения форм обобществления, не допустить передачи средств производства и капиталов в руки государства и тем самым свести на нет саму идею национализации.

Особую позицию занимала словацкая демократическая партия, что объяснялось спецификой положения в Словакии, где сравнительно слабая промышленность находилась в основном под контролем иностранного (немецкого и частично венгерского) капитала. Позиции же словацкой буржуазии обеспечивались прежде всего за счет банковских капиталов, через которые она контролировала в основном промышленность, связанную с переработкой сельскохозяйственного сырья. Однако в период так называемого «независимого государства» главные места в правлениях этих банков заняли сторонники Тисо. Поэтому «демократы», стремясь укрепить свои экономические рубежи, должны были на определенном этапе весьма активно поддерживать развертывающееся движение народных масс.

Еще в феврале 1945 г., подписав манифест Словацкого национального совета о задачах народной власти на освобожденной территории страны, представители демократической партии согласились на проведение национализации ключевых отраслей промышленности, требование которой содержалось в этом документе [113]. Ставя свою подпись под манифестом, они отчетливо понимали, что национализация ключевых отраслей не затронет интересы представляемых ею группировок словацкой бур-

[111] Studijny materialy k dějinám ČSR a KSČ..., s. 83.
[112] См.: *Gołębiowski J.* Nacjonalizacja przemysłu..., s. 297.
[113] Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Praha, 1965, s. 487.

жуазии, поскольку эти отрасли находились в руках немецкого капитала.

В марте 1945 г. Словацкий национальный совет издал Постановление № 17, которое давало право его уполномоченным проводить ревизии частных банков, если они не способны осуществлять свои функции и охранять интересы государства [114]. Коммунисты Словакии рассматривали это постановление как подготовку к введению национального управления, а «демократы» как средство удаления своих политических противников — сторонников Тисо из финансового аппарата. Когда эта цель была достигнута, словацкие «демократы» оказали самое упорное сопротивление попыткам установить национальное управление в банках, которые являлись главным инструментом воздействия словацкой буржуазии на широкие круги мелких предпринимателей, ремесленников и крестьян, составлявших здесь основную массу населения. Декрет о введении национального управления в банках и страховых компаниях был принят в Словакии только в сентябре 1945 г.

В полемике по вопросу о национализации усилия «демократов» были направлены на то, чтобы национализация распространилась лишь на тяжелые отрасли промышленности, чтобы изъять из сферы действия закона мелкую и среднюю промышленность и добиться передачи предприятий кооперативам, а не государству. Представитель демократической партии Леттрих на страницах газеты «Час» в сентябре 1945 г. писал: «1) Государству следует передать в первую очередь все промышленные предприятия немцев, венгров и предателей; 2) передать государству нужно только шахты, металлургические заводы, источники электроэнергии, военную и ключевые отрасли промышленности; 3) для некоторых важных отраслей допустить обобществление в виде передачи предприятий кооперативам... Ни в коем случае не передавать государству мелкой и средней промышленности; 4) сохранить частное предпринимательство и дать возможность открывать новые предприятия» [115].

Таким образом, демократическая партия хотела использовать национализацию, чтобы сохранить позиции

[114] The Czechoslovak ekonomy 1945—1948... p. 207—208.
[115] Čas, 21.IX 1945.

«своей», национальной, буржуазии в промышленности через обобществление путем передачи ряда отраслей кооперативам. Демократическая партия пыталась путем создания системы псевдокооперативов добиться реорганизации предприятий, занятых переработкой сельскохозяйственной продукции [116].

В своих основных аспектах программа «демократов» в значительной степени перекликалась с программой партии Польске стронництво людове.

Если политические программы, выдвинутые различными партиями и группировками польского и чехословацкого общества, были по ряду существенных моментов сходными, то обстановка, в которой шла борьба за их реализацию, весьма отличалась.

В Польше буржуазия к моменту освобождения страны была лишена основных средств производства, а ее основные политические представители оказались вне органов новой государственной власти.

Иное положение было в Чехословакии. Часть чехословацкой буржуазии, не связанная с коллаборационизмом, сохраняла не только значительное экономическое влияние, но и располагала определенными позициями в системе политической власти. В руках ее представителей находился ряд важных постов в правительстве. В первом правительстве Народного фронта чехов и словаков представители буржуазии имели восемь министерств, в том числе такие, как министерства финансов, внутренней и внешней торговли, юстиции и др., а также пост президента республики и два поста заместителей председателя правительства [117].

В этих условиях борьба за содержание и социальную направленность обобществления основных средств производства неизбежно приобретала весьма сложный характер и сопровождалась серией столкновений, маневров и компромиссов двух основных политических сил — рабочего класса и буржуазии.

Первая схватка произошла в летне-осенние месяцы 1945 г. 16 июля 1945 г. при Министерстве промышленности, которое, как уже говорилось, возглавлял предста-

[116] См.: Hospodářské dějiný Československa ve 19 a 20 století. Praha, 1974, s. 245.
[117] Cesta ke Květnu, s. 727.

витель социал-демократической партии Б. Лаушман, была создана Центральная комиссия по национализации. Ей предстояло разработать проект декрета. От КПЧ в состав комиссии входил Л. Фрейка. Активное участие в ее работе принимали представители профсоюзов. Основа декрета, разработанная к 22 августа 1945 г., была направлена в правительство. При этом ожидалось, что она не вызовет больших разногласий, и президент подпишет декрет до 20 сентября 1945 г. Однако первое же заседание правительства по обсуждению проекта декрета о национализации показало, что рабочим партиям, добивающимся реализации своих предложений, предстоит сложная борьба. Она сосредоточилась, как свидетельствуют протоколы заседаний правительства, вокруг трех основных моментов: масштабов национализации, юридического статуса национализированных предприятий и темпов проведения этой акции в жизнь. Совместное предложение коммунистов и социал-демократов о передаче государству всех предприятий, где насчитывается более 500 рабочих, сформулированное в представленном на обсуждение проекте, вызвало сопротивление не только представителей «лидовцев» и «демократов», но и национальных социалистов, входивших в Национальный блок трудового народа. Усилия представителей всех трех этих партий были направлены на то, чтобы не допустить выхода национализации за рамки Кошицкой программы, а ограничиться лишь передачей государству тех ключевых и тяжелых отраслей промышленности, которые были в годы оккупации захвачены германским капиталом. Одновременно представители буржуазных партий стремились добиться того, чтобы национальные предприятия сохраняли свою хозяйственную самостоятельность, а их подчинение государственному управлению было сокращено до минимума. Предпринимались также попытки растянуть реализацию декрета во времени и заставить правительство проводить национализацию поэтапно.

Особое место на переговорах занял вопрос о национализации банков. Действия словацких «демократов» весной и летом 1945 г. свидетельствовали о том, какое большое значение придавала буржуазия вопросу о статусе банков в формирующейся новой системе хозяйства. Коммунисты совместно с социал-демократами выдвинули проект национализации акционерных банков путем передачи их

государству. Национальные социалисты, соглашаясь на словах с необходимостью национализации банков, возражали против предложенной формы и добивались национализации не акций, а лишь голосов акционеров, да и то частично. Национальные социалисты пытались использовать требование национализации банков для того, чтобы, введя национальные управления в банках, провести за счет государства их чистку и оставить акции в руках прежних владельцев [118].

Однако единые действия коммунистов и социал-демократов в правительстве, поддержанные выступлением рабочих на местах [119], заставили представителей буржуазных партий пойти на принятие основных положений представленного проекта декретов о национализации. Один из лидеров национально-социалистической партии Г. Рипка, вспоминая события осени 1945 г., писал: «Против блока коммунистов и социал-демократов мы каждый раз оказывались в меньшинстве, как только в каждом конкретном случае занимали оппозиционную точку зрения... Все мои усилия ограничить национализацию толь-

[118] См.: *Gottwald K.* Spisy, sv. XII, s. 120—121.

[119] На попытки буржуазных министров саботировать обсуждение проекта декрета рабочие отвечали забастовками, и поэтому нередко коммунисты и социал-демократы в своей полемике с представителями буржуазных партий в качестве аргументов использовали эту поддержку рабочего класса. Например, министр Б. Лаушман на заседании правительства 21 сентября 1945 г. сообщал, что горняки Моравской Остравы снова грозили забастовкой и рабочие добиваются скорейшего подписания декретов о национализации промышленности. «Мы можем успокоить рабочих... только если проведем национализацию быстро и по разработанному плану...» (см.: Archiv Předsednictva vlády, záp. 57 schůze vlády 21 září 1945, s. 3). 2 октября состоялась массовая манифестация братиславских трудящихся, организованная профсоюзами в поддержку борьбы политических представителей рабочего класса в правительстве за принятие декретов о национализации. Демонстранты требовали от правительства республики и Словацкого национального совета, чтобы вопрос о передаче государству банков, страхования, шахт, энергетических источников, ключевых и тяжелых отраслей промышленности, а также крупных предприятий, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию, был решен в кратчайший срок. 6 октября словацкие профсоюзы провели массовую манифестацию в Нитре, 7 октября состоялась манифестация шахтеров Гандловского угольного бассейна (см.: *Vrablic E.* Revolúcia a znárodnenie..., s. 106—109).

ко обобществлением тяжелых и ключевых отраслей были напрасны» [120].

Не могли воспрепятствовать принятию этих декретов и западные державы, так как в отличие от положения существовавшего в Польше и Югославии, в Чехословакии практически отсутствовали предприятия, принадлежавшие английскому, французскому и американскому капиталу: после мюнхенского соглашения 1938 г. монополии соответствующих стран в 1938—1939 гг. поспешили продать акции германской буржуазии.

Под напором рабочего класса 24 октября 1945 г. президент Чехословацкой республики Э. Бенеш вынужден был подписать декрет о национализации банков, страховых компаний, 27 отраслей промышленного производства и о конфискации имущества оккупантов и предателей [121]. Одновременно с декретами о национализации президент республики подписал и декрет о заводских комитетах, который обеспечивал органам рабочего класса на местах право контроля за деятельностью предприятий и право прямого участия в управлении предприятиями [122].

На основании декретов о национализации из рук частного капитала должна была быть изъята вся финансово-кредитная система, страхование, горнорудная промышленность, энергетические ресурсы, шахты. Передаче государству подлежало 74,5% химической промышленности, 71,8% — металлургической, 57% — кожевенной, 47% — текстильной [123]. Подписанные в условиях подъема рабочего движения декреты о национализации вышли далеко за рамки, предусмотренные Кошицкой программой. И это, безусловно, являлось крупным успехом революционных сил и поражением чехословацкой буржуазии. Реализация принятого декрета не только ликвидировала засилье иностранного капитала в экономике страны, но и резко сокращала сферу экономической деятельности буржуазии вообще, ибо лишала ее главной опоры — финансового капитала. Решающие позиции отныне должны были при-

[120] *Ripka H.* Czechoslovakia enslaved. London, 1950, p. 43.

[121] См.: Sbírka zákonů a nařízení 1945. Dekrety č. 100, 102—104, 108. Praha, 1946, s. 207—238.

[122] Sbírka zákonů a nařízení 1945..., s. 234.

[123] *Frejka L.* Historie bojů o znárodnění..., s. 27—28.

надлежать государственному сектору[124]. Опорой частного сектора оставалась легкая промышленность, прежде всего такие ее отрасли, как пищевая, пивоваренная, стекольная, а также строительство, оптовая и розничная торговля. Вместе с тем принятие декретов о национализации было одновременно своеобразным компромиссом, на который рабочий класс и его политические представители вынудили пойти буржуазию, компромиссом, в котором она в наибольшей степени должна была поступиться своими классовыми интересами с тем, чтобы сохранить в хозяйстве страны ряд позиций. Этот момент решения проблемы выступает наиболее ярко, если сравнить с точки зрения возможностей вторжения революционных сил в сферу капиталистической частной собственности декреты о национализации, изданные в октябре 1945 г. в Чехословакии, с аналогичными законами, утвержденными Крайовой Радой Народовой в Польше в январе 1946 г.

Если в Польше закон передавал в собственность государства, кроме собственности, конфискованной у оккупантов и предателей, все предприятия 17-ти важнейших отраслей промышленности и те предприятия остальных отраслей, где насчитывалось более 50 рабочих, занятых в одну смену, то совершенно очевидно, что в этом случае в руках частного капитала оставались лишь мелкие предприятия, т. е. здесь речь шла об исключении из экономической жизни страны всей, не только крупной, но и средней буржуазии.

[124] В 1946 г. удельный вес секторов в промышленности ЧСР был следующим:

Сектор	Предприятия по секторам, %	Занятые по секторам, %	Соотношение по стоимости произведенной продукции, %
Национализированный	17	61	57
Частнокапиталистический	49	23	27
Остальные (включая конфискаты)	34	16	16

См.: *Dvořáková E., Lesjuk P.* Československá společnost a komunisty v letech 1945—1948. Praha, 1967, s. 57.

В Чехословакии же на рассматриваемом этапе государству переходила лишь собственность монополий и крупной буржуазии, поскольку границей национализированных предприятий для большинства отраслей было установлено 300 и 500 рабочих, занятых в одну смену, и только для некоторых отраслей и предприятий — 150 человек [125]. Такие границы национализации оставляли в Чешских землях за рамками декрета подавляющую часть предприятий средней буржуазии, а в Словакии оказались незатронутыми частично и позиции крупной национальной буржуазии [126]. Именно этот момент и вызывал беспокойство словацких коммунистов, стремившихся как можно больше ослабить влияние буржуазии в экономике страны. Поэтому не случайно, что на протяжении всего времени, пока разрабатывалась основа декрета и шло ее обсуждение в правительстве, словацкие коммунисты и профсоюзы ставили вопрос о необходимости определения для Словакии иных критериев при национализации предприятий.

Границы национализации в Чехословакии, определенные декретом 1945 г., были предметом вожделений польской буржуазии, которая весьма настойчиво добивалась принятия закона именно по чехословацкому образцу. Например, в меморандуме Согласительной комиссии объединения частной промышленности в Кракове прямо указывалось: «Частные предприниматели выражают свое убеждение в том, что существующее до сих пор в польской практике колеблющееся определение «средней промышленности» найдет в новом декрете решение более или менее подобное тому, какое было дано в декрете, изданном в Чехословакии, по которому национализации подлежат лишь те предприятия, на которых занято в зависимости от отрасли более 250—400—500 человек; все предприятия ниже этой границы трактуются как мелкая

[125] Например, для текстильной промышленности граница была установлена на прядильные предприятия — 400, на ткацкие — 500 человек. Для стекольной, керамической промышленности и лесопильных заводов, а также предприятий по производству искусственных жиров — 150 человек.

[126] Как показал словацкий исследователь Э. Враблиц, к 1947 г. на основе декрета о национализации в Словакии из рук частного капитала изъято лишь 17,3% промышленных предприятий (*Vrablic E.* Revolúcia a znárodnenie..., s. 135).

промышленность, предназначенная для частной инициативы» [127].

Декреты о национализации в Чехословакии оставляли открытым и вопрос о тех многочисленных средних предприятиях, которые, будучи изъятыми из рук оккупантов и предателей и не попав под действие закона о национализации, находились под временным национальным управлением (так называемые конфискаты). В Чешских землях насчитывалось 5056 конфискатов, из них 3931 составляли средние и даже крупные предприятия. Всего по стране конфискаты составляли 1/8 часть промышленного потенциала. На этих предприятиях работало 13% рабочих, занятых в промышленности [128]. Нередко эти конфискаты являлись частями крупных трестов. Передача их в частную собственность (чего весьма активно добивались представители всех трех буржуазных партий в правительстве [129]), давала возможность оказывать влияние на развитие производства в государственном секторе.

Компромиссным было и решение вопроса о структуре управления национализированными предприятиями и их юридическом статусе. С одной стороны, декрет президента предоставлял национализированным предприятиям право «юридически самостоятельных лиц», государство не несло ответственности за их обязательства, и они подчинялись коммерческим требованиям свободной конкуренции как с другими национализированными, так и с частными предприятиями [130]. Такое положение оставляло для буржуазии определенные возможности превращения этих предприятий (при благоприятной с точки зрения буржуазии обстановке) в составную часть капиталистической системы хозяйства.

[127] См.: Upaństwowienie i odbudowa..,. t. 1, s. 290.

[128] ASPK, Zprávy o hospodářské situace, č. 666 A — 2, s. 1.

[129] На заседании Комитета по промышленности при Временном Национальном собрании уже 19 декабря 1945 г. представитель национально-социалистической партии добивался ликвидации национальных управлений на предприятиях, не попавших под действие декрета о национализации (см.: AFNS, f. PNS. Zápis o schůzich výboru průmyslu, 12.XII 1945, s. 2).

[130] «Национальное предприятие будет самостоятельной юридической единицей, оно будет выступать так, как бы выступал частный предприниматель или акционерное общество»,— так комментировал это положение министр промышленности Б. Лаушман (*Laušman B.* Znárodnění bank, pojist'oven, nerostného bohatství, energetických zdrojů a průmyslu. Praha, 1946, s. 10).

С другой стороны, уже 17 ноября 1945 г. правительство приняло постановление о создании так называемых генеральных управлений. В соответствии с этим постановлением все национализированные предприятия были объединены в 11 отраслевых генеральных управлений, задачей которых было «руководить и контролировать подчиненные им национальные предприятия, заботиться об их общих делах, таких, как экспорт продукции, импорт сырья, организация исследований» [131].

Глава генерального управления назначался персонально правительством. Поэтому вокруг организации генеральных управлений разгорелась ожесточенная борьба, в ходе которой коммунистам удалось взять в свои руки управление горной, металлургической, электротехнической, химической и некоторых других отраслей. Значительную часть генеральных управлений возглавили социал-демократы, и относительно небольшое число управлений попало в руки представителей буржуазных партий. Вплоть до 1948 г. вопрос о руководящем составе генеральных управлений оставался предметом острой политической борьбы. Буржуазные политики, особенно национальные социалисты, неоднократно требовали ревизии руководящего состава генеральных управлений, добиваясь расширения своих позиций [132].

Длительное время буржуазным политикам (Министерство финансов до середины 1946 г. находилось в руках представителя словацкой демократической партии Шробара) удавалось саботировать проведение национализации банков и страховых обществ. По существу до 1948 г. коммунистам не удалось добиться такой реорганизации банковской системы, которая дала бы возможность в централизованном порядке контролировать использование денежных средств [133].

В Польше вопросы, связанные с созданием системы управления промышленностью, были решены частично еще до принятия закона (складывание централизованной

[131] *Mrázek O.* Course and result of the nationalisation of industry.— In: The Czechoslovak economy 1945—1948, p. 102.

[132] См., например: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6000, л. 194, 236; д. 6001, л. 124—125.

[133] *Льгода В.* Место национализации в чехословацкой революции в 1944—1948 годах.— В кн.: Вопросы национализации в современном мире. Варшава, 1978, с. 307—308.

системы управления промышленностью) и окончательно после его принятия. Закон бесповоротно передавал в руки польского государства всю собственность, изъятую у оккупантов.

Таким образом, в Польше декрет о передаче промышленных отраслей в руки государства фактически закреплял уже происшедшее устранение буржуазии как класса от управления экономикой, положив конец всем надеждам на реставрацию ее позиций, и являлся фактически по своему классовому содержанию акцией социалистического характера.

В Чехословакии национализация 1945 г. была несколько иной. Ее можно характеризовать как национализацию демократическую, которая, будучи осуществленной в условиях развивающейся революции, подорвала экономические позиции финансовой олигархии и монополий, создала рабочему классу и его союзникам плацдарм для дальнейшего наступления на буржуазию. В условиях империализма, когда борьба за демократию неизбежно самым теснейшим образом переплетается с борьбой за социализм, эта национализация, осуществленная по инициативе политических представителей рабочего класса в правительстве и поддерживаемая активно снизу борьбой рабочих на местах, являлась уже шагом к социализму.

Возникший национализированный сектор в Чехословакии не был пока еще социалистическим, его эволюция к социализму находилась в прямой зависимости от дальнейшего укрепления позиций пролетариата в системе государственной власти. Этот момент выступает особенно наглядно, если сравнить судьбу национализированного сектора, сложившегося в результате реализации декретов 1945 г. в Чехословакии с развитием возникшего в 1946 г. государственного сектора в Австрии, который по масштабам и юридическому статусу обобществленных предприятий был весьма близок к чехословацкому. Как и в Чехословакии, он охватывал все ключевые отрасли промышленности [134]. Изданию закона о национализации

[134] В Австрии государственный сектор сосредоточивал 98% производства угля, 90% производства проката, 94% производства цветных металлов. В собственность государства перешло около 80% всего акционерного капитала страны (см.: Государственная собственность и антимонополистическая борьба в странах развитого капитализма. М.: Наука, 1973, с. 72).

предшествовало установление в ведущих отраслях промышленного производства через производственные советы, создаваемые рабочими и служащими на местах, общественного управления [135].

В течение 1945—1946 гг. в стране развернулось столь широкое движение рабочего класса за конфискацию и национализацию собственности монополий и военных преступников, предприятий, брошенных владельцами, и за обеспечение участия трудящихся в управлении производством, что австрийская буржуазия вынуждена была пойти на национализацию ключевых отраслей промышленности. Правда, при этом немалую роль сыграли в позиции буржуазии и чисто политические мотивы — боязнь того, что бывшие германские предприятия будут переданы Советскому Союзу в качестве репараций [136]. Тем не менее нельзя не видеть, что экономические позиции буржуазии в Австрии в 1945—1946 гг. были подорваны весьма существенно: законодательно был закреплен рабочий контроль через производственные советы, установлен государственный контроль за ценами, распределением сырья, топлива, сбытом товаров и т. п. [137]

Существование общественного сектора в обеих странах означало, что буржуазия лишилась ряда весьма существенных позиций в системе экономики и не могла теперь выступать в качестве единственной силы, определяющей экономическое развитие. Это в свою очередь влекло за собой ослабление и ее политического влияния, создавая благоприятные возможности для пролетариата в его борьбе за власть.

Однако реализация этих возможностей в каждой из стран в огромной степени зависела от силы и политической зрелости авангарда рабочего класса — его коммунистической партии, от степени связи этой партии с массами, от ее умения получить реальную поддержку большинства народа и изолировать буржуазию.

В Австрии рабочему классу не удалось дальше раз-

[135] Фактическая власть производственных советов была установлена в течение 1945—1946 гг. на 6 тыс. фабрик и заводов страны (см.: Важное направление классовой борьбы. Движение трудящихся капиталистических стран Западной Европы за демократический контроль над производством. М.: Наука, 1970, с. 318).

[136] Важное направление классовой борьбы..., с. 317.

[137] Важное направление классовой борьбы..., с. 330.

вить наступление на буржуазию. И хотя экономика страны долгое время еще оставалась ареной острых классовых битв, австрийская буржуазия, выступив после войны с требованиями денацификации и национализации крупной промышленности, захватила при поддержке правого крыла социалистической партии Австрии инициативу и реализовала под прикрытием лозунгов «смешанной экономики» и «социального партнерства» свою концепцию национализации, превратив возникший в 1946 г. общественный сектор в органическую составную часть монополистического капитализма. В Чехословакии развитие шло в ином русле.

4. Борьба рабочего класса Чехословакии за углубление социально-экономических преобразований, за социалистическую национализацию промышленности

Весь период от подписания декретов о национализации в 1945 г. и вплоть до февраля 1948 г. экономика Чехословакии была ареной сложной борьбы двух классов, борьбы, направленной на разрешение основного противоречия между пролетариатом и буржуазией. Каждая из двух сил стремилась добиться реализации своей концепции экономического развития страны в переходный период.

Буржуазные партии Национального фронта рассматривали принятие декретов о национализации как завершающий этап социально-экономических преобразований, как конец уступок рабочему классу, после которых можно будет перейти в наступление на его завоевания. Именно поэтому буржуазные политики весьма настойчиво добивались от коммунистов и их союзников в правительстве, Национальном собрании и Национальном фронте, чтобы в официальных документах было зафиксировано окончание акта национализации.

Нажим особенно усилился после майских выборов 1946 г., когда перед коммунистами как партией, победившей на выборах, встала задача сформировать правительство и разработать программу, которая, являясь продолжением Кошицкой программы, открывала бы дальнейшие перспективы углубления революционного процесса в стране. Вместе с тем эта программа должна была стать платформой для объединения вокруг КПЧ, как ведущей в правительстве партии, большинства нации и превратиться в

новую программу Национального фронта чехов и словаков.

Осевыми в предлагаемой программе коммунисты сделали два вопроса: о новой конституции и о разработке двухлетнего плана восстановления народного хозяйства, выполнение которого должно было создать благоприятные условия для продвижения к социализму. Поэтому не случайно проблемы организации национальной экономики и соотношения общественного и частного секторов в хозяйственной жизни страны оказались в центре внимания всех политических партий.

Если сравнить первоначальный проект программы, составленный коммунистами [138], с программой правительства, принятой на заседании Национального собрания, то нетрудно установить, что в первом случае отсутствует ряд положений. В частности, формулировка о том, что «правительство считает дело национализации законченным» [139], появилась только в окончательной редакции программы. Совершенно очевидно, что это положение было внесено в текст под нажимом буржуазных политиков [140]. Впоследствии, опираясь на него, представители национальных социалистов, «демократов» и «лидовцев» в правительстве, Национальном собрании и его комитетах неоднократно выступали против любых предложений коммунистов и социал-демократов, направленных на усиление и расширение национализированного сектора [141].

Согласие КПЧ на принятие такой формулировки при разработке «Созидательной программы» объяснялось, по-видимому, прежде всего тем, что партия стремилась не допустить ослабления влияния в массах чехословацкого общества, чего собственно и добивались представители буржуазных партий, потерпевшие поражение на выборах 1946 г.

[138] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 109.

[139] Созидательная программа правительства Готвальда. Прага, 1946, с. 29.

[140] *Bouček M., Klimeš M.* Národní fronta Čechů a Slavaků v letech 1946—1948.— In: Sborník historický. Praha, 1973, č. 20, s. 218.

[141] См., например, выступление представителя демократической партии при обсуждении вопроса о присоединении ряда конфискатов к национализированным предприятиям в Комитете промышленности Национального собрания в октябре 1946 г. (AFNS, f. ÚNS. Zápis o schůzich výboru průmyslu, 17 října 1946, s. 19).

Развитие революции неизбежно должно было привести к столкновению двух основных политических сил. И исход этого столкновения в огромной степени зависел от того, какая сила поведет за собой массы, кто сумеет на мирном этапе завоевать большинство нации на свою сторону. Поэтому КПЧ в условиях, когда шедшая вместе с ней в Национальном фронте буржуазия еще сохраняла влияние среди мелкобуржуазных слоев (особенно в Словакии), не настаивала на требованиях прямой ликвидации частнокапиталистического сектора. Она сконцентрировала свои усилия на разработке мер по постепенному подчинению частнокапиталистического сектора государственному контролю, выдвинув идею принятия единого плана восстановления и развития экономики страны. В борьбе за его принятие и осуществление компартия рассчитывала объединить большинство нации и добиться завоевания решающих позиций в системе государственной власти.

Именно поэтому двухлетний план восстановления и развития народного хозяйства страны, который коммунисты сделали важнейшим пунктом программы правительства, возглавляемого К. Готвальдом, стал главным объектом борьбы двух основных сил [142].

Центральной задачей двухлетнего плана, которая отвечала интересам всех слоев общества, являлось восстановление производства при активном участии секторов, сложившихся в народном хозяйстве страны в результате экономических преобразований 1945 г. [143] Подготовленный коммунистами проект программы правительства К. Готвальда предусматривал создание в форме национальных союзов промышленности специальной организации, объединяющей в обязательном порядке все предприятия страны, как национализированные, так и частные. «С помощью этой организации, аппарат которой должен быть гибкий, государственные органы получат возможность планово управлять всеми отраслями промышлен-

[142] Подробнее вопросы, связанные с разработкой двухлетнего плана, см.: *Snítil Z.* O dvouletce a jejím místě v politice KSČ v roce 1946.— Příspěvky k dějinám KSČ, 1967, č. 5.

[143] Характеристику экономических аспектов двухлетки см.: Hospodářské dějiny Československa v 19. a 20. století. Praha, 1974, s. 259—260.

ности и приводить в соответствие интересы национализированного сектора с частным и включить последний в систему общегосударственного планирования» [144].

Именно в этом и увидели главную опасность для своих интересов представители всех трех буржуазных партий в правительстве, и при обсуждении плана они сосредоточили огонь против «чересчур больших полномочий правительства». Под их давлением в проект двухлетнего плана было включено положение о принципе равноправия секторов, а в правительственную программу было внесено дополнение о том, что создаваемая в виде национальных союзов промышленности организация «не нарушит здорового состязания обоих секторов» [145].

И хотя, как отмечает чехословацкий исследователь Зд. Снитил, ничто не могло изменить фактического ведущего положения национализированного сектора, формулировки о принципе равноправия двух секторов экономики давали возможность кругам, защищавшим интересы буржуазии, выступать против мер, направленных в ходе выполнения двухлетки на ограничение частнокапиталистического сектора. Представителями буржуазных партий был отвергнут весьма важный параграф проекта двухлетнего плана, предусматривавший фактическое установление монополии внешней торговли [146].

Таким образом, закон о двухлетнем плане в том виде, в каком он был утвержден президентом, являлся, как и декрет 1945 г., компромиссом двух сил, которые делили власть. И хотя коммунистам удалось отстоять предложенную концепцию экономической политики, а принятие закона о двухлетнем плане, безусловно, являлось важнейшим революционным актом, все же поправки, внесенные представителями буржуазии в Национальном собрании, давали возможность тормозить его реализацию и затрудняли достижение поставленных коммунистами политических и экономических целей. Особенно активно положение о равноправии секторов, имевшееся в законе о двухлетнем плане, буржуазные политики использовали при подготовке и разработке проекта конституции, стремясь

[144] *Gottwald K.* Spisy. Praha, 1957, sv. XIII, s. 109.
[145] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 137.
[146] *Snítil Z.* O dvouletce a jejím místě..., s. 691—692.

добиться внесения этого положения в основной закон государства [147].

Реализация двухлетнего плана развития развернулась в обстановке весьма сложной. В Национальном фронте совершенно отчетливо оформились две группировки, имевшие противоположные концепции дальнейшего развития общества. Обе эти силы рассматривали состояние, сложившееся в промышленности после реализации декрета 1945 г., как переходное, и рассчитывали в ходе выполнения двухлетки склонить чашу весов в свою сторону. Сфера экономики и стала основной ареной классовой борьбы.

С конца 1946 г., и особенно в 1947 г., политические представители буржуазии развернули широкую кампанию против национализированного сектора, переживавшего большие трудности, порожденные не только условиями организационного становления, но и целенаправленной политикой буржуазных партий. При разработке бюджета на 1946 г. Министерство финансов, возглавлявшееся Шробаром, по существу, игнорировало национализированные отрасли промышленности. Более того, цены на сырье и готовую продукцию были скалькулированы таким образом, что создавались наиболее благоприятные условия для отраслей легкой промышленности, оставшихся в частнокапиталистическом секторе.

Эта диспропорция в ценах, как подчеркивал в январе 1947 г. К. Готвальд, привела к тому, что «национализированная тяжелая промышленность борется с такими большими экономическими и финансовыми трудностями, что просто терпит убытки, тогда как, с другой стороны, целый ряд отраслей легкой промышленности, где сейчас большинство частных предпринимателей, неумеренно наживается на высоких ценах. Наведение порядка в этой области наталкивается не только на внутренние технические, но и политические трудности, поскольку именно здесь происходит столкновение с интересами частного экономического сектора; эти интересы защищаются в Национальном фронте ... другими партиями» [148].

В рабочих комитетах Национального собрания, особенно в связи с разработкой бюджета на 1947 г., депу-

[147] См.: AFNS, f. ÚNS. Zápis o schůzích výboru ústavního, 17 prosince 1947, s. 20/1.
[148] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 288.

таты «лидовцев», национальных социалистов и «демократов» организовали целую серию выступлений, доказывая убыточность предприятий, находящихся в руках государства, добиваясь проведения контрольных акций и сокращения государственных субсидий в национализированные отрасли промышленного производства [149]. В этот период вновь усилились нападки со стороны буржуазных политиков на органы рабочего класса на местах: заводские комитеты, которым предъявлялись обвинения в нерентабельности национализированных предприятий, в низкой производительности труда, в несоответствии между результатами труда и заработной платой и т. д. [150]

Одновременно с кампанией, направленной против национализации, через Министерство юстиции и органы судопроизводства национальные социалисты и «лидовцы» начали весьма активно добиваться передачи конфискатов в частную собственность, видя в этом один из серьезных источников усиления позиций частнокапиталистического сектора. Ими был откровенно взят курс на передачу в частные руки процветавших и экономически важных предприятий и на присоединение к национализированному сектору убыточных и нерентабельных [151].

Орган национально-социалистической партии — газета «Свободне слово» — сообщал читателям осенью 1946 г.: «Чехословацкая национально-социалистическая партия выдвинула требование при разделе конфискованной собственности в Пограничье в наибольшей степени сохранять принцип индивидуальной собственности» [152]. Борьба за конфискаты особой остроты достигла в осенне-зимние месяцы 1946—1947 г., когда коммунисты выступили с предложением передать большую часть конфискатов в национализированный сектор промышленности. Такое предложение вызвало буквально бурю в прессе и Национальном собрании. На коммунистов и социал-демократов, выступавших единым фронтом, посыпались обвинения в стремлении ликвидировать частное предпринимательство,

[149] См.: AFNS, f. ÚNS. Zápis o schůzích rozpočtového výboru, 27 listopadu 1946, s. 8.
[150] AFNS, f. ÚNS. Zápis o schůzích výboru průmyslového, 17 října 1946, s. 23.
[151] AFNS, f. ÚNS. Zápis o schůzích výboru průmyslového, 1 října 1946, s. 19.
[152] Svobodné slovo, 2.X 1946.

в необоснованности, произволе и одностороннем подходе к решению вопроса о судьбах конфискованного у оккупантов и коллаборационистов имущества. На заседании ЦК национально-социалистической партии П. Зенкл потребовал от депутатов своей партии выступить в Национальном собрании против попыток Министерства промышленности присоединить конфискаты к национализированному сектору.

На местах борьба за конфискаты принимала крайне острые формы, нередко она выливалась в открытые стачки рабочих, протестующих против решения судебных органов о передаче того или иного предприятия в частные руки. Крупнейшей из таких стачек была всеобщая стачка в Варнсдорфе, в которой приняли участие более 10 тыс. человек [153].

Эта стачка, как подчеркивают чехословацкие исследователи, была для буржуазии предупреждением, что рабочий класс на этот раз не даст себя обмануть. Варнсдорф стал для буржуазии и их политических представителей в органах власти своеобразной пробой сил, и они здесь проиграли. Стачка наглядно показала не только высокую революционную активность чехословацкого рабочего класса, но и свидетельствовала о его твердых намерениях не допустить возвращения капитализма [154]. Под нажимом рабочего класса правые круги в Национальном фронте вынуждены были дать согласие на то, чтобы присоединение конфискатов к тому или другому сектору экономики решалось только с согласия профсоюзных организаций и заводских советов. И хотя споры разгорались по каждому отдельному конфискату, теперь, однако, реприватизация осуществлялась под непосредственным контролем рабочего класса.

[153] Владелец ткацкой фабрики в Варнсдорфе Е. Беер, опираясь на решение суда, пытался добиться ликвидации введенного национального управления. Рабочие отказались Беера допустить на фабрику, и, чтобы гарантировать ему жизнь, Национальный комитет вынужден был взять бывшего предпринимателя под свою охрану. Действия рабочих фабрики Беера получили поддержку на других предприятиях. Рабочие более 100 фабрик и заводов округа Варнсдорф прекратили работу, и 10 тыс. человек вышли на демонстрацию протеста (подробнее см.: *Ružička K.* ROH v bojí o rožsíření moci dělnické třídy. Praha, 1963, s. 158—165).

[154] См.: Sborník k dějinám 19. a 20. století. Praha, 1976, č. 3.

В то же время на страницах буржуазной прессы стали выдвигаться предложения о придании национальным предприятиям статуса обычных акционерных обществ. Авторы подобных проектов пытались добиться трансформации национализированного государственного сектора, мотивируя это необходимостью облегчить возможность участия иностранного капитала в экономической жизни страны.

П. Зенкл — один из ведущих деятелей национально-социалистической партии — получил из лагеря промышленников весьма недвусмысленную аргументацию необходимости реформ в государственном секторе еще в ноябре 1946 г. «Социализация национальных предприятий путем превращения их в акционерные общества не является проблемой. Государство дает на продажу 49% акционерного капитала и тем самым удержит в своих руках его большую часть, таким образом, оно сможет осуществлять контроль за этим обществом. При этом оно будет иметь то же самое, что и сейчас, но, во-первых, будет иметь это наполовину дешевле, во-вторых, будет иметь гарантированный контроль общественности... В-третьих, сразу же завоюет доверие заграницы, в-четвертых, получит все выгоды акционерного общества» [155]. В марте 1947 г. Й. Гейда — член экономической комиссии национально-социалистической партии, автор представленных П. Зенклу предложений, уже открыто выступил на страницах «Свободне слово» с требованием допустить в национализированную промышленность иностранный капитал и иностранные концерны [156].

Правые группировки Национального фронта, используя свои позиции в органах власти, всячески препятствовали воплощению в жизнь элементов двухлетнего плана, позволявших усилить экономические функции и руководящую роль государства и ограничить возможности частнокапиталистического сектора.

К. Готвальд в докладе на пленуме ЦК КПЧ в январе 1947 г. прямо указывал в качестве фактора, тормозившего выполнение двухлетнего плана и связанных с ним задач, то обстоятельство, что не удается завершить организацию национализированного сектора экономики. «Здесь

[155] Цит. по: *Král V.* Cestou k Únoru. Dokumenty. Praha, 1963, s. 50.
[156] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 7342, л. 95.

главными являются не объективные, а опять-таки политические трудности... За всем этим стоит реакция, которая радуется, видя такое неупорядоченное положение, незавершенность организации национализированной экономики» [157].

Между тем в экономической жизни страны стали нарастать явления, свидетельствовавшие, что частный капитал в условиях смешанной экономики при существующем политическом разделении власти все более становится деструктивной силой. Шел нелегальный вывоз капитала за границу. Согласно подсчетам Национального банка из Чехословакии нелегально вывозилось от 3 до 5 млрд. крон ежегодно [158]. В сфере производства наблюдался не только перелив капитала из тяжелых отраслей, где ведущие позиции имел национализированный сектор, в легкие, но и вообще отлив частного капитала из сферы производства и сосредоточение его в сфере обмена [159].

Все эти явления крайне затрудняли выполнение намеченного двухлетнего плана, и К. Готвальд на пленуме ЦК КПЧ в ноябре 1947 г. вынужден был констатировать: «Многое из того, что было сформулировано в Созидатель-

[157] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIII, s. 289. Стремясь добиться реорганизации банковской системы и усилить возможность централизованного контроля за деятельностью предприятий, министр финансов в правительстве К. Готвальда коммунист Я. Доланский внес предложение специализировать национализированные банки на предоставлении кредитов по отраслям с тем, чтобы предприятия пользовались услугами только одного банка. Это предложение сразу же было блокировано буржуазными партиями. В попытках КПЧ централизовать банковскую систему и сделать ее действенным средством контроля они увидели угрозу частнокапиталистическому сектору. Руководство национально-социалистической партии объясняло своим местным организациям, что создание по предложению коммунистов единого инвестиционного банка даст возможность увеличивать инвестиции в национализированном секторе за счет сокращения и вообще прекращения инвестиционной деятельности в частном секторе (см.: *Král V.* Cestou k Únoru..., s. 128).

[158] *Dolanský J.* Tři leta plánovaní v lidové demokratickém Československu. Praha, 1949, s. 17.

[159] Частный капитал сосредоточил в своих руках внешнюю и оптовую торговлю. В 1947 г. в стране действовали тысячи торговых оптовых фирм, которые выступали посредниками между национализированными предприятиями и мелкими производителями, наживая на этом посредничестве крупные прибыли.

ной программе... до сих пор не выполнено, хотя это давно следовало сделать» [160]. На повестку дня как объективная задача выдвигался вопрос о необходимости углубления социально-экономических преобразований, направленных на дальнейшее ограничение позиций частного капитала в народном хозяйстве страны.

Со второй половины 1947 г. в условиях, крайне осложненных засухой, стало нарастать обострение классовой борьбы. Отчетливо проявлялось нежелание буржуазных партий выполнять основные пункты программы правительства. «Из-за этого сопротивления,— говорилось на упоминаемом уже пленуме ЦК КПЧ в ноябре 1947 г.,— значительная часть правительственной программы не была выполнена. Руководство национально-социалистической партии даже потребовало от своих сторонников, чтобы они судили о его деятельности не по тому, что оно сделало, а по тому, чему оно помешало» [161].

Процесс размежевания политических сил в чехословацком обществе и Национальном фронте приближался к своему апогею. Правые силы фронта стремились парализовать деятельность правительства и Национального собрания с тем, чтобы дискредитировать коммунистов как сильнейшую правящую партию, возложить на них ответственность за возрастающие экономические трудности и добиться их изоляции от широких народных масс. В этих условиях особое значение приобретал вопрос о том, за кем пойдут многочисленные в чехословацком обществе мелкобуржуазные слои. Если в 1945 г., когда рабочий класс боролся за проведение национализации банков, ключевых отраслей и всех крупных предприятий в промышленности, эта борьба была встречена мелкобуржуазными слоями города с пониманием и сочувствием, так как национализация означала уничтожение засилия монополий, от которого страдали прежде всего мелкие производители, то к предстоящей схватке с буржуазией коммунистам предстояло убедить ремесленников, торговцев, мелких предпринимателей, а также сотни тысяч крестьян, что требование дальнейшего ограничения деятельности частного капитала отвечает и их интересам, ибо они яв-

[160] *Gottwald K.* Spisy. Praha, 1958, sv. XIV, s. 203.
[161] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 203.

ляются основными жертвами торгово-спекулятивных махинаций буржуазии.

Главное сражение за эти слои чехословацкого общества развернулось в экономической области, когда коммунисты для борьбы с последствиями засухи предложили обложить дополнительным налогом миллионеров, что получило поддержку не только среди рабочих, но и среди мелких предпринимателей в городе [162], а также у крестьян. Усилия национальных социалистов развернуть среди ремесленников и мелких предпринимателей акции протеста против предложений коммунистов не дали желаемых результатов, а на ноябрьском (1947 г.) заседании ЦК КПЧ было зафиксировано, что «кампания по обложению налогом миллионеров была воспринята ремесленниками и мелкими предпринимателями хорошо. Те, кто миллионов не имели, ее приветствовали, а те, у которых они были, вынуждены были молчать» [163].

Затем последовала кампания за ликвидацию оптовой торговли текстилем. Коммунисты предложили весь произведенный текстиль распределять через центральные органы с тем, чтобы ликвидировать прямую связь двух тысяч оптовых торговцев с предприятиями, производящими текстиль. Принятое 7 января 1948 г. правительством предложение коммунистов означало ликвидацию оптовой торговли текстилем. Текстилиада, как отмечал чехословацкий историк З. Дейл, стала проверкой сил коммунистической партии и ее готовности заменить все паразитические звенья в торговле новыми социалистическими формами [164].

В начале 1948 г. КПЧ сформулировала программу углубления социально-экономических преобразований. Основу ее составили требования национализации внутренней оптовой торговли, внешней торговли и всех промышленных предприятий, имевших более 50 рабочих. Наряду с этими вопросами коммунисты предлагали приступить к ревизии аграрной реформы и провести новую аграрную реформу с тем, чтобы изъять угодья, превышавшие 50 га, и разделить их среди малоземельных крестьян. Выдвину-

[162] См. подробнее: *Deyl Z.* Politika KSČ vůči městské maloburžoasii v únoru 1948..., s. 350—403.
[163] Цит. по: *Deyl Z.* Politika KSČ vůči městské maloburžoasii..., s. 370.
[164] *Deyl Z.* Politika KSČ vůči městské maloburžoasii..., s. 373.

тая программа, таким образом, отвечала интересам самых широких слоев и должна была сыграть важную роль в тактике коммунистов, борющихся за политическое доверие большинства нации. «Но, кроме этой тактической стороны,— отмечал впоследствии К. Готвальд,— эти требования были связаны с еще одной важной, принципиальной стороной. Мы были убеждены, что корни реакции находятся в ненационализированном секторе экономики, что там капиталисты, а тем самым и реакция, снова регенерируются... Подрезать эти корни, вырвать их, лишить реакцию экономической основы — это была вторая, еще более важная задача требования национализации» [165].

Вокруг этих требований коммунисты сумели объединить не только рабочий класс, но и подавляющую часть средних городских слоев, а также крестьянство.

Успех компартии стал очевидным, когда политические представители буржуазии в правительстве, стремясь не допустить реализации предложенных компартией мероприятий, решили вызвать в стране правительственный кризис [166]. В работе М. Боучека и М. Климеша «Драматические дни февраля 1948 г.» документ, принятый на совещании министров трех буржуазных партий — национально-социалистической, демократической и народной, состоявшемся 17 февраля 1948 г., где прямо говорилось, что участники совещания «...признали необходимым вызвать кризис на почве спора по вопросу о полиции и избежать тем самым того, чтобы кризис был вызван коммунистами на основе обсуждения новых социально-экономических требований, которые они собираются выдвинуть на своих революционных съездах. Это обстоятельство делает необходимым подать в отставку до съезда заводских советов, назначенного на 22 февраля» [167].

Февральские события 1948 г. решили вопрос о власти в пользу рабочего класса и трудящихся масс. «Главным и решающим результатом Февраля,— отмечается в коллективной работе чехословацких историков «Очерки истории КПЧ»,— было то, что власть полностью перешла в руки

[165] *Gottwald K.* Spisy, sv. XIV, s. 358—359.
[166] См.: *Bouček M., Klimeš M.* Dramatické dny Února 1948. Praha, 1973, s. 88.
[167] *Bouček M., Klimeš M.* Dramatické dny Února 1948, s. 88.

рабочего класса... Победоносный Февраль завершил этап перерастания национально-демократической революции в социалистическую» [168].

Поражение реакции означало конец всех попыток буржуазии реализовать свою концепцию национализации и окончательно решило вопрос о формировании государственного сектора как социалистического.

Весной 1948 г. началась реализация второго этапа национализации, в ходе которого была ликвидирована экономическая основа средней буржуазии. В конце 1948 г. в Чехословакии уже не существовало частных предприятий с более чем 20 занятыми рабочими. В социалистическом секторе работало теперь 95% рабочих и служащих, занятых в промышленном производстве [169]. Доля социалистического сектора в национальном доходе увеличилась с 49% в 1947 г. до 68% в 1948 г., а в 1949 г. она достигла 73,3 [170].

Таким образом, национализация основных средств производства в Чехословакии по своим методам и темпам вытеснения буржуазии из экономической жизни страны представляла собой в силу специфики расстановки политических сил и длительного периода разделения власти между пролетариатом и буржуазией весьма своеобразный вариант.

В нем можно совершенно отчетливо на первом этапе (в 1945 г.) проследить черты, общие с национализацией средств производства в Югославии и Польше, когда в этих странах радикальное вмешательство революционных сил в право капиталистической частной собственности осуществлялось под национальными, антифашистскими лозунгами и сопровождалось активным участием в этой акции народных масс и в первую очередь рабочего класса.

Однако в отличие от Югославии и Польши в Чехословакии под национальными, антифашистскими лозунгами была изъята хотя и достаточно значительная, но все-таки лишь часть средств производства. Борьба за дальнейшее укрепление позиций рабочего класса в экономике страны в 1946—1947 гг. приобрела новые черты, которые

[168] Přehled dějin KSČ. Praha, 1976, s. 249.
[169] Hospodářské dějiny Československa..., s. 276.
[170] Ústav pro hospodářský a sociální výzkum. Třídní struktura čs. hospodářství v. r. 1949, tab. 1.

не были свойственны Югославии и Польше: вместо прямого вмешательства революционных сил в сферу буржуазной собственности расстановка политических сил продиктовала необходимость перехода к «позиционной войне». На первый план со стороны революционных сил выступает в 1946—1947 гг. стремление постепенного подчинения частнокапиталистического сектора государственному контролю и управлению в рамках единого государственного планирования, т. е. овладения средствами производства через использование элементов политики государственного капитализма. Однако для Чехословакии эта форма ограничения позиций частного капитала, несмотря на то что в 1946—1947 гг. она занимала центральное место в экономической политике, выступает в качестве подсобной, ибо к этому времени крупная монополистическая буржуазия в результате национализации 1945 г. была уже вытеснена из основных сфер экономической жизни страны, а частный капитал в значительной степени утратил свою прежнюю роль главного фактора, определяющего развитие производства. Окончательная ликвидация частнокапиталистического сектора происходила после полного устранения буржуазии из органов власти.

Глава IV

Развитие революционного процесса и борьба рабочего класса Венгрии, Румынии и Болгарии за коренные социальные преобразования в промышленности

1. Сплочение вокруг рабочего класса и ВКП блока левых сил ВНФН и наступление на экономические позиции буржуазии (1945—1948)

В Венгрии реализация курса коммунистической партии на постепенное ограничение позиций буржуазии в промышленности началась в исключительно сложной обстановке, создавшейся к лету 1945 г. Ее своеобразие заключалось в том, что левые силы Венгерского национального фронта независимости (коммунисты, социал-демократы, национально-крестьянская партия) по числу партий в коалиции превосходили правое крыло, представляемое ПМСХ, и располагали более прочными позициями в Национальном собрании и правительстве [1]. Но по степени влияния в массах, несмотря на интенсивный рост числа членов ВКП и расширение массовой базы профсоюзов [2], в летние месяцы 1945 г. партия мелких сельских хозяев опережала левые партии [3].

[1] Во Временном национальном собрании левые силы фронта располагали 65,8% всех мандатов. ПМСХ имела 24,6% мандатов (см.: *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 181). В правительство от ВКП вошли три представителя, от социал-демократической партии два, национально-крестьянской партии — один, ПМСХ — два, три места получили хортисты. Им же принадлежал пост премьер-министра (История Венгрии. М.: Наука, 1972, т. III, с. 471).

[2] К майской конференции 1945 г. ВКП насчитывала 150 тыс. членов, профсоюзы к этому времени объединяли 400 тыс. человек (см.: История венгерского революционного рабочего движения. М.: Прогресс, 1974, т. 3, с. 92, 94).

[3] Летом 1945 г. ПМСХ объединяла в своих рядах 600—800 тыс. членов. Она имела большое влияние в Задунайской области, в районах, расположенных за Тисой и в междуречье Тисы и Ду-

Правые круги ПМСХ, опираясь на влияние своей партии среди крестьянства и мелкобуржуазных слоев города, оказавшихся в катастрофическом положении в связи с разрухой, экономическим хаосом и инфляцией, стремились обратить их недовольство против ВКП и рабочего класса, чтобы создать контрреволюционный кулак и использовать его для разгрома революционных сил.

В столь сложной ситуации от ВКП требовались большая маневренность, крайне осторожный подход к выдвижению конкретных требований, направленных на реализацию своей концепции экономических преобразований, и выбор таких методов их осуществления, которые позволяли бы объединить вокруг коммунистов определенный круг союзников, последовательно выступающих за реализацию предлагаемых ими мер, отвечающих интересам большинства нации.

Программа восстановления, выдвинутая в мае 1945 г., как было показано выше, ставила в центре внимания венгерского общества вопросы, в решении которых были заинтересованы самые широкие его слои.

Главную роль в преодолении экономического хаоса венгерские коммунисты отводили новому демократическому государству, в котором пролетариат и его политические представители располагали уже немаловажными позициями. Эти позиции могли стать определенной гарантией того, что политике экономического восстановления удастся усилиями рабочих партий придать антимонопополистическую направленность и добиться, чтобы венгерская буржуазия в ходе борьбы за восстановление экономики оказалась «под контролем венгерской демократии». Выдвигая требования введения элементов управляемого государством хозяйства, установления государственного контроля за деятельностью буржуазии, коммунисты рассчитывали получить поддержку со стороны левых партий фронта и, объединив усилия, реализовать численное преимущество левого крыла в органах государственной власти, добившись принятия конкретных шагов со стороны правительства по установлению контроля.

ная. В комитатах по западной границе ПМСХ обеспечила себе почти монопольное положение (см.: *Вида И.* Политика независимой партии мелких сельских хозяев 1944—1948.— Acta Historica, 1973, t. 19, c. 157—158).

Речь шла прежде всего о достижении совместных действий с социал-демократией. Ее руководители к рассматриваемому моменту под нажимом левых сил внутри партии вынуждены были от общих рассуждений об ограничении «разрушительной основы капиталистической системы» и возможности использования для этой цели плана Бевериджа [4] перейти к разработке более конкретных требований. В августе 1945 г. состоявшийся съезд социал-демократической партии, на котором попытки правых лидеров захватить руководство в партии потерпели крах [5], прямо высказался, что социал-демократия будет добиваться активного вмешательства государства в управление экономикой и считает неотложной задачей национализацию шахт, электростанций, нефтеочистительных заводов и тяжелых отраслей промышленности [6].

Эта постановка вопроса на съезде безусловно, была реакцией на настроения венгерского рабочего класса, который выступал за усиление государственного вмешательства в управление промышленным производством, видя в нем важнейшее средство борьбы против саботажа предпринимателей. На местах через фабрично-заводские комитеты рабочие продолжали активно вмешиваться в управление предприятиями. Они отнюдь не собирались сдавать завоеванные позиции, были намерены развивать наступление дальше до полной экспроприации заводов и фабрик.

В такой обстановке даже правые из рядов социал-демократии, всячески стремившиеся усилить соперничество двух рабочих партий и сорвать сотрудничество с ВКП, вынуждены были выступать в правительстве единым фронтом с коммунистами с тем, чтобы принять ряд постановлений, направленных на некоторое ограничение прав предпринимателей и расширение контрольных функций государственных органов.

3 июня 1945 г. правительство издало декрет о предо-

[4] См.: *Ságvári Á.* Issues Concerning the Alliance Policy in the Era of the People's Democratic Transformation.— In: Studies on the History of the Hungarian Working class Movement 1867—1966. Budapest, 1975, p. 296.

[5] См.: История венгерского революционного рабочего движения, т. 3, с. 98.

[6] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности 1945—1949.— В кн.: Вопросы национализации в современном мире. Варшава, 1978, с. 52.

ставлении министру по делам восстановления права распределять находящееся в руках государства сырье, источники электроэнергии, средства транспорта, а также рабочую силу. Далее последовал декрет о предоставлении государственному уполномоченному по делам строительства права осуществлять руководство в деле использования строительных материалов и рабочей силы. В июле в руки государства была взята реализация угля, а потом последовала серия постановлений, дающих государству право контроля за производством, распределением сырья и полуфабрикатов в деревообрабатывающей промышленности, черной и цветной металлургии.

В результате реализации этих постановлений государство получало в свои руки существенные рычаги управления экономикой, которые позволяли осуществлять контроль не только над торговлей, распределением сырья, но и над рядом отраслей производства.

Со стороны фабзавкомов шаги по установлению государственного контроля были поддержаны усилением контроля на местах за использованием получаемых предпринимателями кредитов. На съезде фабрично-заводских комитетов в июле 1945 г. было решено, что заводские комитеты промышленных предприятий и финансовых учреждений должны будут скреплять своей подписью все кредиты.

Представители партии мелких сельских хозяев, особенно ее правые круги, давая согласие на введение всех рассмотренных выше мероприятий, стремились сохранить за собой инициативу и сосредоточить в своих руках главные позиции управления экономикой. Именно поэтому они стали добиваться, чтобы Министерство по делам восстановления, возглавлявшееся Ф. Надем, получило особые полномочия в определении экономической политики и стало высшим экономическим органом страны[7]. Но притязания ПМСХ были категорически отвергнуты коммунистами и социал-демократами, положение которых в правительстве стало более прочным после того, как правое крыло коалиции, потерпев поражение в своих атаках на рабоче-крестьянский союз, вынуждено было дать согласие

[7] *Berend I.* Contribution to the history of Hungarian economic policy in the two decades following the second world war.— Acta historica, 1967, t. 13, p. 4.

на изменение состава правительства и замену трех министров [8].

Но это новое соотношение сил в правительстве было временным. Страна стояла накануне выборов, и все политические группировки сосредоточивали усилия на завоевании влияния в массах.

Буржуазные круги из ПМСХ связывали с выборами надежду на устранение коммунистов из правительства и реставрацию довоенных отношений в производстве. Ожесточенная предвыборная борьба, сопровождавшаяся откровенно антикоммунистической пропагандой на собраниях ПМСХ, отказ социал-демократической партии выступать на выборах в едином списке с коммунистами, усиление правых настроений в национально-крестьянской партии и попытки ряда ее деятелей добиться разрыва с ВКП — все это говорило о том, что реакционные круги внутри фронта стремятся изолировать коммунистов и создать внутри его антикоммунистический блок. Объективно перед коммунистами вставала задача обеспечить возможность реализации программы восстановления страны независимо от результатов выборов. Речь шла о том, чтобы добиться от партнеров по фронту до проведения выборов принятия такого предвыборного заявления, которое включало бы в себя важнейшие пункты программы, предлагаемой коммунистами.

Реальность решения этой задачи в значительной степени была обусловлена тем, что программа восстановления с ее весьма гибким подходом к решению вопроса о собственности и акцентом на решении общенациональных задач в условиях, когда борьба в венгерском обществе приобретала черты борьбы между пролетариатом и буржуазией за овладение основными позициями в государстве, являлась своеобразным политическим клином, который при всех крайне неблагоприятных для коммунистов обстоятельствах не давал возможности правым силам сколотить против них широкую коалицию.

Несмотря на атаки правых внутри социал-демократической партии, левое большинство ее руководства после августовского съезда вело упорную борьбу за сохранение политики единого фронта с коммунистами и добилось

[8] История венгерского революционного рабочего движения, т. 3, с. 97—98.

того, что предложения Экономического отдела ЦК ВКП о необходимости введения государственного регулирования экономики получили поддержку со стороны социал-демократической партии.

Одобрены они были и национально-крестьянской партией. Но и здесь сторонникам сотрудничества с коммунистами пришлось бороться против весьма сильных тенденций создать накануне выборов единый крестьянский блок на основе соглашения с ПМСХ [9].

В партии мелких сельских хозяев также не было единого отношения к программе восстановления, предложенной коммунистами. Если левые круги и даже сторонники З. Тильди, колебавшиеся между центром и левым крылом партии, готовы были одобрить и поддержать принципы государственного регулирования, то Ф. Надь и возглавлявшийся им Крестьянский союз, а особенно представители правого крыла ПМСХ, выступали против идеи регулируемой экономики и центрального планирования. После того как попытка обеспечить Министерству по делам восстановления положение высшего экономического органа провалилась, эти круги, связанные с Союзом венгерских

[9] Орган национально-крестьянской партии газета «Сабад со», разоблачая эти тенденции, писала: «Каждая попытка пусть даже под лозунгом демократической партии, направленная на то, чтобы получить поддержку масс, изолируя коммунистов, служит реакции» (цит. по: *Zahorská D.* Načrt boja o politický charakter Mad'arska v prvých povojnových rokoch.— Slovanské štúdie. Bratislava: 1973, t. XIV, s. 27). Изучая политическую деятельность национально-крестьянской партии в последующее время, исследователи отмечают, что летом и осенью 1945 г. партия проводила в целом линию последовательного сотрудничества с коммунистами, поддерживая все их основные требования социальных преобразований в сфере промышленного производства. Вместе с тем по некоторым вопросам она занимала особую позицию. Осенью 1945 г. некоторые ее деятели предлагали передать предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию, кооперации, расценивая последнюю как «бастион» в борьбе против крупного капитала (*Balogh S.* Konstituierung und Programm der Tildy-Regierung.— Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis. Section Historica, 1973, t. XIV, S. 238).

Выдвижение таких предложений следует расценивать как результат влияния на руководство этой партии аграристских теорий «третьего пути» и «кооперативного государства». Однако в отличие от крестьянских партий других стран региона этот вопрос не занимал центрального места и не оказывал существенного влияния на развитие ее отношений с левыми силами.

промышленников, стали открыто требовать ограничения государственного вмешательства, доказывая, что регулирование хозяйственной жизни административными мерами является препятствием для развития страны и в таких мерах нет прямой необходимости. Разногласия по вопросу об отношении к плану восстановления приобрели на конференции партии в августе 1945 г. столь острый характер, что практически сделали невозможной попытку разработать общую программу партии. Принятое в конце концов программное заявление, отвергавшее принципы вмешательства государства в сферу экономики, было опубликовано лишь от имени возглавляемого Ф. Надем Крестьянского союза [10].

В условиях, когда все попытки правых кругов ПМСХ добиться летом-осенью 1945 г. создания антикоммунистического блока оказались безуспешными, ПМСХ не могла пойти на то, чтобы прямо отвергнуть предложенную коммунистами программу восстановления.

Коммунистам удалось, опираясь на рабочий класс, особенно рабочих Большого Будапешта [11], обеспечить разработку совместного заявления всех партий фронта о программе будущего правительства, куда были включены важнейшие пункты программы восстановления, и добиться принятия этого заявления на межпартийном совещании во второй половине октября 1945 г. В совместном заявлении говорилось, что все партии, входящие во фронт, сформируют коалиционное правительство, важнейшими задачами которого будет борьба за улучшение экономического положения, борьба со спекуляцией, прекращение инфляции, завершение аграрной реформы, национализация рудных богатств и электростанций, чистка государственного аппарата от реакционеров [12].

Однако вопрос о том, как будет эта программа претворяться в жизнь, находился в прямой зависимости от результатов выборов в Национальное собрание, состоявшихся 4 ноября 1945 г. Они стали для коммунистов серьезным испытанием.

[10] *Ságvári A.* Les partis et leurs programmes en Hongrie au lendemain de la libération (1944—1945).— Acta Historica, 1967, t. 13, p. 93—94.

[11] См.: *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. Н.* Борьба венгерского народа..., с. 264.

[12] История Венгрии, т. III, с. 526.

Правые силы, объединенные в ПМСХ, получили на выборах 57% всех голосов [13]. Оценивая эти результаты на совещании секретарей комитатских организаций ВКП, представитель ЦК ВКП говорил: «...левое крыло венгерской демократии, а с ним и компартия завоевали серьезные боевые позиции. Три левые партии получили 43% голосов. Но есть другая сторона медали: большинство на выборах все же получила партия, тормозящая демократическое развитие Венгрии. В государственном аппарате, в экономической и политической жизни страны усилились вес и влияние ПМСХ...» [14]. Выборы показали, что левому крылу фронта противостоит широкий, но весьма пестрый и разнородный по своему социальному составу блок сил. За его спиной реакция не только попала в Национальное собрание, но и, как подчеркивает словацкая исследовательница Д. Загорска, «опираясь на право большинства, она завоевала значительные позиции в системе государственной власти» [15].

Но, несмотря на одержанную на выборах победу, правые силы вынуждены были на основе предвыборного соглашения составить правительство, где из 18 министерских постов лишь 9 принадлежали ПМСХ, а остальные находились в руках ВКП, социал-демократов и национально-крестьянской партии. Вместе с тем сильные позиции реакции, обеспечившие ей большинство в Национальном собрании, не оставляли сомнений, что она, стремясь реализовать свое преимущество, развернет борьбу за восстановление прежней системы социальных отношений, постарается свести на нет достигнутые в предыдущий период завоевания рабочего класса и попытается пересмотреть результаты аграрной реформы в интересах крупных землевладельцев.

В этих условиях ближайшей задачей левых сил было добиться того, чтобы межпартийное соглашение, заключенное перед выборами, стало официальной программой нового правительства.

[13] Анализ результатов выборов см.: История венгерского революционного рабочего движения, т. 3, с. 102—104; История Венгрии, т. III, с. 527—528; *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа..., с. 168—169; *Вида И.* Политика независимой партии..., с. 160—165.

[14] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, дело 5182, л. 25.

[15] *Zahorská D.* Načrt boja..., s. 37.

В этой борьбе венгерские коммунисты опирались на поддержку рабочих, среди которых программа восстановления, предложенная ВКП, получила широкий отклик. Несколько дней спустя после выборов Совет профсоюзов по предложению ЦК ВКП выступил с требованием радикальных преобразований в области промышленного производства. Совет профсоюзов добивался проведения национализации шахт и электростанций, банков и тех промышленных предприятий, на которых занято более 1000 человек. Был также поставлен вопрос о муниципализации мельниц.

Эти требования были тогда же опубликованы на страницах коммунистической и профсоюзной печати. 21 ноября 1945 г. главу правительства посетила делегация 500 рабочих, представлявших профсоюзы, и вручила ему меморандум, в котором необходимость скорейшего осуществления предложенных Советом профсоюзов мер аргументировалась тем, что «крупный промышленный капитал без дела смотрит на трудности, которые переживает страна и венгерские трудящиеся, и мало того, не принимает участия в деле восстановления страны, вместо того активно или пассивно саботирует эту работу, не давая возможности ей развернуться» [16].

Выступление профсоюзов явилось ярким свидетельством революционных настроений венгерского рабочего класса.

Предложения профсоюзов получили поддержку социал-демократической партии, потребовавшей установления контроля над банками и национализации крупных промышленных предприятий, а также национально-крестьянской партии, полностью солидаризировавшейся со всеми требованиями рабочего класса. В результате в конце ноября 1945 г. руководство ПМСХ, оказавшееся неспособным выдвинуть собственную программу выхода из переживаемых страной трудностей, вынуждено было дать согласие на составление такой правительственной программы, в основу которой было положено предвыборное соглашение партий Венгерского национального фронта независимости [17]. Включено в нее было и требование национализации угольной промышленности.

[16] *Pap B.* Национализация венгерской промышленности..., с. 54.
[17] *Balogh S.* Konstituierung und Programm..., S. 240.

Таким образом, под воздействием рабочего класса правые силы в составе правительства, хотя им и удалось отклонить ряд требований профсоюзов, все же были вынуждены приступить к реализации предвыборного соглашения партий Венгерского национального фронта независимости. Одним из первых шагов в этом плане было образование по инициативе коммунистов в декабре 1945 г. Главного экономического совета, задачи которого заключались в том, чтобы согласовывать работу хозяйственных министерств, осуществлять восстановление страны, распоряжаться дефицитными запасами сырья. Председателем совета был премьер-министр, но вся оперативная работа осуществлялась генеральным секретарем, пост которого занимал представитель ВКП.

В течение 1946 г. Главный экономический совет сосредоточил в своих руках распределение сырья, закупку готовой продукции, кредитование и распределение государственных запасов [18]. Секретариат Главного экономического совета стал играть, по существу, роль центрального органа, ограничивающего деятельность буржуазии [19].

Принимая 21 ноября 1945 г. делегацию рабочих, глава правительства заверил их, что правительство уже занимается вопросом о национализации угольных шахт и мельниц [20]. Вопрос этот не случайно выдвинулся на первый план. Положение с добычей угля в стране было катастрофическим [21] и задевало интересы всех слоев населения. Подавляющая часть угля (85%) добывалась на шахтах четырех крупнейших монополистических объединений [22]. То обстоятельство, что в условиях разрухи руководство монополий не желало вкладывать капиталы в разоренные, ставшие убыточными предприятия, являлось весьма убедительным свидетельством, что монополии, по существу, не могут и не желают решить такой жгучей для разрушенной войной страны проблемы, как топливно-энергети-

[18] Подробнее о его деятельности см.: История венгерского революционного рабочего движения, т. 3, с. 109.

[19] См.: *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 55.

[20] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 54.

[21] Если в 1943 г. в стране добывалось 12,6 млн. т угля, то к сентябрю 1945 г. добыча угля составляла 42% от уровня 1943 г. (см.: Szabad Nép, 17.XI 1945).

[22] *Усиевич М.* Развитие социалистической экономики Венгрии. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 37.

ческая. Поэтому здесь вести борьбу с предложениями коммунистов, добивавшихся национализации угольной промышленности, было особенно трудно. Серьезность положения была настолько для всех очевидна, что возражать против государственного вмешательства в этой области было опасно для самих буржуазных кругов, и их политические представители не решались на это.

В декабре 1945 г. по инициативе коммунистов Национальное собрание приняло решение о разработке декрета о национализации шахт и о передаче их до принятия декрета под временное государственное управление.

Хотя этот акт и не решал окончательно вопроса о статусе шахт, большое значение имел уже сам факт отстранения их владельцев от управления и передачи этих функций демократическому государству. Тем самым был положен конец саботажу капиталистов и укреплены позиции рабочего класса в одной из важнейших отраслей народного хозяйства. Успех левых сил был бесспорен, но его закрепление потребовало новых напряженных усилий.

Законопроект о национализации шахт был внесен в Национальное собрание еще в конце ноября 1945 г., но при его обсуждении выявились значительные разногласия по вопросу об объеме национализации и о размерах компенсации бывшим собственникам. Именно невозможностью быстро преодолеть эти разногласия во многом и объяснялось принятие решения о передаче шахт во временное государственное управление.

Несмотря на то что требование национализации шахт являлось пунктом программы Венгерского национального фронта независимости, принятой всеми партиями страны, представители ПМСХ в парламенте и правительстве в ходе обсуждения законопроекта поставили под сомнение необходимость этой акции. Энергичную поддержку оказывало правым силам американское правительство. 15 декабря 1945 г. глава американской миссии в Венгрии обратился к венгерскому правительству с предостережением против каких-либо шагов, которые могли бы затронуть американскую собственность в Венгрии. В его заявлении, в частности, говорилось: «Если Венгрия после подписания мирного договора захочет проводить в жизнь план конфискации собственности в широких масштабах без выплаты соответствующей компенсации за американскую собственность, то тотчас же она вступит в конфликт с американ-

ским правительством»[23]. Еще более решительно стало действовать американское правительство в начале 1946 г., потребовав удаления правительственных комиссаров с тех шахт, которые хотя бы частично являлись собственностью иностранного капитала[24].

Таким образом, первая попытка осуществления национализации натолкнулась на упорное сопротивление реакционных сил внутри страны и за рубежом. В этих условиях важнейшее значение приобретала выработка такой программы преобразований, которая позволила бы создать блок левых сил, способный нанести поражение реакции. Особое значение имело привлечение в состав этого блока крестьянства.

Добиваясь национализации шахт, коммунисты пытались найти пути к расколу сил, объединившихся в ПМСХ, и именно поэтому особенно большое внимание они акцентировали на том, что ликвидация власти частных монополий наносит удар не только по промышленникам, но и по главному врагу венгерского крестьянина — помещикам, от которых нельзя освободиться только проведя аграрную реформу, поскольку экономическая власть в Венгрии находится в руках тесно связанных друг с другом земельных магнатов и капиталистов. Стремлением слить в единый поток борьбу рабочих и крестьян, оторвать крестьянство от ПМСХ и можно объяснить появление осенью 1945 — зимой 1946 г. в венгерской коммунистической печати большого числа материалов, рассматривавших связи и переплетение интересов двух основных господствующих классов — капиталистов и помещиков.

Осознание этой связи и необходимость объединить борьбу рабочего класса за вытеснение частного капитала с интересами крестьянства, защищающего результаты аграрной реформы, сыграло большую роль в дальнейшей реализации экономической программы коммунистов.

В борьбе за создание блока левых сил, который мог бы отразить наступление реакции, компартия углубляла и развивала свою экономическую программу. Она выдвинула план мероприятий, в котором закрепление результатов аграрной реформы связывалось с проведением ряда

[23] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 58—59.
[24] Подробнее см.: *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 57—60.

преобразований в сфере промышленного производства. Как и первоначальный план восстановления, эта программа не содержала открыто социалистических требований. В ней прежде всего ставился вопрос о дальнейших мерах по реализации выдвинутого еще в Дебреценской программе требования о национализации рудных богатств и электростанций. За национализацией угольных рудников должна была последовать национализация бокситовых рудников и предприятий по добыче и переработке нефти. При этом подчеркивалось, что компенсация бывшим владельцам не должна быть отягощением для государства. Вместе с тем в программу было включено и совершенно новое требование: передать под государственное управление три крупнейших металлообрабатывающих завода («Римомурань», «Манфред Вайс» и «Ганц»). Во главе этих предприятий, являвшихся убыточными и требовавших от государства постоянных дотаций, стояли лица, саботирующие восстановление страны и использовавшие государственные средства для спекулятивных прибылей. Задолженность трех предприятий государству составляла 102 млн. форинтов [25]. И здесь, таким образом, ставился вопрос о национализации такой отрасли промышленности, где частный капитал обнаружил свою полную несостоятельность восстановить и наладить производство.

Выдвигалось также требование введения государственного контроля над банками. Эта мера не предусматривала прямой национализации финансового капитала, но давала возможность ограничить эксплуатацию крестьянства и средних городских слоев, обеспечить им дешевый кредит, а также позволяла направлять капиталы для восстановления и развития народного хозяйства.

Установление контроля над банками и национализация всей добывающей промышленности и металлургии, учитывая удельный вес этих отраслей в структуре венгерской экономики, означали бы полный переход командных позиций в народном хозяйстве страны в руки народно-демократического государства и вели к оттеснению крупного капитала на периферию хозяйственной жизни. Эти преобразования в программе коммунистов выступали прежде всего как комплекс мер, направленных на восстановление и подъем экономики.

[25] Szabad Nép, 22.XI 1945.

ВКП могла рассчитывать на объединение вокруг нее широкого блока социальных сил. Такая постановка вопроса обеспечивала прежде всего поддержку выдвинутой ВКП программы со стороны социал-демократии, а также национально-крестьянской партии. Сближение левых сил фронта было закреплено созданием 5 марта 1946 г. по инициативе коммунистов Левого блока, объединившего силы фронта, стремившиеся остановить наступление реакции [26]. На состоявшемся в начале марта 1946 г. совещании представителей ВКП, социал-демократической и национально-крестьянской партий, а также Совета профсоюзов было разработано совместное заявление Левого блока, основу которого составили предложения, сформулированные коммунистами. В нем выдвигалось требование чистки государственного административного аппарата от реакционных чиновников, при этом четко определялось, что в комиссиях, которые будут проводить эту акцию, в обязательном порядке должны участвовать представители Совета профсоюзов. «Наряду с национализацией шахт,— говорилось в рассматриваемом документе,— венгерская компартия, социал-демократическая партия, Совет профсоюзов и национально-крестьянская партия настаивают на проведении полной программы национализации, принятой Фронтом независимости, т. е. они требуют национализации бокситных рудников, нефтепромыслов и электростанций... В целях преодоления саботажа крупного капитала и в интересах улучшения производства и выполнения обязательств по репарациям они считают нужным передать важнейшие предприятия венгерской тяжелой промышленности: Чепельский завод «Манфред Вайс», металлургический завод «Римомурань», заводы концерна «Ганц» под управление государства» [27]. В заявлении ставился также вопрос о необходимости государственного контроля за деятельностью банков для ликвидации подрывной деятельности крупного капитала в сфере финансов. Партии, подписавшие этот документ, заявляли, что выступают за союз с демократическими элементами партии мелких сельских хозяев и не желают сотрудничать с правым ее крылом, ставшим опорой реакции. В течение

[26] Подробнее см.: *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа..., с. 295—299.
[27] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 5182, л. 115.

февраля-марта 1946 г. рабочие партии организовали по всей стране, особенно в комитатах, расположенных между Дунаем и Тисой, широкие выступления рабочих с требованиями борьбы против саботажа крупного капитала. При этом рабочие выражали готовность не только защищать свои интересы, но и интересы крестьянства, борющегося против ревизии аграрной реформы.

В результате проводимой коммунистами разъяснительной работы с крестьянством и правильной тактики действий в ПМСХ стали обостряться отношения между руководством и широкими кругами крестьян, составляющих массовую базу партии и активно выступающих в защиту полученной по реформе земли.

Представители левого крыла ПМСХ во главе с И. Доби не только принимали участие в рабочих демонстрациях, но и требовали от руководства партии принятия программы Левого блока. Они опубликовали в газете «Вилагошаг» специальное воззвание, в котором открыто заявили о своей поддержке коммунистической, социал-демократической и национально-крестьянской партий в борьбе против реакции внутри ПМСХ. Оказавшись перед угрозой раскола партии, руководство ПМСХ вынуждено было уступить, и к середине марта 1946 г. программа Левого блока стала официальной программой правительства Ф. Надя [28].

Политическая неудача, постигшая ПМСХ, решила вопрос о национализации шахт. Уже 8 марта 1946 г. на межпартийном совещании был принят окончательный ва-

[28] *Вида И.* Политика независимой партии..., с. 169. 15 марта Ф. Надь дал письменный ответ представителям трех левых демократических партий Фронта независимости и Совета профсоюзов. В нем говорилось: «1. Моя партия полностью принимает программу ВНФН и естественно согласна немедленно осуществить ее вместе с другими партиями коалиции. 2. В программе ВНФН указывается, что надо национализировать богатства недр; партия согласна с национализацией бокситовых шахт, нефтяных источников и электростанций. 3. Так как главные предприятия венгерской военной промышленности («Манфред Вайс», «Ганц» «Римомурань») работают по государственным заказам, то партия согласна с национализацией и этих предприятий. 4. Партия согласна с установлением государственного контроля над сделками банков. 5. Партия со своей стороны считает необходимым сократить административный аппарат и очистить его от антидемократических элементов» (см.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 5182, л. 181).

риант законопроекта о национализации шахт. Внесенный в мае 1946 г. в Национальное собрание законопроект предусматривал лишение права собственности всех владельцев угольных шахт и угольных месторождений. Изъятию подлежали также все оборудование, недвижимое имущество, земельные участки, запасы продовольствия, одежды и т. п.

Значительная часть депутатов ПМСХ не присутствовала в парламенте во время обсуждения проекта и голосования, тем самым выражая неодобрение этого шага, но такая демонстрация не могла предотвратить принятие закона о национализации.

Принятие этого закона было первым актом вмешательства нового венгерского демократического государства в право частнокапиталистической собственности на средства производства. Есть все основания расценивать его как крупный успех левых сил в борьбе за ограничение экономических позиций буржуазии.

Внешне этот акт мало чем отличался от аналогичных законов, принимавшихся в капиталистических странах (например, закона 1945 г. о национализации угольной промышленности в Англии), когда государство брало в свои руки убыточную, нерентабельную отрасль экономики, спасая прибыли капиталистов [29]. И, по-видимому, это сходство обусловило отсутствие открытого сопротивления правого крыла фронта во время обсуждения законопроекта. Представители ПМСХ с трибуны Национального собрания заявляли о своем нежелании «защищать угольную промышленность, являющуюся крепостью крупного капитала» [30]. Но между национализацией угольной промышленности в Венгрии и национализацией шахт, проведенной в это время в Англии, существовали кардинальные отличия. Национализация в Венгрии проводилась в условиях развивающейся революции государством, где рабочий класс располагал существенными позициями в системе государственной власти, а органы рабочего класса — фабрично-заводские комитеты,— по существу, делили с предпринимателями функции управления производством, т. е.

[29] См.: Государственная собственность и антимонополистическая борьба в странах развитого капитализма. М.: Наука, 1973, с. 66—67.

[30] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 5186, л. 90.

имели такие права, какими никогда не пользовались английские профсоюзы на национализированных предприятиях [31]. Эти обстоятельства и позволяют по-разному оценивать внешне весьма схожие законы. В Англии национализация шахт, осуществленная лейбористским правительством, по сути отвечала интересам крупного капитала, переложившего на плечи государства восстановление нерентабельной отрасли производства. В Венгрии же национализацию угольной промышленности следует рассматривать как начало демократической национализации, как потерю крупным монополистическим капиталом одной из своих ключевых позиций.

Это открывало революционным силам новые возможности ограничения экономического влияния крупного капитала и являлось успехом ВКП и поддерживающих ее партий. Реализация этих возможностей и конкретное претворение в жизнь мер, намеченных программой Левого блока, проходила в условиях, когда в соотношении сил между основными политическими противниками — рабочим классом, с одной стороны, и буржуазией — с другой,— наступило временное равновесие [32]. В таких условиях борьба все больше приобретала «позиционный» характер и центр ее тяжести стал смещаться в область экономики, где левые силы, постоянно сохраняя за собой инициативу, стремились добиться сужения сферы влияния буржуазии.

Взятый курс поддерживался борьбой рабочего класса на местах за расширение прав фабрично-заводских комитетов. Рабочие отстаивали, и притом весьма активно, свое право участвовать в управлении производством. По инициативе рабочих партий весной 1946 г. был разработан новый проект постановления о фабзавкомах, который должен был дать равные права в решении кадровых вопросов фабзавкомам и предпринимателям. Но реализовать этот проект постановления о правах фабзавкомов в 1946 г. не удалось.

[31] В Англии требование Британского конгресса тред-юнионов включить в правления национализируемых отраслей представителей соответствующих профсоюзов было отвергнуто, и члены правления публичных корпораций подбирались «лишь на основе деловых качеств» (см.: Важное направление классовой борьбы, с. 179—180).

[32] См.: *Вида И.* Политика независимой партии..., с. 174.

Правое руководство ПМСХ оказывало упорное сопротивление всем попыткам усилить позиции рабочего класса, стремясь уклониться от выполнения экономической программы Левого блока. Поэтому коммунистам и поддерживающим их силам пришлось вести упорную борьбу за реализацию намеченных преобразований. В этой борьбе ПМСХ с весны 1946 г., после того как попытка ее правого крыла ревизовать аграрную реформу окончилась неудачей, натолкнувшись на активное сопротивление крестьянства и рабочего класса, вынуждена была перейти к обороне, делая шаг за шагом уступки Левому блоку [33].

Гибкая политика левых сил во главе с ВКП, выдвижение ими на первый план конкретных задач, в решении которых заинтересованными оказывались не только рабочие, но и крестьяне, каждый раз создавали весьма сложную, конфликтную ситуацию внутри ПМСХ, где радикальное крыло партии, отражавшее интересы трудового крестьянства, активно выступало в поддержку требований Левого блока и заставляло руководство ПМСХ идти на определенные уступки и искать пути соглашения с левыми силами фронта. Это весьма наглядно проявилось в весенне-летние месяцы 1946 г., когда Левый блок по инициативе коммунистов выдвинул план стабилизации валюты [34] и обратился к ПМСХ с открытым письмом, в котором призывал объединить усилия для борьбы за восстановление страны. «Экономическое восстановление и построение демократии,— говорилось в этом письме,— невозможно без крестьянских масс ПМСХ, без рабочих и

[33] За декретом о национализации шахт в июне 1946 г. последовало издание декрета о национализации электростанций. В результате двух этих акций позиции государственного сектора значительно расширились. Если в 1945 г. на предприятиях, находившихся в собственности государства, было занято 10,5% всех промышленных рабочих, то после реализации этих первых декретов о национализации 22,2% рабочих стали работать в государственном секторе (см.: *Усиевич М.* Развитие социалистической экономики Венгрии, с. 39—41).

[34] План стабилизации валюты был разработан коммунистами и утвержден на заседании Политбюро ЦК ВКП 5 мая 1946 г. (см.: *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа..., с. 308),. При этом особое внимание обращалось на то, чтобы провести эту меру весьма быстрыми темпами и таким образом, чтобы ее бремя не легло на плечи трудящихся. Предложения коммунистов получили активную поддержку партий Левого блока.

крестьянских масс Левого блока» [35]. Это письмо, как сообщала газета «Вилагошаг», вызвало внутри ПМСХ активизацию сил, добивающихся единства действий с партиями Левого блока и требующих изгнания из ПМСХ реакционеров. «В ПМСХ,— писала «Вилагошаг»,— уже началось движение, которое стремится выяснить, кто из депутатов этой партии согласен поддержать правительство в его усилиях по стабилизации и встать на сторону тех, кто борется против правого крыла» [36].

Угроза правительственного кризиса, нарастание недовольства среди членской массы ПМСХ заставили руководство этой партии принять предлагаемый ВКП и поддерживаемый ее союзниками по Левому блоку план стабилизации валюты и дать согласие на проведение в августе 1946 г. денежной реформы, с тем чтобы положить конец инфляции [37]. Эта реформа нанесла удар по черному рынку, позволила упорядочить снабжение населения и предпринять реальные шаги по повышению жизненного уровня трудящихся. Но, как правильно подчеркивают советские исследователи, она еще не означала подрыва экономической мощи буржуазии, ибо, располагая большим количеством золота и иностранной валюты, она осталась обладательницей значительных капиталов [38]. Вместе с тем следует отметить, что выигранная левыми силами битва за стабилизацию валюты давала возможность демократическому государству через политику цен и кредитов направлять деятельность частного капитала в необходимое русло и в определенной мере ее регламентировать [39].

ПМСХ, не выдвигая своей четко сформулированной экономической программы, не могла постоянно отклонять предложения коммунистов и Левого блока, тем более что эти предложения не носили открыто антикапиталистического характера и, как правило, всегда оказывались свя-

[35] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 5182, л. 286.
[36] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 5182, л. 292.
[37] Следует, правда, отметить, что партии Левого блока пошли, в свою очередь, на уступки и согласились удовлетворить ряд требований ПМСХ, предоставив ей ряд дополнительных постов в комитатской администрации.
[38] *Нежинский Л. Н., Пушкаш А. И.* Борьба венгерского народа.... с. 314.
[39] *Berend I.* Der Schutz der Währungsstabilisierung und des staatskapitalistische Weg der Kapitalenteignung in Ungarn (1946—1948).— Acta Historica, 1963, N 1.

занными с конкретными мерами по улучшению материального положения широких слоев народа. Игнорирование предложений Левого блока, которые находили живой отклик и поддержку в рядах трудового крестьянства, создавало для руководства ПМСХ серьезную угрозу изоляции. Поэтому лидеры ПМСХ, подобные Ф. Надю, вынуждены были проводить политику уступок левому крылу своей партии с тем, чтобы сохранить влияние ПМСХ в массах. Но эта политика уступок сочеталась с упорным ожесточенным сопротивлением проведению тех преобразований, которые особенно чувствительно затрагивали интересы крупной буржуазии.

Несмотря на формальное присоединение ПМСХ к программе Левого блока, правые силы на протяжении 1946 г. не допустили рассмотрения вопроса о национализации бокситовых рудников и залежей нефти, а вопрос об установлении на трех крупнейших металлургических предприятиях даже не национализации, а лишь временного государственного управления на срок работы по репарациям стал предметом самой упорной борьбы. Правые круги в ПМСХ и Союз венгерских промышленников, соглашаясь на введение временного государственного управления, настаивали на том, чтобы это управление носило характер контроля и руководства со стороны правительственных комиссаров над деятельностью акционерных обществ и собственников предприятий. Сами же предприятия должны были и далее действовать как отдельные юридически самостоятельные единицы. Эти предложения поддерживались представителями министерств, находившихся в руках ПМСХ (юстиции, восстановления).

Лишь после упорной борьбы коммунистам удалось добиться решения вопроса о прекращении деятельности акционерных обществ на время действия государственного управления и о концентрации руководства этими предприятиями в руках специально созданного Центра тяжелой промышленности, во главе которого стоял коммунист. Соответствующее решение было принято в конце октября 1946 г., но еще в течение девяти месяцев после этого шла борьба за реальный переход предприятий под государственное управление [40].

[40] См.: *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 68—72.

Добиться такого решения удалось в значительной мере потому, что концерны «Манфред Вайс», «Римомурань», «Ганц» почти полностью работали по выполнению репарационных заказов [41]. На этих предприятиях работало более $^1/_6$ части всех промышленных рабочих страны и свыше 50% занятых в машиностроительной и металлургической отраслях [42].

Вместе с тремя крупнейшими концернами под государственное управление переходило более 20 предприятий и фирм, в которых не менее 50% акционерного капитала было собственностью данных концернов [43]. Такой шаг позволял существенно расширить сферу государственного управления и распространить его на ряд предприятий авиационной, химической, машиностроительной и других отраслей. Реализация принятого распоряжения означала, что часть крупной буржуазии, тесно связанная с банками и державшая под своим контролем целые отрасли промышленности, фактически оказывалась устраненной от управления производством. В результате всех проведенных мер к концу 1946 г. доля государственного сектора в промышленности существенно расширилась. Из 326 тыс. рабочих Венгрии 135 тыс., т. е. около 40%, работали теперь на государственных предприятиях или предприятиях, находившихся под управлением государства [44].

К концу 1946 г., несмотря на сопротивление реакции, блоку левых сил во главе с коммунистами удалось завершить национализацию нерентабельных отраслей промышленности. Теперь требование национализации, как оно было сформулировано в программе Левого блока, теряло значение наиболее эффективного средства сплочения широких слоев населения для борьбы за дальнейшее ограничение власти капитала. На повестку дня встал вопрос о выдвижении на первый план иных задач, вокруг решения

[41] Эти предприятия работали со столь огромным дефицитом и имели столь большую задолженность, что могли продолжать работу лишь при условии получения постоянных государственных кредитов. По сообщениям прессы ежемесячный убыток трех названных концернов достигал 14,5 млн. форинтов в месяц (что составляло около 6% ежемесячных государственных расходов). В то же время их производственные возможности использовались в среднем на 62% (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6381, л. 28).

[42] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 71.

[43] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности.... с. 71.

[44] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 72.

которых можно было сплотить широкие трудящиеся массы для проведения дальнейших социально-экономических преобразований.

Эти задачи поставил III съезд ВКП, заседавший с 28 сентября по 1 октября 1946 г.[45] Его значение определялось тем, что на нем был теоретически обобщен курс развития, разработан и определен путь к коренным социальным преобразованиям через народную демократию, сформулированы главные задачи предстоявшей борьбы. Важнейшим условием союза со средними слоями, и прежде всего с трудовым крестьянством, съезд считал укрепление строя народной демократии[46] и борьбу за дальнейшее ограничение крупной буржуазии. В манифесте к венгерскому народу, принятому на съезде, указывалось: «Венгерский народ хочет строить страну для себя, он хочет народной демократии. Народная демократия — это осуществление общих интересов нации, а не удовлетворение эгоистических интересов крупного капитала. Народная демократия — это государственный контроль над банками и внешней торговлей, национализация крупных предприятий. Народная демократия — это поддержка трудового крестьянства, государственная помощь кооперации»[47]. В манифесте коммунисты вновь поставили вопрос, уже ранее выдвигавшийся ими в предвыборном заявлении 1945 г., о необходимости введения планового управления экономикой. Как и прежде, этот вопрос связывался с решением общенациональной задачи восстановления страны. «Для развития нашей национальной экономики, для восстановления нашей промышленности, транспорта и сельского хозяйства мы требуем разработки и осуществления трехлетнего государственного экономического плана»[48].

Программа дальнейших экономических преобразований, сформулированная III съездом ВКП, стала основой для разработки новой серии требований Левого блока, с которыми он выступил в октябре 1946 г. Анализ этих требований свидетельствует об их перерастании за рам-

[45] Подробнее см.: История венгерского революционного рабочего движения, т. 3, с. 131—138.

[46] *Ságvári Á.* Issues Concerning..., p. 309.

[47] A Magyar Kommunista Párt III kongresszusának jegyzőkönyve. Budapest, 1946, 310. old.

[48] A Magyar Kommunista Párt III kongresszusának..., 311. old.

ки чисто антимонополистических мероприятий. Левый блок требовал роспуска всех картелей, служащих частным интересам. В конкретной обстановке Венгрии, где после войны картели были восстановлены лишь в некоторых отраслях легкой промышленности и куда весьма активно шел перелив капитала, выдвижение такого требования означало нанесение удара по тем группировкам буржуазии, которые не задевались мерами по национализации. Вопрос о ликвидации картелей рассматривался силами блока в тесной связи с проблемой расширения прав фабрично-заводских комитетов и профсоюзов. Речь шла о том, чтобы фабзавкомы от функции контроля перешли к непосредственному участию в управлении производством, чтобы их представители стали полноправными членами дирекций частнокапиталистических предприятий [49].

Реализация этих требований могла означать лишь одно — практическую ликвидацию принципа неприкосновенности частнокапиталистической собственности.

Предложение разработать и осуществить 3-летний план реконструкции народного хозяйства, несмотря на сложную борьбу вокруг него, в конце концов получило одобрение социал-демократической и национально-крестьянской партий и стало одним из центральных требований Левого блока. Воплощение его в жизнь означало бы создание важнейших предпосылок перехода к социализму, поскольку выполнение плана неизбежно требовало дальнейшего расширения контрольных функций государства и сосредоточения в его руках руководства и управления финансами, всей как национализированной, так и частной капиталистической промышленностью [50]. При этом предполагалось, что реализация контроля со стороны государственных органов будет теснейшим образом связана с рабочим контролем и, таким образом, позиции частного капитала в управлении производством будут сведены к минимуму и оно в основных своих звеньях

[49] См.: *Хабуда М.* Профсоюзное движение в годы перелома (сентябрь 1947 — июль 1948).— В кн.: Двадцать пять лет свободной Венгрии. Будапешт, 1971, с. 132.

[50] Впоследствии практика показала, что представители Государственного планового управления в промышленности, торговле и банках сыграли важную роль в становлении государственного контроля в экономике страны (см.: *Хабуда М.* Профсоюзное движение..., с. 134—135).

сосредоточится в руках рабочего класса и его представителей в органах государственной власти.

Ряд требований, выдвинутых Левым блоком в октябре 1946 г., свидетельствовал, что объединенные в нем силы несколько смещают прежние акценты и, стремясь заручиться поддержкой крестьян, выдвигают не только требования, в которых заинтересована деревня в целом (как, например, требование национализации в интересах развития сельского хозяйства химической промышленности и предприятий по производству сельскохозяйственных машин), но и такие, которые рассчитаны на раскол крестьянства и отделение его трудовых слоев от кулачества.

В частности, в письме, переданном исполкомом Левого блока руководству ПМСХ 19 октября 1946 г., ставился ряд вопросов, связанных с защитой интересов трудовой части венгерской деревни. Снова был поставлен вопрос о необходимости проведения национализации крупных мельниц и передаче более мелких под контроль муниципалитетов, об освобождении от поземельного налога крестьянских хозяйств с наделом до 5 хольдов, об использовании земельного фонда для помощи новым хозяевам, а не для выплаты возмещения за утерянные земли прежним владельцам [51].

Компартии и ее союзникам по блоку пришлось вести напряженную борьбу за воплощение в жизнь выдвинутых требований. Центральным в этой борьбе стал вопрос о трехлетнем плане развития страны и принципах его разработки.

В конце 1946 г. коммунисты предложили свой проект трехлетнего плана развития национальной экономики. Предполагалось, что его выполнение позволит не только полностью восстановить промышленный потенциал страны, но и существенно превзойти довоенный уровень развития [52]. Коммунисты исходили из того, что решающим фактором в выполнении намеченных задач станет демократическое государство, руководящая роль которого в ос-

[51] См.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 5183, л. 206.

[52] Предполагалось, что в целом промышленность превысит уровень 1938 г. на 26%, в том числе горнорудная и фабрично-заводская на 29%, а кустарная на 10%. Объем сельскохозяйственного производства предполагалось довести до довоенных показателей (см.: История венгерского революционного рабочего движения, т. 3, с. 142).

повных звеньях экономики будет увеличиваться, и крупный капитал окажется полностью под его контролем. Как подчеркивают венгерские исследователи, план коммунистов удачно сочетал в себе концепцию планируемой экономики с задачами завершения восстановления и давал новые импульсы развитию производительных сил. Он предусматривал придание социалистического характера государственному регулированию и в то же время создавал благоприятные возможности для удовлетворения интересов всех трудящихся слоев [53].

Финансирование плана предполагалось осуществить за счет внутренних источников накопления, прежде всего за счет особого обложения крупной буржуазии, введения прогрессивно-подоходного налога, который основной своей тяжестью должен был лечь на имущие классы [54].

В связи с этим ключевое значение приобретал вопрос о статусе банков, так как без подчинения их государственному руководству невозможно было бы произвести необходимые накопления и осуществить их распределение в соответствии с нуждами плана. Как необходимое условие реализации трехлетнего плана коммунисты выдвигали требование передачи государству национального банка страны и еще трех крупнейших банков. «Национализация трех крупных банков и национального банка вполне достаточна для того, чтобы правительство имело решающее влияние на кредитную систему страны»,— указывалось на заседании Политбюро ВКП в мае 1947 г.[55] За поддержку этого предложения силами Левого блока партии коммунистов пришлось вести весьма сложную борьбу

[53] *Ságvári Á.* Issues Concerning..., p. 314.

[54] Проект закона о подоходном налоге, предложенный коммунистами весной 1947 г., предусматривал обложение этим налогом начиная с хозяйств, владеющих 25 хольдами земли или недвижимостью в размере 75 тыс. форинтов. ПМСХ, стремясь распространить подоходный налог на как можно большее число хозяйств, предлагала установить нижнюю границу для облагаемых этим налогом хозяйств в деревне от 15 хольдов земли, а в городе от 50 тыс. форинтов недвижимого имущества. Таким образом, ВКП, вынося свой проект на обсуждение, защищала прежде всего интересы трудового крестьянства в деревне, мелких ремесленников, предпринимателей и торговцев в городах, на плечи которых буржуазные круги хотели возложить основное бремя подоходного налога (Szabad Nép, 28.V 1947).

[55] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6381, л. 191.

всю первую половину 1947 г. Национально-крестьянская партия, одобрявшая проект трехлетнего плана, о своей поддержке требования национализации банков заявила лишь в мае.

В социал-демократической партии, где происходила ожесточенная борьба между правыми кругами, стремившимися к коалиции с ПМСХ, и левыми, выступавшими за сотрудничество с ВКП, отношение к проекту трехлетнего плана было неодинаковым. Как отмечают исследователи, проект трехлетнего плана не вызвал одобрения в руководстве партии [56], а по вопросу о национализации банков руководители партии заняли двойственную позицию: они требовали или национализации всей кредитной системы, или установления полного государственного контроля. Политбюро ВКП, расценивая такие предложения социал-демократов, совершенно справедливо отмечало, что они преследуют лишь цель затянуть решение важнейшего для судеб трехлетнего плана вопроса. Только после длительной внутренней борьбы, продолжавшейся всю первую половину 1947 г., в исходе которой немалую роль сыграло разоблачение антиреспубликанского заговора, левым силам социал-демократии удалось вынудить партийное руководство дать согласие на национализацию банков.

ПМСХ, разъедаемая изнутри разногласиями, которые особенно усилились весной 1947 г.[57], оказалась практически не в состоянии выдвинуть альтернативу предложениям коммунистов. И хотя Ф. Надь и его сторонники, стоявшие у кормила партии, отнюдь не были приверженцами плановой экономики, они тем не менее не решались открыто вступить в полемику с коммунистами. Более того, в публичных выступлениях руководителей ПМСХ весной 1947 г. весьма настойчиво подчеркивалось сходство их экономических предложений с предложениями коммунистов и велась широкая реклама якобы разрабатываемого в партии своего трехлетнего плана [58]. Но постановка коммунистами вопроса о необходимости национализации бан-

[56] История венгерского революционного рабочего движения, т. 3, с. 142.

[57] В этот период начался, как отмечает И. Вида, процесс распада ПМСХ: из нее выходят правобуржуазные деятели, усиливается брожение и отлив членов в низовых организациях (см. подробнее: *Вида И.* Политика независимой партии..., с. 181).

[58] См.: ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6374, л. 96 и сл.

ков вызвала резкие возражения ПМСХ. Суть аргументации противников национализации банков сводилась к тому, что эта акция отпугнет иностранный капитал, без которого невозможно восстановление экономики, нарушит имеющиеся у банков традиционные связи с заграницей и т. п. «Мы выступаем против национализации трех крупных банков,— говорил И. Балог, генеральный секретарь ПМСХ в 1947 г.,— именно потому, что страна нуждается в экономических связях крупных банков с заграницей. К тому же подобная национализация подвергнет риску создание финансовых предпосылок для осуществления трехлетнего плана...» [59] Требованию национализации банков руководство ПМСХ противопоставило предложение об установлении более полного контроля над ними. «Сабад неп» писала по поводу этого предложения: «Что касается замечания И. Балога, будто бы национализация банков поставит под сомнение возможности финансирования трехлетнего плана, то именно для обеспечения этого финансирования и необходимо, чтобы не частные фирмы, а государство, осуществляющее план, распоряжалось самыми большими финансовыми организациями и источниками страны... При введении планового хозяйства нужно не контролировать, а направлять промышленное производство и кредитную политику. Эту задачу можно осуществить только через национализированные банки...» [60].

Последующая практика показала весьма наглядно, что для лидеров ПМСХ разговоры об усилении государственного контроля за деятельностью банков были чисто демагогическим приемом. Когда 28 мая 1947 г. Главный экономический совет принял решение об установлении контроля над 13 банками страны, то оказалось, что провести его в жизнь, несмотря на утверждение Совета Министров, невозможно. Острая межпартийная борьба, разгоревшаяся вокруг кандидатур государственных уполномоченных, продолжавшаяся несколько месяцев, привела к тому, что контроль над банками практически так и не был установлен [61], хотя в июне 1947 г. новое правительство, сфор-

[59] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6381, л. 166. Предпосылки для осуществления трехлетнего плана лидеры ПМСХ видели прежде всего в привлечении иностранного капитала.

[60] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6381, л. 168.

[61] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 72—73.

мированное после отставки Ф. Надя [62], провело через парламент закон о трехлетнем плане и для его реализации было создано специальное Плановое управление [63].

Дальнейшие преобразования проводились в новых политических условиях, когда обнаружение связей ряда политиков из ПМСХ с контрреволюционными организациями способствовало обострению давно назревавших противоречий между политикой правого руководства и крестьянскими массами. Сближение коммунистов с левыми силами в ПМСХ создало благоприятные условия для наступления блока левых партий на венгерскую реакцию. Апогеем этого наступления стали августовские выборы 1947 г., в ходе которых правые, реакционные силы потерпели поражение. Демократический избирательный блок, куда входили партии правительственной коалиции, получил 60,9% всех поданных голосов. При этом выборы показали, что внутри Фронта независимости, как коалиции партий, произошла существенная перестановка сил. Если раньше Левый блок и противостоявшая ему во Фронте ПМСХ были примерно равны по своим силам, то теперь о равновесии не могло быть и речи: ПМСХ получила только 15,4% всех голосов, а Левый блок — 45,5%. Ведущей силой Венгерского национального фронта независимости стала ВКП, получившая 22,7% голосов избирателей [64]. Усиление позиций коммунистов свидетельствовало о коренных переменах, происходивших в венгерском обществе. Было очевидно, что большинство рабочего класса идет за компартией, что вокруг нее объединяются и трудовые слои деревни, т. е. реализуется одно из важнейших условий перерастания диктатуры рабочего класса и крестьянства в диктатуру пролетариата [65].

«Но было бы неправильно полагать,— подчеркивают советские исследователи,— что в результате парламентских выборов 1947 г. реакция в Венгрии была разгромлена. Она обладала еще значительной силой: партии, откры-

[62] В этом правительстве, возглавляемом представителем левого крыла ПМСХ Л. Диньешом, подавляющее большинство принадлежало к ВКП, СДП, НКП и левым элементам ПМСХ (см.: История венгерского революционного рабочего движения, т. 3, с. 156).

[63] История венгерского революционного рабочего движения, т. 3, с. 156.

[64] История Венгрии, т. III, с. 561—562.

[65] История Венгрии, т. III, с. 565.

то стоявшие в оппозиции в правительственной коалиции, имели немалое влияние среди населения... Несмотря на поражение, понесенное на выборах, реакционные силы не ослабили борьбы против народно-демократического строя» [66].

Вытеснение буржуазии из правительства после выборов 1947 г. и сосредоточение руководящих позиций в государстве в руках рабочего класса и его союзников позволили приступить к реализации плана преобразований, намеченных III съездом ВКП.

В ноябре 1947 г. был решен вопрос о судьбе банков. Новое Национальное собрание приняло закон о переходе в собственность государства акций девяти крупнейших банков страны [67]. И хотя это была лишь частичная национализация банков, которая могла иметь место и в капиталистических странах, она коренным образом отличалась, например, от национализации Эмиссионного банка во Франции и Английского банка в 1945—1946 гг. Если в Англии и Франции была сохранена старая сфера деятельности банков и их прежняя структура, а в правлениях банков по-прежнему сидели представители монополий [68], то в Венгрии после принятия закона о национализации девяти банков был поставлен вопрос о реорганизации всей финансовой системы в связи с новыми задачами банков по выполнению трехлетнего плана и необходимостью финансирования прежде всего государственного и кооперативного сектора в экономике. Не менее существенным было и то обстоятельство, что компенсация, выплаченная венгерской буржуазии, не могла пойти на укрепление ее позиций в сфере производства, поскольку одновременно были предприняты шаги по укреплению позиций государственного сектора в промышленности. Вслед за национализацией банков в собственность государства перешло 144 предприятия, которыми ранее эти банки управляли. Тогда же собственностью государства стали

[66] История Венгрии, т. III, с. 566.

[67] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 73.

[68] Так, после национализации (в декабре 1945 г.) Английского банка его бывший управляющий лорд Катто, связанный с банковскими кругами, сохранил свой пост. В составе директората банка представительство промышленных монополий увеличилось (см.: Государственная собственность и антимонополистическая борьба в странах развитого капитала..., с. 69).

предприятия, находившиеся под управлением Центра тяжелой промышленности. Наконец, в начале 1948 г. была осуществлена национализация месторождений бокситов и производства алюминия. Кроме того, предоставление государством кредитов многим предприятиям, имевшим долги, в обмен за уступку части акций (политика так называемого сухого вытеснения капитала) также привело к существенному расширению государственного сектора [69].

Эти мероприятия, осуществленные в конце 1947 — начале 1948 г. венгерским государством, которое стало выполнять функции диктатуры пролетариата, нанесли столь сильный удар по финансово-монополистической буржуазии, что она окончательно утратила определяющие, ведущие позиции в экономике страны. В промышленности 60% рабочих к концу 1947 г. находились на государственных предприятиях. Правда, по отдельным отраслям соотношение государственного и частнокапиталистического секторов было еще весьма неравномерным. Если в машиностроении на государственных предприятиях было занято 88% рабочих, а в горнодобывающей промышленности — 95%, то в текстильной — всего лишь 23%, в химической — 43,3%. В целом можно сказать, что к началу 1948 г. венгерская буржуазия сохраняла свои позиции главным образом в легкой промышленности. Здесь на предприятиях частнокапиталистического сектора было занято около 77% всех рабочих этих отраслей [70].

К тому времени в ходе борьбы за реализацию программы Левого блока в экономике Венгрии был создан сложный механизм рабочего и государственного контроля, который позволял направлять и регулировать развитие частнокапиталистического сектора. На всех предприятиях, несмотря на протесты Союза венгерских промышленников, были введены должности государственных уполномоченных по выполнению плана. Они избирались только из лиц, предложенных фабрично-заводским комитетом [71]. Кроме того, были приняты специальные постановления, предусматривавшие конфискацию имущества тех, кто сообщал неверные сведения о доходе или пытался

[69] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 75—76.
[70] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27, д. 7689, л. 13—16.
[71] См.: *Хабуда М.* Профсоюзное движение в годы перелома..., с. 135.

незаконным путем вывезти свое имущество за границу [72].

Было также установлено, что в период выполнения трехлетнего плана максимум ежемесячного дохода не должен превышать 3000 форинтов. Суммы, превышавшие данный максимум, должны были вноситься в государственный банк для использования их в финансировании трехлетки [73].

Реализация всех этих мер дала возможность вплотную подойти к социалистическим преобразованиям в сфере промышленного производства.

Таким образом, в Венгрии в ходе развития революционного процесса еще до окончательного вытеснения буржуазии из органов политической власти демократическим силам, выступавшим вместе с компартией, удалось добиться существенного сужения позиций частнокапиталистического сектора. Определяющими в экономической политике демократических сил на этом этапе были два направления. С одной стороны, они сосредоточивали свои усилия на укреплении и расширении руководящей, регулирующей роли демократического государства в системе производства с тем, чтобы через все находящиеся в его распоряжении рычаги (политику налогов, цен, кредитов, распределения сырья и заказов) держать капиталистическое производство под контролем государственных органов, дополняя его весьма существенным контролем снизу, через фабрично-заводские комитеты.

С другой стороны, в политике сил, руководимых ВКП, совершенно отчетливо обрисовалось стремление к тому, чтобы, используя антимонополистические настроения широких слоев общества и позиции рабочего класса, принудившего буржуазию через фабрично-заводские комитеты делить с ним функции управления производством, добиться реализации концепции демократической национализации, которая, ликвидировав засилие финансово-монополистического капитала в экономике страны, открывала возможности дальнейшего продвижения к социализму.

С начала 1948 г. был взят курс на окончательную ликвидацию позиций буржуазии в экономике страны. Существенное влияние на темпы этого процесса оказало раз-

[72] Szabad Nép, 7.IX 1947.
[73] Szabad Nép, 7.IX 1947.

витие соседних с Венгрией стран, особенно Чехословакии, где после февральской победы рабочего класса движение к социализму пошло бурными темпами. Если в начале 1948 г. руководство ВКП исходило из того, что в области экономики будет продолжаться постепенная политика ограничения и вытеснения капитала, то уже в марте 1948 г. на заседании Политбюро ЦК был поставлен вопрос об ускорении темпов национализации. 25 марта 1948 г. венгерское правительство приняло закон о переходе в государственную собственность всех тех промышленных предприятий, шахт, рудников, энергетических источников, находившихся в частной собственности, на которых к 1 августа 1946 г. было занято более 100 человек. Исключение делалось лишь для собственности иностранных акционеров. Этот закон имел чрезвычайно большое значение, потому что являясь акцией государства диктатуры пролетариата, окончательно оттеснял частный капитал на периферию экономической жизни [74]. В государственном секторе работало теперь 81,7% всех занятых [75].

Процесс полного вытеснения частного капитала в производстве был завершен к концу 1949 г., когда были национализированы все предприятия, имевшие более 10 рабочих. К декабрю 1949 г. государственный сектор охватывал уже 100% промышленного производства [76].

В Венгрии в ходе развития революции борьба за социально-экономические преобразования и реализацию предлагаемых коммунистами реформ разворачивалась под общенациональным лозунгом послевоенного восстановления экономики. В рамках этой борьбы, как серия мер, необходимых для решения общенациональной задачи, в 1946—1947 гг. была проведена национализация угольной и металлургической промышленности, которая внешне формально не выходила за рамки национализации, проведенной в 1945—1946 гг. в некоторых капиталистических странах.

[74] В результате реализации этого закона государственный сектор стал ведущим и в отраслях легкой промышленности. Например, в текстильной промышленности 77,4% всех рабочих работали на государственных фабриках, в пищевой — 55%, бумажной — 54% (см.: *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 79).

[75] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 78.

[76] *Рац Б.* Национализация венгерской промышленности..., с. 84.

Но в Венгрии эта акция была реализована в качественно иных условиях, в условиях развивающейся революции, и проводилась государством, в котором рабочий класс и его партии располагали уже существенными позициями. Она сопровождалась, с одной стороны, складыванием развитого механизма государственного планирования и регулирования экономики, а с другой — укреплением и активной деятельностью рабочего контроля на производстве. Активное участие народных масс и прежде всего рабочего класса в борьбе за ограничение и ликвидацию власти монополий в народном хозяйстве страны позволяет характеризовать проведенную в 1946—1947 гг. передачу венгерскому государству ряда важнейших отраслей промышленности как демократическую национализацию. Подорвав основы господства финансово-монополистической олигархии, она создавала благоприятные условия для решения основной задачи развивающейся в стране революции — завоевания политической власти пролетариатом.

В ходе борьбы за реализацию предлагаемых коммунистами антимонополистических мер вокруг рабочего класса и его политических представителей постепенно сложился блок левых сил внутри Венгерского национального фронта независимости, который летом 1947 г. одержал победу над реакцией.

Перерастание антимонополистических преобразований в социалистические началось, по существу, лишь после вытеснения буржуазии из органов государственной власти.

Наиболее характерными чертами этого процесса следует, по-видимому, считать: активно протекавшее в 1947 г. сращивание государственного и рабочего контроля над производством и создание единой системы управления экономикой, полное включение частнокапиталистических предприятий в рамки этой системы и значительное ограничение осуществляемой капиталистами функции управления, складывание системы мер, направленных на лишение капиталистов права распоряжаться своими доходами, реализация которых на практике вплотную подводила к ликвидации частной капиталистической собственности на средства производства.

2. Установление государственного контроля над промышленным производством в 1945—1947 гг. в Румынии. Социалистическая национализация в 1948 г.

Приход к власти 6 марта 1945 г. в Румынии нового правительства, возглавлявшегося П. Грозой, был результатом гибкой политики коммунистов, сумевших добиться создания широкого фронта социальных сил на базе решения таких задач общенационального характера, как завершение буржуазно-демократических преобразований, восстановление и подъем экономики, улучшение условий жизни широких народных масс. Выдвигая эти задачи, румынские коммунисты, как и коммунисты Венгрии, ставили своей целью не только устранение от власти правых, наиболее реакционных группировок буржуазии. Они ориентировались также на то, что борьба за осуществление этих общенациональных задач позволит поставить вопрос о необходимости ограничения экономических позиций буржуазии и их подчинения руководству со стороны демократического государства, а также покажет весьма многочисленным средним слоям румынского общества, что они лишь таким путем смогут добиться улучшения своего материального положения.

Этот политический курс, в принципе аналогичный венгерскому, проводился, однако, в иных политических условиях, при иной расстановке социальных сил. Если в Венгрии буржуазия на первых этапах развития революции делала ставку целиком на деятельность внутри Венгерского национального фронта независимости, то в Румынии в начале 1945 г. господствующий класс оказался расколотым. Часть буржуазных группировок, поняв, что политика срыва антифашистских, демократических преобразований, проводимая руководством «исторических» партий, грозит потерей влияния в массах, стала отмежевываться от этой политики [77] и готова была в определен-

[77] В своей публичной критике политики правительства Сэнэтеску и руководства «исторических» партий они взяли под обстрел именно их пассивность в области социальных реформ. «В области внутренней политики,— заявлял Г. Татареску,— у правительства не было никакой программы, не было проведено ни одной реформы из тех, которых с нетерпением ожидали массы города и деревни... Нужна была хотя бы минимальная программа социальных преобразований и прежде всего аграрная реформа» (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/г, д. 814, л. 70).

ных рамках идти на уступки требованиям демократических сил во имя сохранения своих позиций в системе власти. Наиболее влиятельной среди них была группа национал-либералов во главе с Г. Татареску. Провозгласив себя самостоятельной партией, эта группа стремилась играть роль представительницы интересов «всех производственных слоев». Идеологи новой национал-либеральной партии, выдвигая лозунги борьбы за «социальную справедливость», «за ограничение излишеств и злоупотреблений капитала» апеллировали к широким слоям городской и сельской мелкой буржуазии и стремились под видом защиты интересов крестьянства, мелких предпринимателей, ремесленников, служащих реализовать программу реформ, отвечающую прежде всего требованиям той части румынских капиталистов, которые были заинтересованы в ускоренном промышленном развитии страны. Эти круги добивались поддержки со стороны государства и были не против усиления в определенных рамках его регулирующей роли в системе производства, но они категорически отвергали всякую попытку национализации [78].

Такая позиция части национал-либералов заставляла коммунистов и их союзников по Национально-демократическому фронту, стремившихся углубить и закрепить раскол, наметившийся внутри буржуазного лагеря, а также привлечь частный капитал к восстановлению страны, в течение определенного периода времени не только воздерживаться от постановки вопроса об открытых антикапиталистических мерах (что могло отпугнуть и мелкобуржуазные слои), но и дать буржуазным группировкам, примкнувшим к Фронту, определенные гарантии неприкосновенности их позиций. Татареску и его сторонникам в правительстве П. Грозы были предоставлены два важных министерства: финансов и промышленности и торговли [79]. Последнее возглавлял П. Бежан, один из круп-

[78] Татареску, излагая экономическую программу своей партии, говорил: «Национал-либеральная партия рассматривает индивидуальный капитал как необходимый инструмент процветания общества... В любой области национализация приведет к падению производства. Всякая передача собственности государству является вредной» (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 4412, л. 249).

[79] См.: Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1948. М.: Прогресс, 1974, с. 124, 341.

нейших финансистов и предпринимателей Румынии, связанных с нефтяной промышленностью и имевший прочные контакты с французским капиталом [80].

Борьба с главными группировками румынской буржуазии, находившимися в прямой оппозиции к правительству Петру Грозы, очень скоро приняла более резкий и открытый характер, чем в Венгрии. Поскольку эти группировки являлись выразителем интересов румынского финансового капитала, то главным центром борьбы в Румынии в 1945—1946 гг. стала сфера обращения в широком смысле. Наведение в ней порядка в условиях разрухи было столь очевидной необходимостью, что против мер, направленных на борьбу со спекуляцией и саботажем, не могли возражать даже вошедшие в правительство П. Грозы национал-либералы Татареску и группа национал-царанистов Александреску, которые пытались создать себе массовую базу среди мелкобуржуазных слоев, чрезвычайно страдающих от инфляции и разрухи.

Поэтому новому правительству, приступившему к реализации основных требований программы Национально-демократического фронта, удалось сразу же добиться принятия ряда законов, направленных на пресечение саботажа и обуздание спекулянтов. Закон № 349 определял порядок цен и устанавливал предельный уровень прибылей промышленников и торговцев; закон № 350 давал право властям конфисковывать и передавать в сферу обращения товары, тайно удерживаемые промышленниками и торговцами вне оборота [81]; закон № 351 предусматривал штрафы и тюремное заключение для лиц, занимающихся спекуляцией и экономическим саботажем [82]. Для контроля за выполнением принятых правительством законов были организованы при уездных префектурах специальные органы гражданского контроля, состоявшие из представителей всех партий, входящих в Национально-демократический фронт.

[80] ЦГАОР, ф. 4458, оп. 28/2, д. 814, л. 306.

[81] Только в течение неполного месяца, с 14 июля по 8 августа 1945 г., на основе этого закона было конфисковано различных товаров на сумму 16 млрд. 661 млн. лей (*Олейник И. П.* Развитие промышленности Румынии в условиях народно-демократического строя. М.: Изд-во ВИНИТИ, 1959, с. 33).

[82] См. подробнее: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 145.

Другой линией в борьбе с саботажем и спекуляцией было создание экономатов [83] и поощрение кооперации [84]. На почве усиления позиций кооперации и использовании ее как действенного орудия против спекуляции в сфере торговли, коммунисты пытались наладить сотрудничество с левым крылом национал-царанистской партии, возглавляемой Александреску, которому был в правительстве П. Грозы предоставлен пост министра кооперации.

Летом 1945 г. правительство начало предпринимать осторожные шаги по введению элементов государственного контроля над производством.

В июне 1945 г. в связи с необходимостью переключения предприятий с производства военной продукции на мирную при Управлении государственной промышленностью была создана специальная комиссия, состоявшая из представителей Министерства труда, Управления государственной промышленностью, Всеобщего союза промышленников и Всеобщей конфедерации труда. Круг ее полномочий был достаточно широк: она имела право принимать решение о временном прекращении работы того или иного предприятия, проводить любые расследования, получая необходимую информацию от всех госу-

[83] Экономаты — отделы по снабжению рабочих и служащих продуктами, одеждой и предметами первой необходимости, которые по принятому 2 июня 1945 г. закону должны были создаваться на каждом предприятии. В условиях спекуляции и роста цен экономаты играли большую роль в деле улучшения материального положения рабочих. До 15 октября 1945 г. было создано 759 экономатов на частных предприятиях. Однако деятельность этих органов в огромной степени затруднялась недостатком финансовых средств и прямым саботажем владельцев предприятий, которые стремились ликвидировать эти очень важные органы снабжения рабочего класса.

Подробнее о деятельности экономатов в рассматриваемый период см.: *Георгиу Деж Г.* Статьи и речи. М.: Политиздат, 1956, т. I, с. 49—50.

[84] Потребительская кооперация до 1944 г. в Румынии была развита относительно слабо. К 1944 г. в стране насчитывалось уже около 1170 потребительских кооперативов. Но в условиях острой нехватки товаров широкого потребления потребительская кооперация могла в руках народно-демократического государства сыграть немалую роль в борьбе со спекулятивным разгулом. В начале 1946 г. правительством было принято специальное постановление о том, что товары, являющиеся государственной монополией, в деревне будут распространяться только через потребительскую кооперацию.

дарственных учреждений и профессиональных организаций.

В этот же период на основе совместного решения Министерства промышленности и Генерального секретариата по регулированию цен на крупнейших предприятиях страны стал вводиться институт специальных контролеров [85], которые были обязаны наблюдать за движением товаров, соблюдением официальных цен, контролировать поступление сырья, а также количество и способ распределения готовой продукции. Причем в решении специально подчеркивалось, что контролеры должны выбираться из числа лиц, работавших на данном предприятии [86]. Профсоюзы на местах использовали это положение и придали акции по введению государственных контролеров революционное звучание, направили на работу контролерами многих передовых рабочих из числа коммунистов и социал-демократов. Например, на заводе «Конкордия» из 36 контролеров лишь двое были беспартийными, 23 контролера были коммунистами и 7 — членами социал-демократической партии. В контрольных комитетах крупнейших промышленных предприятий работало около 860 контролеров, из них почти половина являлись коммунистами [87].

На основе специальных решений правительства профсоюзы получили право участия в государственных органах контроля. Они имели специально назначенных представителей с функциями государственных контролеров по проверке организации производства, снабжения предприятий сырьем, распределения производственной продукции. Это приводило к тому, что в Румынии органы рабочего контроля уже на относительно ранней стадии начинали сливаться с органами государственного контроля и на протяжении всего последующего периода они функционировали вплоть до принятия законов о национализации как единая система [88].

[85] См.: *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 325.

[86] Scînteia, 7.VII 1945.

[87] *Curteanu M.* Sectorul de stat în România anilor 1944—1947. Bucureşti, 1974, p. 109.

[88] Слияние рабочего и государственного контроля наблюдалось и в других странах рассматриваемого региона, например, в Венг-

Рабочие контролеры проводили большую работу по налаживанию производства и разоблачению спекуляций и саботажа промышленников [89]. Однако ее эффективность в значительной мере снижалась тем, что чиновники в органах судопроизводства не спешили принимать какие-либо карающие меры по отношению к саботажникам и спекулянтам. Так, осенью 1945 г. в Бухарестский окружной суд было передано 5853 дела о саботаже и спекуляции. Из них рассмотрение 2238 дел было отложено, а обвиняемые по другим делам были либо оправданы, либо получили наказание как мелкие спекулянты [90].

Акции правительства, опиравшегося в своей борьбе с саботажем буржуазии на рабочий класс и его массовые организации, вызывали активное сопротивление капиталистов и их органа — Союза румынских промышленников, во главе которого стоял один из крупнейших капиталистов М. Аушнит, вернувшийся после войны из Соединенных Штатов Америки и поддерживавший самые тесные связи с американскими монополиями [91].

Осенью 1945 г. Союз промышленников обратился в правительство с требованием пересмотреть цены на сырье, повысить цены на товары, ликвидировать на предприятиях контрольные органы и экономаты, добиваясь тем самым неограниченного права предпринимателям лично руководить производством и распределением товаров, установлением цен, производственных норм, а также заработной платы рабочим и служащим [92].

Этот шаг Союза промышленников, отражавший настроения крупнейших румынских промышленных и финансовых магнатов, означал объявление войны экономической политике демократического правительства П. Гро-

рии. Но проходило оно, как правило, на ином этапе развития революционного процесса, когда вытеснение буржуазии с основных экономических позиций приближалось уже к завершающей стадии, а органы управления производством были практически сосредоточены в руках демократического государства.

[89] Газеты «Скынтейя» и «Ромыния либерэ» подробно освещали их деятельность и публиковали на своих страницах конкретные материалы о спекулятивных махинациях частных предпринимателей.

[90] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 3224, л. 53.

[91] См.: *Лебедев Н. И.* Румыния в годы второй мировой войны. М.: Изд-во ИМО, 1961, с. 274.

[92] Scînteia, 10.XI 1945.

зы. Руководящую роль в этом играла группировка Брэтиану, контролировавшая Национальный банк Румынии. Через банк она имела доступ в крупнейшие промышленные предприятия и акционерные общества такие, как компания по добыче каменного угля «Петрошань», химическое акционерное общество «Узинеле кимиче Ромынэ» и др., где после 23 августа 1944 г. фактически не прекращался открытый саботаж [93].

Представители монополистических кругов, поддерживавших Брэтиану, находились в большинстве кредитных учреждений страны. Они проводили дезорганизацию работы промышленных предприятий, сокращали или вообще ликвидировали капиталовложения в производство, предоставляя кредиты разного рода торговым «фирмам», занимавшимся спекуляцией. Аналогичную и не менее активную политику саботажа проводили и сторонники Ю. Маниу, располагавшие весьма прочными позициями в Союзе промышленников [94]. Можно сказать, что крупный финансово-монополистический капитал основной центр тяжести в борьбе против демократических сил перенес в область экономики и сосредоточил усилия на срыве плана восстановления страны, предложенного Национально-демократическим фронтом.

Экономический хаос, вызываемый саботажем буржуазии, реакционная печать использовала для антикоммунистических и антиправительственных нападок. В листовках, в публичных выступлениях политиков из «исторических» партий вина за тяжелое материальное положение трудящихся слоев, усугублявшееся растущей инфляцией, возлагалась на демократическое правительство П. Грозы. Используя поддержку королевского двора и самого короля, пытавшегося «королевской забастовкой» вызвать правительственный кризис, реакция добивалась отставки

[93] Scînteia, 30.XI 1945. Так, из-за саботажа общества «Петрошань» добыча угля в районе Валя-Жиулуй упала в 1945 г. до 5000—4000 т в сутки по сравнению с 7000—7500 т в 1944 г. Текстильная промышленность, несмотря на имевшееся сырье, работала лишь в половину своей мощности.

[94] Чтобы спровоцировать недовольство рабочих, предприниматели, руководимые Союзом промышленников, искусственно вызывали простои производства, задерживали выплату заработной платы, саботировали снабжение предприятий сырьем и т. д. (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 814, л. 2).

правительства П. Грозы [95–96]. Она нашла определенную поддержку и у буржуазных кругов, выступавших вместе с Национально-демократическим фронтом. В сентябре 1945 г. Татареску сделал попытку добиться пересмотра внутренней и внешней политики правительства, угрожая отказом от сотрудничества с Национально-демократическим фронтом [97].

В этих условиях для сил, выступавших за углубление и развитие революционных преобразований в стране, было чрезвычайно важно разработать такие конкретные направления экономической политики, которые позволили бы не только парализовать саботаж капиталистов, поддерживавших «исторические» партии и ликвидировать центробежные силы среди буржуазных попутчиков Национально-демократического фронта, но и создать основу для скорейшей реализации плана восстановления как единственного средства спасения страны от надвигавшейся экономической катастрофы.

Национальная конференция РКП, собравшаяся в октябре 1945 г., поставила вопросы будущей экономической политики на одно из центральных мест.

Определяя перспективы будущего развития страны, конференция четко сформулировала, что единственный путь к процветанию страны — это путь индустриализа-

[95–96] Особую активность развивали сторонники Маниу. Клуж, Тимишоара, Сибиу, Тыргу-Муреш и другие города Румынии осенью 1945 г. были заполнены националистическими листовками, восхвалявшими Брэтиану и Маниу и призывавшими к свержению демократического правительства. Рабочие отвечали на эти провокации массовыми демонстрациями в поддержку РКП и правительства П. Грозы (Центральный архив Министерства обороны СССР (далее ЦАМО), ф. 243, оп. 2943, д. 18, л. 235, 236, 266, 281).

Высшей точки выступления реакции достигли в первой половине ноября 1945 г., когда в Бухаресте и ряде других городов страны национал-царанистами Маниу и национал-либералами Брэтиану были организованы вооруженные провокации с целью добиться отставки правительства П. Грозы. РКП и партии Национально-демократического фронта организовали мощные демонстрации протеста, прокатившиеся по всей стране, которые показали, что население страны оказывает решительную поддержку демократическому строю (см. подробнее: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 177—179).

[97] *Никита П.* Политиката на съюзи на Румънската комунистическа партия през 1944—1948.— Известия на Института по история на БКП, 1972, кн. 27, с. 430.

ции. Исходным пунктом должно стать восстановление промышленности и использование для реконструкции страны всех имеющихся производственных мощностей. Но для коммунистов было совершенно очевидно, что в решении поставленных задач демократическое государство не сможет сделать вперед ни одного шага, не овладев предварительно государственным банком страны, находящимся под контролем монополистической группировки Брэтиану. Овладение этим важнейшим финансовым центром не только ослабило бы экономические позиции противников демократического строя, но и открыло широкие возможности для усиления регулирующей, направляющей роли демократического государства в хозяйстве страны.

Поэтому не случайно конференция РКП, вновь подчеркивая, что осуществление программы восстановления является делом всех социальных слоев румынского общества и указывая на необходимость «поощрять и заинтересовывать частное предпринимательство и обеспечить ему возможность развития и получения умеренных прибылей» [98] в качестве непременного условия ее выполнения, ставила вопрос о необходимости реорганизовать кредитную систему «путем введения государственного контроля за банковскими операциями» [99]. На практике такая реорганизация могла означать лишь одно — национализацию государственного банка Румынии. Стремясь обеспечить требованию реорганизации кредитной системы поддержку широких слоев румынского общества, коммунисты настойчиво разъясняли, что эта мера даст возможность демократическому государству обеспечить гарантированные доходы предпринимателям, активно участвующим в восстановлении страны и позволит крестьянам, ремесленникам, мелким торговцам «укрепить свою собственность», так как государство будет предоставлять через кооперацию в городе и деревне дешевые кредиты и проведет налоговую реформу, облегчающую положение этих слоев.

Реорганизация кредитной системы, предлагавшаяся коммунистами, не выступала как открыто антикапиталистическая мера, но, по существу, являлась важнейшим

[98] *Георгиу Деж Г.* Статьи и речи, т. I, с. 66.
[99] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 323—324.

звеном в борьбе с господством капитала в экономической жизни страны. «Национальный банк Румынии в качестве уполномоченного государства должен стать не только главным рычагом в предоставлении кредитов для производства, но и основным фактором контроля над использованием этих кредитов»,— подчеркивал Г. Георгиу Деж на национальной конференции РКП [100].

Существенную роль в качестве фактора, подчинявшего частное производство контролю со стороны государства, должно было сыграть составление перспективных планов развития каждой отрасли и их взаимная координация, осуществляемая в рамках специального руководящего органа. В качестве такого органа коммунисты и предлагали рассматривать созданный незадолго до конференции и возглавленный Г. Георгиу Дежем Высший экономический совет. Этот орган, которому предстояло заменить межминистерский совет, образованный еще в марте 1945 г., располагал более широкими функциями, чем его предшественник. Он должен был разрабатывать программы и меры, касавшиеся всех вопросов экономической жизни страны, составлять планы хозяйственного развития, согласовывать деятельность отдельных министерств и ведомств и т. д. Его решения являлись обязательными для всех нижестоящих инстанций. Членами ВЭС должны были стать министры промышленности и торговли, финансов, сельского хозяйства, горнорудной и нефтяной промышленности, труда, путей сообщения, кооперации и управляющий Национальным банком Румынии. Создание такого органа было важным шагом в формировании аппарата экономического планирования [101].

Национальная конференция РКП предложила румынской общественности как необходимое условие восстановления страны план таких преобразований в области экономики, которые, не затрагивая внешне основ частнокапиталистической собственности, позволяли обеспечить полный ее контроль со стороны государственных органов и соз-

[100] *Георгиу Деж Г.* Статьи и речи, т. I, с. 70.

[101] Однако пока на данном этапе реальные возможности этого органа существенно лимитировались тем обстоятельством, что основные экономические министерства находились в руках буржуазных группировок, а управляющим Национальным банком являлся Брэтиану.

дать общую систему народного хозяйства, объединяющую государственный и частный секторы, и функционирующую под руководством демократического государства [102].

Этот план в своих основных положениях базировался на тех же принципах, что и решения майской (1945 г.) конференции Венгерской компартии. Как и последние, он был рассчитан на то, что в ходе развития революции будет нарастать политическое влияние рабочего класса в обществе и по мере сплочения вокруг него демократических сил будет происходить постепенное оттеснение буржуазии от управления страной. Этот процесс неизбежно должен привести к установлению диктатуры пролетариата, и в руках пролетарского государства в результате принятых мер, осуществленных в переходный период, окажется сосредоточенным все управление экономикой страны. Частный капитал, находясь под контролем этого государства, лишившись функций управления, не сможет играть определяющей роли в хозяйственном развитии.

Но если в Венгрии вопрос ставился в первую очередь о национализации отдельных отраслей промышленности, где частный капитал наиболее ярко проявил себя как деструктивная сила, не способная восстановить производство, то в Румынии главный упор был сделан прежде всего на национализации кредитной системы.

Перед румынскими коммунистами стояла важная задача добиться поддержки своей программы предлагаемых реформ союзниками по фронту. И здесь существенное значение приобретало отношение коммунистов с социал-демократической партией, влияние которой в румынском обществе было весьма значительным и которая переживала сложный процесс размежевания сил. В рассматриваемый период отношения между правым и левым крылом в социал-демократии были обострены до крайности. Правые элементы во главе с К. Титель-Петреску в июле-августе 1945 г. предприняли попытку вступить в сговор с реакционными кругами «исторических» партий и вытеснить коммунистов из правительства, сформировав новый кабинет, состоящий из представителей социал-демократии, национал-либералов и национал-царанистов [103].

[102] См.: *Георгиу Деж Г.* Статьи и речи, т. I, с. 66—71.

[103] См. подробнее: *Нири К.* От единого рабочего фронта к единой партии рабочего класса Румынии. Бухарест, 1972, с. 109—110.

Георгиу Деж, выступая перед рабочими в этот период, прямо указывал, что правые руководители социал-демократической партии проводили в правительстве тактику «полуоппозиции, а вне его пытались создать себе политическую клиентуру» [104].

Акции правых лидеров социал-демократии, практически нарушивших заключенное еще в период войны соглашение о единстве действий двух рабочих партий, потребовали от коммунистов сосредоточения усилий на урегулировании и ликвидации возникших разногласий с тем, чтобы не позволить реакционным кругам создать антикоммунистический блок и добиться изоляции РКП. Усилия компартии по укреплению единого рабочего фронта были поддержаны левыми элементами внутри социал-демократии. И на состоявшейся в декабре 1945 г. генеральной конференции социал-демократической партии, проходившей в обстановке острой борьбы двух течений, благодаря активным выступлениям левого крыла, добивавшегося сотрудничества с РКП, была принята экономическая программа, близкая в своей основе к той, которую предлагали коммунисты. В принятой резолюции социал-демократическая партия выдвигала требования установления справедливого налогового обложения, усиления государственного контроля во всех сферах хозяйственной жизни страны, устранения перекупщиков и спекулянтов из торговли путем развития кооперации, регулирования в распределении кредитов и т. д.

Анализ этих решений, подчеркивают современные румынские исследователи, «позволил сделать вывод, что они основывались на реальной действительности и шли в том же направлении, что и меры, содержавшиеся в программе РКП, разработанной национальной конференцией» [105].

Согласованные действия обеих рабочих партий в пропаганде мероприятий, предлагаемых ими для преодоления экономического хаоса, позволили установить контакты с мелкобуржуазными городскими слоями.

В поддержку мер, предлагавшихся коммунистами и

[104] *Нири К.* От единого рабочего фронта..., с. 110.

[105] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 174. В марте 1946 г. правая группировка Титель — Петреску, утратившая влияние в партии, вынуждена была покинуть ее ряды.

социал-демократами, стали высказываться организации, объединявшие мелких предпринимателей, торговцев, ремесленников и т. п. Так, в июне 1946 г. на съезде Всеобщей федерации кустарных мастерских, насчитывавшей около 300 тыс. членов, прямо указывалось, что главным препятствием дальнейшего создания ремесленных кооперативов является нехватка кредитов. Съезд выдвинул требование демократической реформы налогообложения [106]. На собрании членов Объединения промышленных и торговых организаций [107] прозвучали почти аналогичные требования: распределять кредиты так, чтобы обеспечивать ими мелких производителей, организовать снабжение сырьем по твердым ценам, снизить налоги на предметы широкого потребления [108].

Подобные резолюции свидетельствовали о том, что коммунисты сумели связать требование национализации банка с действительно необходимыми и жизненно важными для мелкобуржуазных городских слоев проблемами. Об этом же свидетельствовали и явные политические успехи созданной в начале 1946 г. на базе Союза патриотов национально-народной партии, выступившей за принятие выдвинутой коммунистами программы реформ.

Осторожный подход румынских коммунистов к проблеме ограничения собственности был важнейшим элементом, составной частью общего курса партии, направленного на максимальное сплочение всех демократических сил, способных противостоять нажиму реакционных буржуазно-помещичьих кругов. Требование ввести контроль государства в сфере обращения и кредита при поддержке частной собственности и инициативы, настойчиво звучавшее в решениях конференции РКП, давало возможность для продолжения определенного сотрудничества коммунистов с национал-либеральной партией Татареску и ликвидации центробежных тенденций, наметившихся в этой группировке осенью 1945 г.[109], что позволило ком-

[106] Naţiunea, 13.VI 1946.

[107] Организация мелких предпринимателей, торговцев и ремесленников, объединявшая около 60 тыс. человек.

[108] Naţiunea, 30.VII 1946.

[109] 17 декабря 1945 г. на общем собрании делегатов национал-либеральной партии Татареску было принято решение продолжать сотрудничество с Национально-демократическим фронтом (см.: *Никита П.* Политика на съюзи..., с. 432).

мунистам продолжать реализацию политики раскола буржуазного лагеря.

Об этом свидетельствовало создание весной 1946 г. в условиях подготовки к парламентским выборам Блока демократических партий. Он включал в себя политических представителей пролетариата, крестьянства, средних слоев города, а также той части буржуазных кругов, которые, выступая против реакционных группировок, видели возможность защиты своих экономических и социальных интересов в сохранении позиций в правительстве и поэтому шли на сотрудничество с представителями революционных сил [110].

В основных своих моментах «Платформа программы Блока демократических партий» воспроизводила программу преобразований, сформулированных конференцией РКП. В ней также не ставился вопрос о принципиальном вторжении в сферу капиталистической частной собственности [111] и даже допускалась возможность сотруд-

[110] Блок демократических партий объединял РКП, социал-демократическую партию, Фронт земледельцев, национал-либеральную партию Татареску, национал-царанистскую партию Александреску и национально-народную партию. О его создании 21 мая 1946 г. сообщила румынская пресса, опубликовав коммюнике, в котором говорилось, что все указанные выше партии, сохраняя свою идеологию и программу, пришли к полному соглашению в вопросе платформы, программы и пропорции представителей партии в списке депутатов Блока демократических партий (см.: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 194; ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 908, л. 28).

[111] Не случайно именно на проблеме отношения коммунистов к частной собственности и частной инициативе было акцентировано внимание многих газет, комментировавших выступление Г. Георгиу Дежа 1 мая 1946 г., где он сформулировал основные положения экономической политики, предлагавшейся РКП своим партнерам. Например, газета «Дрептатя ноуа» уже 4 мая писала: «Программа, предложенная Г. Георгиу Дежем,— это ответ на все ложные слухи и нападки, имеющие целью подрыв демократического строя. Охрана частной собственности, урегулирование кредита, обеспечение минимального существования рабочим и служащим, упрочение крестьянского хозяйства — такова база, на которой правительство строит румынскую экономику». Газета «Адэвэрул» 7.V 1946 г. поместила следующий комментарий к выступлению Г. Георгиу Дежа: «Георгиу Деж провозгласил также и лозунг о необходимости поощрения личной инициативы и укрепления крестьянского хозяйства на основе частной собственности. Постепенно продвигаться по пути прогресса к самым большим высотам — вот в чем смысл политики, осуществляемой демократическими силами страны».

ничества с иностранным капиталом в освоении природных богатств страны [112]. Главное преобразование — национализация банка — аргументировалось необходимостью предоставления льготного кредита ремесленникам, мелким предпринимателям и торговцам, а также дешевого долгосрочного кредита для крестьянских хозяйств.

Это требование программы Блока демократических партий получило широкий отклик и поддержку среди трудовых слоев. Даже в тех районах страны, где национал-царанисты все еще сохраняли свое влияние (например, районы Сибиу, Клужа и т. д.), реакция народных масс на предложение передать государству Национальный банк Румынии была положительной. Такая реакция населения на программу экономических преобразований, предложенную Блоком демократических партий, заставила политические буржуазные группировки, находившиеся в оппозиции к блоку, буквально прибегать в своих предвыборных заявлениях к мимикрии, т. е. выставлять экономические требования внешне почти аналогичные программным положениям блока. Маниу, стремясь обеспечить своей партии поддержку трудовых слоев, провозгласил право государства национализировать некоторые отрасли промышленности, национальный банк и ряд кредитных учреждений [113].

В ходе предвыборной борьбы, носившей очень острый характер [114], становилось все более и более ясно, что в

[112] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 335.

[113] В предвыборном обращении национал-царанистской партии, опубликованном в мае 1946 г., говорилось: «Государство оставляет за собой право создавать государственные предприятия или национализировать те частные предприятия, которые занимаются больше эксплуатацией, чем удовлетворением общественных нужд... Право государства национализировать в нужный момент некоторые отрасли промышленности, национальный банк и некоторые кредитные учреждения, является одним из главных пунктов программы национал-царанистской партии» (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, д. 908, л. 16).

[114] В летне-осенние месяцы 1946 г. коммунисты совместно с союзниками по Блоку демократических партий развернули на местах массовую разъяснительную работу. Поездки главы правительства П. Грозы по стране и активная работа агитбригад, составленных главным образом из коммунистов и членов партии Фронт земледельцев, свели почти на нет усилия «исторических» партий в деле завоевания массовой базы к предстоящим выборам. Уже к сентябрю 1946 г. совершенно очевидным стал факт

реализации экономических требований, выдвигавшихся РКП при поддержке партий, объединенных в БДП, заинтересованы весьма широкие круги румынского общества. Этот момент, наряду с другими факторами [115], сыграл немаловажную роль в победе демократических сил на выборах в парламент, состоявшихся 19 ноября 1946 г. Партии БДП получили 71,8% голосов избирателей, принявших участие в выборах. «Исторические» партии оказались изолированными, и их уход с политической арены стал только вопросом времени [116].

Внутри Блока демократических партий революционное крыло, предоставленное РКП, социал-демократической партией, из которой в марте 1946 г. вышли правые элементы во главе с Титель-Петреску, Фронтом земледельцев и национально-народной партией, имело подавляющее большинство. Коммунисты располагали 68 мандатами,

перевеса демократических сил в предвыборной кампании. В это время на местах, несмотря на попытки открытого террора со стороны реакции, шел прилив новых членов в коммунистическую партию. Например, партийная организация г. Питешти за сентябрь 1946 г. увеличилась на 70 человек; в г. Сибиу за это же время в компартию вступило 1570 человек, в уезде Артеш — 1163 человека. В «исторических» партиях происходили обратные процессы: наблюдался открытый переход их членов в партии демократического блока. Причем покидавшие ряды национал-царанистской и национал-либеральной партий аргументировали свой уход тем, что цели «исторических» партий не совпадают с интересами румынского народа. В этом отношении весьма показательно письмо 48 бывших членов национал-царанистской партии г. Сибиу, направленное Маниу в октябре 1946 г.: «Национал-царанистская партия под вашим председательством отказалась сейчас от своей программы, на основании которой завоевала доверие масс. Политика двойственности по отношению к СССР, благодаря которому румынский народ вышел из тяжелого положения, в которое он попал при режиме Антонеску, поддерживаемая вами и вашими соратниками, продолжается и сегодня. Это серьезно угрожает независимости и свободному развитию нашего народа. Программа национал-царанистской партии, во главе которой вы стоите, не имеет характера, интересовавшего бы в настоящее время румынский народ» (ЦАМО СССР, ф. 243, оп. 236627, д. 6, л. 432, 193, 264, 99).

[115] Анализ причин победы Блока демократических партий см.: История Румынии 1918—1970. М.: Наука, 1971; Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 219—229.

[116] *Никита П.* Политиката на съюзи..., с. 432. Национал-царанистская партия Маниу получила 32 мандата, а национал-либеральная партия Брэтиану всего 3 мандата. Правые социал-демократы

социал-демократы — 81, Фронт земледельцев — 70, национально-народная партия — 26. Итого у левых сил в БДП было 245 мандатов. Национал-либеральная партия Татареску располагала 74 мандатами, а национал-царанистская партия Александреску 20 мандатами. Венгерский народный союз, не входивший в Блок демократических партий, но поддерживавший его политику, имел 29 мандатов [117].

Такой исход выборов, по существу, означал политическое поражение не только «исторических» партий, но и буржуазных группировок в рамках БДП. Хотя в отличие от оппозиции они сумели сохранить массовую базу среди мелкобуржуазных слоев, но оказанная им этими слоями поддержка была далеко не достаточна, чтобы решающим образом влиять на ход событий. Выборы означали, что в соотношении классовых сил «произошло новое изменение в пользу рабочего класса» [118].

Новое соотношение сил отразилось и на составе нового правительства, где коммунисты, социал-демократы и Фронт земледельцев получили по четыре портфеля министров, при этом в руки коммунистов перешло Министерство промышленности и торговли, находившееся ранее у национал-либералов Татареску, а в руки Фронта земледельцев — Министерство кооперации, которое прежде возглавлял представитель национал-царанистской партии Александреску. Из важнейших экономических министерств в руках буржуазии осталось лишь Министерство финансов, во главе которого стоял ставленник Татареску А. Александрини [119].

Сложившееся новое соотношение сил сказалось при решении вопроса о передаче государству Национального банка Румынии. Национал-либеральная партия Брэтиану и национал-царанисты Маниу открыто выступали против передачи данного банка государству, поскольку этот акт наносил удар именно по крупнейшим группировкам буржуазии, поддерживающим «исторические» партии [120]. Од-

во главе с Титель-Петреску, собрав всего 60 тыс. голосов, не получили ни одного мандата.

[117] *Нири К.* От единого рабочего фронта..., с. 193.

[118] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 231.

[119] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 341.

[120] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 240.

нако и внутри Блока демократических партий вопрос о национализации банка стал предметом острых дебатов. Признавая необходимость национализации, буржуазные группировки БДП, прежде всего национал-либералы Татареску, рассчитывали на то, что им удастся добиться сохранения «автономии эмиссионного института» и сформировать правление банка подобно тому, как это было сделано в Англии, из числа «беспартийных» специалистов. На практике это означало, что в правление войдут финансисты и промышленники, принадлежащие к конкурирующей с Брэтиану группировке Татареску.

20 декабря 1946 г. Национальное собрание 282 голосами против 7 приняло закон о национализации банка [121], в котором подчеркивалось, что институт эмиссии должен быть полностью поставлен на службу общих интересов и не может больше принадлежать узкой группе акционеров. Закон предусматривал переход всех акций национального банка в государственную собственность при выплате держателям акций определенной компенсации. Национальный банк получал по этому закону право определять всю кредитную политику в стране. Если в западноевропейских странах в 1945—1946 гг. национализация эмиссионных банков никак не затрагивала интересы банков коммерческих, то 3-я статья закона, принятого Национальным собранием Румынии, предусматривала, что контрольные действия Национального банка Румынии распространяются на все общественные и частные банковские предприятия и кредитные учреждения [122]. Тем самым не только ликвидировалась финансовая собственность монополистической группировки Брэтиану, но и ставился под контроль демократического государства второй по величине частный банк страны — Румынский кредитный банк, находившийся в руках группы Татареску.

Вопрос о правлении (административном совете) банка был решен иначе, чем предполагали национал-либералы. Правление было сформулировано не из «беспартийных» специалистов, а из представителей основных партий БДП. И хотя главой административного совета стал представитель национал-либеральной партии Татареску, заместителем его был коммунист, а среди членов совета 2 были от

[121] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 241.
[122] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 241.

национал-либералов, 1 — от национал-царанистов Александреску, 1 — от РКП, 2 — от социал-демократической партии, 2 — от Фронта земледельцев и 1 — от национально-народной партии. Общее соотношение сил внутри совета не давало возможности буржуазным кругам использовать государственный банк в своих чисто классовых интересах [123].

Таким образом, национализация Государственного банка Румынии означала начало нового этапа в политике компартии и ее союзников — этапа создания условий для социалистических преобразований. На этом этапе политика Румынской компартии и ее союзников была сходна с политикой, проводившейся венгерскими коммунистами после выборов 1947 г., как по своему конкретному содержанию, так и прежде всего по ставившимся целям: ограничение хозяйственной самостоятельности капиталистических предприятий, их включение в складывающийся механизм общегосударственного управления экономикой и одновременно дальнейшее ослабление экономической силы и политического значения буржуазии как класса.

Определенные возможности для ограничения хозяйственной самостоятельности отдельных капиталистических предприятий и государственного регулирования их деятельности возникли уже с переходом в руки государства ведущих позиций в кредитно-финансовой системе. Но реализованы они были в значительной мере после того, как по предложению компартии Высший экономический совет в мае 1947 г. приступил к проведению кредитной реформы, и Национальному банку было предоставлено право осуществлять контроль за размещением кредитов и применять строгие меры в случае их нецелевого спекулятивного использования. Фактически Румынский национальный банк и поставленные под его контроль ком-

[123] См.: România în anii revoluţiei democrat-populare. Bucureşti, 1971, p. 274. По-видимому, эти весьма важные моменты и толкнули фракцию национал-либералов Татареску в один лагерь с представителями «исторических» партий, заставив воздержаться от голосования при принятии закона о национализации банка. Он был принят, как показывает анализ результатов голосования, прежде всего голосами левого крыла БДП (коммунисты, социал-демократы, Фронт земледельцев и национально-народная партия), а также голосами национал-царанистов Александреску, фракция которых выносила законопроект на обсуждение.

мерческие банки постепенно превращались в основные органы регулирования и распределения кредитов.

Это влияние, хотя и весьма действенное, но имевшее все же косвенный характер, стало с начала 1947 г. дополняться рядом мер, означавших прямое вмешательство государства в производственную деятельность частнокапиталистических предпринимателей. В апреле 1947 г. коммунисты поставили вопрос о необходимости реорганизации возглавляемого Г. Георгиу Дежем Министерства промышленности и торговли. Это министерство должно было сосредоточить в своих руках все функции организации и контроля над промышленным производством и распределением сырья. Оно должно было составлять планы, осуществлять контроль за их выполнением, распределять средства производства, полуфабрикаты, сырье, определять уровень цен, зарплаты, тарифов, прибылей. Функции по регулированию и контролю деятельности частнокапиталистических предприятий Министерство промышленности должно было осуществлять через систему специально созданных отраслевых промышленных управлений. Проект их организации был представлен в Национальное собрание в мае 1947 г.[124]

Введение отраслевых промышленных управлений, в рамках каждого из которых в обязательном порядке объединялись все предприятия данной отрасли промышленности, означало разрушение традиционной структуры связей, фактическое упразднение существовавших ранее капиталистических объединений и трестов. Самостоятельность отдельного предприятия резко ограничивалась управлением, устанавливавшим для него производственные планы, квоты сырья и оборудования, характер производственного процесса и т. д., а также контролировавшим его хозяйственную отчетность.

[124] Проект предусматривал, что отраслевые управления будут действовать в течение пяти лет, выполняя следующие функции: разрабатывать с Министерством промышленности производственные планы, организовывать ввоз сырья и оборудования из-за границы, осуществлять их распределение между отдельными предприятиями, контролировать и направлять процесс производства, осуществлять контроль за ценами на произведенную продукцию. Руководство отраслевыми управлениями должен был осуществлять совет, состоявший из шести избранных членов и трех членов, назначенных Министерством промышленности (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6843, л. 122).

Деятельность самих управлений, в свою очередь, направлялась и контролировалась представителями государства в составе административных советов управлений, без участия которых советы фактически не могли принимать каких-либо решений [125].

И хотя реорганизация Министерства промышленности и создание отраслевых промышленных управлений аргументировались необходимостью мобилизовать «все производственные силы страны, сконцентрировать усилия и направить частную инициативу» для преодоления катастрофического положения, сложившегося в экономике, тем не менее эти мероприятия носили уже антикапиталистический характер, и именно так они и были расценены буржуазными партнерами по блоку, выступившими как против расширения функций Министерства промышленности, так и против создания отраслевых управлений.

Лидер парламентской фракции национал-либеральной партии бывший министр промышленности П. Бежан при обсуждении в парламенте вопроса о расширении полномочий Министерства промышленности заявил: «Складывается полное впечатление, что от заготовок сырья и до производства продукции министерство вмешивается в процесс распределения продуктов и, следовательно, если такое положение распространится на все отрасли, как это отчасти имеет место сейчас, безусловно, будет трудно говорить о свободе частной инициативы» [126].

Орган национал-либеральной партии Татареску «Драпелул» развернул на своих страницах шумную кампанию в защиту свободы частной инициативы, утверждая, что румынская экономика сможет развиваться лишь при условии, если государство не будет посягать «на саму сущность и стимул производства — свободу инициативы» [127].

Обстановка внутри Блока демократических партий весной 1947 г. в связи с переходом революционных сил БДП к разработке мероприятий антикапиталистического характера [128] крайне осложнилась. Голосование в Нацио-

[125] *Sonea G.* Naţionalizarea principalelor mijloace de producţie în România 11 iunie 1948. Bucureşti, 1968, p. 25—26.

[126] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 243.

[127] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6343, л. 35.

[128] В это время РКП разрабатывает также серию мер, направленных на ослабление позиций кулачества в деревне, которое, пользуясь тяжелым в связи с двухлетней засухой положением мел-

пальном собрании в апреле 1947 г. закопопроекта о реорганизации Министерства промышленности показало весьма наглядно, что инициатива коммунистов, добивавшихся расширения контрольных функций этого государственного органа, нашла поддержку только со стороны социал-демократической партии. Закон был принят, по существу, голосами депутатов коммунистов и социал-демократов, располагавших совместно 149 мандатами: из 414 депутатов Национального собрания 155 голосовало за принятие закона о реорганизации министерства, 10 — против, остальные 249 депутатов воздержались [129].

Пассивная позиция Фронта земледельцев, национально-народной партии, Союза венгерских трудящихся «Мадос» побудила национал-либералов во главе с Татареску перейти от лавирования и маневров внутри блока, рассчитанных на изоляцию коммунистов и сохранение своего влияния среди мелкобуржуазных слоев, к откровенной защите позиций буржуазии. В мае 1947 г. Татареску выступил с «Памятной запиской», где открыто потребовал коренного пересмотра внутренней и внешней политики Румынии. В этом документе содержались прямые нападки на политику революционных сил, добивавшихся усиления роли демократического государства в экономике страны. «Последние действия нашего правительства,— писал Татареску,— производят впечатление, что преследуется цель медленного, но непрерывного процесса национализации» [130]. Такая политика, по его словам, может привести к тому, что предприниматели потеряют уверенность в своих будущих прибылях, прекратят делать вложения в производство и ликвидируют свои предприятия. Поэтому в «Памятной записке» выдвигалось требование ограничить вмешательство государства таким образом, чтобы оно, «поддерживая частную инициативу», занималось лишь общими проблемами экономики. Одновременно Татареску ставил вопрос о необходимости получения иностранных займов, без которых якобы будет невозможно осуществить

ких и средних крестьянских хозяйств, проводит скупку земельных участков, скота, занимается спекуляцией сельхозпродуктами т. п. (см.: *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа..., с. 414—415).

[129] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/II, д. 6843, л. 86.

[130] Цит. по: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 283.

восстановление страны, а для их получения следует вернуть былое доверие зарубежных финансовых кругов к Румынии [131]. Этот документ был направлен как всем политическим партиям, входящим в БДП, так и представителям США, Англии и Франции. Было ясно, что группировка Татареску, используя колебания мелкобуржуазных союзников РКП по блоку, пытается захватить руководство блоком и добиться изоляции политических представителей рабочего класса.

В этих условиях было очень важно не допустить раскола союза рабочего класса и крестьянства, не дать возможности кулацким элементам из Фронта земледельцев оторвать наиболее массовую партию румынской деревни от сотрудничества с РКП. Еще в конце апреля Исполнительный комитет Фронта земледельцев обсудил сложившуюся ситуацию и на основе ее анализа предпринял шаги к усилению организации трудящегося крестьянства в рамках партии и обеспечению того, чтобы «на всех руководящих постах организации снизу доверху преобладали бедняцкие элементы, честные и преданные делу трудящегося крестьянства» [132].

Очищение Фронта земледельцев от эксплуататорских элементов, тяготевших к буржуазному крылу, развернувшееся в мае 1947 г., дало возможность обеспечить более активное голосование в Национальном собрании по весьма важному вопросу, связанному с перестройкой системы управления промышленностью страны — принятия закона об организации отраслевых промышленных управлений. 24 мая 1947 г. этот закон, предложенный коммунистами, был принят 218 голосами против 6; соотношение депутатских мандатов в парламенте позволяет сделать вывод, что принятие закона об управлениях было обеспечено голосами коммунистов (68 мандатов), социал-демократов (81 мандат) и Фронта земледельцев (70 мандатов) [133].

Это был большой успех левого крыла БДП, ибо создание отраслевых промышленных управлений наносило сильный удар по экономическим позициям буржуазии в

[131] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 283.
[132] Цит. по: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 237.
[133] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/II, д. 6843, л. 127.

сфере промышленности, существенно ограничивая ее возможность как руководителя производства [134].

Вместе с тем такой исход голосования был свидетельством укрепления руководящей роли коммунистов в Блоке демократических партий и неудачи попыток группировки Татареску добиться пересмотра внешней и внутренней политики правительства, используя колебания мелкобуржуазных партий. Это позволило компартии продолжать свою политику антикапиталистических преобразований. 15 июня 1947 г. Национальное собрание приняло закон о всеобщем экономическом контроле и создании специального органа — Государственного экономического контроля. Его полномочия распространялись на промышленность, банки, внутреннюю и внешнюю торговлю [135].

В борьбе против реставраторских устремлений буржуазных политиков, за сплочение демократических сил блока вокруг рабочего класса и его политического авангарда большую роль сыграли предложения коммунистической партии по улучшению экономического и финансового положения страны, представленные Совету Министров в июне 1947 г. [136] В этом документе отмечалось, что, несмотря на проведенные правительством мероприятия и усилия трудящихся, добиться улучшения финансового и экономического положения страны не удалось. Коммунисты видели одно из основных препятствий на пути восстановления страны в инфляции, усиливавшей финансовый хаос, способствующей развитию спекуляции и черной биржи. Поэтому они предлагали немедленно провести денежную реформу, которая позволила бы навести порядок в финансах. Условия, необходимые для осуществления стабилизации валюты, и прежде всего ликвидации дефицита в бюджете страны, предполагалось осуществить за счет строгой экономии и усиления государственного контроля за расходованием средств, а также за счет внедрения новой системы налогообложения, с тем

[134] В течение 1947 г. было создано 14 промышленных управлений объединивших 750 предприятий, на долю которых приходилось 80—100% производственных мощностей в соответствующих отраслях промышленности (Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 244).

[135] История Румынии 1918—1970, с. 475.

[136] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 251—256.

чтобы увеличить общую сумму налогов, получаемую с эксплуататорских классов.

Важным фактором, стимулирующим развитие производства должна была стать кредитная политика. Коммунисты предлагали предоставлять преимущества в получении кредита предприятиям, выполнявшим и перевыполнявшим установленный план, а также осуществлять строгий государственный контроль за реализацией полученных кредитов с применением самых строгих санкций против руководства учреждений и предприятий, использовавших кредиты не по назначению [137]. Печать «исторических» партий, и особенно газета «Дрептатя» — орган национал-царанистов, обрушилась на предложения РКП, заявляя, что «не имеется ни малейших объективных условий для их реализации» и что попытка стабилизации валюты без иностранной помощи «может привести к непоправимой гибели основ существования нации» [138].

Национал-либеральная партия Татареску, несмотря на провозглашенную главой этой партии «Памятную записку», не решилась выступить с осуждением предлагаемых коммунистами мероприятий и, отмежевываясь от позиций «исторических» партий, заявила на страницах газеты «Драпелул», что основные положения предложенного коммунистами проекта полностью соответствуют принципам платформы Блока демократических партий [139]. 2 июля 1947 г. «Предложения РКП по улучшению экономического и финансового положения» были утверждены Национальным собранием. Для их реализации была сформирована специальная комиссия во главе с Г. Георгиу Дежем [140].

Опираясь на положения принятого документа и используя закон о всеобщем экономическом контроле, правительство летом 1947 г. развернуло активное наступление на черную биржу и спекулянтов. Были задержаны сотни крупных спекулянтов, изъяты миллиарды лей, большое количество иностранной валюты и товаров. Одновременно Министерство промышленности блокировало все

[137] См.: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 252—253.
[138] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6843, л. 147.
[139] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6843, л. 151.
[140] Румыния в годы народно-демократических революций..., с. 254.

товары, находившиеся под залогом в кредитных учреждениях, и вернуло их в торговую сеть [141].

Во время этой акции, проводимой органами государственного экономического контроля и получившей широкую поддержку рабочего класса, крестьян и мелких буржуазных городских слоев, коммунисты весьма последовательно и настойчиво показывали, что инфляция, спекуляция, недостаток кредитов мелким производителям — результат деятельности крупной буржуазии, составлявшей экономическую опору партии Татареску. В газетах, в выступлениях коммунистов — депутатов парламента прослеживалась связь политиков национал-либеральной партии с крупными финансовыми и промышленными магнатами страны [142].

Группировка Татареску, рассчитывавшая на поддержку мелкобуржуазных слоев и их представителей в Национальном собрании, начала утрачивать свое влияние. Откровенная защита интересов крупного капитала, проводимая национал-либералами, все больше отталкивала мелкую буржуазию от этой политической группировки. Немалую роль в развернувшемся процессе размежевания сил играла финансовая политика правительства, направившего после принятия закона о кредитной реформе большие средства на развитие кооперации в городе и деревне [143].

Это имело своим следствием то, что идущая за национал-либералами часть ремесленников, мелких предпринимателей, торговцев в городе и крестьян в деревне стала переходить в другие организации и партии БДП, особенно в национально-народную партию и Фронт земледельцев. Национал-либералы лишались массовой под-

[141] Система залогов использовалась спекулянтами для изъятия из торговли дефицитных товаров. Лишь в одном Бухаресте государственные органы изъяли из хранилищ кредитных банков товаров на 2500 млрд. лей. В подвалах «Банка Ромыняску», связанного с кругами Брэтиану, во время этой акции было обнаружено огромное количество товаров и продуктов питания. В 13 уездах страны в августе 1947 г. из кредитных учреждений изъято около миллиона метров текстиля, 335 тыс. пар обуви, сотни тонн продуктов питания (ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6843, л. 160—162).

[142] ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 6843, л. 151.

[143] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 249—250.

держки и их политическая изоляция в обществе возрастала. В ноябре 1947 г. последняя группировка румынской буржуазии покинула правительство. «Удаление из правительства либералов Татареску,— писала «Скынтейя»,— является новым ударом по экономической и политической реакции, поскольку это лишает ее позиций, которыми она располагала среди демократических сил» [144].

В условиях прогрессирующего ослабления буржуазной оппозиции в рамках блока были проведены мероприятия, предложенные РКП и утвержденные Советом Министров в июне 1947 г. Здесь следует назвать прежде всего денежную реформу, которая положила конец инфляции и финансовому хаосу. Она нанесла серьезный удар по экономическим позициям финансовой, торговой и промышленной буржуазии, ибо согласно положению закона о реформе этим слоям было разрешено обменять лишь сумму, равную двухмесячной зарплате рабочих и служащих. Остальная часть капитала аннулировалась. Торговые предприятия вообще лишались права обмена денег. Трудящиеся категории общества могли обменять сумму от 3 до 5 млн. старых лей по курсу 20 тыс. старых лей за 1 новый [145]. В результате проведения этой реформы в руках буржуазии остались финансовые суммы, достаточные лишь для ведения текущей деятельности предприятия на протяжении весьма непродолжительного времени. Это делало частнокапиталистические предприятия полностью зависимыми от государственных кредитов. Такую же цель преследовала и реформа налоговой системы, по которой были существенно повышены ставки прямых и снижены ставки косвенных налогов [146].

Одновременно ряд мер, осуществленных во второй половине 1947 г., имел своей целью еще более глубокое включение частнокапиталистических предприятий в общегосударственный экономический организм. Из них следует особо отметить составление со второй половины

[144] Цит. по: Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 285.

[145] Подробнее см.: *Олейник И. П.* Развитие промышленности Румынии..., с. 48—49; *Сазина М. Г.* Борьба румынского народа..., с. 422—425.

[146] За период с сентября по декабрь 1947 г. удельный вес прямых налогов возрос с 27,5% до 43,2%, а косвенных сократился с 72,5% до 56,8% (*Олейник И. П.* Развитие промышленности Румынии..., с. 49).

1947 г. полугодовых производственных программ для большинства отраслей промышленности, выполнение которых было обязательно для предпринимателей.

Г. Георгиу Деж, оценивая впоследствии преобразования, осуществленные во второй половине 1947 г., специально подчеркивал: «...за короткий срок наша страна в своем развитии совершила то, что называется в марксистской теории качественным скачком» [147].

Путь для окончательного вытеснения буржуазии из сферы производства был открыт.

К этому времени в Румынии государственный сектор хотя и существовал, но его позиции не были столь значительны, как, например, в Венгрии, где изъятие средств производства у буржуазии началось еще до окончательного ее вытеснения из органов государственной власти.

В Румынии государству принадлежало 1186 предприятий. На них было занято около 15% рабочих добывающей отрасли промышленности и 21% рабочих перерабатывающих отраслей [148].

Полностью в руках частнокапиталистического сектора находились текстильная, нефтеперерабатывающая, стекольная отрасли промышленности, а также производство точного машиностроения. В других отраслях доля государственного сектора колебалась в пределах от 41% (строительство и производство стройматериалов) до 14% (пищевая промышленность) [149].

Но все проведенные с ноября 1946 г. до конца 1947 г. меры: в частности, национализация государственного банка, ликвидация капиталистических трестов и картелей путем создания отраслевых промышленных объединений, установление государственного, административного и экономического контроля над частнокапиталистическим производством, а также передача в начале 1948 г. в руки государства всей внешней и части внутренней торговли являлись подготовкой к акту непосредственного изъятия средств производства из рук буржуазии. Он был осуществлен уже в новой исторической обстановке, когда развитие революционного процесса в стране привело к устранению монархии, лишившейся к концу 1947 г., после самороспуска национал-либеральной партии, всякой опоры

[147] *Георгиу Деж Г.* Статьи и речи, т. I, с. 123.
[148] *Sonea G.* Naţionalizarea principalelor..., p. 37.
[149] *Sonea G.* Naţionalizarea principalelor..., p. 38.

в стране. «В момент отречения короля,— отмечают румынские историки,— в стране не было течения или партии, которая предприняла бы действия в защиту монархии» [150]. Национальное собрание Румынии провозгласило 30 декабря 1947 г. страну республикой.

13 апреля 1948 г. была принята Конституция Румынской Народной Республики, которая юридически закрепила установление в стране политической власти трудящихся во главе с рабочим классом. Она, по существу, стала первым юридическим актом, узаконившим переход в собственность нового государства недр, лесов, источников природной энергии, железных дорог, воздушного транспорта, почты, телеграфа и телефона.

В принятой конституции имелось весьма важное положение о том, что достоянием народа могут стать все средства производства, банки, страховые общества, принадлежащие частным лицам, если этого потребуют интересы общества [151]. Таким образом, право рабоче-крестьянского государства экспроприировать буржуазию было теперь закреплено юридически.

Опираясь на это положение конституции, РКП развернула подготовку к проведению национализации. При ЦК Румынской рабочей партии [152] была создана Высшая комиссия по национализации, составленная из представителей Высшего экономического совета и ряда министерств. Ею был разработан план конкретных мероприятий, направленных на сохранение заводов и фабрик, предотвращение актов саботажа со стороны владельцев и т. п. На местах создавались уездные комиссии, в которые входили наряду с представителями уездных комитетов партии и представители профсоюзов [153].

10 июня 1948 г. состоялся специальный пленум Румынской рабочей партии, на котором был обсужден и одобрен проект закона о национализации основных средств

[150] Румыния в годы народно-демократической революции..., с. 288.

[151] Constituţia Republicii Populare Române 1948.— Monitorul oficial, 13.IV 1948.

[152] Название, принятое после объединения РКП и СДПР в феврале 1948 г.

[153] См. подробнее: *Сурпат Г.* Национализация промышленности в Румынии: Роль рабочего класса в руководстве промышленными предприятиями.— В кн.: Вопросы национализации в современном мире. Варшава, 1978, с. 200—201.

производства, представленный Политбюро. 11 июня 1948 г. открылось заседание Великого национального собрания. Его депутатам был предложен на рассмотрение проект закона о национализации. Он получил единогласное одобрение.

В этот же день на местах развернули работу уездные комиссии по национализации. На заводах и фабриках страны прошли митинги в поддержку этого революционного акта рабоче-крестьянского государства.

В соответствии с принятым законом национализировались крупные и средние промышленные предприятия [154]. Не подлежали передаче государству мелкие предприятия и ремесленные мастерские. Не национализировались также торговые предприятия.

В течение двух дней государству было передано 8894 фабрики и завода, из них только 3560 имели местное значение [155]. Проведенная в конце 1948 г. перепись промышленных придприятий показала, что в руках государства было теперь сосредоточено 80% производства энергетической, 58% добывающей и 80% перерабатывающей промышленности.

В октябре 1948 г. в государственном секторе было занято 76% промышленных рабочих, 98% транспортных рабочих и 42% работников торговли [156].

Экономические позиции буржуазии в народном хозяйстве Румынии были окончательно ликвидированы.

3. Реализация экономической программы правительства Отечественного фронта в 1945—1947 гг. и ликвидация позиций буржуазии в промышленности Болгарии

В Болгарии борьба за реализацию концепции вытеснения частного капитала из сферы производства, предложенной коммунистами и являвшейся, подобно концепциям ВКП и РКП, тактическим вариантом постепенной, поэтапной ликвидации буржуазии как класса, разворачивалась в условиях, существенно отличавшихся от двух рассмотренных выше стран.

[154] См.: *Олейник И. П.* Развитие промышленности Румынии..., с. 52—67; *Sonea G.* Naţionalizarea principalelor..., p. 57—111.
[155] *Сурпат Г.* Национализация промышленности в Румынии..., с. 204.
[156] *Sonea G.* Naţionalizarea principalelor..., p. 95.

Во-первых, здесь не стояла с такой остротой, как в Венгрии и Румынии, задача осуществления единства рабочего класса, поскольку влияние социал-демократии среди болгарских рабочих было крайне незначительно [157], да и сама эта партия, объединявшая главным образом небольшие группы интеллигенции и мелкобуржуазных слоев города и деревни, была относительно малочисленной и не могла претендовать на роль гегемона в рабочем движении.

Во-вторых, в отличие от Румынии здесь налицо была явная слабость буржуазных партнеров по Отечественному Фронту. Народный союз «Звено», провозгласивший себя в октябре 1944 г. политической партией, отражал «интересы различных групп средней демократической буржуазии, мелкобуржуазных слоев и некоторых кругов интеллигенции и офицерства» [158]. Это была весьма немногочисленная организация и крайне разнородна по своему социальному составу [159]. В его рядах после 9 сентября 1944 г. можно было видеть как представителей буржуазии, рассчитывавших использовать участие Народного союза «Звено» в Отечественном фронте и правительстве для защиты своих интересов и сохранения в неприкосновенности капиталистической собственности, так и мелких предпринимателей, служащих, интеллигенцию, выступавших за ликвидацию засилья монополий в экономической жизни страны [160]. Влияние этой партии на

[157] К маю 1945 г. в БРСДП было объединено около 15 тыс. человек. Число рабочих среди них было настолько мало, что эта партия не имела даже самостоятельных организаций на промышленных предприятиях страны (*Остоич П.* Идейното и организационното развитие на БРСДП от 9.IX 1944 до 5.VIII 1945.— Известия на Института по история на БКП, 1969, т. 21, с. 131. Подробнее об этой партии см. также: *Исусов М.* Социальная демократия и народно-демократическая революция в Болгарии (1944—1948 гг.) — Études balkaniques, 1973, t. I.

[158] *Исусов М.* Формиране на многопартийната система в България (1944—1945).— В кн.: В чест на академик Димитър Косев. Изследования по случай 70 години от рождението му. София, 1974, с. 355.

[159] В начале 1945 г. в партии насчитывалось 14—15 тыс. членов; в 1946 г. в ее рядах было около 50 тыс. человек, но впоследствии численность ее опять сократилась до 15 тыс. (см.: *Димитров И.* Народен съюз «Звено» (1 октомври 1944—19 февруари 1949 г.).— Исторически преглед, 1970, № 5, с. 6—7.

[160] *Димитров И.* Народен съюз «Звено»..., с. 7.

основные классы болгарского общества было ограниченным и ее силу, безусловно, нельзя сравнивать с силой национал-либеральной партии Татареску в Румынии.

Для судеб революции в Болгарии определяющее значение имела проблема отношений БРП(к) и Болгарского земледельческого народного союза, имевшего влияние в деревне, где проживала основная часть населения страны. БЗНС являлся одним из наиболее сильных партнеров БРП(к) в Отечественном фронте. К середине 1945 г. он насчитывал 300 тыс. членов [161].

Казалось бы, разработка и принятие программы правительства Отечественного фронта, где были тщательно учтены социально-экономические требования болгарского крестьянства и мелких производителей, создавали почву для длительного сотрудничества коммунистов с БЗНС. Однако на деле этого не произошло, и с конца 1944 г. началось обострение отношений между БРП(к) и рядом группировок БЗНС, которое особенно усилилось летом 1945 г. и переросло впоследствии в кризис всего Отечественного фронта. Как организация крестьянства, которое в условиях капитализма не является единым классом, БЗНС была крайне неоднородной в классовом отношении партией, это проявлялось в рыхлости ее организационной структуры, в наличии в ней течений и групп, преследующих разные цели. Единство между ними было довольно относительное и оказалось сравнительно устойчивым только до того момента, пока в стране осуществлялись мероприятия, не выходившие за антифашистские рамки [162].

Именно в этих рамках новое правительство Болгарии в течение осени 1944 и первой половины 1945 г. приняло

[161] *Зарчев Й.* Българският земеделски народен съюз (9.IX 1944—1948).— Известия на Института по история на БКП, 1975, т. 32, с. 120. БРП(к) в феврале 1945 г. объединяла 252 тыс. человек (*Исусов М.* Формиране на многопартийната система в България..., с. 359).

[162] Следует также иметь в виду то обстоятельство, что после 9 сентября 1944 г. члены запрещенных старых буржуазных партий устремились в БЗНС, пытаясь превратить эту наиболее массовую партию в свою опору. Руководитель областной организации БЗНС в Бургасе дал указание принимать в БЗНС «всех недовольных». Как сообщалось с мест, в «дружбы» БЗНС вступали бывшие сторонники Цанкова, жандармы, бывшие члены «Народного сговора» и т. п. (см. об этом: *Зарчев Й.* Българският земеделски народен съюз..., с. 121).

ряд постановлений, направленных на ограничение частной собственности в сфере производства. 15 сентября 1944 г. на основе закона о надзоре за имуществом подданных вражеских государств и юридических лиц, проживающих в этих государствах [163], Совет Министров издал распоряжение, по которому все имущество германских монополий подлежало конфискации и переходило под управление специально созданного отдела Министерства торговли и промышленности. В марте 1945 г. было принято постановление о создании государственных предприятий, на основе которого в собственность государства перешли все предприятия, где доля немецкого капитала составляла более 50%. На те же предприятия, где доля немецкого капитала колебалась в пределах 10—50%, назначались специальные государственные уполномоченные [164]. Оценивая значение этих акций для подрыва позиций частного капитала в экономике страны, следует иметь в виду, что они по своим масштабам и степени влияния на структуру народного хозяйства, безусловно, не могут быть приравнены к аналогичным по форме акциям в Югославии, Польше или Чехословакии, поскольку здесь, как уже отмечалось выше, прямые вложения германского капитала были значительно меньше [165]. В течение сентября-октября 1944 г. Совет Министров принял два постановления, которые, не выходя за антифашистские рамки, расширили возможности вторжения нового государства в сферу собственности болгарской буржуазии. Постановление о создании народных судов над военными преступниками [166] открыло возможность через конфи-

[163] Этот закон принят еще в годы фашистского режима и был направлен против стран — участниц антигитлеровской коалиции. Правительство Отечественного фронта использовало его формальные положения для конфискации собственности германских монополий.

[164] *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие на промишлеността в НРБ 1944—1948. София, 1968, с. 168.

[165] На основе решений Потсдамской конференции в качестве германского имущества было передано Советскому Союзу 32 промышленных предприятия, где участие германского капитала колебалось от 1% (как в Болгаро-чешском сахарном производстве) до 99,9% (как в Кораловаг). Централен Държавен Архив на НРБ, ф. 47, оп. 11 а. е. 26, р. 20—21.

[166] О действии народных судов см.: *Пейков Ив.* Подготовка, провеждане и значение на народния съд през 1944—1945 г.— Исто-

скацию их движимого и недвижимого имущества взять под полное управление государства некоторые промышленные предприятия, а также усилить долю участия государства в ряде акционерных обществ, членами которых были бывшие фашистские министры, государственные деятели и т. д.[167] Дополнение к существующему прежде торговому закону, которое предписывало в месячный срок провести регистрацию акций всех обществ и промышленных предприятий, позволило изъять из рук частного капитала часть акций на сумму около 178 млн. левов[168], как не прошедших регистрацию, что способствовало увеличению количества смешанных государственно-частных предприятий в стране. Все рассмотренные меры, коснувшиеся прежде всего собственности лиц, открыто связанных с прежним фашистским режимом, хотя и расширяли сферу государственного сектора в экономике Болгарии, но не затрагивали пока интересов основной массы болгарской буржуазии.

В структуре управления производством с конца 1944 до середины 1945 г. не происходило каких-либо формальных перемен. Государственный контроль за деятельностью частнокапиталистических предприятий продолжал осуществляться через органы, созданные в предшествующие годы[169], однако этот контроль становился все более чет-

рически преглед, 1964, № 2—3, с. 151—170.

[167] Закон о конфискации имущества фашистских преступников, хотя и в разной мере, коснулся 146 промышленных предприятий, из которых 78 имели важное экономическое значение. Полностью были конфискованы 9 промышленных предприятий, 50—99% капитала было конфисковано на 20 предприятиях (см.: *Исусов М.* Работническата класа в България 1944—1947. София, 1971, с. 58. Анализ этой акции дан также в работе: *Петков П.* Ликвидиране на капиталистическата собственост в промишлеността на България. София, 1965).

[168] *Исусов М.* Работническата класа..., с. 59.

[169] Дирекция гражданской мобилизации, через которую производилось распределение государственных заказов частнокапиталистическим предприятиям и осуществлялся контроль за их выполнением, созданная в начале войны, продолжала активно функционировать и после 9 сентября. Она была ликвидирована только в середине 1945 г. Продолжали существовать и другие органы, созданные еще буржуазным государством, через которые осуществлялся экономический контроль, например дирекция внешней торговли, дирекция внутренней торговли, дирекция распределения, дирекция труда и т. д.

ким. С февраля 1945 г. была введена периодическая отчетность на всех частнокапиталистических предприятиях.

Установление на предприятиях страны через комитеты Отечественного фронта фактического рабочего контроля над производством было актом, выходившим за рамки антифашистских мероприятий. Оно свидетельствовало о потенциальных возможностях активного вмешательства рабочего класса в сферу капиталистической частной собственности на средства производства. В марте 1945 г. контроль комитетов Отечественного фронта был заменен контролем рабочих комиссий, а с лета 1945 г. контрольные функции были возложены на профсоюзные организации.

Революционность рабочего класса, его готовность к осуществлению непосредственно социалистических преобразований в системе производства на рассматриваемом этапе еще не сопровождалась аналогичными сдвигами в настроениях его союзников по фронту. В. Коларов впоследствии на пленуме ЦК БРП(к) в январе 1948 г., оценивая ситуацию 1944 г., отмечал, что некоммунистические партии признавали руководящую роль БРП(к) в борьбе против фашистской диктатуры, но не признали бы эту роль, если бы надо было перейти к национализации [170]. Попытки коммунистов реализовать требования, выдвигаемые рабочими собраниями на предприятиях, и перейти к более широким мероприятиям антикапиталистического характера в рамках программы Отечественного фронта наталкивались на сопротивление партнеров БРП(к) по Отечественному фронту. Например, в ноябре 1944 г. министром юстиции коммунистом Нейчевым был разработан законопроект о конфискации имущества, нажитого путем спекуляции и незаконных действий, который наносил удар по интересам болгарской буржуазии и выходил за рамки чисто антифашистских мероприятий. Но этот проект не получил поддержки со стороны министров — членов других партий Отечественного фронта, которые увидели в нем прежде всего угрозу частнокапиталистической собственности. Министерством финансов было выдвинуто предложение изъять накопленные средства с помощью введения единоразового налога.

[170] *Исусов М.* Политические партии и социалистическая альтернатива в Болгарии (1947—1949).— Études historiques, Sofia, 1978, t. VIII, p. 392.

Аналогичная судьба постигла и предложение провести национализацию горнорудной промышленности [171]. Невозможным оказалось принять и закон о прогрессивно-подоходном налоге, основная тяжесть которого могла быть возложена на имущие слои. Вместо него Министерство финансов настояло на введении налога в счет трудовой повинности. Он в одинаковой степени касался и рабочих, и крупных промышленников [172]. Колебания и сопротивление руководителей мелкобуржуазных и буржуазных партий в Отечественном фронте, по существу, не давали возможности БРП(к) последовательно реализовать выдвинутые в программе Отечественного фронта экономические требования. Не случайно летом 1945 г. Политбюро констатировало, что из-за неоднородности правительство не может следовать твердо принятой политике [173].

Было очевидно, что в Отечественном фронте по мере того, как решение антифашистских задач приближалось к завершению, стал усиливаться процесс дифференциации политических сил. Это нашло выражение в нарастающей активности правых группировок внутри Народного союза «Звено», БЗНС и БРСДП летом 1945 г. Часть этих группировок (раскол охватил БЗНС и БРСДП), фактически превратившись в самостоятельные политические организмы, перешла в оппозицию, ведущей силой которой стал БЗНС, возглавлявшийся Н. Петковым (БЗНС — Н. Петков) [174].

Примерно к этому же времени, т. е. к весне-лету 1945 г., относится и формирование экономической программы оппозиции. Еще на I национальном конгрессе комитетов Отечественного фронта, состоявшемся в марте 1945 г., Н. Петков от имени «делегатов организованных земледельцев» выдвинул требования, которые составили основу экономической части «Избирательной программы народных оппозиционных кандидатов» — важнейшего

[171] *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие..., с. 171, 178.

[172] *Гришина Р. П.* Политическая обстановка в Болгарии весной — летом 1945 г.— Сов. славяновед., 1974, № 5, с. 19.

[173] Там же, с. 20.

[174] См.: *Исусов М.* Формиране на опозиционните политически сили в България (1944—1945).— Известия на Института по история на БКП, 1972, т. 27; *Гришина Р. П.* Политическая обстановка в Болгарии...

документа оппозиции [175]. Н. Петков и его сторонники выступали за введение прогрессивно-подоходного налога, конфискацию незаконно приобретенного имущества и всех прибылей военного времени, справедливое распределение разверсток и оплату поставок, установление цен на продукты в соответствии с себестоимостью последних, введение кооперативной монополии на табак, уничтожение ножниц в ценах на продукты сельского хозяйства и промышленные товары, предоставление пенсий крестьянам и увеличение всех пенсий вообще, введение свободной, добровольной кооперативной обработки земли и, наконец, введение такого хозяйственного плана, в котором бы центральное место занимала кооперация [176].

Уже из изложенного видно, что весь комплекс этих требований, несмотря на кажущуюся радикальность, отнюдь не задевал интересов зажиточных слоев деревни и скорее был направлен на то, чтобы противопоставить крестьянство как единое целое городу (требование об уничтожении ножниц, установление цен на продукты в соответствии с себестоимостью, оплата поставок, введение пенсий крестьянству и др.). Вместе с тем Н. Петков в свою программу включил и те требования программы Отечественного фронта, которые пользовались широкой поддержкой и были популярны среди крестьянства и городских слоев. Речь идет прежде всего о требовании введения прогрессивно-подоходного налога и необходимости конфискации незаконно нажитого имущества и прибылей военного времени. Включение этих требований было явно рассчитано не только на усиление позиций в деревне, но и на привлечение тех городских слоев мелких производителей, ремесленников и т. п., которые были заинтересованы в ослаблении своих более сильных конкурентов.

Особого внимания заслуживает тезис о введении кооперативной монополии на табак и разработке такого хозяйственного плана, который центральное место в экономической жизни страны предоставил бы кооперации.

[175] Анализ его см.: *Игнатьева Т. В.* Борьба демократических сил против оппозиционной группировки Н. Петкова в БЗНС за осуществление социально-экономических преобразований в Болгарии в первые годы народной власти.— Сов. славяновед., 1976, № 2, с. 23.

[176] Отечествен фронт, 15.III 1945.

Что такое кооперативная монополия на табак в планах оппозиции? Вначале, когда ее представители, излагая свое понимание кооперативной монополии, говорили о том, что все производители табака должны быть организованы в кооперативы, занимающиеся выращиванием, сбором и первичной переработкой табака, создается впечатление, что речь идет о некой общей, объединяющей всю болгарскую деревню организации, противостоящей эксплуатирующему ее городу — идея весьма популярная среди болгарского крестьянства. Однако если учесть, что главным принципом для Н. Петкова и его сторонников было объединение в кооперативах лишь тех «хозяев, владельцев земли, которые сохраняют земельную собственность и могут ею свободно распоряжаться» [177], то станет совершенно очевидным стремление авторов проекта сохранить частную собственность и инициативу как основу производственных отношений независимо от расширения кооперативных форм производства и обмена.

Переработка табака «должна быть сосредоточена в руках рабочих-табачников. Они, подобно крестьянам-производителям табака, будут организованы в кооперативные табачные фабрики. Переработав табак, они будут его и сбывать. Государство же в случае необходимости может выступать как контролер. Табачные фабрики должны стать кооперативными. Они будут принадлежать рабочим, чиновникам и собственникам, которые захотят там остаться» [178].

И хотя в этом проекте меньше всего говорилось о судьбе бывших собственников предприятий, было ясно, что рабочие, ставшие владельцами кооперативных фабрик, но не имевшие капиталов, не смогут наладить производ-

[177] Народно земеделско знаме, 12.XII 1945.

[178] Стенографски дневници на Великото Народното Събрание открито на 7 ноември 1946. Дял. I, кн. 2, с. 602. Все эти идеи восходили к концепциям кооперативного государства, которые ранее развивались идеологами БЗНС. В 30-х годах эти концепции носили откровенно антикоммунистический характер. Так, по мнению одного из идеологов БЗНС (Хр. Стоянова), «кооперативное государство есть полное отрицание всех форм диктатуры, будь то фашистской, национально-социалистической или коммунистической» (цит. по: *Матеев Б.* Движението за кооперативно обработване и стопанисване на земята в България през последното десетилетие на капитализма.— Известия на Института за история, 1962, т. XI, с. 26—27).

ство. Поэтому необходимым условием успешного функционирования кооперативных фабрик становилось участие физических и юридических лиц, располагавших необходимыми средствами. Здесь-то и находилось место для бывших владельцев табачных фабрик [179]. Кооперативные организации такого типа должны были занять ведущее место в экономике страны. Совершенно очевидно, что оппозиция стремилась использовать популярный в массах лозунг кооперации для сохранения капиталистической системы отношений, придав ей при этом форму иллюзорной гармонии интересов и псевдонародной собственности, реформировав ее так, чтобы обеспечить зажиточной верхушке деревни, составлявшей основу правых течений в БЗНС, не подчиненное, как прежде, а равноправное положение с промышленным и торговым капиталом. В этом плане взгляды правых кругов БЗНС, противопоставивших концепции обобществления производства путем развития и укрепления государственного сектора, отстаиваемой коммунистами, требование создания системы кооперативной собственности, отчетливо перекликались с теориями Миколайчика в Польше, выступавшего против «этатизации производства». Свои связи с ним лидеры оппозиции БЗНС неоднократно подчеркивали. В сущности, взгляды обоих этих течений восходили к теориям, имевшим в предшествующие годы распространение среди буржуазных кооператоров многих стран.

В Болгарии же, где идея кооперации была необычайно популярна и где представления о кооперации, как панацее от всех бед, имели глубокие корни среди крестьян, выступление оппозиции под лозунгами введения кооперативной монополии на табак и предоставления центрального места в экономической жизни страны кооперации было особенно опасно в политическом плане. Оно давало возможность реакции мобилизовать на борьбу с коммунистической концепцией социальных преобразований не только широкие слои крестьянства, но также и известную

[179] Требование кооперативной монополии на табак, предлагавшееся Н. Петковым, полностью отвечало интересам капиталистических элементов, связанных с обработкой табака, ибо они еще раньше, осенью 1944 г., от имени торговцев табаком внесли предложение об установлении кооперативной табачной монополии (ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 397, л. 1—8).

часть рабочих, которая по происхождению была тесно связана с деревней.

В такой чрезвычайно сложной обстановке требовался весьма осторожный подход к решению проблемы частной собственности и к выработке основных направлений экономической политики. Определенный еще ранее курс БРП(к) на постепенное вытеснение буржуазии из сферы производства давал возможность широкого маневра в этой области. В сентябре 1945 г. ЦК БРП(к) уточнил и конкретизировал в соответствии со сложившейся новой обстановкой основные направления хозяйственной политики партии.

Главную задачу коммунисты видели в том, чтобы обеспечить условия для ускоренного, всестороннего экономического развития страны, для ее индустриализации. При этом они подчеркивали, что на данном этапе проблема индустриализации отнюдь не связывается ими с необходимостью немедленной национализации существующих частных предприятий и что они не собираются посягать на частную капиталистическую собственность. «Промышленники, желающие честно и искренне сотрудничать с государством в соответствии с требованиями нового времени, получат полную поддержку правительства для укрепления и расширения своих предприятий...» — говорилось в Декларации ЦК БРП(к) [180].

В специальном разделе декларации, посвященном вопросам строительства новых промышленных предприятий, весьма настойчиво подчеркивалась необходимость активно привлекать частные средства и капиталы. В отношении мелких производителей предполагалось проведение политики, направленной на поддержку их производственных усилий и ставились задачи предоставления дешевого кредита, обеспечения беспошлинного импорта машин и оборудования и улучшения снабжения ремесленных кооперативов сырьем и необходимыми материалами.

Выдвижение коммунистами задач ускоренного развития промышленного производства с политической точки зрения имело значение не только для установления контактов с мелкими городскими производителями. Оно по-

[180] Българската комунистическата партия в резолюции и решения на конгресите, конференците, пленумите и политбюро на ЦК. София, 1956, т. IV (1944—1955), с. 31.

зволяло найти новую почву для диалога с деревней, страдающей сильным перенаселением. В условиях, когда количество земли, подлежащей переделу по аграрной реформе, было крайне незначительно, ускоренное развитие промышленности могло обеспечить новые реальные источники существования тысячам малоземельных крестьян. Таким образом, коммунисты, поставив в центре своей экономической программы проблему индустриализации, обеспечивали дополнительную возможность усиления своего политического влияния в деревне.

Решение важнейшей общенациональной задачи подъема и ускоренного развития промышленного производства коммунисты связывали, как показывает анализ рассматриваемого документа, с усилением роли нового государства в экономике страны, с укреплением его контрольных функций над производством и расширением прямого участия государства в народном хозяйстве.

«БРП(к) глубоко убеждена, что в современных условиях индустриализация и расцвет страны не могут быть обеспечены в возможно кратчайший срок без вмешательства, руководства и контроля со стороны государства... Государственный контроль над промышленностью, торговлей и финансами, не сковывая частной инициативы и личной предприимчивости, имеет целью обеспечить общественные интересы и социальную справедливость» [181].

Государственный контроль, как подчеркивалось в декларации ЦК БРП(к), должен быть направлен «на защиту рабочих от эксплуатации и произвола со стороны предпринимателей, на создание таких отношений между трудом и капиталом, которые содействовали бы росту национального дохода», на охрану мелких городских и сельских производителей «от произвола хищнических картелей и спекулянтов» [182].

Такой курс болгарских коммунистов в своих основных моментах был принципиально сходен с аналогичной политической линией компартий Румынии и Венгрии. Выдвигая его, БРП(к) так же, как коммунисты Венгрии и Румынии, стремилась к решению следующих задач: провести постепенное подчинение частнокапиталистических форм хозяйства руководству нового народно-демократи-

[181] Българската комунистическа партия в резолюции..., с. 31.
[182] Българската комунистическа партия в резолюции..., с. 31.

ческого государства, сплотить вокруг своей программы под общенациональным лозунгом восстановления и развития экономики большинство нации и нанести политическое поражение оппозиции, а также разоблачить в глазах масс деструктивную роль частного капитала, неспособного к самостоятельному позитивному решению стоящих перед страной задач.

Такая политическая линия могла быть реализована коммунистами уже в 1945 г., несмотря на возникший политический кризис внутри Отечественного фронта и благодаря сотрудничеству с теми партнерами в нем, которые, возражая против проведения антикапиталистических мероприятий, в то же время были готовы пойти на известное усиление роли государства в управлении экономикой страны. С этой точки зрения акцент в экономической политике на вопросах, связанных с усилением регулирующей роли государства, открывал возможность для более широкого сотрудничества БРП(к) с Народным союзом «Звено». Эта политическая группировка выступала за активное вмешательство государства в управление экономикой.

Не случайно теоретики этой партии при трактовке экономической программы Отечественного фронта особое внимание уделяли вопросам усиления руководящей роли государства в системе производства. «Наша экономическая политика,— писал орган «Звена» журнал «Бразда»,— не имеет склонности к либеральному хозяйству. Она направлена на укрепление регулируемой экономики... Наряду с частным сектором в экономике программа Отечественного фронта придает необходимую значимость государственному и кооперативному сектору. Государство может создавать свои предприятия, монополизировать отдельные отрасли, кооперация тоже»[183]. Но, оценивая подобные выступления «Звена», следует, однако, иметь в виду, что даже самые левые из его деятелей, подобно автору цитированной статьи Т. Трифонову, видели основу своей экономической политики в защите частной собственности. Поэтому не случайно после всех пассажей в поддержку тезиса о необходимости активного вмешательства государства основной вывод сводился к тому, что «при

[183] Бразда, 1945, № 6, с. 351.

правильно понятой экономической программе Отечественного фронта и ее разумной реализации эти два сектора (имеются в виду государственный и кооперативный.— *Г. М.*) не должны затенять частного сектора или тормозить его развитие» [184]. Как определенного рода уступку со стороны коммунистов, дающую «Звену» некоторые позиции в осуществлении государственного контроля, и следует рассматривать передачу в правительстве, созданном 29 сентября 1945 г., Министерства финансов в руки «Звена».

Отмечая принципиальное сходство основных направлений экономической политики коммунистов Румынии, Венгрии и Болгарии, следует вместе с тем иметь в виду существенную разницу исходных позиций.

Прежде всего следует отметить, что коммунистам Болгарии на сравнительно раннем этапе, по существу сразу же после окончания войны, удалось взять в свои руки те рычаги управления производством, которые давали возможность оказывать определяющее влияние на экономическую политику правительства. В мае 1945 г. в связи с окончанием военных действий ликвидируется уже упоминавшаяся Дирекция гражданской мобилизации, через которую государство осуществляло контроль за промышленным производством. Был создан новый орган — Высший экономический совет, во главе которого стал представитель БРП(к). Высший экономический совет был создан не только как контролирующий орган, но и как центр по руководству промышленностью и всем народным хозяйством. Его задачи заключались в согласовании и контроле деятельности государственных хозяйственных ведомств, отдельных отраслей экономики, а также частных и общественных предприятий [185].

Кроме того, следует иметь в виду, что в течение 1945 г. усилились и расширились контрольные функции Министерства торговли, труда и промышленности, особенно после того, как правительство приняло специальное постановление, предоставившее этому министерству широкие функции в определении ассортимента, количества

[184] Бразда, 1945, № 6, с. 352—353.

[185] См. подробнее: *Мозеров В. Д.* Экономическая политика Болгарской коммунистической партии в промышленности. Восстановительный период 1944—1948. Саранск, 1973, с. 82—85.

и качества продукции, производимой на частнокапиталистических предприятиях, а также в распределении сырья, полуфабрикатов и готовых товаров. При министерстве был создан специальный отдел контроля, при котором постепенно сложился весьма широкий институт контролеров, действующих в каждой отрасли промышленного производства [186].

И хотя к концу 1945 г. этот государственно-административный контроль еще не охватывал всех звеньев производства, тем не менее линия его развития была определена весьма четко.

Рассматривая вопрос о государственном контроле в народно-демократической Болгарии и сравнивая его потенциальные возможности с возможностями государственного контроля в Венгрии и Румынии, следует отметить, что в Болгарии государство имело более широкие рычаги воздействия на развитие частнокапиталистического производства. Это объяснялось несколькими причинами. Во-первых, пролетариат Болгарии, располагая сразу же после антифашистского восстания 9 сентября более прочными позициями в системе государственной власти, сумел на более ранней стадии развития революционного процесса, чем в Венгрии и Румынии, добиться конфискации имущества болгарских военных преступников и лиц, связанных с фашизмом, и передачи их имущества в руки нового государства. В результате этого возникло немалое число смешанных государственно-частных предприятий, где государство заняло ведущие позиции и определяло дальнейшее их развитие [187].

Во-вторых, в силу специфики развития болгарского капитализма, обусловившей относительную слабость собственного болгарского промышленного капитала, частно-

[186] Подробнее вопросы, связанные со становлением форм административно-государственного контроля, см.: *Петков П.* Държавният и работнически контрол над производството в капиталистическата промишленост у нас (1944—1947).— Известия на Института по история на БКП, 1961, т. 8; *Генчев Н.* Национализацията на промишлеността в България.— Годишник на Софийския Държавен Университет. Философско-исторически факултет, 1962, ч. II; *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие...

[187] См.: *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие..., с. 73.

капиталистическая промышленность в значительной мере существовала благодаря кредитам, получаемым от государственных, кооперативных и других общественных и частных финансово-кредитных институтов. Только 40—45% оборотных средств в промышленности составляли собственные средства предпринимателей, остальная часть складывалась из капиталов, полученных от различных финансовых учреждений [188]. А поскольку решающие позиции в банковско-кредитной системе после 9 сентября [189] стали принадлежать государственным и кооперативным финансовым институтам [190], то создавались весьма благоприятные условия для осуществления широкого экономического контроля со стороны государства над частнокапиталистическим производством.

Все эти моменты объясняют, почему уже в 1945 г. в Болгарии могли быть проведены меры по установлению государственного контроля в более широком объеме, чем в Румынии и Венгрии. Более прочные позиции коммунистов в аппарате государственного контроля Болгарии позволяли особым образом решить здесь вопрос о рабочем контроле с тем, чтобы несколько разрядить накануне предстоявших выборов в XXVI Народное собрание крайне напряженную обстановку в экономике страны. Буржуазия, не связанная открыто с фашистским режимом и сохранявшая в промышленном производстве прочные позиции, под влиянием нарастающей политической борьбы перешла к активному саботажу на предприятиях [191], поддерживая действия оппозиции внутри Отечественного

[188] ЦДА на НРБ, ф. 47, оп. 11, а. е. 26, л. 13.

[189] Переход под управление государства германских капиталов значительно укрепил его позиции в финансово-кредитной системе. В общей массе иностранного капитала, вложенного в финансово-кредитные, торговые, страховые и промышленные акционерные общества, доля германских капиталов достигала к концу войны 25,6%. (Подсчитано по материалам ЦДА на НРБ, ф. 47, оп. 11, а. е. 11, л. 1—2).

[190] В конце 1947 г. государству принадлежало 73% всех вложенных в народное хозяйство капиталов, кооперативным народным банкам — 21%, частным банкам — 6%. И хотя по состоянию на 1945 г. эти данные требуют некоторой корректировки, они в достаточной мере красноречиво характеризуют соотношение сил в кредитно-финансовой системе (см.: *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие..., с. 191).

[191] См.: *Исусов М.* Работническата класа..., с. 243—245.

фронта и правых группировок, стоявших вне его. Это вызывало ответную реакцию рабочего класса, который, видя провокационные акции предпринимателей, стал добиваться более решительных экономических мер. На местах рабочие открыто выдвигали требования национализации тех предприятий, где капиталисты занимались срывом производства [192]. Рабочие добивались расширения прав профсоюзов в осуществлении контроля. Это выливалось нередко в острые столкновения предпринимателей с профсоюзными комитетами, стремившимися взять полностью в свои руки руководство производством. Такая обстановка использовалась силами оппозиции для создания атмосферы недоверия к организациям рабочего класса и в первую очередь к БРП(к). Поэтому было весьма существенно определить правильное соотношение рабочего и государственного контроля над частнокапиталистическим производством, которое, с одной стороны, не давало бы предпринимателям и их политическим защитникам поводов для нападок на организации пролетариата, а с другой — позволяло бы революционным силам осуществлять действенное вмешательство в сферу капиталистической собственности.

Перенесение центра тяжести на государственный контроль (при условии, что во главе центрального контролирующего органа — Высшего экономического совета стояли представители БРП(к)) давало возможность в наиболее удобной форме решить эту сложную проблему и, не ущемляя интересов рабочих, лишить буржуазные круги аргументов, выдвигаемых против рабочего контроля. Г. Димитров, определяя задачи профсоюзов на данном этапе писал: «Задачи профессиональных союзов сейчас заключаются не в том, чтобы изгнать предпринимателя с его предприятия и поставить своего комиссара. Их задача заключается в том, чтобы наблюдать, что происходит на предприятии, их задачи заключаются в том, чтобы принимать меры против любого саботажа и беспорядка на предприятии, чтобы защищать интересы и права рабочего класса этого предприятия, чтобы приучать промышленника и всякого рода других хозяев к

[192] *Златев Зл.* Борбата на българската работническа класа против саботажа на фабрикантите (1944—1947).— Исторически преглед, 1964, № 2—3, с. 135.

новому, совершенно новому отношению к рабочим и служащим, к труду» [193].

Гибкая политика БРП(к) в области социально-экономических преобразований была одним из существенных факторов, обусловивших успех силам Отечественного фронта на выборах в XXVI Народное собрание, проходивших в условиях политического нажима США и Англии. При поддержке этих держав оппозиция пыталась путем бойкота сорвать выборы [194]. И хотя ей удалось, используя «существующее среди некоторых городских и сельских слоев временное недовольство, вызываемое непреодоленными еще экономическими трудностями, отдельными ошибками и просчетами власти Отечественного фронта» [195], привлечь на свою сторону часть избирателей, все же подавляющее большинство приняло участие в выборах и голосовало за кандидатов Отечественного фронта [196]. Эта весомая и убедительная победа партий Отечественного фронта свидетельствовала о том, что основная масса населения страны поддерживает программу правительства и выступает в поддержку сформулированных там требований дальнейших социально-экономических реформ.

Избранная оппозицией тактика привела к тому, что ни в состав Народного собрания, ни в состав правительства ее представители не вошли. Устранение оппозиции от непосредственного управления страной давало возможность БРП(к) вновь вернуться к вопросам реализации тех пунктов программы правительства Отечественного фронта, которые в 1944—1945 гг. не могли быть осуществлены в связи с открытым сопротивлением правых сил. Теперь на повестку дня ставился вопрос о расширении социально-экономических преобразований, о выходе их за общедемократические рамки, об углублении их антикапи-

[193] Цит. по: *Исусов М.* Работническата класа..., с. 247.

[194] См.: *Исусов М.* Отечественият фронт и опитите за деформиране на новата парламентарна система в България (1945—1946).— Исторически преглед, 1973, № 4—5, с. 171—173.

[195] См.: Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно Събрание, Дял. I, кн. 1, с. 59.

[196] В голосовании, несмотря на призывы оппозиции бойкотировать выборы, приняло участие 3 млн. 858 тыс. (85,6%) всех избирателей, из них 3 млн. 397 тыс. голосовали за выдвинутых единым списком 276 кандидатов Отечественного фронта (*Исусов М.* Отечественият фронт и опитите за деформиране..., с. 174—175).

талистической направленности. Определяя свою конкретную политическую линию, коммунисты должны были считаться с колебаниями своих партнеров по Отечественному фронту. В БЗНС не произошло полного политического размежевания с оппозицией Н. Петкова. Внутри его шла напряженная борьба между центристами, тянувшими к Петкову и группировавшимися вокруг А. Оббова, который возглавил руководство БЗНС, и левым крылом, выступавшим за активное сотрудничество с БРП(к) [197].

В руководстве Народного союза «Звено» также находилось немало деятелей, которые отражали интересы буржуазных группировок, шедших на сотрудничество с коммунистами только для того, чтобы затормозить проведение глубоких социально-экономических преобразований.

В этих условиях БРП(к) приняла решение начать наступление на позиции торговой буржуазии. Г. Димитров в Народном собрании 25 декабря 1945 г. прямо поставил вопрос о том, что необходимо осуществлять такую экономическую политику, «которая устранила бы из экономической и общественной жизни спекулятивный и паразитический капитал» [198].

В январе 1946 г. на повестку дня Народного собрания коммунисты вынесли разработанный еще в 1944 г. проект закона о конфискации имущества, приобретенного незаконным путем и спекуляцией. Действуя таким образом, коммунисты стремились расколоть лагерь буржуазии и добиться разгрома ее наиболее экономически могущественных и одновременно являвшихся объектом наибольшей ненависти народных масс группировок, которые благодаря деятельности в сфере обращения и связей с черным рынком не могла охватить созданная система государственного контроля.

Внося этот законопроект, коммунисты рассчитывали, что в борьбе за его реализацию они получат поддержку широких слоев крестьянства и разоблачат оппозицию Н. Петкова в глазах трудовой деревни. Было ясно, что оппозиция в своем стремлении парализовать развитие революционного процесса в стране выступит против предлагаемого коммунистами проекта и попытается привлечь

[197] См.: *Зарчев Й.* Българският земеделски народен съюз..., с. 140.
[198] Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно Събрание. София, 1946. Для. I, кн. 1, с. 39.

на свою сторону неустойчивые, колеблющиеся элементы из БЗНС и Народного союза «Звено».

Но предложения коммунистов получили столь сильную поддержку трудовых слоев города и деревни, что противники законопроекта в БЗНС и «Звене» не решились открыто выступить против него [199]. Избрав тактику внесения уточнений и поправок, они пытались сузить сферу деятельности этого закона, по возможности оттянуть срок его реализации и устранить комитеты Отечественного фронта и народные массы от непосредственного его осуществления [200].

Коммунисты, пойдя на ряд уступок, добились принятия предложенного ими закона, и в апреле 1946 г. Народное собрание одобрило закон о конфискации имущества, приобретенного путем спекуляции и незаконных действий. Проведение его в жизнь было возложено на специальную комиссию при Совете Министров, председателем которой стал коммунист Трайчо Костов; деятельность ее опиралась на комитеты Отечественного фронта.

Реализация закона проходила в условиях активного противодействия буржуазных сил, опиравшихся не только на поддержку оппозиции и реакционных кругов, стоящих вне фронта, но и на правые элементы внутри Отечественного фронта. Она нанесла весьма ощутимый удар по позициям частного, прежде всего торгового, капитала, хотя в значительной мере затронула и промышленников. Суды рассмотрели 5358 дел о незаконно приобретенном имуществе и вынесли постановления о частичной или полной его конфискации (693 дела касались промышлен-

[199] 31 января 1946 г. перед зданием Народного собрания состоялся стотысячный митинг в связи с обсуждением законопроекта о конфискации имущества, приобретенного незаконным путем, и действиями оппозиции, выступившей с просьбой к иностранным державам вмешаться во внутренние дела Болгарии. Представитель Народного союза «Звено», присутствовавший на митинге, видя настроение масс, заявил: «Наш долг теперь добиться не только скорейшего утверждения закона о конфискации, но и скорейшего применения этого закона». Делегация, выбранная на митинге, вошла в зал заседаний Народного собрания и вручила не только принятую на этом митинге резолюцию, но и еще 70 резолюций, принятых на других собраниях, состоявшихся в Софии (Отечествен фронт, 1.II 1946).

[200] Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно Събрание. Дял. I, кн. 1, с. 145—156.

ных предприятий) [201]. На основании решений суда в руки государства полностью или частично перешло 10% всех предприятий, зарегистрированных как промышленные, значительная часть из них была связана с переработкой сельскохозяйственного сырья [202].

Подавляющая же часть судебных дел относилась к предприятиям торговой буржуазии, и исполнение приговоров суда привело к существенному ослаблению позиций этой весьма многочисленной и сильной группировки в экономической жизни страны.

Наступление против торгового капитала велось и по другому каналу и было связано с борьбой БРП(к) против оппозиции по вопросу о кооперации. Решительно отвергая ту часть программы оппозиции, которая предусматривала передачу промышленных предприятий в собственность кооперативных организаций и сосредоточение в их руках основных экономических функций, БРП(к) оказывала всякое содействие деятельности кооперативных организаций в сфере обмена между городом и деревней. Здесь позиции кооперативов укреплялись особенно быстро и они являлись одним из основных орудий вытеснения частного капитала из сферы торговли. Если в 1944 г. на кооперативы приходилась $^1/_3$ товарооборота, в 1945 г.—38%, в 1946 г.—50%, то в 1947 г. через кооперацию было закуплено 80% продуктов питания и поставлено деревне 80% промышленных товаров [203]. В области внешней торговли кооперация активно участвовала, тесня частный капитал в экспорте и импорте тех товаров, которые не составляли государственной монополии [204].

Таким образом, принятие и реализация закона о конфискации имущества, приобретенного незаконным путем и спекуляцией, и активная поддержка со стороны государства кооперации фактически привели к тому, что вытеснение частного торгового капитала в Болгарии было

[201] *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие..., с. 173.

[202] Из 422 конфискованных к марту 1947 г. предприятий 124 относились к пищевой промышленности, 24 — к кожевенной (*Исусов М.* Работническата класа..., с. 60).

[203] *Мозеров В. Д.* Экономическая политика..., с. 107—108.

[204] См. подробнее: *Мозеров В. Д.* Экономическая политика..., с. 107—110.

осуществлено до ликвидации позиций капиталистов в области производства, тогда как в других странах «битва за торговлю» разворачивалась на заключительном этапе обобществления производства.

Такая последовательность борьбы за ликвидацию экономических позиций буржуазии в Болгарии объяснялась в значительной степени тем, что БРП(к), определяя направление удара, выбирала в первую очередь те группировки буржуазии, деятельность которых наталкивалась на отпор самого многочисленного класса в стране — крестьянства.

Вытеснение спекулятивно-торгового капитала из экономической жизни страны обусловило возможность относительно длительного сотрудничества «патриотической» буржуазии с государством, ибо здесь с самого начала оказались отрезанными возможности перелива капиталов из сферы производства в сферу торговли.

1946 год стал годом весьма активного наступления революционных сил на частный капитал. Буржуазия вынуждена была в течение этого года сдать несколько своих позиций, особенно после того, как в новом правительстве Отечественного фронта, созданном в марте 1946 г., коммунисты получили портфель министра финансов. В июне 1946 г. был принят закон о страховании, на основе которого была установлена в этой области государственная монополия и национализации подлежало имущество 17 болгарских и иностранных страховых обществ [205].

В это же время по инициативе Министерства финансов Народное собрание приняло ряд специальных постановлений о принудительном выкупе принадлежавших болгарским подданным акций некоторых крупных и экономически важных для государства предприятий [206]. Шло ограничение капиталистической собственности через систему налогов. Осенью 1946 г. вопреки сопротивлению

[205] *Мозеров В. Д.* Экономическая политика..., с. 121.

[206] Например, в мотивировке к закону о выкупе акций двух крупнейших обществ — «Гранитоид» и «Лев» — указывалось: «Государство заинтересовано в общественном и частном строительстве, и это требует участия государства в обеих вышеназванных монополиях. Для реализации этого широкого интереса необходим выкуп акций всех болгарских подданных, с этой целью и предлагается законопроект» (ЦДА на НРБ, ф. 47, оп. 1, а. е. 23, л. 7).

правых группировок «Звена» через Народное собрание прошел закон о прогрессивно-подоходном налоге, который должен был вступить в действие в 1947 г. Его острие было направлено в первую очередь против крупных промышленных и торговых предпринимателей. Он позволял изымать в пользу государства значительную часть прибыли этих категорий [207].

Одновременно совершенствовалась и распространялась на новые звенья хозяйственной жизни система государственного административного и экономического контроля. Еще в июне 1945 г. был создан штат контролеров на предприятиях, подчиненных Министерству промышленности и торговли. В октябре 1946 г. такой штат был введен и на тех предприятиях, которые получали сырье и материалы по нарядам государства. Постановлением Совета Министров от 9 сентября 1946 г. частные предприятия, умышленно не выполнявшие предписаний государственных органов, объявлялись хозяйственно мобилизованными и на них назначался специальный представитель государства, который вместо собственника управлял предприятием [208].

Таким образом, в течение 1946 г. благодаря гибкой политике БРП(к) революционным силам удалось завоевать ряд важных экономических позиций и сосредоточить в руках государства такие рычаги управления хозяйственной жизнью, как административный и финансовый контроль за производством, которые позволяли осуществлять регулирование частнокапиталистического производства в важнейших его звеньях и проводить изъятие значительной части капиталистической прибыли на нужды нового государства. Однако было бы ошибочным считать, что сопротивление со стороны буржуазии и ее политических представителей внутри и вне Отечественного фронта было уже сломлено и открыт прямой путь к национализации промышленности. Попытки коммунистов поставить вопрос в Национальном комитете Отечественного фронта о национализации полезных ископае-

[207] Торговцам, промышленникам и пр. предстояло платить налог в размере 15%, если их годовой доход не превышал 100 000 левов, и 68%, если он превышал 1 500 000 левов (Отечествен фронт, 22.IV 1946).

[208] См.: *Мозеров В. Д.* Экономическая политика..., с. 152—153.

мых не получил поддержки со стороны партнеров по Отечественному фронту [209].

Наступление революционных сил в области экономики было одним из тех факторов, которые к осени 1946 г. обусловили существенную перестановку в соотношении политических сил в Болгарии. Выборы в Великое Народное собрание, состоявшиеся в октябре 1946 г.[210], показали, что поляризация болгарского общества вступила в свою заключительную стадию. Внешне, если сравнить результаты выборов 1945 и 1946 гг., сохранилась в общем-то устойчивая стабильность большинства, активно поддерживавшего политику Отечественного фронта, который и получил 70% всех голосов избирателей. Оппозиция, объединившаяся вокруг БЗНС — Н. Петков, собрала 28,35% голосов, что превысило результаты 1945 г. на 3%.

Основные изменения в соотношении сил нашли свое отражение в перераспределении голосов между партиями правительственной коалиции: подавляющее большинство избирателей (53,6%) отдало голоса БРП(к). БЗНС получил 13,23% голосов, БРСДП — 1,78%, Народный союз «Звено» — 1,65%, радикальная партия — 0,19%[211]. Таким образом, налицо явное ослабление степени влияния этих партий на массы. В политической жизни страны теперь открыто противостояли друг другу две основные силы: коммунисты, опирающиеся на волю рабочего класса страны и получившие поддержку трудовой части болгарской деревни (о чем наглядно свидетельствовали в Великом Народном собрании 278 мандатов из 364), и оппозиция, возглавлявшаяся БЗНС — Н. Петков (имевшая в своих руках 99 мандатов). Ее состав был весьма разнородным. Оппозиция, безусловно, опиралась на зажиточные слои деревни, составлявшие основу правых сил в

[209] БЗНС и Народный союз «Звено» не только не поддержали коммунистов, но и открыто выступили против вторжения государства в право частнокапиталистической собственности, поддерживая аргументы Союза добывающей промышленности, что национализация нарушит ход производства и приведет к сокращению добычи угля и т. д. (ЦДА на НРБ, ф. 28, оп. 1, а. е. 608, л. 39).

[210] Подробно вопросы, связанные с предвыборной борьбой в 1946 г., см.: *Генчев Н.* Изборите за Велико Народно събрание през октомври 1946.— Исторически преглед, 1964, № 2—3, с. 213—229.

[211] *Генчев Н.* Изборите за Велико Народно събрание..., с. 224.

БЗНС. Но ее поддерживала и значительная часть буржуазных элементов: тех, кто ранее делал ставку на политические группировки, находившиеся вне Отечественного фронта, и тех, кто рассчитывал добиться обеспечения своих интересов активным участием во фронте (правые группировки НС «Звено»). Они увидели в ней главную силу, способную воспрепятствовать дальнейшему углублению революционного процесса и социальных преобразований. Наконец, к оппозиции примкнула часть мелкобуржуазных городских слоев, прежде всего мелких предпринимателей, ремесленников, торговцев, которая в значительной мере ориентировалась раньше на такие политические группировки Отечественного фронта, как «Звено» и БРСДП. Их отход от партий Отечественного фронта, по-видимому, являлся результатом реакции на те мероприятия правительства, которые были направлены на определенное ограничение мелкого частного предпринимательства в производстве [212].

Сложившееся после выборов в Великое Народное собрание соотношение сил внутри страны давало все возможности новому правительству Отечественного фронта, во главе которого стал Г. Димитров и где основные позиции занимали коммунисты, перейти к осуществлению социально-экономических преобразований, создававших непосредственные условия для перехода к социализму. Однако, определяя темпы этого процесса, необходимо было иметь в виду влияние такого фактора, как сохранявшаяся неурегулированность международного положения Болгарии, и учитывать возможность сложной борьбы вокруг вопроса о подписании мирного договора. В этих условиях, несмотря на абсолютное преобладание коммунистов в системе политической власти, БРП(к) по-прежнему считала целесообразной тактику постепенного изъятия отдельных ключевых элементов в народном хо-

[212] Бурный рост кустарного производства поглощал огромное количество рабочих рук, и уже в апреле 1946 г. правительство вынуждено было принять специальный закон, направленный на ограничение роста ремесленных мастерских. По этому закону не разрешалось производить открытие новых мастерских и ремесленных предприятий без разрешения властей. Кроме того, был в 1946 г. принят закон, ставивший все частные предприятия, в том числе и ремесленные, под контроль министерства промышленности и ремесел (Държавен вестник, 9.X 1946).

зяйстве из рук буржуазии и, не выдвигая на первый план проблему национализации производства, вести в течение 1947 г. курс на сужение сферы капиталистической собственности.

В течение 1947 г. разворачивается и приобретает широкие масштабы выкуп государством акций отдельных предприятий и банков, особенно тех, где центральные руководящие позиции имел «союзный», английский и французский, капитал [213].

В апреле 1947 г. после весьма длительных и ожесточенных дебатов в Великом Народном собрании был принят закон о введении государственной табачной монополии. Его принятие, с одной стороны, юридически завершало вытеснение торгового капитала как посредника между крестьянином — производителем табака и предпринимателем — владельцем табачной фабрики [214]. С другой стороны, введение табачной государственной монополии означало изъятие из рук частного капитала одной из наиболее доходных и наиболее развитых отраслей промышленного производства [215]. В августе 1947 г. была установлена государственная спиртовая монополия, которая сначала охватила лишь торговлю спиртовыми напитками, а затем постепенно распространилась и на производство [216].

Таким образом, позиции государственного сектора в течение 1947 г. укрепились, и еще до проведения акций по национализации в общественном секторе (куда наря-

[213] Например, после выкупа акций крупнейшего частного — Болгарско-французского банка, 79% его акций перешли в руки государства (см.: *Петков П.* Ликвидиране..., с. 86—87).

[214] С этой точки зрения это было оформление уже сложившейся в 1945—1946 гг. практики заготовок табака. Если урожай табака 1944 г. государство закупало через Болгарский земледельческий кооперативный банк (БЗКБ), табачную кооперацию и через частных предпринимателей — торговцев табаком, то урожай 1945 года был закуплен государством только через БЗКБ и табачную кооперацию (см.: Стенографски дневници на Великото Народно събрание. Дял. I, кн. 2, с. 596).

[215] На основе этого закона прекратили деятельность как частные капиталистические предприятия около 300 перерабатывающих табак фирм и фабрик. В руки государства перешло 237 складов, где производилась первичная обработка табака (см.: *Исусов М.* Работническата класа..., с. 63).

[216] См.: *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие..., с. 173.

ду с государственным включался и кооперативный сектор) было сосредоточено уже 46,9% производимой продукции; в нем было занято почти 39% всех рабочих [217].

Из изложенного видно, что в Болгарии, как и в Венгрии, еще до издания декрета о национализации фактически имела место постепенная национализация отдельных отраслей промышленности.

Различие заключается в том, что если в Венгрии речь шла о национализации нерентабельных отраслей и осуществление этой акции проходило под лозунгами экономического восстановления страны, отвечавшими интересам подавляющего большинства нации, то в Болгарии была проведена национализация наиболее прибыльных и рентабельных отраслей.

Выбор этих отраслей как первоочередных объектов был связан не с чисто экономическими, а, скорее всего, с политическими соображениями: национализация этих отраслей отвечала интересам не только рабочего класса, но и крестьянства.

Меры по ограничению масштабов капиталистической собственности в народном хозяйстве Болгарии в течение 1947 г. продолжали нарастать. Денежная реформа, проведенная правительством Г. Димитрова, носила уже открыто антикапиталистический характер; она привела к тому, что около 70% средств, находившихся в руках частных предпринимателей, были у них изъяты [218]. Денежная реформа сопровождалась также введением бескассовых платежей, что означало на практике сосредоточение всех средств частного капитала в контролируемых государством банках и изъятие недвижимой собственности из обращения.

Все эти меры привели к включению частнокапиталистического сектора в систему государственного руководства и регулирования и обеспечили полное подчинение его развития потребностям нового строя. Национализация и ее формальное осуществление становилось лишь вопро-

[217] *Петков П.* Ликвидиране..., с. 96.

[218] По закону о денежной реформе частные предприятия могли обменять не более 35 тыс. левов из общей суммы наличного капитала; общественный же сектор (государственные и кооперативные предприятия) обменивали имевшиеся у них суммы без ограничений (см.: *Мозеров В. Д.* Экономическая политика..., с. 176—178).

сом времени [219]. Принятие Великим Народным собранием 4 декабря 1947 г. республиканской конституции, где было записано, что «государственная (общенародная) собственность является главной опорой в развитии народного хозяйства» и что частная собственность может быть отчуждена в пользу государства» [220], давало юридическую основу для проведения национализации. К этому времени на основе решений Октябрьского пленума ЦК БРП(к) была разработана конкретная программа экономических преобразований в стране и достигнуто принципиальное соглашение с союзниками по Отечественному фронту. Общая точка зрения была изложена 26 октября 1947 г. в специальной декларации Национального комитета Отечественного фронта, массовых организаций и бюро парламентской группы партий Отечественного фронта о расширении государственного и общественного сектора в экономике страны и о планировании.

23 декабря Великое Народное собрание приняло закон о национализации частнокапиталистических промышленных и горнорудных предприятий. На его основе национализации подлежало 6094 предприятия. Из них относительно крупными, насчитывавшими свыше 50 рабочих, было 490 предприятий, остальные в основной своей массе носили полуремесленный характер [221].

[219] Еще в марте 1947 г. Высший экономический совет внес в ЦК БРП(к) предложение национализировать 360 промышленных предприятий, сосредоточивших около 50% производственных мощностей. Однако Политбюро ЦК в мае 1947 г. отвергло эти предложения и приняло решение о создании специальной комиссии по подготовке общего плана национализации. Комиссия под председательством П. Кунина к лету 1947 г. подготовила проект проведения этой акции. Срок был назначен на осень 1947 г. (см.: *Исусов М.* Работническата класа..., с. 64—65).

[220] Народна Република България. Президиум на Народното събрание. Материали по конституцията на НРБ от 1947 г. Конституционна комисия. Секция «Обществено-стопанско устройство». София, 1947, т. 5, с. 126. Анализ работы этой комиссии показывает, что буржуазные и мелкобуржуазные партнеры по Отечественному фронту, а также включенные в эту комиссию представители оппозиции (К. Лулчев и П. Стоянов) пытались добиться закрепления неприкосновенности частной собственности и включения в этот раздел конституции пункта о гарантии частной собственности и частной инициативы. Однако их попытка не увенчалась успехом (там же, с. 59).

[221] *Симов Б., Благоев Б., Асланян О.* Възстановяване и развитие..., с. 185.

Для успешной реализации этого закона БРП(к) и профсоюзы, опираясь на активность рабочего класса на местах, проделали большую подготовительную работу. Министерство промышленности и ремесел совместно с ЦК ОРПС провело специальную перепись частных предприятий по всем отраслям производства, определив их производственную мощность и выработав конкретные критерии национализируемых объектов, с тем чтобы не допустить экспроприации собственности мелких производителей.

25 декабря Великое Народное собрание установило государственную монополию на банки, которую стал осуществлять Болгарский народный банк и специально созданный инвестиционный банк.

Итак, в Болгарии, так же как в Венгрии и Румынии, ликвидация позиций буржуазии в сфере промышленного производства осуществлялась путем постепенного, поэтапного овладения новым государством отдельными звеньями экономики по мере углубления и развития революционного процесса.

На протяжении 1944—1947 гг. БРП(к) выдвигала и реализовывала такие меры, которые, не выходя формально за рамки общедемократических требований, позволили лишить важнейшие группировки буржуазии их экономических позиций, сконцентрировать управление частнокапиталистическим хозяйством в руках государства и подготовить условия для проведения национализации как акта социалистической революции.

Особенность проведения такого курса в Болгарии заключалась в том, что народно-демократическое государство овладело в первую очередь экономическими позициями тех группировок буржуазии, чье могущество зиждилось прежде всего на эксплуатации широких кругов трудящегося крестьянства.

С политической точки зрения избранный БРП(к) курс, так же как в Венгрии и Румынии, дал возможность объединить вокруг рабочего класса «стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации»[222] и изолировать политические группировки, стремившиеся прервать развитие революции.

[222] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 7, с. 17.

Заключение

Опыт революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, революций второго этапа общего кризиса капитализма, обогатил практику международного рабочего движения и стал важным вкладом в развитие марксистско-ленинской теории революции. Победа нового социалистического строя в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии и других странах этого региона доказала всеобщую значимость основных законов развития революции, впервые реализованных в практике Великого Октября. Выросшие из национально-освободительной борьбы народов против фашизма, революции 40-х годов стали ярким свидетельством того, что главные, основные законы развития мирового революционного процесса, несмотря на изменение условий, всегда сохраняют свою силу и определяют характер и облик всего движения. Опыт революций 40-х годов вместе с тем показал, что формы проявления этих законов, методы их реализации могут быть различными. Они определяются прежде всего спецификой конкретно-исторической обстановки и особенностями развития каждой страны.

Революционная практика рабочего класса стран Центральной и Юго-Восточной Европы и его авангарда — коммунистических и рабочих партий — дала необычайное богатство форм и методов наступления пролетариата на классовые позиции буржуазии, раскрыла новые возможности создания антимонополистического демократического фронта и объединения вокруг рабочего класса большинства нации, подведения его к осознанию необходимости политического разрыва с буржуазией и осуществления коренных социальных перемен в системе производства.

Разнообразие путей подвода масс к решению этих важнейших вопросов революции, ярко проявившееся в странах рассматриваемого региона, свидетельствует о том, что коммунистические и рабочие партии при разработке своей стратегии и тактики, направленной на углубление революционного процесса, на обеспечение непрерывности его развития, на перерастание демократической революции в социалистическую, опирались на тщательный анализ конкретных условий развития региона в целом и особенностей каждой страны.

Оккупация ряда стран фашистской Германией и ее союзниками, захват в этих странах основных экономических позиций германским капиталом, частичный или полный коллаборационизм буржуазии и господствующих классов в одних из этих стран и антидемократическая, антисоветская, а в итоге и антинациональная позиция буржуазии — в других создали, как показывает анализ фактического материала, ту своеобразную ситуацию, при которой социальные преобразования в сфере производства стали выступать как объективная необходимость проведения антифашистских, патриотических национальных акций.

Требования конфискации собственности оккупантов и коллаборационистов, сформулированные в программах антифашистских фронтов Югославии, Албании, Польши и Чехословакии, были приемлемы для самых широких слоев общества оккупированных фашистами стран, в том числе и тех, кто был еще далек от мысли о необходимости полного и окончательного разрыва с буржуазией. Это открывало новые возможности в реализации классовых и политических союзов пролетариата, новые возможности «*для* пробуждения и привлечения к борьбе *всех* классов, кому свобода нужна, кто способен добиваться ее» [1].

Вместе с тем реализация антифашистских требований позволяла сосредоточить в руках нового государства ведущие звенья экономики и лишить буржуазию ее важнейших опорных пунктов в системе хозяйства.

Но патриотический характер такой акции был настолько очевиден, что не позволял буржуазным группировкам, участвующим в антифашистском движении, открыто выступать против требования конфискации

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 350.

собственности оккупантов и коллаборационистов и вносить раскол в ряды объединившихся вокруг рабочего класса патриотических сил.

Такая форма подвода масс к пониманию необходимости ликвидации капиталистической собственности на средства производства в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы обусловила и методы национализации основных средств производства, сделав возможным проведение антикапиталистических, социалистических по своей сути преобразований в форме антифашистской, национальной, патриотической акции. Она была осуществлена блоком демократических сил, объединившихся вокруг рабочего класса и его марксистско-ленинской партии в ходе национально-освободительной борьбы в условиях, когда основные политические группировки прежних господствующих классов из-за антинациональных, антидемократических позиций, занятых ими в силу разных причин, оставались за рамками демократического блока.

Определяющей чертой такого типа национализации было то, что изъятые у буржуазии средства производства сразу же становились собственностью нового государства, которое строилось силами, объединенными в блоке не только против чужеземных захватчиков, но и против «своей» буржуазии, предавшей интересы нации. Из рассмотренного круга стран такая национализация была осуществлена в Югославии и Албании.

К этому же типу следует отнести и национализацию в Польше, где фактическое овладение рабочим классом и его союзниками основными средствами производства произошло в ходе освобождения страны от гитлеровских захватчиков.

Иными путями шло вовлечение масс в революционную борьбу, подведение их к пониманию необходимости осуществления самого решительного разрыва с «унаследованными от прошлого отношениями собственности» [2] в тех странах, где формально не была ликвидирована национальная независимость и включение их в сферу влияния гитлеровского «рейха» было осуществлено на основе «союзнических» отношений. Здесь господствующие классы, в том числе и буржуазия, сохраняли свои экономические позиции, а подчинение хозяйственной жизни

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 4, с. 446.

германскому капиталу не сопровождалось столь резким сужением сферы собственности национальной буржуазии, как в оккупированных странах. Прямой коллаборационизм буржуазии здесь отсутствовал. Поэтому в рамках антифашистской акции в этих странах можно было осуществить лишь незначительное по своим масштабам изъятие капиталистической собственности. Здесь нужна была разработка иной программы социально-экономических преобразований, с иной мотивировкой и иным конкретным содержанием, обеспечивавшим возможность сплочения большинства трудящихся вокруг рабочего класса. Коммунисты Болгарии, Венгрии, Румынии, как показывает анализ программных документов демократических национальных фронтов, сумели связать выдвигаемые ими требования преобразований в сфере производства с необходимостью решения общенациональной задачи восстановления и развития послевоенной экономики, с индустриализацией как мерой избавления от тяжких последствий войны и средством завоевания экономической независимости.

Содержание программ было направлено на ограничение позиций частного капитала в сфере производства и обмена путем установления системы государственного и рабочего контроля в экономике и передачи некоторых отраслей промышленности под управление государства, проведение частичной национализации. Реализация этих мер неизбежно должна была вести к усилению регулирующей роли нового демократического государства, в котором позиции рабочего класса и его последовательных союзников расширялись, и государство неуклонно развивалось в направлении диктатуры пролетариата. Выдвижение такой программы преобразований, не несущей в себе непосредственно требований ликвидации частнокапиталистической собственности, позволяло привлечь на сторону рабочего класса и его партий не только социально близкие группировки, но и более широкие слои общества, убедить их в том, что предлагаемые партиями рабочего класса меры являются единственно возможным выходом из послевоенного кризиса и разрухи, и именно они отвечают интересам большинства нации. Борьба за выполнение этих программ сплотила вокруг рабочего класса широкий круг союзников из рядов крестьянства, мелкой городской буржуазии и средних слоев. Она со-

здала основу для приобретения этими союзниками того политического опыта, который необходим для осознания и принятия социалистических целей и задач борьбы рабочего класса.

Процесс осознания непролетарскими слоями трудящихся необходимости политического и экономического разрыва с буржуазией в конкретной исторической обстановке 40-х годов в значительной степени облегчался тем, что реально существующий социализм доказал свою жизненность и силу, наглядно продемонстрировав превосходство над капитализмом. Советский Союз — главная цитадель социализма — стал крупнейшей международной силой. Идеи социализма все больше овладевали сознанием масс. Такая ситуация сделала возможным переход мелкобуржуазных и реформистских партий с прежних антикоммунистических позиций на путь сотрудничества с коммунистами. Основная масса членов этих партий встала на сторону революции, а правые элементы были изгнаны из их рядов.

Реальный опыт социализма, опыт советских пятилеток, опыт целенаправленного планового развития экономики, превращение отсталой страны в могучую державу, вынесшую на себе основную тяжесть борьбы с фашизмом, оказал влияние и на позиции буржуазии. Она не могла категорически отвергать попытки ограничить ее экономическую власть путем введения планирования и усиления руководящей роли государства в хозяйственной жизни страны. Борьба между буржуазией и пролетариатом в сфере экономики приняла характер не открытого противостояния программы контроля и государственного регулирования, выдвигаемой демократическими силами, и программы неограниченной деятельности частного капитала, а вылилась в борьбу за реализацию двух различных по своему классовому содержанию концепций национализации.

Как показывает анализ фактического материала, конкретные пути воплощения выдвинутого коммунистическими и рабочими партиями Болгарии, Венгрии и Румынии курса на постепенное вытеснение частного капитала из экономической жизни страны и ликвидации позиций буржуазии в системе производства были различны и зависели от особенностей исторического развития и конкретной расстановки сил в каждой из стран.

Выбирая главное звено в цепи социально-экономических преобразований и придавая выдвигаемым требованиям характер общенациональных, коммунисты Венгрии, Румынии и Болгарии исходили в первую очередь из степени политической зрелости массовых союзников рабочего класса: крестьянства, мелкой городской буржуазии и средних слоев, с тем чтобы обеспечить поддержку со стороны этих слоев борьбе рабочего класса.

Два пути подведения масс к необходимости осуществления коренных социально-экономических перемен в системе производства, которые можно выделить, анализируя развитие революционного процесса в 40-х годах в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, безусловно, не существовали изолированно друг от друга.

Революционная практика рабочего класса в отдельных странах говорит о переплетении различных форм наступления рабочего класса на экономические позиции буржуазии. Сочетание двух рассмотренных выше путей особенно наглядно проявилось в Чехословакии. Часть задач по овладению средствами производства была решена под национальными, антифашистскими лозунгами в 1945 г. Рабочий класс, установив контроль над производством, принудил представителей буржуазии в правительстве пойти на передачу государству значительно бо́льших позиций в экономике страны, чем предполагалось в Кошицкой программе, и осуществить широкую демократическую национализацию. В ходе ее была разгромлена финансово-монополистическая олигархия, ликвидированы опорные пункты иностранного капитала в народном хозяйстве страны и создан плацдарм для дальнейшего наступления революционных сил и решения основной задачи пролетариата — завоевания политической власти. В 1946—1947 гг. борьба за дальнейшее расширение позиций государственного сектора народного хозяйства и ограничение позиций частного капитала шла главным образом в формах весьма близких к тем, которые характерны для рассмотренного выше второго типа, и завершилась она лишь после февральской победы чехословацкого пролетариата в 1948 г.

При всех конкретных различиях наиболее характерной чертой стратегии коммунистов в борьбе за национализацию было то, что она базировалась на союзе рабочего класса с мелкобуржуазными слоями общества. Стремление достичь этого союза, с тем чтобы, опираясь на него,

подорвать позиции крупного, прежде всего монополистического, капитала и подвести массы к пониманию объективной необходимости дальнейшего углубления преобразований и ликвидации частнокапиталистической собственности на средства производства проходит красной нитью через всю деятельность коммунистических и рабочих партий.

Революционная практика авангарда рабочего класса — коммунистических и рабочих партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы — подтвердила реальность и всеобщую значимость ленинской концепции социально-экономических преобразований переходного периода. Она наглядно показала ее актуальность и жизненность в середине XX в. и явилась конкретным доказательством возможности в условиях углубляющегося общего кризиса капитализма подведения широких народных масс к осуществлению коренных социально-экономических преобразований под демократическими, антимонополистическими лозунгами, показав теснейшее в современных условиях переплетение демократических и социалистических задач в революционном движении.

Деятельность коммунистических и рабочих партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы за сплочение большинства трудящихся в ходе борьбы рабочего класса за овладение основными средствами производства подтверждает один из важнейших законов социалистической революции: «Победа социализма возможна, если рабочий класс и его авангард — коммунисты сумеют воодушевить, сплотить трудящиеся массы в борьбе за построение нового общества, преобразование на социалистических началах экономики и всех общественных отношений» [3].

[3] *Брежнев Л. И.* Великий Октябрь и прогресс человечества. М.: Политиздат, 1977, с. 18.

Оглавление

Введение 3

Глава I. **Установление гегемонии рабочего класса в национально-освободительной борьбе народов Югославии, Албании, Польши, Чехословакии и проблемы обобществления основных средств производства в программах антифашистских фронтов** 37

1. Предательство национальных интересов буржуазией Югославии и Албании и вопрос о судьбе ее собственности в программах народно-освободительных фронтов 38
2. Поляризация сил в польском движении Сопротивления и экономические аспекты программных документов ППР и ПКНО 49
3. Объединение антифашистских сил в Чехословакии и вопросы социально-экономических преобразований в Кошицкой программе 69

Глава II. **Борьба коммунистов Венгрии, Румынии и Болгарии за союз рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся в ходе революции и вопрос о капиталистической собственности в программах национальных фронтов** 93

1. Ориентация ВКП на создание демократического, антимонополистического блока и экономические аспекты программы Венгерского национального фронта независимости 98
2. Курс румынских коммунистов на раскол буржуазного лагеря и социально-экономические требования в программе Национально-демократического фронта Румынии 117
3. Борьба БРП(к) за сплочение большинства нации вокруг рабочего класса и вопросы послевоенных экономических реформ в программе правительства Отечественного фронта 133

Глава III. **Формирование государственного сектора экономики в процессе развития революции и реализации национальных и демократических требований антифашистских фронтов Югославии, Албании, Польши и Чехословакии** 147

1. Ликвидация экономических позиций буржуазии и обобществление основных средств производства в Югославии и Албании 147

2. Становление государственного сектора в промышленности Польши. Борьба рабочего класса за принятие закона о национализации 162
3. Национализация 1945 г. в Чехословакии, ее масштабы и социальное содержание 187
4. Борьба рабочего класса Чехословакии за углубление социально-экономических преобразований, за социалистическую национализацию промышленности 207

Глава IV. Развитие революционного процесса и борьба рабочего класса Венгрии, Румынии и Болгарии за коренные социальные преобразования в промышленности 221

1. Сплочение вокруг рабочего класса и ВКП блока левых сил ВНФН и наступление на экономические позиции буржуазии (1945—1948) 221
2. Установление государственного контроля над промышленным производством в 1945—1947 гг. в Румынии. Социалистическая национализация в 1948 г. 254
3. Реализация экономической программы правительства Отечественного фронта в 1945—1947 гг. и ликвидация позиций буржуазии в промышленности Болгарии 283

Заключение 312

Галина Павловна Мурашко

БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА
за национализацию промышленности

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства Г. В. Шелудько. Художник А. Н. Шаев
Художественный редактор И. В. Разина
Технические редакторы Р. М. Денисова, Т. А. Прусакова
Корректоры Р. С. Алимова, Т. Д. Хорькова

ИБ № 15291

Сдано в набор 6.02.79 Подписано к печати 27.04.79 Т-01733.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 18,1. Тираж 1400 экз.
Тип. зак. 1556 Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
27	10 св.	Подробные	Подобные
107	10 сн.	комитетах	комитатах
218	21 сн.	документ	приводится документ
249	1 св.	в оппозиции в	в оппозиции к
258	15 сн.	производственной	произведенной
269	12 св.	предоставленное	представленное

Заказ № 1556

Г. П. Мурашко

БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА

за национализацию промышленности

Установление гегемонии рабочего класса в национально-освободительной борьбе народов Югославии, Албании, Польши, Чехословакии и проблема обобществления основных средств производства в программах антифашистских фронтов.

Борьба коммунистов Венгрии, Румынии и Болгарии за союз рабочего класса с непролетарскими слоями трудящихся в ходе революции и вопрос о частной капиталистической собственности в программах национальных фронтов.

Формирование государственного сектора экономики в процессе развития революции и реализации требований антифашистских фронтов Югославии, Албании, Польши и Чехословакии.

Развитие революционного процесса и борьба рабочего класса Венгрии, Румынии и Болгарии за коренные социальные преобразования в промышленности.

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

2 р. 20 к.

Г. П. Мурашко
БОРЬБА РАБОЧЕГО КЛАССА
за национализацию промышленности